

Robert Kindler

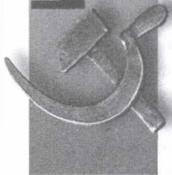

STALINS NOMADEN

HERRSCHAFT UND HUNGER IN KASACHSTAN

Hamburger Edition
Hamburg
2014

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

РОБЕРТ КИНДЛЕР

СТАЛИНСКИЕ КОЧЕВНИКИ

ВЛАСТЬ И ГОЛОД В КАЗАХСТАНЕ

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

К41

*Перевод и издание подготовлены
при финансовой поддержке Fritz-Thyssen-Stiftung
и Hamburger Stiftung zur Förderung von Wissenschaft und Kultur*

**Еврейский
музей**
и центр толерантности

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Еврейского музея и Центра толерантности*

Редационный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Helène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Киндлер Р.

К41 Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане /
Роберт Киндлер ; [пер. с нем. Л. Ю. Пантиной]. – М. : Полити-
ческая энциклопедия, 2017. – 382 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2186-9

Книга немецкого историка Р. Киндлера посвящена истории советского Казахстана конца 1920-х – начала 1930-х гг. Автор, привлекая обширную источниковую базу, рассматривает политику советской власти в Казахстане, кампанию перевода кочевников на оседлость, коллективизацию, страшный голод 1931–1933 гг., его причины и последствия.

Книга предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся историей СССР и Казахстана первой половины XX века.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2186-9

© Hamburger Edition HIS Verlagsges.
mbH, Hamburg, Germany, 2014

© Пантина Л. Ю., перевод на русский язык,
2017

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Политическая энциклопедия», 2017

СЕРТИФИКАТ

СЕРТИФИКАТ
№ 1234567890
Выдан в соответствии с требованиями
ГОСТ Р 51069-2003
на продукцию, соответствующую
техническим условиям
ТУ 167-001-2003
в объеме 1000 штук
Итого: 1000 штук

СЕРТИФИКАТ
№ 1234567890
Выдан в соответствии с требованиями
ГОСТ Р 51069-2003
на продукцию, соответствующую
техническим условиям
ТУ 167-001-2003
в объеме 1000 штук
Итого: 1000 штук

ВВЕДЕНИЕ

Заместитель председателя Уш-Тюбинского сельсовета Сулиμβетов больше не владел ситуацией. Когда его спрашивали о числе умерших от голода, он отвечал: «Вот стает снег, тогда увидим, сколько мертвых». Всего за два дня он зарегистрировал более 30 мертвецов, найденных на местной железнодорожной станции. В поселке повсюду лежали трупы. В феврале 1933 г. хоронить их не осталось никакой возможности. Уличные канавы, ямы и овраги были переполнены. Снег кое-как прикрыл эти временные массовые могилы. Бездыханные тела усеивали ведущие к поселку дороги. У некоторых птицы уже выклевали глаза¹.

Везде наблюдалась такая же картина, как в Уш-Тюбе. Люди зимой 1932–1933 гг. умирали толпами в результате страшного голода, который в 1931–1934 гг. охватил весь Казахстан². В то время погибло около полутора миллионов человек – свыше трети казахов (или четверть всего населения республики)³. Большинство скончалось от

---

¹ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 29 об. (доклад Евграфкина Каруцкому, 25 февраля 1933 г.).

² Под «Казахстаном» имеется в виду Киргизская АССР в 1920–1925 гг., Казахская АССР (КАССР) до 1936 г. и Казахская ССР (КССР) с 1936 г. Общий обзор его политической истории см.: Olcott M. B. *The Kazakhs*. Stanford, 1988.

³ О масштабах голода и пр. см.: Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К. *Казахстанская трагедия // Вопросы истории*. 1989. № 7. С. 53–71; Pianciola N. *Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe*. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192; Idem. *Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936)*. Roma, 2009; Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945*. Paris, 2006; *Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.: Сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева*. Алма-Ата, 1998; Cameron S. *The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934*: Ph. D. diss. Yale University, 2010; Михайлов В. *Хроника великого джута: Документальная повесть*. Алма-Ата, 1996.

голода и эпидемий, других расстреляли, убили. Сотни тысяч стали беженцами, нищими или бандитами. Социальные сети стремительно рассыпались. Экономика степи рухнула, поскольку скот, принадлежавший казахам-кочевникам, пал или был конфискован. На пике голода Казахстан превратился в огромную зону смерти. Радикальная политика большевиков привела казахов не на «путь к социализму»⁴, а на дорогу к катастрофе.

Описанные события – элемент страшной картины голода, поразившего в начале 1930-х гг. обширные области Советского Союза, главным образом Украину, Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан⁵. При этом ни в одном регионе людские потери не составили такого большого процента от общей численности населения, как в Казахстане⁶. Как же дело дошло до столь беспрецедентного опустошения? Какие социальные процессы привели к голоду? Как учреждения советского государства и пострадавшее население пытались справиться с катастрофой? Какие последствия голод имел для казахского общества? Это лишь некоторые из вопросов, затронутых в предлагаемой истории голода и власти в Казахстане.

Голод был неразрывно связан с самым масштабным общественно-политическим экспериментом большевиков в Средней Азии – переводом казахских кочевников на оседлое положение. До середины 1930-х гг. он представлял собой главную установку советского модернизационного проекта в Казахстане. Из «отсталых» кочевников надлежало сделать «современных» (и прежде всего послушных) подданных. Голод и «оседание» являлись двумя сторонами одной медали и взаимно обуславливали друг друга: продовольственный кризис превратился

---

⁴ Слова партийного босса Казахстана Ф. И. Голощекина, цит. по: Baberowski J. *Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus*. München, 2003. S. 686.

⁵ Ивницкий Н. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.

⁶ О дебатах по поводу числа жертв см., напр.: Mark R. A. *Die Hungersnot in Kazachstan. Historiographische Aufarbeitung im Wandel* // *Osteuropa*. 2004. Jg. 54. N. 12. S. 112–130; Алексеенко А. Н. Население Казахстана в 1926–1939 гг. // *Компьютер и историческая демография* / под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул, 2000. С. 9–26; Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // *Cahiers du Monde Russe*. 1999. Vol. 40. No. 4. С. 770. О судьбе европейского населения Казахстана см.: Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах. С. 774; Осокина Е. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 18–26.

в катастрофический голод вследствие принудительного оседания, а из-за голода большинство казахов окончательно стали оседлыми.

Какие адаптационные стратегии выработывало население в борьбе с перманентным кризисом? До сих пор практически никто не исследовал, как организовывались казахи в условиях голода и что это означало для общества по окончании чрезвычайной ситуации. Сети выживания, сложившиеся в голодные годы, сохранились надолго и после катастрофы и лишь частично совпадали с казахскими кланами, доминировавшими в социальных структурах раньше. На их место пришли колхоз, бригада и другие коллективы, внутри которых производились, а главное, распределялись жизненно необходимые ресурсы. Теперь люди зависели от институтов советского государства. Лишения, вызванные голодом, позволили большевикам реализовать свои притязания на власть и создать то общество зависимых, к которому они стремились, когда начали коллективизацию. Советизация была осуществлена с помощью голода.

Советский Союз при Сталине зиждился в основном на беспорядке, нестабильности и постоянно повторяющихся эксцессах насилия⁷. В особенности попытки утверждения власти и государственного строительства, осуществлявшиеся в ходе кампаний коллективизации, были равносильны созданию чрезвычайных социальных ситуаций и общественных кризисов. То, в чем население видело драматичные потрясения, люди из окружения Сталина расценивали как эффективную стратегию властвования. Они правили в режиме непрекращающейся эскалации. Кризисы служили им одновременно стимулом и целью. На примере Казахстана в межвоенный период здесь будет показано, почему так вышло и что случилось, когда в начале 1930-х гг. коммунисты на время, казалось, утратили контроль над запущенными ими процессами. Взаимосвязанные кампании коллективизации сельского хозяйства и перевода казахов-кочевников на оседлое положение ввергли регион в хаос массового бегства, гражданской войны и беспрецедентного голода. Эскалация поставила местное общество на грань уничтожения. Но притом этот кризис обусловил прочность большевистской власти. Таким образом, трагедия казахских кочевников помогает понять механизм осуществления власти на периферии (и не только) сталинского СССР: предъявление обществу все новых и чрезмерных требований.

---

⁷ Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012. S. 13 ff.; Berg Н. Террор и беспорядок: Сталинизм как система. М., 2010. С. 153 и сл.

Перевод на оседлость и реализация власти

Современность (советская)⁸ не предусматривала места для кочевников-скотоводов. В силу своей мобильности они и в прямом, и в переносном смысле избегали любых попыток административной унификации. Бродя по степи со своей животиной, казахи осложняли государству претворение в жизнь его обширных притязаний, поскольку бросали вызов основополагающим принципам современной государственности⁹. Если большевики хотели властвовать не номинально, а реально, им следовало подчинить себе коренное население. Власть может реализоваться лишь там, где указания сверху не пропускаются мимо ушей, где существует «вероятность встретить повиновение приказам определенного содержания в установленном кругу лиц»¹⁰. Трудно вообразить такую вероятность среди людей, которые то и дело меняют место пребывания и вдобавок водят с собой «средства производства». Кочевники не поддавались ни эффективному налогообложению, ни надзору. Именно они, будучи скотовладельцами, контролировали экономические ресурсы степи. Нельзя было даже помешать им пересекать госграницу когда вздумается, нарушая тем самым целостность советской государственной территории¹¹. Кочевники обладали структурной способностью препятствовать установлению государственной монополии на применение силы¹². Один советский функционер так обрисовал связанную с этим проблему: «Наши взаимоотношения с крестьянством заключались в том, чтобы брать много, давать мало. Если нажим в отношении оседлого населения возможен, то в отношении кочевников – нет.

⁸ Дебаты о подлинно «коммунистической» современности см.: David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism. On Recent Debates in Russian and Soviet History // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. Jg. 54. H. 4. S. 535–555; Arnason J. P. Communism and Modernity // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 61–90.

⁹ Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Madison, 1994. P. 212 ff.

¹⁰ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Grundriß der verstehenden Soziologie. Tübingen, 1972. S. 122.

¹¹ В общем см.: Gammer M. *Russia and Eurasian Steppe Nomads. An Overview* // *Mongols, Turks, and Others* / ed. R. Amitai, M. Biran. Leiden, 2005. P. 483–502. О положении в Казахстане: Соколовский В. Г. Казакский аул. К вопросу о методах его изучения государственной статистикой на основе решений V-й Всеказакской Партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП(б). Ташкент, 1926.

¹² Reinhard W. *Geschichte des modernen Staates*. München, 2007. S. 12 ff.

Они откочуют...»¹³ В подобных условиях о «диктатуре пролетариата» не могло идти речи. Еще и поэтому кочевникам належало стать оседлыми.

Джеймс Скотт однажды назвал перевод на оседлое положение попыткой государства обеспечить сбор налогов, рекрутирование солдат и поддержание стабильности. Это, в свою очередь, являлось решающей предпосылкой для реализации самых разных «суперсовременных» идеологий, сходящихся в главном – желании радикально изменить общество, упрощая сложные взаимосвязи в нем и сводя их к просчитываемым количественным переменным. Там, где подобные методы брали на вооружение авторитарное руководство, а общество оказывалось не в состоянии противостоять крутым переменам, возникала вероятность катастрофического развития событий¹⁴. «Оседание» казахских кочевников укладывается в рамки этого анализа: большевики были убеждены, что, пока казахи сохраняют кочевой образ жизни, сломать устоявшиеся среди коренного населения иерархии не удастся. Но путь от абстрактных убеждений к оседлости получился долгим, тяжелым и стоил огромных жертв.

Поначалу советская власть пыталась воздействовать на обстановку в кочевых аулах, сочетая просветительные кампании, инвестиции и некоторые принудительные меры¹⁵. Но, когда большевики в ходе «революции сверху» пришли к решению привязать кочевников к земле, они уничтожили не только культуру последних. Конец кочевой мобильности означал для них, помимо экономической катастрофы, распад социальных связей и сетей, которые также (и прежде всего) поддерживались благодаря постоянной миграции¹⁶. Правда, как будет показано в данной работе, губительные последствия коллективизации и перевода на оседлое положение объясняются не только атаками со стороны чрезвычайно идеологизированного государства; к чудовищному голоду привели в том числе досовременные практики, которыми пользовались различные акторы, отстаивая собственные интересы в степи.

---

¹³ Цит. по: Мухамедина Ш. Экономическая политика советской власти в казахстанском регионе, 1917–1926 // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 128.

¹⁴ Scott J. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, 1998. P. 2 ff.

¹⁵ Общий обзор см.: Gumpfenberg M.-C., von. Staats- und Nationsbildung in Kazachstan. Opladen, 2002. S. 48 ff.

¹⁶ Salzman P. C. Pastoralists. Equality, Hierarchy, and the State. Boulder, 2004. P. 122. Общий обзор см.: Idem. Introduction: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response // Salzman P. C. When Nomads Settle. Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. New York, 1980. P. 1–19.

До сих пор в большинстве исследований более или менее прямо высказывалось мнение, что самое позднее к 1935 г. было достигнуто практически сплошное «оседание»¹⁷, не в последнюю очередь ввиду резкого сокращения поголовья скота, не позволявшего отныне сколько-нибудь значительных миграций. Кочевничество действительно так и не оправилось от разорения времен сталинской «революции сверху». Тем не менее, хотя в большинстве своем казахи стали оседлыми, в некоторых краях оно пережило заметный ренессанс. Ниже будет показано, что при раздумьях о том, как справиться с голодом, экономические соображения неизменно брали верх над идеологическими предпочтениями и даже интересами населения. Поэтому оседлость кочевников утратила былое значение. С середины 1930-х гг. она перестала быть главной целью советской политики, так как восторжествовала точка зрения, что лишь кочевые методы подходят для широкомасштабного развития скотоводства в степи. Теперь большевики строили планы на том, с чем раньше боролись.

До начала 1930-х гг. монополия государства на силу в этнически, культурно и социально гетерогенном обществе Казахстана представляла собой всего лишь затверженный вымысел. В степи доминировали иные (силовые) сегменты¹⁸, и их представители готовы были подчиняться требованиям коммунистов с большими оговорками; кроме того, внутри многонационального общества Казахстана разные группы конкурировали между собой. Коллективизация и перевод на оседлость давали этим акторам удобные возможности реализовать собственные интересы. Эксцессы кампании коллективизации и последовавшей гражданской войны можно понять лишь в том случае, если отринуть мысль, будто каждый, кто носил в кармане партбилет или работал в советском аппарате, выступал «прилежным исполнителем»¹⁹ приказов и директив. Как раз в Казахстане верность многих товарищей делу большевиков выглядела крайне сомнительной: с одной стороны, партия раскололась по этническому признаку, с другой стороны, соперничающие казахские кланы нередко пользо-

---

¹⁷ Жданко Т. А. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане // Советская этнография. 1967. № 4. С. 5; Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. P. 327 ff.

¹⁸ Об этом понятии см.: Riekenberg M. Gewaltsegmente. Über einen Ausschnitt der Gewalt in Lateinamerika. Leipzig, 2003.

¹⁹ Термин Гольдхагена, см.: Goldhagen D. J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1998.

вались для разрешения своих конфликтов советскими институтами²⁰. Десятки тысяч казахов при посредстве многообразных и прочных структур и связей влились в административный и силовой аппарат. Перед кем чувствовали ответственность эти люди – перед советским государством или местным обществом, откуда они вышли, – нельзя определить в принципе. Поэтому мнение, будто коммунисты всегда защищали интересы государства, не менее наивно, чем утверждение, что казахи в партии всегда действовали как тайные агенты своих кланов и персональных сетей²¹. Обе сферы зачастую вообще оказывались неотделимы друг от друга.

В противоположность другим работам, посвященным переводу на оседлость и коллективизации в Казахстане, здесь под насилием понимается не только террор государства или сопротивление населения²², но имеющийся в распоряжении каждого ресурс действий, с помощью которого разные акторы пытались установить свои порядки²³. Будет показано, что конфликты, порожденные кампанией коллективизации, нельзя охарактеризовать как дихотомичное противостояние между «государством» и «населением». Вести речь о войне «государства против своего народа»²⁴ можно лишь с оговорками – не в последнюю очередь потому, что за пределами нескольких крупных центров чаще всего не существовало государства, способного вести войну. В казахской степи, в частности, для большевистской власти был характерен вопиющий недостаток общепризнанных структур современной государственности. Эта слабость сталинской мобилизационной диктатуры вела к эскалации насилия всюду, где большевики хотели сделать свою волю авторитетной²⁵.

Несомненно, в первую очередь сам Сталин форсировал применение силы и требовал от подчиненных все более радикальных мер.

---

²⁰ Blank S. *Ethnic and Party Politics in Soviet Kazakstan, 1920–1924* // *Central Asian Survey*. 1991. Vol. 10. No. 3. P. 1–19; Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009.

²¹ Об отношениях кланов и советской власти см.: Schatz E. *Modern Clan Politics. The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle, 2004. P. 21–71.

²² Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin*; Cameron S. *The Hungry Steppe*; Pianciola N. *Famine in the Steppe*.

²³ См.: Popitz H. *Phänomene der Macht*. Tübingen, 1992. S. 50. Такой контекст обозначается также как «зоны насилия», ср.: Schnell F. *Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933*. Hamburg, 2012. S. 537 ff.

²⁴ Werth N. *Ein Staat gegen sein Volk. Das Schwarzbuch des Kommunismus. Sowjetunion*. München, 2002.

²⁵ О Советском Союзе в целом см.: Baberowski J. *Verbrannte Erde*.

Коммунистические функционеры на всех уровнях прибегали к физическому принуждению, добиваясь реализации как государственных, так и частных интересов. Но почему? Предлагаемый здесь ответ гласит: большевики верили в силу кризиса. Поэтому они неустанно создавали и инсценировали разногласия и борьбу между классами, народами, кланами, партийцами. И поэтому то и дело объявляли целые коллективы и отдельных лиц противниками и врагами. Даже перед самими собой убежденные коммунисты (и те, кто хотел считаться таковыми) не могли остановиться, испытывая собственную душу и уличая друг друга в ошибках в ходе публичных ритуалов²⁶.

Не стоит, однако, представлять большевиков исключительно фанатичными искателями однозначности²⁷. Столпами их системы служили, скорее, террор и «беспорядок»²⁸. Приводя в движение все общество или отдельные его сегменты, они укрепляли свою власть и заставляли людей принимать решения и занимать определенную позицию. В кризисные времена выявлялись и позволяли отличить себя друг от друга друзья и враги, правда и ложь. Поэтому не только социальная перестройка советского государства базировалась на структурном установлении разницы, но и центральное управление экономикой следовало данному принципу. История противоречий между грандиозными планами и реальными достижениями не сводится к рассказу о провалах и всеобщем дефиците. Непреодолимая пропасть между планом и действительностью являлась, по всей видимости, неотъемлемой составной частью советской политики. С точки зрения Сталина, это было рационально, поскольку позволяло науськивать различные учреждения друг на друга и, таким образом, держать их под контролем²⁹.

Большевики снова и снова на собственном опыте убеждались, что эскалация ситуации помогает им в конечном счете разрешить ее к своей выгоде, хотя изначально поражение казалось вероятнее³⁰.

---

²⁶ Halfin I. *Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, 2007; Erren L. «Selbstkritik» und Schuldbekentnis. *Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953)*. München, 2008; Hellbeck J. *Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass., 2006.

²⁷ Baberowski J. *Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der frühen Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Jg. 47. S. 482–504.

²⁸ См., напр.: Верт Н. *Террор и беспорядок*. С. 153–154.

²⁹ См., напр.: Gregory P. R., Markevich A. *Creating Soviet Industry. The House That Stalin Built // Slavic Review*. 2002. Vol. 61. No. 4. P. 813.

³⁰ Питер Холквист доказал, что большевики и сами были продуктом затяжного кризиса, которому сопутствовал опыт чрезвычайного насилия. См.:

Так получилось в октябре 1917 г., когда партия осмелилась на переворот, так действовали командиры Красной армии в гражданскую войну³¹, с такой же установкой в конце 1920-х гг. большевики приступили к своему величайшему на тот момент проекту – коллективизации сельского хозяйства³². Они знали, что решительное применение террора и физического насилия позволяет одолеть на первый взгляд неодолимые препятствия и достичь даже очень далеких целей³³. Не сказать, чтобы сопряженные с подобными методами гибель миллионов людей, колоссальные затраты и уничтожение гигантских ресурсов совсем не трогали коммунистов, но в любом случае играли в их расчетах второстепенную роль³⁴. Они посягали на самые основы крестьянского и кочевого общества Казахстана, а потому, не довольствуясь реквизицией хлеба и скота, преследованием «кулаков» и родовых старейшин и принуждением людей к вступлению в колхозы, старались сделать преимущественно кочевое степное население оседлым. Перевод казахов-кочевников на оседлое положение не являлся программой эмансипации «угнетенного» народа и не имел целью создание «нового человека»; в конечном счете он служил главным образом для утверждения власти большевиков и якобы более эффективной эксплуатации экономических ресурсов степи.

Голод

О голоде 1932–1933 гг. в СССР написано много³⁵. При этом историков интересовали в первую очередь социальные, политические, экономические причины голода и его демографические по-

---

Holquist P. *Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–1921* // *Kritika*. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 627–652.

³¹ См.: Swain G. *Trotsky and the Russian Civil War* // *Reinterpreting the Russian Revolution. Essays in Honor of James D. White* / ed. I. D. Thatcher. Basingstoke, 2006. P. 86–104; Figes O. *Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution, 1891–1924*. Berlin, 1998. S. 623 ff.

³² Viola L. *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York, 1996; Idem. *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlers*. Oxford, 2007.

³³ Beyrau D. *Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen Krieg»* // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. No. 1. S. 96–123.

³⁴ См. в основном: Jakowlew A. *Ein Jahrhundert der Gewalt in Sowjetrussland*. Berlin, 2004.

³⁵ Главной отправной точкой все еще служит книга Конквеста: Conquest R. *Ernte des Todes. Stalins Holocaust in der Ukraine, 1929–1933*. Berlin, 1990.

следствия³⁶. Очень редко они касались того, что происходит с голодающими людьми, как они ведут себя перед лицом грозящей смерти и что это вообще такое – пережить голод³⁷. Преобладает картина населения, раздавленного обрушившейся на него катастрофой и не знающего, что ей противопоставить. Люди выглядят безликими и, главное, безынициативными пассивными жертвами³⁸. Исследования голода по большей части создают впечатление, будто голодающие превращались в совершенно бездействующий объект, никак не способный повлиять на предопределенный «свыше» ход событий³⁹. Тема зачастую эгоистичного, а порой просто асоциального поведения людей, столкнувшихся с голодом, почти не рассматривается⁴⁰. Вместо этого, в частности, в постсоветской историографии культивируется миф о солидарных сообществах крестьян и кочевников, которые вместе пытались справиться с кризисом и погибли всем коллективом⁴¹.

В отличие от природных катастроф типа землетрясения или извержения вулкана, внезапно и с неодолимой мощью в корне меняющих ситуацию, голод обычно входит в жизнь людей довольно-таки постепенно⁴². Ему требуется некий «инкубационный период», прежде чем развернуться во всей красе. Люди видят грядущую беду и могут попробовать спастись от нее, остается ли у них на это несколько дней (пока продотряды не вывезут весь хлеб до последнего зернышка) или положение ухудшается в течение недель и месяцев (в случае неурожая из-за плохой погоды). Вдобавок они в буквальном смысле собственным нутром чувствуют, что значит недоедание. Последствия длительного недоедания носят не только физиологический характер, они меняют и поведение челове-

---

³⁶ Обзор исследований см.: Аяган Б. Г. и др. Правда о голоде 1932–1933 годов. Алма-Ата, 2012. С. 155–185.

³⁷ В отличие от этнологов и социологов. См.: Turnbull C. *Das Volk ohne Liebe. Der soziale Untergang der Ik*. Hamburg, 1973; Spittler G. *Handeln in einer Hungerkrise. Tuaregnomaden und die große Dürre von 1984*. Opladen, 1989.

³⁸ Попытку дифференцированного подхода см.: Wemheuer F. *Der Große Hunger. Hungersnöte unter Stalin und Mao*. Berlin, 2012. S. 17–23.

³⁹ См. литературу об украинском «голодоморе», напр.: *Vernichtung durch Hunger // Osteuropa*. 2004. Jg. 54. N. 12.

⁴⁰ Резкие различия в подходе заметны при взгляде на работы по голоду в Африке, с более разносторонней аргументацией. См., напр.: Keen D. *The Benefits of Famine. A Political Economy of Famine and Relief in Southwestern Sudan, 1983–1989*. Oxford, 2008; De Waal A. *Famine That Kills. Darfur, Sudan, 1984–1985*. Oxford, 1989.

⁴¹ Аяган Б. Г. и др. Правда о голоде 1932–1933 годов. С. 152.

⁴² См.: Ó Gráda C. *Famine. A Short History*. Princeton, 2009.

ка⁴³. Поэтому, в том числе, часто «голодный кризис»⁴⁴ становится для его жертв суровой реальностью прежде, чем сторонние наблюдатели и учреждения начинают говорить о голоде после первых голодных обмороков или смертей⁴⁵. Членам привилегированных групп всегда удастся обеспечить себе доступ к продуктам питания и другим ресурсам; чрезвычайно редко голод бывает вызван полным отсутствием еды⁴⁶. Амартья Сен показал, что голод зачастую наступает, когда определенные группы населения лишаются возможностей доступа к продовольствию, когда по каким-либо причинам перестает функционировать механизм распределения ресурсов, которые, собственно, имеются в достатке. Сен назвал такую ситуацию «сокращением прав на пропитание» (food entitlement decline)⁴⁷.

В работах, посвященных уязвимости социальных систем, указывается, что последователи теории Сена, сосредоточившись на экономических предпосылках голода, упускают из виду другие факторы, например климатические условия или социальные сдвиги. А голод возникает вследствие сложного взаимодействия политических, экономических, климатических и социальных факторов, которые и делают то или иное общество беззащитным перед ним⁴⁸. Вместе с тем остается неясным, какими стратегиями преодоления кризиса располагает пострадавшее население, добавляют, в свою очередь, критики исследований уязвимости⁴⁹. Рассуждения о «катастрофе» и мнимом «фатализме» голодающих мешают увидеть рациональные черты человеческого поведения в столь чрезвычайной ситуации. Люди не являются

---

⁴³ О физиологии голода см.: Butterfly J. R., Shepherd J. Hunger. The Biology and Politics of Starvation. Hanover, NH, 2010. P. 77–95, 189–225.

⁴⁴ Разграничение понятий «голодный кризис» и «голод» см.: Spittler G. Handeln in einer Hungerkrise. S. 22 f.

⁴⁵ Devereux S. Theories of Famine. New York, 1993. P. 16.

⁴⁶ Collet D. «Vulnerabilität» als Brückenkonzept der Hungerforschung // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 13.

⁴⁷ Его аргументацию в целом см.: Sen A. Ingredients of Famine Analysis, Availability and Entitlements // The Quarterly Journal of Economics. 1981. Vol. 96. No. 3. P. 433–464.

⁴⁸ Систематическое изложение концепции см.: Watts M. J., Bohle H. G. Hunger, Famine, and the Space of Vulnerability // GeoJournal. 1993. Vol. 30. No. 2. P. 117–125; Collet D. «Vulnerabilität» als Brückenkonzept der Hungerforschung.

⁴⁹ Voss M. The Vulnerable Can't Speak. An Integrative Vulnerability Approach to Disaster and Climate Change Research // Behemoth. A Journal on Civilization. 2008. Vol. 1. No. 3. P. 39–59.

исключительно жертвами, они вырабатывают стратегии борьбы с кризисом⁵⁰. Другое дело, что те могут быть неадекватными или потерпеть сокрушительный провал. Это случается, как показал Герд Шпиттлер, когда кризис принимает такие формы, что привычный арсенал стратегий выживания перед ним бессилён⁵¹. Следовательно, социальные и экономические потери при экстремальных событиях наподобие голода имеют прямую связь со способностью к приспособлению и защитными механизмами затронутых этими событиями сообществ⁵².

В том-то и заключалась одна из проблем, с которыми пришлось бороться казахам. К началу коллективизации кочевники уже не располагали такими же механизмами преодоления кризисов, как всего несколько десятков лет назад. Их миграционные коридоры уменьшились, а зависимость от оседлых групп населения, наоборот, возросла. Значительная доля населения обеднела. Вдобавок сильное сокращение поголовья скота вследствие природных катаклизмов (засухи 1927 г. и жесточайших морозов в конце зимы 1928 г. – «джута») и потери урожая 1931 г., по крайней мере отчасти вызванные неблагоприятными погодными условиями, поставили всех казахов вообще в более опасное и уязвимое положение⁵³. Однако голод наступил не из-за неурожая и плохой погоды⁵⁴.

Голод начала 1930-х гг. приобрел столь катастрофические масштабы потому, что большевики не отказались от реквизиций, даже когда стало ясно, к какому роковому исходу ведет эта политика⁵⁵. Не думая о последствиях, функционеры продолжали выколачивать из голодающих районов скот и хлеб. Пока им это удавалось, все более настойчивые просьбы о помощи и продовольствии из провинции можно было

---

⁵⁰ Oliver-Smith A. Anthropological Research on Hazards and Disasters // *Annual Review of Anthropology*. 1996. Vol. 25. P. 305–309.

⁵¹ Spittler G. Handeln in einer Hungerkrise. S. 28–32.

⁵² Bankoff G. Cultures of Disaster, Cultures of Coping. Hazard as a Frequent Life Experience in the Philippines // *Natural Disasters, Cultural Responses. Case Studies towards a Global Environmental History* / ed. C. Mauch, C. Pfister. Lanham, 2009. P. 265–284.

⁵³ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 6. Д. 63. Л. 67–68 (письмо из Адаевского уезда в Казкрайком, 23 июня 1927 г.).

⁵⁴ Tauger M. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 70–89; Idem. Arguing from Errors. On Certain Issues in Robert Davies' and Stephen Wheatcroft's Analysis of the 1932 Soviet Grain Harvest and the Great Soviet Famine of 1931–1933 // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 6. P. 973–984.

⁵⁵ См.: Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод: К 70-летию общекрестьянской трагедии // *Отечественная история*. 2004. № 5. С. 97–111.

игнорировать. Во вспышке голода повинны конфискация сельхозпродукции и связанный с ней острый дефицит хлеба на рынках.

История голода в Казахстане – это также история бегства⁵⁶. Большая часть казахского населения искала в бегстве спасения от коллективизации и принудительного перевода на оседлость. Большевики вели борьбу с казахскими беженцами от голода, так называемыми откочевниками⁵⁷, стараясь отогнать их обратно и изолировать. Тем не менее сотни тысяч пробирались в соседние советские республики или уходили через границу в Китай. Куда бы эти люди ни попадали, везде они становились чудовищным бременем для местных жителей и местных властей; и те и другие в равной мере жаждали от них избавиться. Покончить с голодом было немыслимо, пока не будет решена проблема беженцев.

Из-за беспощадных заготовительных кампаний кочевники прямо и необратимо теряли основу существования, поскольку без своих стад не имели никаких шансов выжить в степи. К тому же голод, массовое бегство и насилие во многих местах вели к слому общественного каркаса. За социальной катастрофой следовал кризис власти: диктат дефицита зачастую оказывался сильнее диктатуры пролетариата, ибо в разгар голода мощные инструменты террора и принуждения лишались значительной доли своего устрашающего воздействия. С одной стороны, массовое бегство и голод опустошали целые районы, с другой стороны, перманентный дефицит порождал собственные, специфические порядки. Для общества голодных были характерны повсеместное насилие, безжалостная конкурентная борьба и распад социальных структур⁵⁸.

Даже если голод не планировался специально, «товарищам» он чрезвычайно пришелся ко двору. Большевики использовали его по всему СССР – и в Казахстане в том числе – так, как *будто* сознательно его организовали. Он сыграл роль главного рычага осуществления

---

⁵⁶ Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). Алма-Ата, 1999; Kindler R. Auf der Flucht – Die kasachischen Nomaden und die Hungersnot von 1930–1934 // Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatssozialismus (1917–2006) / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 35–57.

⁵⁷ Первоначально этим словом называли кочевников, которые мигрировали из своих исконных районов проживания – «откочевали». Во время голода 1931–1934 гг. оно превратилось в обозначение казахских беженцев от голода.

⁵⁸ Kindler R. Die Starken und die Schwachen. Zur Bedeutung physischer Gewalt während der Hungersnot in Kasachstan (1930–34) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Jg. 59. H. 1. S. 51–78.

их власти в преимущественно крестьянском советском обществе. Только голод сломил сопротивление кочевников, отчаянно защищавшихся от коллективизации и перевода на оседлость⁵⁹.

Дебаты

История кочевников и оседлых пишется обычно с точки зрения последних. Настоящая работа не представляет исключения. Это объясняется прежде всего тем, что кочевые культуры в значительной мере основывались на устной традиции и оставили сравнительно мало письменных источников. Этнолог Руди Линднер однажды так подытожил проблему: «Историки не любят кочевников». Он имел в виду, что устное наследие кочевых культур не отвечает запросам привязанной к письменности науки. Притом портрет кочевника в исторической литературе определяется главным образом источниками, в которых сообщается о кочевниках – и зачастую весьма неприязненно и уничижительно⁶⁰. То же самое относится к переводу на оседлость кочевых казахов. Поэтому самый популярный способ «обращения» с данной темой – не затрагивать ее вовсе (или касаться очень бегло)⁶¹.

Советские труды о коллективизации и переводе на оседлость создавали в целом положительный образ происходившего; ключевыми словами здесь были «модернизация», «строительство социализма» и «прогресс». Авторы сосредоточивали внимание на повышающихся производственных показателях, увеличивающемся числе колхозов и растущем уровне грамотности. В принципе, все работы о советской сельскохозяйственной политике следовали этой парадигме прогресса до конца 1980-х гг.⁶² Сегодня такая ин-

⁵⁹ См., напр.: Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 гг.). Алма-Ата, 2009; Омаров М. Расстрелянная степь: Документальное повествование. Алма-Ата, 1994.

⁶⁰ Lindner R. P. What Was a Nomadic Tribe? // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. No. 4. P. 689.

⁶¹ Ср. обзорные работы по советской истории, которые часто ограничиваются упоминанием о большом количестве жертв., напр.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. S. 399 ff.

⁶² См., напр.: Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1967; Турсунбаев А. Б. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967; Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941) / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата, 1967.

терпретация уже необедительна, поскольку во многих отношениях выдавала желаемое за действительное. Диаметрально противоположные, но не менее искаженные представления характерны для ставшего популярным в Казахстане после 1991 г. радикально-националистического нарратива, в котором казахи предстают безвинными жертвами русских или большевистских истребительных замыслов. Здесь Сталин и его подручный, партийный босс Казахстана Ф. И. Голошекин⁶³ фигурируют как сознательные убийцы казахского народа⁶⁴.

Свой вклад в ассортимент интерпретаций вносят этнологи, изучающие отношения между кочевниками и современной государственностью. С их точки зрения, казахский случай является одним из вариантов глобальной проблемы: как государствам удастся дисциплинировать и сделать управляемыми не оседлые коллективы⁶⁵. Порой они совершенно упускают из виду исторический контекст, и поэтому, например, этнолог Фред Шольц может утверждать, будто литература относительно перевода на оседлость евразийских степняков-кочевников, «при всей критической отстраненности», рисует «довольно отрадную картину»⁶⁶. Подобным исследованиям, чьи авторы больше всего интересуются процессами модернизации, противостоят работы, в которых идет речь о судьбе кочевников, по всему миру попадавших под сильное давление. Здесь говорится о культурных потерях, о сложных адаптационных и трансформационных процессах, из которых мобильные скотоводы всегда выходили «проигравшими»⁶⁷. Описанная дихотомия стала дифференцироваться, с тех пор как ученые начали ставить вопросы о практиках взаимного общения⁶⁸

---

⁶³ Ф. И. Голошекин (1876–1941) с конца 1924 г. до января 1933 г. был первым секретарем Казахского крайкома РКП(б)/ВКП(б). Его биографию см.: Медеубаев Е. Палач царской семьи и автор «Малого Октября»: Ф. И. Голошекин (1925–1933) // Первые лица государства: Политические портреты (с точки зрения истории и современности) / Авт. кол.: Е. Абен, Е. Арын, И. Тасмагамбетов и др. Алма-Ата, 1998. С. 231–245.

⁶⁴ Михайлов В. Хроника великого джута.

⁶⁵ Salzman P. C. Introduction: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. P. 1–19.

⁶⁶ Scholz F. Nomadismus. Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise. Stuttgart, 1995. S. 149.

⁶⁷ См., напр.: Fratkin E. Pastoralism. Governance and Development Issues // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 235–261.

⁶⁸ Barfield T. J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Oxford, 1989.

и о влиянии коренного населения на общества завоевателей и колонизаторов⁶⁹.

Добавим сюда работы, непосредственно посвященные теме перевода на оседлость и голода в Казахстане. Большинство их авторов согласны по следующим основным пунктам. Культурная отсталость кочевников, о которой твердили большевики, и их чрезвычайно малая интеграция в советскую плановую экономику, с точки зрения коммунистов, настоятельно требовали покончить с кочевой мобильностью. Речь при этом шла о разрушении традиционного общественного уклада, о контроле, власти и экономической рационализации. Голод окончательно уничтожил кочевничество. Большевики преследовали свои интересы, не считаясь с потерями. Вольные, независимые кочевники ценой гигантских жертв были загнаны в колхозы и сделаны оседлыми, в результате утратив свою культуру и образ жизни⁷⁰.

Правда, ряд важных моментов отличает интерпретации друг от друга. Так, авторы спорят о том, насколько вообще кампания по переводу кочевников на оседлое положение повлияла на ход событий⁷¹. Существуют разногласия и в оценке центральных фигур. В частности, постоянно дискутируется роль Голощекина и его преемника Л. И. Мирзояна⁷². Кроме того, поднимается вопрос, чего, собственно, добивались большевики своей политикой в Казахстане? Подходит ли понятие «модернизация» для описания происходившего здесь?⁷³ Можно ли говорить о некоем колониальном проекте советского госу-

---

⁶⁹ См., напр.: Malikov Yu. *Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Berlin, 2011.

⁷⁰ Такую по сути аргументацию см.: Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin*; Pianciola N. *Famine in the Steppe*; Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К. *Казахстанская трагедия*; Cameron S. *The Hungry Steppe*.

⁷¹ Значение перевода на оседлость подчеркивается в работе: Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin*. Противоположную позицию см.: Payne M. *Seeing Like a Soviet State. Settlement of the Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // Writing the Stalin Era*. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. Houndmills, 2011. P. 59–86.

⁷² Ответственность Голощекина подчеркивает В. Михайлов: Михайлов В. *Хроника великого джута*. Более дифференцированный подход демонстрирует М. Койгельдиев: Койгельдиев М. К. *Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов*.

⁷³ Такова точка зрения Н. Пьянчолы и С. Кэмерона: Pianciola N. *Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936)*. Roma, 2009; Cameron S. *The Hungry Steppe*.

дарства? Или, учитывая широкомасштабный обмен населением в степи, намерение властей заключалось в том, чтобы очистить от кочевников место для исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений?⁷⁴

Большевики интенсивно занимались изучением и категоризацией многонационального советского населения, так же как надзором и контролем над ним. Они эмансипировали национальные меньшинства, создавали национальные территории и республики, переводили свою программу на языки различных национальностей СССР. Вместе с тем они интегрировали представителей некогда «угнетенных» народов в партийный и государственный аппарат, дабы воспитывать местные кадры, которые будут представлять советское государство в национальных республиках. Эта политика «коренизации» составила основу советской национальной политики. Она должна была, с одной стороны, закрепить советскую систему среди нерусского населения, а с другой – оказывать влияние за рубежом⁷⁵.

Базировавшаяся на внедрении советской идеологии и советских методов правления «империя положительной деятельности» (Affirmative Action Empire), по выражению историка Терри Мартина, в минувшие полтора десятилетия стала одним из главных предметов исследования. В работах о советских национальных окраинах (в том числе среднеазиатских) пристально рассматривались представления, лежавшие в основе национальной политики, и описывался сложный процесс их воплощения на практике⁷⁶. При этом неоднократно отмечалось большое влияние этнографов, антропологов, агрономов и статистиков на формирование советской национальной политики. Их знания о различных регионах и народностях огромной советской империи были важны для руководящих товарищей, которые, сами будучи зачастую выходцами с периферии, имели, однако, весьма смутное понятие о демографическом и этническом составе своего царства⁷⁷.

---

⁷⁴ Payne M. Seeing Like a Soviet State. P. 62 ff.

⁷⁵ См. в основном: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 1–28.

⁷⁶ Ср., напр.: Northrop D. Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004; Edgar A. L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan, Princeton, 2004; Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 2001; Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452; Roy O. The New Central Asia. The Creation of Nations. New York, 2000.

⁷⁷ См.: Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005. О непростой двойной функции этнологов как носителей знаний и посланцев советской современности см.:

Один из немногих большевиков, еще до 1917 г. интенсивно занимавшихся «национальным вопросом», – Сталин, который в 1913 г. опубликовал свои размышления по этому поводу и сформулировал знаменитое определение нации: «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁷⁸.

Значимые западные работы о Казахстане первых лет существования СССР всегда по умолчанию исходят из того, что изучение национальной политики позволяет выявить основные мотивы действий коммунистических руководителей⁷⁹. Но что из этого следует? Похоже, такая установка приводит к тому, что, в частности, литература о Средней Азии несколько «экзотизирует» (можно даже сказать: «ориентализирует») свой предмет, превращая его в особый случай советской тематики. Однако советская политика на периферии была национальной только по форме и социалистической по содержанию, как гласит еще одна знаменитая сталинская формулировка. Иначе говоря, властные притязания и методы большевиков ничем не различались во всех уголках Советского Союза. Местные подручные большевиков в любой советской республике узнавали об этом на собственном опыте, если делали далеко идущие выводы из предоставления их народу ограниченных прав на автономию и самоопределение. Поддержка и поощрение «бывших угнетенных национальностей» неизменно заканчивались, как только начинало казаться, будто они представляют угрозу общегосударственным интересам⁸⁰.

Голод в СССР стал темой, которая стоит несколько особняком по отношению к другим актуальным дебатам в области исследований сталинизма⁸¹. Далекое не последняя причина такой обособленности –

Sorin-Chaikov N. Representing «Primitive Communists». *Ethnographic and Political Authority in Early Soviet Siberia // Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930 / ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 268–292.*

⁷⁸ Stalin J. W. *Marxismus und nationale Frage // Stalin J. W. Der Marxismus und die nationale und koloniale Frage. Berlin, 1952. S. 32.*

⁷⁹ Michaels P. *Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh, 2003*; Payne M. *Stalin's Railroad. Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2001.*

⁸⁰ Fedtke G. *Wie aus Bucharern Usbeken und Tadschiken wurden. Sowjetische Nationalitätenpolitik im Lichte einer persönlichen Rivalität // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Jg. 54. H. 3. S. 230–231.*

⁸¹ То же самое касается актуальных общественнонаучных дебатов о голоде. Обзор см.: Devereux S. *Theories of Famine. P. 5–31.*

сколь ожесточенные, столь и аналитически бесполезные споры о том, являлся ли голод (на Украине) геноцидом или нет⁸². Одержимость проблемой геноцида привела к тому, что многие исследователи сталинизма не испытывают к данной теме большого интереса, тогда как для широкой общественности она – вторая «великая» тема наряду с «Большим террором». Специалистов это не волнует. Некоторые участники споров враждуют десятки лет. Вопрос о геноциде причинил серьезный вред российско-украинским отношениям, а пытаясь разобраться с юридической категорией «геноцид», историки погрязли в полемике, которая вряд ли обещает какие-либо новые знания о динамике голода. Вдобавок дискуссии о «голодоморе» на Украине заслоняли (и до сих пор заслоняют) события в Казахстане⁸³.

Так имел ли место геноцид во время голода на Украине (и в Казахстане тоже)? Хотя подобная точка зрения вновь и вновь проводилась и проводится с большой настойчивостью⁸⁴, это еще не делает ее верной. Не был голод геноцидальной программой массового убийства. Тезис о геноциде следует отвергнуть прежде всего по трем причинам. Во-первых, он тесно связан с Украиной, ну, разве что еще с Северным Кавказом; таким образом, голода в других регионах Советского Союза (то есть и в Казахстане) он практически не касается⁸⁵. Но если голод

---

⁸² Начало споров см.: Ellman M. The Role of Leadership Perceptions and Intent in the Soviet Famine of 1931–1934 // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57. No. 6. P. 823–841; Davies R. W., Wheatcroft S. G. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33, A Reply to Ellman // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 4. P. 625–633; Tauger M. Arguing from Errors; Ellman M. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. No. 4. P. 663–693.

⁸³ См., напр.: Pianciola N. Famine in the Steppe. P. 137.

⁸⁴ Общий обзор см.: Dietsch J. Politik des Leids. Der Hunger in der Ukraine 1932/33 und das Paradigma des Vorsatzes // *Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatssozialismus (1917–2006)* / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 327–350. Насколько расширяется тезис о «геноциде», показывает дискуссия в специальном выпуске «Уничтожение голодом» («Vernichtung durch Hunger») журнала «Остойропа»: *Osteuropa*. 2004. Jg. 54. H. 12 (о голоде на Украине см., напр., статьи: Simon G. Holodomor als Waffe. Stalinismus, Hunger und der ukrainische Nationalismus. S. 37–56; Jilge W. Holodomor und Nation. Der Hunger im ukrainischen Geschichtsbild. S. 147–164). См. также: Naimark N. Stalin und der Genozid. Berlin, 2010. Противоположную позицию см.: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 10–35. Попытку суммировать итоги дебатов см.: Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / под ред. В. Кондрашина. М., 2011.

⁸⁵ Исключение см.: Naimark N. Stalin und der Genozid. S. 80 f. Схожая позиция: Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion.

в других областях принимал не менее катастрофические масштабы, чем в УССР, то утверждение, будто это определено антиукраинское мероприятие, теряет убедительность. Во-вторых, до сих пор, несмотря на все усилия, не удалось найти ни одного веского доказательства конкретных убийственных намерений сталинского руководства. Основные косвенные свидетельства, которые постоянно приводятся: заслоны тайной полиции (ОГПУ), не дававшие голодающим крестьянам бежать, «страх» Сталина перед возможной «потерей» Украины и ужасные страдания населения – не слишком тут полезны⁸⁶; в конце концов, большевики так же препятствовали миграции других пострадавших групп населения, и не в последнюю очередь казахов. А в-третьих, обвинение в геноцидальном умысле освобождает от необходимости исследовать причастность самих пострадавших народов к катастрофе. Судьбу людей ведь решали не абстрактные «коммунисты»: достаточно часто за жизнь и смерть голодающих несли ответственность местные партийцы, крестьяне и рабочие. Однако о виновниках из низшего и среднего административного звена и их мотивах не пишут ни украинские историки, ни их казахские коллеги⁸⁷.

Источники

Источники, на которые опирается данное исследование, имеют кое-что общее, что не могло не повлиять на принятую здесь точку зрения. Речь идет почти исключительно о документах, в той или иной

Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 125. Доказать, что отдельные области на Средней Волге пострадали от голода так же, как Украина, пытается В. Кондрашин: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. С. 172 и далее. Об общесоюзном масштабе бедствия см.: Козлов В. П. Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012. Т. 1. Кн. 1. С. 5–9.

⁸⁶ См., напр.: Naimark N. Stalin und der Genozid. S. 75 ff.

⁸⁷ См. об этом: Kindler R. Opfer ohne Täter. Kasachische und ukrainische Erinnerung an den Hunger 1932/33 // Osteuropa. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 105–120. Об отношениях жертв и виновников: Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006. S. 64–84. Вообще о сталинизме: Roginskij A. Fragmentierte Erinnerung. Stalin und der Stalinismus im heutigen Russland // Osteuropa. 2009. Jg. 59. H. 1. S. 37–44; Adler N. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable. The Resurrection of Stalinist Symbols amidst the Exhumation of Mass Graves // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 57. No. 8. P. 1093–1119. Об исторической политике в Казахстане: Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / под ред. Н. Э. Масанова, Ж. Б. Абылхожина, И. В. Ерофеевой. Алма-Ата, 2007.

форме исходящих от советского государственного и партийного аппарата: начиная от записей выступлений Сталина и других членов Политбюро и заканчивая докладами работников отдельных партийных комитетов в степи. Авторы документов могли быть убежденными коммунистами или карьеристами-оппортунистами, могли думать об интересах дела или только о собственной выгоде, но все, что они заносили на бумагу, в первую очередь служило для коммуникации внутри аппарата. Чтобы местные и европейские функционеры понимали друг друга, их доклады, письма и телеграммы в основном составлялись на русском языке (нередко плохом). В центральных казахских архивах очень редко встречаются бумаги 1920–1930-х гг., написанные не по-русски или переведенные на этот язык. Таким образом, архивные документы представляют своеобразный, вдвойне внешний, взгляд на степное общество – так сказать, «советский» и «русский». Хранятся они в четырех центральных российских и казахских архивах, где автор этой работы получал подробные консультации⁸⁸.

Здесь не стоит в деталях останавливаться на характеристике отдельных использованных фондов, но один из них нужно отметить особо, поскольку для данной книги он имел огромное значение. Речь идет о фонде 719 Архива Президента Республики Казахстан, где находятся бумаги казахской Комиссии партийного контроля. Эти документы, доступные лишь с недавних пор, были впервые систематически изучены при работе над книгой и позволяют глубоко заглянуть в недра партийного и государственного аппарата казахской провинции, функционировавшего в кризисный период начала 1930-х гг.

Если казахам-кочевникам и предоставляется слово в архивных документах, то лишь опосредованно. Об их взглядах и реакциях мы по большей части узнаем от других людей. Причины этого можно назвать не задумываясь. Во-первых, функция архивов состоит прежде всего в том, чтобы сохранять ведомственную переписку и документацию. Во-вторых, существует особое обстоятельство, которое имеет прямое отношение к теме данной работы: известно крайне мало

---

⁸⁸ В Москве это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), в Алма-Ате – Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) и Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). РГАСПИ и АП РК представляют собой бывшие партийные архивы союзного и республиканского уровня. В ГА РФ и ЦГАРК хранятся главным образом документы государственных органов и министерств. К ним следует добавить документы из Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Российского государственного военного архива (РГВА).

личных документов на тему коллективизации и голода в Казахстане⁸⁹. Кочевники жили в среде устной культуры, весьма немногие среди них умели читать и писать⁹⁰. Поэтому письма и дневники тех лет – большая редкость. Вдобавок на теме жертв коллективизации и голода вплоть до распада СССР лежало абсолютное табу. Когда стало возможно говорить о тех временах, большинство современников-очевидцев уже ушло из жизни. Так что свидетельства «палачей» чаще всего – единственное, чем мы располагаем. И зачастую неизвестно, разворачивались ли события именно так, как они описывают, или все обстояло совершенно иначе. Это прежде всего касается тех случаев, когда предъявляются претензии, выискиваются заговоры и преступные группировки и назначаются виновные. Остается только обратить внимание на тенденциозность источников.

При написании географических названий автор ориентировался на советскую практику рассматриваемого периода. Поэтому в тексте книги, как правило, употребляются русифицированные названия местностей и населенных пунктов. Следует сделать одно замечание касательно обозначений административных единиц. После длительной административной реформы 1920-х гг. союзные и автономные республики СССР делились на области, округа и районы. Местная администрация была организована в сельсоветы или аулсоветы⁹¹. В Казахстане округов с 1930 г. уже не существовало, а области появились только в 1932 г. Следовательно, около полутора лет здесь отсутствовало среднее административное звено между республиканским и районным руководством.

Все даты в тексте приводятся по принятому в Советской России с февраля 1918 г. григорианскому календарю.

---

⁸⁹ См., напр.: Shayakhmetov M. *The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin*. London, 2006; Чокин III. *Четыре времени жизни. Воспоминания и размышления*. Алма-Ата, 1998; Nurtazina N. *Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. A Contemporary's Reminiscences* // *Acta Slavonica Iaponica*. 2012. Vol. 32. P. 105–129. Помимо этого, опубликованы лишь отрывки воспоминаний, напр.: Михайлов В. *Хроника великого джуга*.

⁹⁰ Даже в 1939 г. читать и писать умели не больше 50 % казахов. См.: Баканов С. А., Жумашев Р. М. *О темпах ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926–1939 годах* // *Вопросы истории*. 2002. № 8. С. 143.

⁹¹ О строительстве административного и партийного аппарата, а также об административном делении СССР см.: Plaggenborg S. *Die Organisation des Sowjetstaates* // *Handbuch der Geschichte Russlands* / hg. G. Schramm. Bd. 3: 1856–1945. *Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat*. 2. Hbd. Stuttgart, 1992. S. 1413–1525. Конкретно об административном делении: *Ibid.* S. 1467–1469. О советах на местном уровне: *Ibid.* S. 1474–1478.

КОНТЕКСТЫ – КОЧЕВНИКИ И РОССИЙСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА

«Враждебность централизованных государств к бродячим пастухам общеизвестна», – заявил однажды географ Лесли Динс¹. Сочетание военной непредсказуемости и частичного военного превосходства, а также искони свойственная кочевым обществам способность уклоняться от посягательств государства делали кочевников нелюбимым – и притом опасным – антиподом в глазах оседлых обществ. Такие сообщества и государства по-разному реагировали на проблему нomaдизма: пытались либо умиротворить, либо одолеть «варваров». Если они оказывались не в состоянии держать кочевников подальше от собственных границ, то поневоле платили им дань². Вместе с тем возникали многообразные виды зависимости и контакты (торговые). Кочевники и оседлое население всегда жили рядом друг с другом и за счет друг друга³.

Культура и быт казахских кочевников определялись нуждами скотоводства⁴. Традиционно казахи держали главным образом овец, коз и лошадей. Еще они разводили верблюдов – совершенно необходимых в степи выючных и ездовых животных⁵. Вследствие русской колонизации на рубеже XIX–XX вв. все более важное место в степ-

---

¹ Dienes L. Pastoralism in Turkestan, Its Decline and Persistence // *Soviet Studies*. 1975. Vol. 27. No. 3. P. 343. См. также: Scott J. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, 1998. P. 1 ff.

² В целом см.: Barfield T. J. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China*. Oxford, 1989. О России: Stolberg E.-M. *Russland als eurasisches Imperium. Grenzregime und Grenzgesellschaft von der Neuzeit bis zum 20. Jahrhundert* // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2007. Jg. 17. H. 4. S. 37–55.

³ Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Madison, 1994. P. 198.

⁴ В основном см.: Масанов Н. *Кочевая цивилизация казахов*. Алма-Ата, 1995.

⁵ Emeljanenko T. *Nomadic Year Cycles and Cultural Life of Central Asian Livestock-breeders before the 20th Century* // *Nomads in Central Asia*. Animal

ной экономике начал занимать крупный рогатый скот⁶. Большинство казахов жило аулами по пять или меньше семей («юрт»), которые вместе со своими стадами кочевали по степи⁷. Целенаправленные миграции кочевников производили впечатление довольно-таки бесцельного бродяжничества исключительно на пришлых европейцев, порой просто не понимавших, что видят. Дело обстояло совсем иначе. Казахи-кочевники передвигались с зимних пастбищ на летние по строго определенным коридорам, причем расстояния могли сильно различаться. К примеру, жившие на западе Казахстана адаевцы покрывали до тысячи километров за год, а некоторые племена на востоке ходили на летние пастбища всего за несколько километров.

Казахи⁸ выводят свое происхождение от мифического родоначальника «Алаша». Между собой они опознавали друг друга как представителей особых систем родства. Любой казах был в состоянии перечислить своих предков как минимум до седьмого колена. Постоянно повторяя и сообщая окружающим собственную родословную, казахи таким образом устанавливали свое место в сложной структуре степного общества⁹. Его составляли три большие группы, или орды (жузы). Большая, или Старшая, орда проживала главным образом на юге и юго-востоке сегодняшнего Казахстана, на рубеже XIX–XX вв. она охватывала около 700 тыс. чел. Средняя орда кочевала в центральных, восточных и северных районах Казахстана. В те времена в ней насчитывалось около 1,3 млн чел. Малая (Младшая) орда – к началу XX в. примерно 1,2–1,3 млн чел. – населяла запад нынешнего Казахстана. Помимо принадлежности к одной из трех больших орд, казахи идентифицировали себя по кланам (родам) и аулам¹⁰. Включенность в подобные клановые сети имела первосте-

---

Husbandry and Culture in Transition (19th–20th Century) / ed. C. van Leeuwen et al. Amsterdam, 1994. P. 45 ff.

⁶ О значении скотоводства для казахов ср.: Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. Basingstoke, 2003. P. 22 f.

⁷ Hudson A. E. Kazak Social Structure. New Haven, 1964 (1938). P. 24 ff.

⁸ В этой работе представители коренного населения именуется казахами в связи с тем, что источники не говорят о нем ничего кроме этой предполагаемой национальности. Об этимологии слова «казак» («казак») см., напр.: Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, 1988. P. 4 ff. В царской России казахов называли киргизами, а киргизов – кара-киргизами. В первые годы советской власти поначалу употреблялись те же названия.

⁹ Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. P. 17.

¹⁰ Востров В. В., Муқанов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968. С. 8–9, 248–249. Так, напри-

пенное значение для каждого отдельного человека, поскольку определяла его социальный статус, вне зависимости от того, существовали лежащие в основе этих сетей родственные отношения в реальности или только в воображении¹¹.

Казахи жили не в эгалитарном и тем более не в «бесклассовом» (как казалось некоторым современникам той эпохи), а в сильно стратифицированном и строго иерархическом обществе¹². Однако, сталкиваясь с чужаками или необходимостью реагировать на внешние вызовы, аулы чаще всего выступали как единое целое. Старейшины у казахов назывались аксакалами («белобородыми»), предводителями мелких племенных групп – баями. Последнее слово большевики употребляли без разбора в отношении клановых старейшин, зажиточных казахов, судей и прочих представителей казахской верхушки. В среднеазиатских республиках «бай» стал аналогом «кулака» европейских регионов Советского Союза, и, встречаясь в источниках, этот термин – так же как понятие «кулак» – в большинстве случаев не позволяет делать какие-либо выводы о реальном социальном или материальном положении обозначаемого им человека. Ясно только, что советские функционеры считали «баев» идейными противниками и классовыми врагами¹³.

Не все казахи были кочевниками. Значительная часть населения вела полукочевой или оседлый образ жизни. В особенности со второй половины XIX в. российская колонизация привела к тому, что все больше казахов стало отказываться от кочевого существования¹⁴. К началу XX в. многие казахские семьи имели постоянные зимние

мер, неоднократно упоминаемый в этой книге род Адай представляет собой один из 13 родов, вместе образующих «поколение» Байулы, которое, в свою очередь, является одним из четырех поколений, составляющих Малую орду.

¹¹ См.: Schatz E. *Modern Clan Politics. The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle, 2004. P. 3 ff. С. Есенова не соглашается с характеристикой казахской нации как «воображаемой общности», см.: Esenova S. *Soviet Nationality, Identity, and Ethnicity in Central Asia. Historic Narratives and Kazakh Ethnic Identity // Journal of Muslim Minority Affairs*. 2002. Vol. 22. No. 1. P. 11–38.

¹² Абылхожин Ж. Б. *Традиционная структура Казахстана: Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.)*. Алма-Ата, 1991. С. 99–100.

¹³ Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, 2007. P. 196.

¹⁴ Wendelken R. W. *Russian Immigration and Its Effect on the Kazakh Steppes (1552–1965) // Fell-Bialkoff A. The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe. Sedentary Civilization vs. «Barbarian» Nomads*. Basingstoke, 2000. P. 78 ff.

жилища и стойла для скота. По итогам первой советской переписи населения 1926 г., по крайней мере четверть казахов оказались «оседлыми» и более 65 % – полукочевниками, которые пускались в путь исключительно летом. Лишь незначительное меньшинство (чуть больше 6 %) кочевало круглый год¹⁵. Тем не менее благосостояние казахской семьи измерялось главным образом величиной ее стад; земля для кочевников играла второстепенную роль. Их имущественное положение претерпевало существенные изменения под воздействием окружающей среды. Прежде всего смертельную угрозу для людей и животных представляли природные катаклизмы вроде периодически наступавшего «джута», когда степь покрывалась толстой коркой льда, которую скотина не могла пробить копытами¹⁶.

Российская¹⁷ история – это история многообразного взаимодействия с кочевниками-степняками. Однако в коллективной памяти русских и степняков глубже всего запечатлелись столкновения между кочевыми племенами и московскими князьями¹⁸. Особенно формирующим и вместе с тем болезненным опытом для русской истории стало «татаро-монгольское иго» – владычество монгольских ханов над Русью с XIII по XV в.¹⁹ Прошло несколько столетий, прежде чем военную опасность со стороны степи удалось устранить и отдельные кочевые племена одно за другим перешли под руку «белого царя» (хотя бы номинально)²⁰. Русскому государству необходимо

---

¹⁵ В абсолютных цифрах это означало следующее: чуть больше 200 тыс. хозяйств были оседлыми, около 514 тыс. кочевали только летом, еще около 8 600 прихватаывали часть зимы, и, насколько удалось выяснить счетчикам, «49 388» хозяйств кочевали круглый год. Причем расстояние от зимних квартир до летних пастбищ преимущественно составляло не более 50 км. См.: Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945. Paris, 2006. P. 371.

¹⁶ См.: Атушева С. Б. Джуты в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Алма-Ата, 2000. Об историческом опыте см.: Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. P. 22.

¹⁷ О различии понятий «русский» и «российский» см.: Torke H.-J. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997. S. 11–15.

¹⁸ Sunderland W. Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, 2004. P. 223 ff. Об отношении российской имперской власти к оседлым и кочующим мусульманам см.: Kappeler A. Die «vergessenen» Muslime. Russland und die islamischen Völker seines Imperiums // Saeculum. 2004. Jg. 55. H. 1. S. 35 ff.

¹⁹ См. в основном: Halperin C. J. The Tatar Yoke. The Image of Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009.

²⁰ Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, 1992.

было внести ясность в свои отношения с кочевыми подданными. Решением проблемы представлялся перевод последних на оседлое положение. Еще императрица Екатерина II в конце XVIII в. поддерживала подобные инициативы, которые, правда, сколько-нибудь заметного успеха не принесли²¹. Лишь во второй половине XIX в., после военного покорения Средней Азии²², империя усердно занялась принуждением кочевых «инородцев»²³ к оседлости²⁴. Царские чиновники в числе прочего прибегли к одному из якобы самых эффективных методов колониальных держав по подчинению периферии: поощряли переселение крестьян из европейских регионов. Необъятные «вольные просторы» степи, по их мнению, только и ждали, чтобы «европейцы» их окультурили и заполнили²⁵. Такого же направления мысли придерживались позже и большевики, когда приступили к освоению степи.

Вначале Российская империя по традиции двинула на завоеванные территории в качестве колониального авангарда казаков²⁶, потом за ними последовали крестьяне из среднерусских и украинских губерний, мигрировавшие в Среднюю Азию из-за растущего земельного голода в родных местах. Приток европейских крестьян зависел от текущей конъюнктуры: периоды запрета на переселение чередовались с этапами усиленной вербовки новых колонистов²⁷. Но, так или иначе, число желающих попытаться счастья в Средней Азии непрерыв-

---

²¹ Yaroshevski D. V. Imperial Strategy in the Kirghiz Steppe in the Eighteenth Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. Jg. 39. H. 2. S. 223.

²² О завоевании см.: Becker S. Russia's Central Asian Empire, 1885–1917 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. M. Rywkin. London, 1988. P. 235–256; Donnely A. The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // *Ibid.* P. 189–207.

²³ Об этом понятии см.: Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. P. 173–190.

²⁴ Sahadeo J. Conquest, Colonialism, and Nomadism on the Eurasian Steppe // *Kritika*. 2003. Vol. 4. No. 4. P. 942–954; Stolypin P. A., Kriwoschein A. W. Die Kolonisation Sibiriens. Eine Denkschrift. Berlin, 1912. S. 111.

²⁵ См.: Sunderland W. Imperial Space. Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century // *Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930* / ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 37.

²⁶ Malikov Yu. Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Berlin, 2011. P. 106–150.

²⁷ Sunderland W. The «Colonization Question». Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Jg. 48. H. 2. S. 210–232.

но возрастало. А после того, как в ходе столыпинских реформ 1906 г. для колонизации была отведена плодородная область Семиречье на востоке территории, которая позже станет Казахстаном, люди хлынули туда толпами²⁸.

В условиях притока европейских поселенцев-крестьян, которым колониальная администрация при раздаче земли отдавала предпочтение перед коренным населением, все настоятельнее вставал вопрос о будущем кочевничества²⁹. «Излишки» площадей, оставшиеся после раздачи, зачислялись в земельный фонд администрации и распределялись между новоприбывшими поселенцами. Таким образом, лучшие земли в короткий срок перешли от казахов европейским крестьянам. К тому же целый ряд распоряжений и административных предписаний усложнял условия для кочевания. «Степное положение» 1891 г., отводившее на казахский «двор» не более 15 десятин земли (около 16,4 га), поставило кочевников в крайне затруднительную ситуацию, поскольку кочевать на такой площади стало невозможно³⁰. За несколько лет казахские стада сократились, радиус миграций уменьшился, и кочевники в целом обеднели³¹. Многие не видели иного выхода, кроме как осесть на месте и попробовать себя в качестве земледельцев или сельскохозяйственных работников³². При этом существовали различия между регионами. Там, где наблюдался большой прирост числа колонистов, процесс этот шел гораздо быстрее, чем в бескрайних степях центрального Казахстана, где русское влияние ощущалось не так сильно.

Оседание ввиду материальной нужды для многих казахов представляло собой исключительно временное явление. Колониальные хозяева практически не предлагали им стимулов сделаться земле-

---

²⁸ Цифры см.: Ерофеева И. В. Столыпинская аграрная реформа и массовое переселение славянского и немецкого крестьянства (1900–1917) // История Казахстана. Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др. Алма-Ата, 2001. С. 244–256.

²⁹ Обзор см.: Wendelken R. W. Russian Immigration and Its Effect on the Kazakh Steppes. P. 71–97. Ср. также: Центральная Азия в составе Российской империи / под ред. С. Н. Абашина и др. М., 2008. С. 187–188.

³⁰ О реакции казахов см.: Martin V. Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppe // Mitteilungen des SFB 586, «Differenz und Integration» 2. Halle/S., 2002. P. 65–74. Точку зрения царских чиновников см.: Объяснительная записка. С. 407–423.

³¹ Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010. S. 55–90.

³² См.: Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века. Барнаул, 2003.

дельцами навсегда – хотя, по мнению русских, кочевничество не имело будущего. Наиболее отчетливо эту мысль сформулировали российский премьер-министр П. А. Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин в своей записке о колонизации Сибири: «Киргизы [т. е. казахи. – Р. К.] не могут вечно оставаться кочевниками, если только они способны к культуре. Опыт последних лет свидетельствует о их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому могущественным и пока единственным побудителем»³³.

Русские считали казахов «отсталыми» и «некультурными». Поэтому покорение степи связывалось с идеей необходимой цивилизационной миссии и не в последнюю очередь обосновывалось ею³⁴. Например, в типичном рассказе путешественника конца XIX в. о внутренней обстановке казахской юрты говорилось: «При феноменальной киргизской грязи, толстым слоем покрывающей всю обстановку кочевника, у киргиза не на чем ни сидеть, ни писать; нет ни столов, ни стульев»³⁵. Некоторые колониальные чиновники вдобавок были уверены, что казахи просто не хотят «нести тяжелую лямку земледельца», потому и кочуют³⁶. Видимо, кочевникам не хватало убедительных примеров преимуществ «цивилизованной» оседлой жизни. За неимением альтернативы, таковыми примерами и «учителями» надлежало служить европейским колонистам в Средней Азии³⁷. На то, что львиная доля крестьян-поселенцев вряд ли годилась на роль живого доказательства предполагаемого культурного превосходства европейцев, большинство чиновников умышленно закрывало глаза³⁸. Граф фон дер Пален, критически смотревший на деятельность русской колониальной администрации, описывал проблему так: «Эти поселенцы слишком часто в европейской России представляли собой разложившихся

³³ Stolypin P. A., Kriwoschein A. W. Die Kolonisation Sibiriens. S. 111.

³⁴ Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. S. 55–90.

³⁵ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, 1. Кокчетавский уезд. Т. 1. Воронеж, 1898. С. 3.

³⁶ Дингельштедт Н. Наша колонизация Средней Азии. Русские поселки в Туркестане // Вестник Европы. 1892. Т. 27. № 11. С. 235.

³⁷ Материалы по киргизскому землепользованию... С. 133–134; Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 71 f.

³⁸ Об этом и о земельном вопросе в общем см.: Kendirbay G. Der Kampf um das Land in der kazachischen Steppe am Anfang des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1999. Jg. 47. H. 3. S. 390.

полукрестьян, у которых на родине пробудили чрезмерные ожидания и которые... поглядывали на трудолюбивых, дисциплинированных туземцев свысока»³⁹. При контактах с колонизированным населением русские, которые «в Азию явились господами», как выразился Ф. М. Достоевский в своем знаменитом «Дневнике писателя», в заметке 1881 г. о цивилизационной миссии России в Средней Азии, нередко прибегали к принудительным мерам⁴⁰.

Неоднократно высказывалась мысль, что именно царская колониальная политика обрекла кочевничество на отмирание, не разработав экономически устойчивой альтернативы. В том-то, дескать, и состоял «вызов», с которым столкнулись большевики по окончании гражданской войны⁴¹. Хотя казахи к началу XX в. действительно находились в гораздо худшем экономическом положении, чем до российских завоеваний, однако такая интерпретация отождествляет нормативные акты колониальной администрации с реальной обстановкой в степи.

Кочевников и европейских крестьян-поселенцев поначалу не связывало почти ничего кроме глубокой взаимной антипатии. Они конкурировали за важнейшие ресурсы региона: пахотную землю, пастбища и воду. Крестьяне возделывали поля в плодородных речных долинах и у водоемов в оазисах, оттесняя кочевников, которые здесь пасли и поили скот. Царские колониальные власти в подобных спорах чаще всего вставали на сторону крестьян, а такому альянсу казахи мало что могли противопоставить. В результате то и дело вспыхивали конфликты – в том числе и вооруженные⁴².

Тем не менее соседство европейцев и азиатов не только порождало трения и новые формы зависимости, но и открывало перед отдельными группами среди коренного населения новые, привлекательные перспективы. Колонизация Средней Азии усиливала давление на ко-

---

³⁹ Pahlen C., von der. Im Auftrag des Zaren in Turkestan, 1908–1909. Stuttgart, 1969. S. 35 f.

⁴⁰ Цит. по: Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 2001. S. 176.

⁴¹ Olcott M. B. The Settlement of the Kazakh Nomads // Newsletter of the Commission on Nomadic Peoples. 1981. No. 8. P. 21.

⁴² Описание связанных с этим проблем см.: Pahlen C., von der. Im Auftrag des Zaren in Turkestan. S. 262 ff. В общих чертах о русской колонизации в Средней Азии см.: Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003. О восстаниях: Malikov Yu. The Kenesary Kasymov Rebellion (1837–1847). A National-liberation Movement or «a Protest of Restoration»? // Nationalities Papers. 2005. Vol. 33. No. 4. P. 569–597; Sabol S. Kazakh Resistance to Russian Colonization. Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1845 // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22. No. 2–3. P. 231–252.

чевников, побуждавшее их интегрироваться в экономические и административные структуры колониального общества. Колонизаторы, со своей стороны, нуждались в помощи местных посредников, которые действовали бы в их пользу внутри кочевого общества. Поэтому они делали казахов общинными старостами, доверяли им другие посты в колониальной администрации. В то время как широкие слои коренного населения беднели в ходе стремительных социальных перемен, для представителей среднеазиатских элит в этих переменах заключались весьма выгодные шансы⁴³.

С одной стороны, царская администрация проявляла непреклонную твердость, когда дело касалось налогообложения и выжимания ресурсов. Органы власти Российской империи, чье управленческое искусство и в русских губерниях зачастую не шло дальше этого, неоднократно доказывали, что такой метод позволяет «создавать государство» до известных пределов. При возникновении серьезных проблем или беспорядков государство посылало в очаги волнений войска, запечатлевая себя в памяти подданных как авторитарную инстанцию⁴⁴. С другой стороны, российская политика отличалась широкой толерантностью к исламской вере кочевников и казахскому обычному праву (адату)⁴⁵. Чиновники полагали, что кочевники не столь «фанатичны», как мусульмане в оазисах Туркестана, и с ними можно договориться. Подобная убежденность не в последнюю очередь объяснялась тем, что сами русские в конце XVIII в. активно распространяли среди кочевников ислам, надеясь с его помощью сделать их оседлыми и «цивилизовать»⁴⁶.

Кроме того, интенсивные контакты с русскими завоевателями рождали дискуссии среди самих казахов. Те из них, кто познакомился с европейскими дебатами о национальном самоопределении и современности⁴⁷, на рубеже XIX–XX вв. начали отстаивать идею «казахской нации». Вопреки тому, что часто утверждается в советской

---

⁴³ Crews R. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, Mass., 2006. P. 195.

⁴⁴ Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Russian-Ukrainian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998.

⁴⁵ См.: Brower D. *Islam and Ethnicity. Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / ed. D. Brower, E. J. Lazzarini. Bloomington, 1997. P. 115–135. Об адате: Martin V. *Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond, 2001.

⁴⁶ Crews R. *For Prophet and Tsar*. P. 199 ff.

⁴⁷ В основном см.: Sabol S. *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness*.

историографии, эта небольшая прослойка казахской интеллигенции, обучавшейся и социализировавшейся в русских школах и университетах⁴⁸, спорила не об оседлости в принципе, а лишь о том, как лучше всего ее добиться. Все сходились на том, что в противном случае «казахская нация», над пробуждением самосознания которой они так усердно трудились, обречена на гибель⁴⁹. Влиятельные предводители казахских кланов придерживались совершенно другого мнения. Они упорно не желали отказываться от кочевничества, считая его неотъемлемым центральным элементом своей идентичности⁵⁰. Реформаторам, при всей их малочисленности по сравнению с остальным населением, выпала на долю важная роль: они составили ядро антиколониальной элиты, которая выступала за национальное самоопределение, модернизацию и преобразование традиционного жизненного уклада. Они основывали газеты, союзы и партии и в хаосе гражданской войны сумели ненадолго привести к власти казахскую партию «Алаш-Орда». В 1920-е гг. многие из них принадлежали к первому поколению видных местных сторонников большевиков⁵¹.

Ни одно из отдельных событий не радикализовало степное общество сильнее, чем восстание казахов в 1916 г., на которое крестьяне-поселенцы ответили массовой резней повстанцев⁵². Внешним поводом к восстанию послужил призыв казахов мужского пола в трудовые батальоны на русский Западный фронт, но истинные причины лежали гораздо глубже: обстановку накалили бесконечные конфликты между кочевниками и поселенцами из-за пользования землей и водой, так же как самодурство и неуважение к местному населению представителей колониальной администрации⁵³. Мятеж кочевников в кратчайший срок охватил обширную часть региона. Эпицентром

---

⁴⁸ Ibid. P. 53 ff.; Dave B. *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. London, 2007. P. 31.

⁴⁹ Kendirbaeva G. «We Are Children of Alash...» The Kazakh Intelligentsia at the Beginning of the 20th Century in Search of National Identity and Prospects of the Cultural Survival of the Kazakh People // *Central Asian Survey*. 1999. Vol. 18. No. 1. P. 6–12.

⁵⁰ См.: Rottier P. The Kazakness of Sedentarization. Promoting Progress as Tradition in Response to the Land Problem // *Central Asian Survey*. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 67–81.

⁵¹ Аманжолова Д. А. *Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш*. М., 1994. О других регионах Средней Азии см.: Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Tsarist Central Asia*. Madison, 1993.

⁵² Brower D. *Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers. Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Jg. 46. H. 1. S. 41–53.

⁵³ Happel J. *Nomadische Lebenswelten und zarische Politik*. S. 105–121.

конфликта стало Семиречье, где противоречия между колонистами и колонизированными проявлялись наиболее отчетливо. Сначала казахам удалось нагнать страху на русских. Но уже вскоре русская сторона нанесла массированный военный контрудар, сопровождавшийся жестокой мстью славянских поселенцев. Эта реакция унесла во много раз больше человеческих жизней, чем само восстание⁵⁴. Спасаясь от насилия, сотни тысяч казахов бежали в Китай⁵⁵.

Но и после разгрома восстания регион не успокоился. Вспышки насилия продолжились, когда революции 1917 г. вылились в Средней Азии в долгую и кровавую гражданскую войну. Большинство представителей казахских элит увидели в крахе самодержавия шанс воплотить в жизнь свои мечты о национальной самостоятельности: они основали партию «Алаш-Орда» как общее движение молодой казахской интеллигенции, которая ставила целью широкую автономию степи в составе России. Октябрьский переворот большевиков в Петрограде предоставил им возможность захватить власть. В декабре 1917 г. члены руководства «Алаш-Орды» образовали правительство, которое в последующие месяцы и годы пыталось удержаться в сумятице гражданской войны.

В Средней Азии, как и на других окраинах империи, большевистская революция была поначалу делом европейцев⁵⁶. Если она и заявляла о себе, то в городах, где большевики располагали мало-мальски достойным упоминания количеством сторонников. В советах, возникших в течение 1918 г. в крупных населенных пунктах, казахи, как правило, отсутствовали. С точки зрения мусульман, происходило не что иное, как колониальная революция⁵⁷. В хаосе гражданской войны сельское хозяйство повсюду приходило в упадок, царило право сильного. Города грабили деревню. Красные «острова» беззащитно кормились за счет сельских окрестностей, оставляя практически бесправное коренное население на произвол судьбы. В тех районах позднейшего Казахстана, где заправляли красные, в 1918 г. умерли от голода тысячи казахов⁵⁸.

---

⁵⁴ О восстании и реакции на него см.: Happel J. *Nomadische Lebenswelten und zarische Politik*. S. 127–146.

⁵⁵ Мендикулова Г. М. *Исторические судьбы казахской диаспоры: Происхождение и развитие*. Алма-Ата, 1997. С. 82–83.

⁵⁶ О Туркестане см.: Буттино М. *Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР*. М., 2007. С. 211–212. О Кавказе см.: Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 109 ff.

⁵⁷ См.: Сафаров Г. *Колониальная революция. Опыт Туркестана*. М., 1921.

⁵⁸ Абылхожин Ж. Б. *Казахстан в советском тоталитарном пространстве. Историческая динамика // История Казахстана. Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др.* Алма-Ата, 2001. С. 261.

Гражданская война в степи приобрела динамику, которая в конце концов привела к падению алашского правительства. С одной стороны, его вооруженные отряды воевали с большевиками в более или менее тесном сотрудничестве с различными белыми генералами и атаманами. С другой стороны, его политические представители несколько раз безуспешно вели с Лениным и Сталиным переговоры об условиях казахской автономии в составе будущего советского государства. С конца 1918 г. стало ясно, что большевики выиграют гражданскую войну, и все больше казахов переходило в их лагерь. В конечном счете и несчастные руководители «Алаш-Орды» вынуждены были подчиниться большевикам⁵⁹. Формально их государство прекратило существование в марте 1920 г. Отныне хозяевами степи – по крайней мере, номинально – сделались представители советской власти⁶⁰.

В августе того же года большевики образовали Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, которая в основном охватывала территорию государства «Алаш-Орды». Ее столицей вначале был Оренбург. Из этой республики и частей возникшей уже в 1918 г. Туркестанской АССР в ходе национального членения Средней Азии в конце концов в 1925 г. получилась Казахская АССР. Так как область вокруг Оренбурга после долгих препирательств отошла к РСФСР, столицей новой республики стала лежащая в самом сердце ее земель Кзыл-Орда, а с 1929 г. – Алма-Ата⁶¹. Но административное деление огромной территории явилось лишь первым шагом на длинном пути к утверждению советской власти в степи. Процесс этот занял много лет и стоил больше миллиона человеческих жизней.

---

⁵⁹ О судьбе членов «Алаш-Орды» см.: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. С. 17–77.

⁶⁰ Изложено по кн.: Olcott M. V. The Kazakhs. P. 129–156. История гражданской войны в Средней Азии до сих пор представляет собой непаханое поле для исследований. Политическую историю см.: Аманжолова Д. А. Алаш, Советы, большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 57–73.

⁶¹ В ходе национального деления Средней Азии в 1924–1925 гг. помимо Казахской АССР возникли Узбекская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР и Кара-Киргизская автономная область, преобразованная в 1926 г. в Киргизскую АССР. Подробнее о чрезвычайно сложных перипетиях национального членения см.: Haugen A. The Establishment of National Republics in Central Asia. Basingstoke, 2003. О лежащей в его основе национальной политике см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

УСЛОВИЯ – СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В СТЕПИ

«Товарищи, советской власти в ауле нет», – сказал Ф. И. Голощекин, первый секретарь партийной организации Казахстана, на совещании руководства казахских большевиков¹. Его слушателей такой вывод не удивил. Все они были знакомы с неблагоприятными обстоятельствами, которые делали для них степь местом постоянных поражений и неудач. За годы, прошедшие от окончания гражданской войны до начала коллективизации, большевики так и не обрели здесь почвы под ногами. Вмешательство «сверху», хоть и повторялось раз за разом, все равно оставалось исключительным явлением на фоне будничной повседневности, которая не имела практически ничего общего с коммунистами, их идейным миром и институтами. В обширных районах Казахстана органы местного самоуправления, советы, существовали только на бумаге, а там, где они получили признание, конкурирующие группировки зачастую использовали их в качестве арены для собственных междоусобных схваток. Число коммунистов застыло на низком уровне, и преданность большинства этих партийцев делу большевиков казалась сомнительной даже величайшим оптимистам. В придачу не могло быть и речи о том, что большевистские представления о социализме и современности производили хоть сколько-нибудь заметное впечатление на многонациональное население Казахстана. Редкие исключения лишь подтверждали правило. Сильное государство, способное эффективно контролировать (и облагать налогами) своих подданных, выглядит не так. Пожалуй, самым наглядным символом плачевного состояния дел служило замечание одного функционера, что в его области милиционеры, не имея в своем рас-

---

¹ Голощекин Ф. И. За советизацию аула: Доклад на V краевой партконференции о работе крайкома ВКП(б), 1925 // Голощекин Ф. И. Партийное строительство в Казакстане: Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М., 1930. С. 34. О том же см.: Исаев У. Д. Национальная политика партии в Казакстане // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 23–26.

поряжении ни одной лошади, вынуждены в буквальном смысле *ходить* на задания – и это в краю, населенном кочевниками².

Тем не менее властные притязания государства не совсем пропадали втуне. В казахской степи они трансформировались и приравнивались к местным особенностям. Поэтому рассказ об отношениях коммунистов и казахов нельзя сводить к описанию дефицита влияния у одних и дефицита интереса у других. Государство даже на степных просторах Казахстана не позволяло полностью игнорировать себя и свои требования. Оно не играло особой роли, когда нужно было справляться с повседневными делами и проблемами, однако не стоило допускать ошибку, путая недостаточное присутствие с постоянным отсутствием. Несмотря на все слабости и трудности, оно представляло собой властный фактор, воздействия которого не получалось полностью избежать даже у жителей самых дальних аулов.

Коммунисты для реализации своих притязаний использовали разные формы интервенционного господства. Когда приходило время платить налоги и сборы, требовалось определить структуру местной власти или обострялись конфликты из-за плодородных земель между различными группами населения, они и их местные посредники находили дорогу в кочевые аулы. Эти визиты имели целью не только сбор налогов или выполнение каких-то других задач; функция посетителей состояла и в том, чтобы лишний раз напомнить казахам об их статусе подданных советского государства – неважно, что понимал под этим конкретно каждый отдельный человек. Когда появлялись государственные представители, население волей-неволей вступало в отношения с государством³.

Большевики не сомневались, что рано или поздно казахи к ним прислушаются. Но для этого, с их точки зрения, следовало сперва победить влияние традиционных казахских элит, из-за которого и продолжали держаться порядки и обычаи, внушавшие коммунистам такое отвращение. Необходимо было обезглавить (сначала в переносном, а позже и в прямом смысле) казахские кланы. Поэтому все мероприятия партии в основе своей прямо или косвенно направлялись против элит казахского общества, имея двойную цель: лишить

---

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 330. Л. 68 (стенограмма заседания Оргбюро, [сентябрь 1926 г.]).

³ См. также: Baberowski J. Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich // Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich / hg. J. Baberowski, C. Gumb, D. Feest. Frankfurt a. M., 2008. S. 32. О Советском Союзе: Schnell F. Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg, 2012. S. 438 ff.

силы отдельные видные фигуры, а главное – сломать социальные порядки. В обществе, члены которого идентифицировали себя, по сути, посредством интеграции в сложные клановые системы, существовал только один способ добиться этого: заменить кланы новыми формами социальной общности и сделать так, чтобы прежним авторитетом среди населения стали пользоваться другие персоны. На языке идеологии это звалось «классовой борьбой», фактически же означало не что иное, как репрессии против влиятельных казахов⁴.

Хотя большевики начертали на своих знаменах лозунг преобразования всех существующих отношений, они все же были продуктом своего прошлого, то есть многонационального общества Российской империи. В том числе поэтому в партии (и не только в Казахстане) важную роль играли честь, патронаж и личная преданность⁵. У казахов людей объединяли прежде всего родственные отношения и генеалогические переплетения, формировавшие кланы и рождавшие доверие между различными акторами. Партия и кланы, таким образом, жидились на схожем фундаменте. Говоря абстрактно, речь шла о двух сетях, организованных по принципу личных связей, которые противостояли друг другу, пересекались друг с другом и вполне могли внедриться одна в другую. Клановые использовали советские институты в своих целях и при случае изменяли их⁶.

Советская по форме, традиционная по содержанию

Советское государство выступало в казахской степи в двояком облике: с одной стороны, как интервенционная и зачастую карающая сила, когда, например, население не платило налоги, вспыхивали беспорядки или местные «властители» выходили за пределы дозволенного; с другой стороны, как управленческий и партийный аппарат,

---

⁴ Ситуация в Казахстане мало чем отличалась от ситуации в других среднеазиатских республиках. См., напр.: Edgar A. L. *Genealogy, Class, and «Tribal Policy» in Soviet Turkmenistan, 1924–1934* // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 2. P. 266–288. То же самое о Сибири: Slezkine Yu. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994. P. 163 ff.

⁵ Easter G. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, 2000. О патронаже как определяющем признаке российского общества см.: Hosking G. *Patronage and the Russian State* // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 301–320. О многонациональном составе партийной элиты: Baberowski J. *Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus*. München, 2003. S. 223 ff.

⁶ Schatz E. *Modern Clan Politics. The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle, 2004. P. xvi ff.

который делил территорию на административные единицы и старался установить официальные властные отношения между центром и периферией. Однако само наличие таких структур еще ничего не говорило о механизме их функционирования. Как советское государство пыталось обеспечить себе приверженность и лояльность на местах? Кто присоединялся к проекту большевиков, и какие интересы преследовали эти люди? Какую роль играли кланы?

«Представители чужой нации»

Большевики находились в трудной ситуации: они были немногочисленны, разобщены и не встречали понимания у кочевников. Для большинства казахов социализм оставался делом европейцев. А поскольку весьма немногие европейские коммунисты знали казахский язык и мало кто из местных жителей, со своей стороны, владел «lingua franca»* советского многонационального государства, такое положение если и менялось, то очень медленно⁷. В районах с преобладанием казахов не могло быть никаких сомнений в том, что власть советов и партии простирается не дальше, чем ей позволяют местные элиты.

Население было о «товарищах» невысокого мнения. Тому способствовали как возрастающее налоговое бремя, приводившее к массовому выходу из партии, так и «энергичные действия реквизирующих органов», которые в итоге ослабляли партию и вызывали «ненависть местного населения к коммунистам». «Именующие себя коммунистами, – говорилось в одном докладе, – своими преступными отношениями и подчас и действиями лишь терроризируют мирное население и вносят дезорганизацию в ход советской работы, и нет ничего удивительного, если степняки не только не вступают в ряды членов партии, но и буквально боятся человека, носящего звание “коммунист”»⁸. Примерно то же самое говорил еще в 1919 г. Ахмет Байтурсынов, крупнейший казахский литератор и представитель «Алаш-Орды»: по его словам, большевистское движение выглядело «на периферии не как революция, а как полная анархия»⁹. И в середине 1920-х гг. мно-

* Язык межнационального общения. Lingua franca (*ит.*, буквально – «язык франков») – смешанный язык, зародившийся в Средние века в Средиземноморье. – *Примеч. пер.*

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 9 (стенограмма совещания секретарей парторганизаций тюрко-татарской группы в ЦК РКП(б), 2 января 1926 г.).

⁸ Там же. Оп. 14. Д. 326. Л. 53 об.

⁹ Цит. по: Blank S. Ethnic and Party Politics in Soviet Kazakhstan, 1920–1924 // Central Asian Survey. 1991. Vol. 10. No. 3. P. 2.

гие казахи в Каркаралинском уезде по-прежнему считали коммунистов «представителями чужой нации»¹⁰.

Многие местные партийцы имели весьма смутное представление об основополагающем содержании большевистской идеологии. Они не были толком знакомы ни с именем Ленина, ни с «Азбукой коммунизма». А на вопрос, что такое партия, оказывались не в состоянии ответить даже функционеры низшего звена¹¹. Приезжая в аулы, европейские коммунисты, не знавшие языка своей аудитории, не понимавшие ее культуры и образа жизни¹², частенько сталкивались там с недоверием и неприятием. Кочевники, в свою очередь, не понимали разглагольствований агитаторов о классовой борьбе, революции и пролетариате, поскольку абстрактные проблемы, о которых те толковали, ничего для них не значили¹³. Эти трудности не относились к «детским болезням», они продолжали существовать годами и десятилетиями. Но никакой возмущенный доклад в вышестоящие органы, никакое постановление, никакая инициатива не могли одолеть роковую троицу: катастрофические коммуникационные условия (и связанную с ними проблему реализации власти), политическую и обычную неграмотность, межнациональные конфликты внутри и вне партийной организации¹⁴.

Таким образом, неудивительно, что контрольные комиссии и тайная полиция (ОГПУ) непрерывно сообщали о недостатке принципиальности у местных товарищей: мол, целые партийные ячейки под контролем у баев, видные партийцы открыто исполняют религиозные обряды или имеют несколько жен. С партбилетами ходят пьяницы, драчуны и насильники¹⁵. Никто, обращаясь к партийному или советскому работнику по какому-либо делу, не мог рассчитывать добиться своего без взятки. И многие крестьяне-поселенцы прямо объясняли, почему, по их мнению, советский аппарат хуже царской колониальной администрации: раньше чиновников не

---

¹⁰ Рябоконт В. К вопросу о советизации аула // Красный Казахстан. 1926. № 1. С. 42.

¹¹ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 326. Л. 52 (доклад о «красных караванах», 16 октября 1922 г.). См. об этом же: Olcott M. V. The Kazakhs. Stanford, 1988. P. 207.

¹² Феоктистов Н. К вопросу об организации красных агит-пропагандистских караванов // Коммунист. 1923. № 4. С. 24.

¹³ Феоктистов Н. О работе среди киргиз // Коммунист. 1923. № 1. С. 92–95.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 318. Л. 11–11 об. (вырезка из жалобы из аула № 1 Сырдарьинской губернии, [ранее 29 июня 1927 г.]).

¹⁵ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1445. Л. 15–15 об. (характеристика партийных ячеек в Алтыкарасуйском районе, [1929]).

только было меньше, но и взятками они довольствовались более скромными¹⁶.

Слишком большая территория и слишком малое количество верных людей не позволяли советскому государству в Казахстане выстроить повсюду сколько-нибудь реальные, а не фиктивные структуры. Поэтому постоянное институционализированное влияние центра на местные отношения оставалось маловероятным¹⁷. У партийного руководства и аппарата были связаны руки, когда речь заходила о том, чтобы облегчить товарищам существование в степи или оказать им внушительную поддержку. Лишь изредка туда посылали уполномоченных присмотреть на месте за порядком. Правда, в изобилии сочинялись директивы, воззвания и прочие бумаги, но подобные документы часто вообще не доходили до районов или доходили с большим запозданием. Инфраструктура и коммуникации в степи, за исключением немногих сравнительно добротно построенных путей сообщения, находились в плачевном состоянии. Путешествие по этим краям представляло собой долгое и тяжелое предприятие. Зимой целые регионы на несколько месяцев оказывались отрезаны от внешнего мира и предоставлены сами себе¹⁸. Вдобавок почта и телеграф в 1930-е гг. не принимали и не передавали корреспонденцию на казахском языке¹⁹. Партийные работники на периферии зачастую просто не могли понять информацию и указания, доставляемые из центра курьерами. Как уже говорилось, многие партийцы, будучи «технически и политически» неграмотными, не умели ни читать, ни писать и не знали основ большевистской идеологии. Если к тому же отсутствовали переводы официальных документов на казахский, аульские функционеры обычно приходили к самому рациональному в такой ситуации решению: формально принимали все входящие бумаги «к сведению» и больше не обращали на них внимания²⁰.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 136, 138 (доклад Каучуковского Сталину, 12 марта 1925 г.).

¹⁷ Wendelken R. W. Russian Immigration and Its Effect on the Kazakh Steppes (1552–1965) // Fell-Bialkoff A. The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe. Sedentary Civilization vs. «Barbarian» Nomads. Basingstoke, 2000. P. 86.

¹⁸ Положение с инфраструктурой всегда служило поводом для жалоб. Подробнее см.: Payne M. Stalin's Railroad. Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2001.

¹⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827. Л. 181–188. См.: Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 2001. С. 48–49.

²⁰ Ряднин М. Казакстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кзыл-Орда, 1928. С. 44.

Коммунистов слушали главным образом там, где они приспособивались к обстановке. И по этой причине тоже в районах проживания кочевников различие между партией и местным обществом практически стиралось, меняя лицо парторганизации до неузнаваемости²¹. Большинство коммунистов могло вести работу только в условиях сообществ, откуда сами были родом. В результате даже «ответственные» партийцы порой не видели ничего плохого в том, чтобы, например, отсыпать из местной партийной кассы денег на проведение мусульманского праздника Курбан-Байрам²². Вышестоящее начальство с полным правом расценивало подобные прегрешения не как отдельные недостатки, а как симптом культурных особенностей.

Многие мелкие функционеры шли еще дальше, ставя свои властные ресурсы и знания на службу собственным родам и кланам. В начале 1925 г. некоторые кочевники из Тургайской области перебрались в Ак-Мечетский уезд и поставили свои юрты рядом с жившими здесь казахами, которые принадлежали к другому роду. Как-то раз у одного из тургайцев нечаянно выстрелило ружье, ранив молодую женщину из местных. Немного времени спустя собрались братья пострадавшей и угнали у «виновников» весь скот. Потом они пригласили к себе председателя уездного исполкома, который их покрывал, и отблагодарили его быком²³. Подобные любезности и жесты помогали поддерживать статус-кво в кочевых регионах. От взаимопонимания между местными функционерами и кочевниками выигрывали обе стороны.

Помимо горстки «профессиональных» партработников, партия в степи состояла почти исключительно из мужчин, которые глубоко вросли в традиционные общественные структуры и даже в облачении коммуниста не желали отрекаться от своей культуры. Вместе с тем некоторые из них не щадили ради товарищей ни сил, ни самой жизни (особенно в годы гражданской войны)²⁴. Но поступали они

---

²¹ Отчет Казакской Краевой Контрольной Комиссии ВКП(б) и Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции к 6-ой Казакской Партконференции (За время с 1-го января 1926 г. по 1-ое октября 1927 г.). Кзыл-Орда, 1927. С. 24.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 146. Л. 67 (стенограмма 7-й Джетысуйской губернской конференции ВКП(б), 2–5 января 1927 г.).

²³ Там же. Оп. 67. Д. 82. Л. 138 (Каучуковский – Сталину, 12 марта 1925 г.).

²⁴ Например, А. Джангильдин, один из немногих местных коммунистов, которые еще в гражданскую войну встали на сторону большевиков и пережили все чистки. См.: Очак И., Такенов А. Интернациональный отряд: К истории экспедиции А. Джангильдина. Алма-Ата, 1974.

так не просто потому, что разделяли идеалы большевиков, а потому, что надеялись с их помощью реализовать собственные интересы, как показывает пример Сатыбая Байгушева. Этот богатый и влиятельный кочевник из окрестностей Кокчетава уже в 1917 г. решительно стоял за Советы, а позже – за большевиков. Вначале он делал это не без задней мысли. Выходец из небольшого рода Кирей, он искал у большевиков защиты и поддержки против гораздо более могущественных родов Атыгай, Карачи и Караул. Байгушев проявил необычайную преданность и не сменил лагерь, даже когда военная удача повернулась лицом к белой армии адмирала Колчака. Он выкупал коммунистов из тюрьмы, как, например, Абильхаира Досова, его люди служили большевикам разведчиками, он занимался махинациями в пользу большевиков на выборах: в 1917 г. подкупом переманивал эсеровских избирателей. К 1920 г. многим товарищам он казался «единственной надежной фигурой среди всех кокчетавских киргизов его положения»²⁵. В 1921 г. этому альянсу внезапно наступил конец: «белобандиты» «заловили его [Байгушева] и буквально растерзали на части»²⁶. Таким образом, большевики имели возможность привлекать на свою сторону местных авторитетов, приобретая тем самым верность их сторонников. Правда, при этом отнюдь нельзя было с уверенностью сказать, кто от таких связей выигрывал больше. В степи, вдали от глаз большевиков из крупных центров, особенно в первые годы после гражданской войны, на ключевых должностях сидели чрезвычайно сомнительные фигуры.

Наиболее вопиющим примером такого рода, безусловно, может служить Тобанияз Алниязов, «хан адаевцев». Родившийся в 1875 г. председатель Адаевского уездного ревкома происходил из рода Кенже и слыл потомком легендарных казахских воителей. Во время восстания 1916 г. он попал в тюрьму, однако после Февральской революции вышел на свободу. В 1920 г., после того как уезд на западе Казахстана три года прожил фактически сам по себе, большевики учредили здесь Революционный комитет с Алниязовым во главе²⁷. Новый «большой человек» Адаевского уезда не питал особой склонности к радикальным социальным экспериментам, зато превыше всего ценил доброе согласие с местными родовыми элитами. Поэтому

---

²⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1218. Л. 5–6 (Шапиро – Метелеву, [ранее 19 сентября 1928 г.]).

²⁶ Там же. Л. 7 (Досов – Калинин, 19 сентября 1928 г.).

²⁷ Омаров М. Расстрелянная степь: Документальное повествование. Алма-Ата, 1994. С. 10. Этому помогли его тесные связи с Джангильдиным. См.: Тлепов С. Т. Страницы истории Мангышлака. Алма-Ата, 1980. С. 5–6.

он вел себя как традиционный казахский властитель, который сам себе закон. Он ориентировался на принципы шариата и казахского обычного права, адата²⁸. Народ называл его ханом, и Алниязов охотно это допускал. Такой титул понятнее людям, чем сложное наименование «председатель Революционного комитета», объяснял он позже²⁹. Неоднократно вспыхивавшие протесты молодых коммунистов против его режима нимало ему не вредили. Во-первых, эти люди не осмеливались высунуть нос из Форт-Александровского, единственного укрепленного поселения в регионе, тогда как Алниязов главным образом передвигался по степи. Во-вторых, население было на его стороне, поскольку «темная масса», как говорилось в одном докладе ОГПУ, видела «в Алниязове единственного “советского работника”, поддерживающего старые патриархальные обычаи и традиции»³⁰.

Но еще более важную роль играло то, что «хан» исполнял свои обязанности патрона-защитника, обороняя кочевников уезда от постоянных нападений банд легендарного Джунаид-хана из лежащего южнее Хорезма³¹. В 1921 г., чтобы положить конец налетам из Хорезма, Алниязов вторгся в соседнюю республику с отрядом в 3 тыс. всадников и дошел до города Кунграда³². Эта беспрецедентная атака внесла решающий вклад в установление мира между враждующими жителями двух регионов, который рухнул только в конце 1920-х гг. под натиском кампании коллективизации³³. Однако в то же время своей гусарской эскападой Алниязов перегнул палку. Он был арестован, отряды, сформированные им «для охраны южной границы уезда», распущены (правда, оружие бойцы не сдали). В 1923 г. Алниязов освободился, но только для того, чтобы в 1925 г. снова предстать перед судом³⁴.

---

²⁸ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1036. Л. 2 об.–3 (доклад об Адаевском уезде, 1928). Об адате см.: Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond, 2001. P. 17 ff.

²⁹ Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: Время и судьбы / под ред. Г. Анеса. Алма-Ата, 1998. С. 76.

³⁰ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1036. Л. 3.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 47 об. (доклад об «Алаш-Орде» и киргизских националистических группировках, 1 января – 1 марта 1923 г.).

³² Омаров М. Расстрелянная степь. С. 12.

³³ Ищенко М. М., Казбеков И. С. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда: Отчет о работах почвенно-ботанического отряда. Л., 1928. С. 90–91.

³⁴ По словам М. Омарова, он лишился своего поста еще в 1922 г.: Омаров М. Расстрелянная степь. С. 12. Согласно К. Алдажуманову, Алниязов до

В глазах населения его авторитет нисколько не пострадал. Он считался главной инстанцией для решения всех насущных вопросов. Даже председатель одного из районных ревкомов Мунбаев вынужден был признать, что один Алниязов держит в своих руках все нити³⁵. В 1925 г. он, очевидно, опять вышел сухим из воды, однако в ноябре 1928 г. его вместе с рядом других функционеров арестовали в последний раз. Им вменялась в вину смерть Ш. Ералиева, члена казахского Центрального исполнительного комитета (КазЦИК). По-видимому, этот деятель умер не от рук обвиняемых, а после обильного застолья спьяну упал за борт судна в Каспийском море. Но местное ОГПУ интересовали не столько действительные обстоятельства его гибели, сколько польза, которую можно из нее извлечь. Алниязова и прочих «заговорщиков» судили и осудили в конце 1930 г.³⁶ В 1931 г. Алниязов сбежал из тюрьмы и погрузился в водоворот очередной гражданской войны. Теперь этот человек, раньше, как-никак, входивший в казахский ЦИК, окончательно стал врагом советской власти.

«Лицом к аулу»

Формально влияние советского государства в степи неуклонно росло. В партию вступали новые члены, все больше людей принимало участие в советских выборах, да и другие признаки, с точки зрения большевиков, свидетельствовали о положительной динамике³⁷. Но все это ни от кого не могло скрыть, что за фасадом советских учреждений процветали старые властные отношения. Когда большевики повернулись «лицом к аулу», они нашли там мало обнадеживающего³⁸.

1925 г. был членом КазЦИК: Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления. С. 78. Вероятно, уже в 1924 г. на него хватало материала, чтобы отдать его под суд. См.: АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1036. Л. 3.

³⁵ Жанаев Б. О чем поведали документы: К 120-летию Тобанияза Алниязова // Набиев Ж. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алма-Ата, 2010. С. 418–425.

³⁶ Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления. С. 79; Набиев Ж. Степная трагедия. С. 257–259.

³⁷ Данные см.: Материалы к отчету Казакского Краевого Комитета ВКП(б) на VI краевой партийной конференции. Кзыл-Орда, 1927.

³⁸ Голошекин Ф. И. Об аульном коммунисте – статья в журнале «Кзыл Казакстан» 1926 г. // Голошекин Ф. И. Партийное строительство в Казакстане. С. 88–92. Так именовался казахский вариант кампании «лицом к деревне», с помощью которой большевики пытались перейти в наступление за

Чтобы составить представление о положении на местах, казахская Комиссия партийного контроля с июня по ноябрь 1926 г. провела по всей республике выборочную проверку 85 партийных ячеек, охватывавших 1 622 члена и кандидата в члены партии. Список выявленных контролерами недостатков оказался длинным и рисовал печальную картину: низовые парторганизации не имеют руководящих указаний, и за ними нет никакого надзора, никто не общается с казахскими коммунистами на их языке, партячейки не пользуются авторитетом у населения, партийцы ничем не отличаются от своих соседей, находятся под влиянием баев, и дисциплина у них хромает. Хотя обследованные ячейки оказались не «худшими» в стране, как сначала думали, результаты проверки не радовали: в целом 440 коммунистов, больше четверти всех казахских партийцев, получили взыскания, свыше ста из них были исключены из партии, двумстам велели повысить уровень политического образования³⁹. Конкретных мер комиссия не предложила. Нужно наладить общение с ячейками и посылать в степь «крепких товарищей», гласили ее общие рекомендации. Кроме того, она советовала подтянуть дисциплину и ликвидировать обычную и политическую неграмотность среди аульных коммунистов⁴⁰.

Даже самые горячие сторонники эволюционных преобразований в казахском ауле не могли не признать, сколь ничтожен там эффект от разговоров и пассивного выжидания. Только «оптимистическая иллюзия», поведал, например, своим читателям статистик В. Г. Соколовский, заставляет некоторых товарищей думать, будто влияние баев сойдет на нет в обозримом будущем⁴¹. Одними символическими по сути действиями вроде лишения избирательных прав или экспроприации некоторых баев революционизировать обстановку невозможно. Поборники радикальных перемен настаивали на более твердой линии, выступая за «советизацию аула». Это выражение, пущенное в обиход Голощекиным еще в 1925 г., имело двойкий смысл: с одной стороны, оно означало признание, что достижения за

пределами городских центров. См. об этом: McDonald T. *Face to the Village. The Kazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930*. Toronto, 2011.

³⁹ Отчет Казакской Краевой Контрольной Комиссии... С. 22–23.

⁴⁰ Там же. С. 24–25. Рекрутирование новых кадров представляло проблему. См. об этом: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1045. Л. 57–63. Цит.: Ураз Джандосов: Документы и публицистика (1918–1937 гг.): В 2 т. / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1999. Т. 1. С. 357–360.

⁴¹ Соколовский В. Г. Казакский аул. К вопросу о методах его изучения государственной статистикой на основе решений V-й Всеказакской Партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП(б). Ташкент, 1926. С. 15.

истекшие годы невелики, а то и вовсе отсутствуют, с другой – так именовался ряд мер, призванных исправить положение⁴². Партийное руководство отводило главную роль в этом деле аульным коммунистам: они должны нести в аул весть о социалистическом строительстве и тем самым побуждать его революционизироваться. Голощекин, знавший жизнь казахов лишь понаслышке, вдобавок выражал надежду, что эти люди будут поставлять сведения о «неизвестных» процессах в аулах⁴³. Насколько подобные предположения были далеки от реальности, показывали бесчисленные доклады о внушающем тревогу состоянии партии.

Партячейки в аулах организовывались по родовому принципу и подчинялись авторитету местных баев. Из-за этого, указывалось в одном докладе с крайнего запада Казахстана, «теряется всякая партийная и классовая линия». Например, «партийной этике» нанесло огромный вред «горячее участие» всех партийцев одного клана в похищении лошади, которую ранее угнали у одного из их баев. В подобных обстоятельствах до настоящей борьбы с баями и должного проведения политических кампаний еще очень далеко⁴⁴. Партийные структуры и кланы были тесно спаяны между собой не только в аулах. Руководители среднего звена тоже объединялись и подбирали окружение по родовым и клановым признакам, так же как и по национальной принадлежности. Инструктор московского ЦК в сентябре 1926 г. сообщал из Джетысуйской губернии, что вся парторганизация здесь погрязла в борьбе кланов. Трое из четырех секретарей укомов активно ввязывались в межродовые распри. «При таком положении, – делал вывод инструктор, – ни о какой сплоченности организации говорить не приходится, наоборот – она делится на всякие рода, группы, подгруппы и т. д.»⁴⁵ Конфликты эти захватывали не только их партийных участников, но и население, которое обычно симпатизировало той или иной группировке⁴⁶.

⁴² Анализ проблемы и программу см.: Голощекин Ф. И. За советизацию аула. С. 22–45.

⁴³ Голощекин Ф. И. Об аульном коммунисте. С. 88–92.

⁴⁴ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1445. Л. 20 (доклад о положении в партии в Адаевском округе, 1 мая 1929 г.).

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 27 (доклад о положении в партийной организации Джетысуйской губернии, 17 сентября 1926 г.).

⁴⁶ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1445. Л. 21. В некоторых местах ситуация мало изменилась и в начале 1930-х гг. См.: Козыбаев К. За новую жизнь // Годы мужания: Воспоминания участников социалистического строительства в Казахстане / под ред. П. М. Шахмурного. Алма-Ата, 1969. С. 231–232.

Особенно бросалось в глаза подобное слияние в правовой сфере. Здесь «советская законность» зачастую служила лишь вывеской для решений, базировавшихся на адате⁴⁷. Население игнорировало абстрактные и непонятные ему советские законы, улаживая свои конфликты с помощью традиционных казахских судов, которые работали эффективнее и быстрее неповоротливого советского аппарата. Мало того, писал один партработник: «Нередки случаи, когда вместе с бедняками или середняками к баям идут за советами и наши коммунисты и низовые работники аула... Тот работник (в ауле), который не расстраивает “ынтымак”^{*} и сам участвует в последнем, по мнению байской общественности, считается самым хорошим работником в ауле, и этот работник в “почете” у бая, и он пользуется авторитетом среди байства»⁴⁸.

Без материальной поддержки местных баев советское государство в степи было недееспособно. Многие должностные лица даже не располагали собственными лошадьми, а для того, чтобы исполнять свои обязанности на огромной подведомственной территории, им требовалось передвигаться верхом. Они одалживали лошадей у баев и платили им разнообразными услугами, а главное – обязательством по мере сил оберегать своих работодателей от репрессий⁴⁹.

Так же как в деревнях европейских колонистов, самых надежных помощников коммунисты рекрутировали в аулах из молодых людей, которые в своем сообществе считались в некотором роде отщепенцами. Лозунги и обещания большевиков предлагали им чрезвычайно заманчивые перспективы, позволяли надеяться на влиятельное положение, которого в другом случае они вряд ли достигли бы⁵⁰. Часто эти так называемые бельсенды принадлежали к родам, находившимся в меньшинстве в их ауле или уезде. Вставая в ряды коммунистов, они получали возможность защищаться от конкурентов. Как правило, нельзя было точно выяснить, почему они примкнули к борцам против традиции – благодаря убедительности аргументов Ленина или преследуя личную выгоду. В любом случае, представители этого деревенского люмпен-пролетариата всем и каждому давали почувствовать свою новообретенную силу; они не уважали

---

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 106. Л. 20–20 об. (сообщение управления судебных органов Наркомата юстиции РСФСР, 13 августа 1928 г.).

^{*} Согласие, единодушие (каз.). – *Примеч. пер.*

⁴⁸ Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1927. С. 18–19.

⁴⁹ Там же. С. 40–41.

⁵⁰ Ср., напр.: Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorf zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984. S. 134–174.

старших и любили нагонять на людей страх. Многие «бельсенды» подражали манере поведения, усвоенной большевиками под влиянием привычки к насилию и культа мужественности: пили, курили, прилюдно сквернословили, издевались над своими жертвами⁵¹.

Какие бы преимущества ни получали те, кто вступал в альянс с большевиками, в первую очередь они навлекали на себя презрение собратьев по клану. Членство в партии никого не избавляло от необходимости ладить с соседями и родными. Там, где коммунисты показывали, что не намерены подчиняться требованиям верхушки своего аула, их в лучшем случае игнорировали, а то и выгоняли из общины. Изредка баи прибегали к помощи извне и ходатайствовали в вышестоящие инстанции с просьбами убрать из аула того или иного партработника или председателя совета за якобы совершенные им прегрешения⁵². Именно такие примеры ясно свидетельствуют, что местные сообщества прекрасно умели пользоваться советскими институтами, когда это отвечало их интересам⁵³.

Нескрываемая неприязнь окружающих и насмешливые прозвища были для советских активистов самыми безобидными последствиями их деятельности⁵⁴. Кое-где им приходилось опасаться за свою жизнь. В книге, посвященной положению в казахском ауле, Г. С. Тогжанов рассказал о человеке, который обратился к нему «со слезами на глазах» и поведал о своей безвыходной ситуации. В ходе кампании по взысканию налогов он руководил группой активистов и отличился, выискивая скот, который баи его аула прятали от налоговых агентов. Теперь его ждала расплата за это тяжкое преступление против норм общежития. Местные советские работники вместе с возмущенной аульной элитой преследовали провинившегося, пытаясь выгнать его из общины как «бозгыша» – предателя интересов аула, грозили ему тюрьмой, ссылкой, а если этого не получится добиться – то смертью. Мнение аульчан по этому поводу выразил председатель Союза кошчи, объединения бедных и неимущих казахов: «Кто больше и кто сильнее, аул или он?»⁵⁵

---

⁵¹ Shayakhmetov M. *The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin*. London, 2006. P. 26.

⁵² Тогжанов Г. О казахском ауле. С. 19.

⁵³ Нечто подобное наблюдалось еще до революции. См.: Crews R. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, Mass., 2006. P. 21 ff.

⁵⁴ Тогжанов Г. О казахском ауле. С. 27.

⁵⁵ Там же. С. 21.

Советские выборы в степи

В течение 1920-х гг. почти во всех регионах Казахстана были мало-помалу введены советы. Выборы в эти органы каждый раз представляли случай помериться силами, с одной стороны, конкурирующим кланам, с другой стороны, государству и обществу. Во время выборов речь на местах, помимо завоевания большинства, шла о двух постах – председателя и секретаря аулсовета. Увы, периодически повторявшиеся голосования превращались для большевиков в сплошную череду поражений. И не столько из-за низкой явки избирателей, сколько потому, что клановые старейшины постепенно увидели в советах подходящее средство защиты своих частных интересов.

Клановые элиты либо прямо выдвигали на советские посты своих представителей, либо привлекали подставных лиц, которые баллотировались по их заданию. Такие кандидаты исполняли в советах волю закулисных хозяев и в первую очередь заботились о нуждах собственных общин и кланов⁵⁶. Большинство претендентов на тот или иной пост едва ли соответствовали идеалу советского депутата. Многие избранные не делали секрета из того, от чьего имени и по чьему поручению осуществляют свои полномочия. Впрочем, конкурирующие кланы инсценировали разногласия между «бедняками» и «богачами», демонстрируя сторонним наблюдателям «классовую борьбу», которую те так упорно искали. Но фактически, говорилось в одном докладе, просто один клан подминал под себя все прочие⁵⁷. В некоторых местах кандидаты, не желая полагаться на соревновательное голосование, прибегали к классическому методу подкупа избирателей. Пост председателя волисполкома, по словам инструктора ЦК, посетившего осенью 1926 г. Джетысуйскую губернию, стоил от 500 до 1 000 рублей: такая сумма позволяла купить достаточно голосов. Должность в аулсовете соответственно обходилась дешевле⁵⁸.

Пример выборов в волостной совет и аулсоветы Мендешевской волости Семипалатинской губернии в 1925 г. показывает, как проходили подобные голосования. Здесь мобилизовали сторонников два

---

⁵⁶ Подобное происходило и в других местах. О Туркмении см.: Edgar A. L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004. P. 167 ff. О Кавказе: Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 478 ff. О Киргизии: Loring B. H. Building Socialism in Kyrgyzstan. Nation-Making, Rural Development, and Social Change, 1921–1932: Ph. D. diss. Brandeis, 2008. P. 97 ff.

⁵⁷ Соколовский В. Г. Казакский аул. С. 23.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 26 (доклад о положении в партийной организации Джетысуйской губернии, 17 сентября 1926 г.).

человека, уже несколько лет бывшие заклятыми врагами, – Мусатай Молдыбаев и Ике Адилев. Оба кузена в последние годы царизма и во время восстания 1916 г. поочередно занимали должность общинного старосты. В гражданскую войну Молдыбаев не раз переходил с одной стороны на другую, пока, наконец, после падения правительства «Алаш-Орды» не стал изображать из себя «вечного» сторонника коммунистов и красного партизана.

Когда настал день выборов и жителей аула № 2⁵⁹ призвали голосовать, больше половины населения явилось в заранее назначенное место. Тут же образовались два лагеря: приверженцы Молдыбаева считались группой беднейших слоев, а сторонники Адилева объявлялись представителями байства. Каждый лагерь принялся уличать противников в том, что они терпят в своих рядах лиц, не имеющих в этом ауле избирательных прав. Наконец Адилев и его люди в знак протеста покинули собрание. Уполномоченный, полагая, что теперь будет иметь дело только с неимущими казахами, разрешил продолжить выборы. В результате кандидаты присутствующих получили большинство мест в новом совете. Ввиду вражды между сторонниками двух предводителей (которые сами давным-давно были лишены избирательных прав), столь глубокой, что они даже на выборах не могли находиться рядом, голосование фактически проводилось отдельно по группам. В ауле № 4 атмосфера до такой степени не накалялась. Там, гласит доклад уполномоченного по выборам, вся партиячка поддержала «группировку Мусатая». Партийцы объясняли, что она состоит из бедняков, а сам Мусатай, хоть и бай, не покладая рук работает на советскую власть: «Мы называем эту группу “группой бедноты”, а другую называем группой “алаш-ординцев и богачей”, и мы считаем, что Мусатай есть защитник бедноты, и мы нашли необходимым эту группу поддержать, так как беднота не идет за коммунистами»⁶⁰. Подобные мимикрийные стратегии и инсценированные «классовые противоречия» принадлежали к классическому инструментарию местных советских выборов. С одной стороны, речь шла о казахском варианте «говорения по-большевистски» – население перенимало советские языковые нормы, чтобы добиться внимания к своим нуждам⁶¹. С другой стороны, только такой способ

⁵⁹ «Административные» аулы не получали названий, а просто нумеровались.

⁶⁰ Весь эпизод см.: Рябоконт В. К вопросу о советизации аула. С. 49–51. Цитата на с. 50.

⁶¹ Подробнее см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 198–237.

говорить о местных конфликтах делал сколько-нибудь возможным общение с коммунистами.

Местные элиты часто еще в преддверии выборов старались достичь консенсуса между собой, дабы избежать конфликтов и не потерять возможность довести процедуру до желательного исхода. Обычно события разворачивались следующим образом, писала газета «Советская степь» в декабре 1925 г.: когда представитель избирательной комиссии прибывал в аул, председатель аулсовета собирал самых важных персон, чтобы вместе решить, кто должен занять наиболее значительные посты. Если все улаживалось ко взаимному удовольствию присутствующих и разные кланы видели, что их притязания удовлетворены, председатель убеждал уполномоченных избиркома, что выборное собрание провести нельзя: жители разбросаны слишком далеко и т. п. Та же схема применялась при дележке постов в волостных органах. Лишь при наличии клана, который непременно желал всю власть присвоить себе, конфликты выносились наружу⁶².

Вот и в ауле № 1 Кастекской волости представители отдельных группировок перед выборами 1927 г. договорились между собой. Все согласились, что выставлять следует только кандидатуры «настоящих бедняков и середняков» – людей, которые стопроцентно верны своим баям и их подручным, «аткамнерам», и не станут нарушать правила «ынтымака» – согласия и мира между отдельными фигурами. Ссылаясь на «ынтымак» и связанную с ним необходимость подчиняться их авторитету, клановые элиты не давали коммунистам аула вмешиваться в подготовку к выборам. Те позже вынуждены были признать, что участвовали в происходящем исключительно как пассивные наблюдатели⁶³. Один парработник добавлял с поистине обезоруживающей откровенностью: «Я поневоле должен быть мягким, тихим (жаус), иначе представители больших родов (значит, бай и аткамнеры) будут нападать на меня, станут моими врагами, – а это невыгодно и для меня, и для ячейки. Без согласия представителей больших родов я ничего не в силах делать, все надо согласовывать с ними и потом вместе с ними, сообща делать»⁶⁴. Секретарь партийной ячейки товарищ Мамырбаев так описывал беспомощность коммунистов: «Надо признаться, мы на бумаге как будто все делаем, но в жизни ничего»⁶⁵. Жаловаться на подобное положение дел он не собирался,

---

⁶² Советская степь. 1925. 22 дек. Цит. по: Соколовский В. Г. Казакский аул. С. 24. См. также: Тогжанов Г. О казакском ауле. С. 19–20.

⁶³ Тогжанов Г. О казакском ауле. С. 62.

⁶⁴ Там же. С. 20.

⁶⁵ Там же. С. 61.

зная, что уполномоченный из волостного центра в наилучших отношениях с тремя важнейшими персонами аула. Вполне понятно, почему местные большевики искали с ними компромисса.

Что же за люди пользовались таким большим авторитетом? В ауле № 1 заправлял триумвират, состав которого иллюстрирует тесную спайку клановой иерархии и советских структур. Во-первых, Бакир Испатаев, торговец, тертый калач, не только умевший читать и писать, но и обладавший глубокими юридическими познаниями. К нему шли те, кто нуждался в совете или в улаживании спора. Во-вторых, Шалтабай Кудайбергенов, состоятельный человек, владелец 800 баранов и более чем 100 лошадей, который одно время мог себе позволить иметь пять жен. Г. С. Тогжанову он отрекомендовался сочувствующим коммунистическим идеям. Хотя сам он бай, уверял Кудайбергенов, но считает себя «настоящим советским человеком», стал коммунистом еще «со времен Николая» и всегда помогал бедным. Он с гордостью добавил, что все члены его рода беспрекословно ему повинуются и готовы умереть за него. Мусаев, третий в связке, работал секретарем аулсовета. Материально обеспеченный хуже, чем двое других, но принадлежавший к тому же клану, он служил в их руках послушным инструментом. Его задача состояла прежде всего в том, чтобы отстаивать интересы Испатаева и Кудайбергенова и обеспечивать им видимость «советской» легитимности. В случае протестов именно Мусаев снова и снова – и не всегда мягкими средствами – напоминал населению о принципе «ынтымака». Наконец, был еще председатель аулсовета Насыпаев. Он почти ничего не значил. Член мелкого клана, он не имел никакой возможности проявлять самостоятельность. Мусаев не раз третировал его при всех. В подобных обстоятельствах неудивительно, что пленарных заседаний аулсовета фактически не проводилось. Советскую власть представляли здесь только Мусаев и Насыпаев. Оба более или менее добровольно делали то, что от них требовали⁶⁶.

В аулах и местных учреждениях советской системы – аулсоветах и партиячках – рядовые партийцы, мелкие казахские функционеры, советские служащие и кочевники должны были, могли и хотели сотрудничать друг с другом. Однако их собрания часто превращались в арену ожесточенного соперничества казахских родов за влияние и контроль над ресурсами. При этом то и дело складывались альянсы, которые, по мнению большевистских теоретиков, противоречили конфликтным линиям внутри казахского общества: партийцы вместо помощи бедным семьям защищали интересы «своих» баев, в советах многие глав-

---

⁶⁶ Там же. С. 62–63.

ным образом боролись за господство собственного рода, вместо того чтобы сообща пойти против «эксплуататоров»⁶⁷. Снова и снова становилось ясно, что в ауле нет классовых противоречий в марксистском понимании, а есть кланы, которые главенствуют над экономической и политической жизнью⁶⁸. Выражаясь словами Эдварда Шатца, возник «институциональный синкретизм», то есть тесное переплетение «традиционных» и «современных» элементов⁶⁹. Содержание институтов, советских по форме, определялось клановыми сетями.

С точки зрения руководства, как неразрывная связь, так и резкое отторжение между различными членами местных сообществ представляли собой серьезнейшую помеху. Неспособность урезать влияние кланов и нейтрализовать их предводителей ставила крест на всех планах преобразования степи. Хуже того, даже контроль над коммунистами при таких обстоятельствах становился проблематичным. Поэтому в 1920-е гг. государство большевиков почти во всех регионах Казахстана было «локальным мероприятием»⁷⁰, о конкретных правилах которого акторам в каждом случае приходилось договариваться на месте.

«Путь к социализму» – будущее казахских кочевников

Место казахов в советской современности не было predetermined заранее. Полная оседлость изначально не являлась первоочередной целью большевистской политики в Средней Азии. Коммунисты, скорее, хотели «деномадизировать» кочевников лишь настолько, чтобы те перестали бросать серьезный вызов хрупкой государственной монополии на применение силы.

Поэтому все 1920-е гг. прошли в разногласиях и дебатах по поводу возможностей и способов культурной, социальной и, не в последнюю очередь, экономической интеграции степняков в новое общество⁷¹. Под «оседанием» поначалу имелось в виду не более чем сосредото-

---

⁶⁷ Аманжолова Д. А. Казахская автономия: От замысла националов к самоопределению по-советски // Acta Slavonica Iaponica. 2004. Vol. 21. P. 140.

⁶⁸ Соколовский В. Г. Казакский аул. С. 15.

⁶⁹ Schatz E. Modern Clan Politics. P. xxii.

⁷⁰ Формулировку см.: Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / hg. G. Hausmann. Göttingen, 2002.

⁷¹ Советские этнографы уже задним числом сделали вывод, будто оседание было целью советской политики «всегда». См.: Дахшлейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

чение населения в определенных местах или, по крайней мере, четко ограниченных районах. Правильный ли путь представляла собой привязка «отсталых» кочевников к земле, или казахам лучше было остаться кочевниками? Могло ли государство, претендовавшее на контроль над своим населением, мириться с тем, что жители целых регионов ускользают у него из рук? Что было нужно, чтобы повысить культурный уровень казахов? И наконец: идеологический или экономический вопрос решался посредством перевода на оседлость?

«Отсталость» и новая культура

Большевики, видевшие в самих себе не только ускорителей, но и собственно носителей прогресса и модернизации, считали кочевников представителями «отсталой» культуры. Отличительными чертами быта последних, по их мнению, являлись феодальные отношения эксплуатации, а также грязь, болезни, невежество ввиду неграмотности и религиозности, бесправие и угнетение женщин⁷². Такие взгляды мало чем отличались от представлений многих царских колониальных чиновников и этнологов, которые тоже отмечали цивилизационное и культурное отставание кочевников⁷³.

Образ жизни, в основе которого лежали, во-первых, мобильность, а во-вторых, включение всех индивидов в клановые структуры, сформированные по генеалогическому принципу, делал кочевников аутсайдерами общества, воображаемого большевиками⁷⁴. Людям, ориентировавшимся на «европейские» стандарты (хотя сами они довольно часто им не соответствовали), условия кочевого быта не могли не казаться возмутительными. В первую очередь недовольство врачей и апологетов модернизации вызывали тесные, душные зимние жилища кочевников⁷⁵. Человек забирается туда, «как медведь в берлогу», негодовал этнолог Ф. Сластухин, и переживает зимние бураны в изоля-

⁷² Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 75–77.

⁷³ Stolypin P. A., Kriwoschein A. W. Die Kolonisation Sibiriens. Eine Denkschrift. Berlin, 1912. S. 37 ff., 111.

⁷⁴ Об «эссенциализации» кочевников советскими этнографами см.: Sneath D. The Headless State. Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007. P. 121 ff. Д. Лейн рассматривает конфликты в казахском ауле как «классовые»: Lane D. Ethnic and Class Stratification in Soviet Kazakhstan, 1917–39 // Comparative Studies in Society and History. 1975. Vol. 17. No. 2. P. 165–189.

⁷⁵ Ермиков А. А. Организация школ среди казахского населения // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 117.

пии от внешнего мира, отрезанный от соседей и родных. Все, чем владеют и пользуются казахи, «покрыто грязью»⁷⁶. «Повинными» в этом он считал жизнь в юртах и постоянное бродяжничество. Логический вывод состоял в пропаганде оседания как решения всех проблем. Другие авторы, напротив, доказывали, что оседлость представляет серьезную угрозу здоровью и жизни казахов. Сохраняет им жизнь только кочевание летом, и потому не следует рекомендовать им стягиваться в постоянные поселения⁷⁷.

Казахи стали идеальным антиподом современности советского образца, отводившей особую роль чистоте и порядку. Соответственно большевики представляли себе «социалистический аул» чистым, светлым, практично устроенным. Располагая скудными средствами, они пытались привить кочевникам элементарные навыки гигиены. При этом на первом плане стояли не обязательно филантропические мотивы. Коммунистов заботило не столько здоровье казахов, сколько культурная революция в ауле. Их усилия приносили плоды: удачные демонстрации врачебного искусства, совершенно очевидно, действовали гораздо сильнее, чем пропагандистские брошюры просветителей, зачастую написанные по-русски⁷⁸. Но для закрепления успеха требовался медицинский персонал, владеющий казахским языком и постоянно находящийся у населения на глазах⁷⁹. Иначе многие люди по-прежнему предпочитали бы обращаться к традиционным целителям и шаманам, чем надеяться на медиков, работающих где-то вдалеке⁸⁰. Поэтому в степь отправлялись «красные юрты» с врачами и санитарями⁸¹.

Казахские коммунисты, подобно своим товарищам в других исламских регионах Советского Союза⁸², пытались распространять прогрессистские идеи в первую очередь среди женщин. Положение женщины служило для них показателем прогрессивности или от-

---

⁷⁶ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула. С. 76.

⁷⁷ Ермиков А. А. Организация школ среди казахского населения. С. 117.

⁷⁸ См.: Michaels P. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–1941 // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 160 f.

⁷⁹ Michaels P. Curative Powers. *Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*. Pittsburgh, 2003. P. 109 ff.

⁸⁰ Об отношениях био- и этномедицины см.: *Ibid.* P. 73 ff.

⁸¹ Подробнее см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 975. Л. 14–19 (доклад о партийно-комсомольской работе на летних пастбищах, ранее 2 августа 1927 г.). Такие команды существовали даже в 1950-е гг. См.: Michaels P. Curative Powers. P. 170 ff.

⁸² Общую картину см.: Khalid A. *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley, 2007. P. 50–83.

сталости общества. Глядя на казахский аул, они убеждались, что казашки угнетены, бесправны и обездолены. Тот, кто поможет этим женщинам поднять голову, рассуждали они, сумеет сломать и революционизировать косные социальные структуры⁸³. Между тем работу активистов в данной области осложняли бесчисленные препятствия, включая отсутствие кадров (женских), незнание языка и нехватку транспорта. Естественно, при таких обстоятельствах многие женотделы действовали в основном среди русских женщин в городах. Большим успехом считалось, если какие-то из женотделов хоть раз дерзали выбраться за город к казашкам⁸⁴. Но это мало способствовало созданию казахского «эрзац-пролетариата»⁸⁵.

В отличие, например, от Узбекистана, в Казахстане коммунисты не могли сделать символом предполагаемого угнетения женщин паранджу⁸⁶. Кочевницы в большинстве своем носили только платок на голове. Характерного для других частей Средней Азии обычая закрывать лицо у них не было – главным образом по практическим причинам⁸⁷. В результате казахские активисты сосредоточились на других вопросах. Они боролись прежде всего против калыма за невесту⁸⁸ и многоженства. Унизительно, когда девушек, словно товар, обменивают на деньги или скот, доказывали адепты «эмансипации не носящих паранджу»: уплатой калыма женщину низводят до положения покупаемой вещи. Кроме того, эта отвратительная традиция ущемляет небогатых мужчин, которые не в состоянии собрать требуемую сумму. Они просто не могут себе позволить жениться и завести собственный дом⁸⁹. Широко распространенная полигамия тоже явно свидетельствует о женском бесправии в Средней Азии⁹⁰.

⁸³ В основном см.: Northrop D. *Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, 2004.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 392. Л. 3–9 (заседание женотдела Семипалатинской губернии, [1923]).

⁸⁵ Термин Г. Массела. См.: Massell G. J. *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategy in Central Asia, 1919–1929*. Princeton, 1974.

⁸⁶ Подробнее см.: *Ibid.*; Northrop D. *Veiled Empire*. P. 69–101.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 33 (доклад об управлении Самаркандской областью, б. д.).

⁸⁸ О такой же ситуации в Туркмении см.: Edgar A. L. *Emancipation of the Unveiled. Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29* // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 139; Northrop D. *Veiled Empire*. P. 250 ff., 269 ff.

⁸⁹ Акопов С. *Борьба с бытовыми преступлениями* // *Революция и национальности*. 1930. № 4–5. С. 62.

⁹⁰ См.: Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 442 ff. Ср. также: Michaels P. *Curative Powers*. P. 129 ff.

Меры по борьбе с калымом и другими культурно обусловленными бытовыми явлениями женщин практически не затрагивали. Репрессии направлялись почти исключительно против мужчин, которые – во всяком случае, в представлении коммунистов – делали с женщинами что хотели⁹¹. В материалах ОГПУ полным-полно сообщений о мужчинах, имеющих трех жен⁹². Многие отцы, не довольствуясь однократным калымом за дочерей, по нескольку раз требовали доплату за их детей⁹³. Подобных обычаев не чурались и члены партии. Например, товарищ Мукушев из Акмолинской губернии заплатил калым за пятнадцатилетнюю девочку, которую взял второй женой. Об этом прямо информировали секретаря губкома, но тот не стал вмешиваться⁹⁴. Однако львиная доля таких случаев вообще не находила отражения в документах, еще меньше было число тех, кто понес наказание, – лишнее свидетельство глубокой укорененности значительной части казахской парторганизации в той самой среде, с которой она пыталась бороться⁹⁵. Впрочем, советские эмансипационные программы тысячам женщин предоставляли шансы на выдвижение и карьеру⁹⁶, которыми те пользовались, невзирая на все препятствия и противодействие своего окружения⁹⁷.

Еще одна (и для «диктатуры пролетариата» сама собой напрашивающаяся) возможность проникновения в общество заключалась в «создании» рабочих. Там, где рабочий класс отсутствовал, следовало сотворить его из ничего. В казахской степи это выглядело еще более бесперспективным делом, чем в среднеазиатских оазисах. Тем не менее именно здесь коммунисты взялись «ковать» пролетариев. Непосредственным поводом для этого послужило в конце 1920-х гг. строительство Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба),

---

⁹¹ См., напр., сообщение об убийстве казашки, которая отказалась выйти замуж за брата своего умершего мужа: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 138. Л. 45 (телеграмма из Джетысуйской губернии, 19 ноября 1925 г.).

⁹² Там же. Л. 38 (вырезки из информационного письма ОГПУ № 2, 15 августа – 1 сентября 1925 г.).

⁹³ Там же. Л. 40 (справка информационного отдела ОГПУ по Казахстану, [1925–1926]).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алма-Ата, 1993. С. 123.

⁹⁶ Michaels P. Curative Powers. P. 1 ff. О преемственности и переменах в жизни мусульманских женщин см.: Kamp M. The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle, 2006. P. 215 ff.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 138. Л. 15 (доклад парторганизации Уральска, [1925]).

крупнейший для того времени инфраструктурный проект в степи. Эта железнодорожная линия должна была связать среднеазиатские окраины с европейской метрополией и помочь эффективнее осваивать ресурсы региона⁹⁸. Но у нее имелось гораздо более важное предназначение – стать орудием советизации степной глуши⁹⁹.

Большинство из более чем 50 тыс. рабочих, трудившихся на прокладке свыше 1 400 км рельсовых путей, набрали из местного населения. Им предстояло составить авангард казахского пролетариата. Кое-кто из коммунистов даже выражал надежду, что по окончании работ эти люди станут пропагандистами советского образа жизни в своих аулах. Однако пролетаризация казахов происходила не так уж гладко. То и дело случались стычки с применением насилия между европейскими рабочими и казахами, поскольку первые зарились на рабочие места вторых. Казахи толпами сбегали со стройки из-за плохого обращения с ними начальства и коллег¹⁰⁰. Большие ожидания от коллективного перевоспитания трудом не сбылись. Тем не менее кое-кому из казахов участие в строительстве казалось чрезвычайно привлекательным, потому что предоставляло людям, которых общество маргинализировало, возможность подняться по социальной лестнице. С этой точки зрения, беднейшие слои населения впервые получили хоть какую-то альтернативу традиционным формам жизненного уклада¹⁰¹. Некоторые «новоиспеченные рабочие» становились поклонниками идеалов советского строительства и коммунистами. И все же такие «истории успеха» оставались исключениями¹⁰².

Дебаты об оседлости

Оседлые вели более «современную» жизнь, чем кочевники, и по сравнению с мобильными скотоводами являлись более эффективны-

⁹⁸ Хрущов Ф. Я. Перспективы свеклосахарной промышленности в Джетысуйской губернии // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 43–50. Подробнее см.: Payne M. Stalin's Railroad. Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2001. P. 11–38.

⁹⁹ Payne M. The Forge of the Kazakh Proletariat? Turksib, Nativization, and Industrialization during Stalin's First Five-Year Plan // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 225 f.

¹⁰⁰ Ibid. P. 231. Апологетам строительства картина представлялась иной. См.: Брискин А. На Южтурксибе (Очерки Турксиба). Алма-Ата, 1930.

¹⁰¹ Ср.: Payne M. The Forge of the Kazakh Proletariat? P. 237 ff.

¹⁰² Akiner S. The Formation of Kazakh Identity. From Tribe to Nation-State. London, 1995. P. 34 ff.

ми производителями; во всяком случае, таково было твердое убеждение большевиков¹⁰³. Между тем неизбежный, согласно историческому материализму коммунистов, переход от одного способа производства к другому совершался мучительно медленно. Правда, число кочевых и полукочевых хозяйств в Казахстане в течение 1920-х гг. постепенно снижалось, но не обязательно по причине сознательного поворота к «современности». Оседлыми становились прежде всего обедневшие казахи, которые больше не могли позволить себе кочевать. Богатые так и оставались кочевниками. Ведь для того, чтобы перевозить с собой юрты, домашний скарб и семью, требовалось иметь в хозяйстве определенный минимум животных, а казахские стада после кризисов 1916–1922 гг. изрядно поредели. Так что, вопреки хлесткой фразе Оуэна Латтимора «настоящий кочевник – бедный кочевник», верно, скорее, обратное, как показал А. М. Хазанов. Переход к оседлости в большинстве случаев оказывался связан с утратой статуса¹⁰⁴.

Все больше казахов ради выживания нанималось в работники к европейским крестьянам. Некоторые пробовали хозяйствовать сами¹⁰⁵. Но немалое количество из них стремилось просто заработать достаточно, чтобы через некоторое время получить возможность снова вести кочевое существование – обычная практика и в других сформировавшихся под влиянием кочевников обществах¹⁰⁶. Известный большевик Я. Э. Рудзутак понял это еще во время голода 1921 г. Совершая поездку по Семиречью, он признал, что многие казахи сделались оседлыми не по убеждению, а исключительно из нужды: «Часть этих киргиз при распределении байского скота, как только им удастся обзавестись своим скотоводческим хозяйством, несомненно вернется опять к кочевому образу жизни, но несомненно также, что другая часть останется на земле и будет работать»¹⁰⁷.

---

¹⁰³ Cp.: Kindler R. «New York in der Steppe». Die Sesshaftmachung der kasachischen Nomaden // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2012. S. 47–62. В основном см.: Sneath D. The Headless State. P. 125 ff.

¹⁰⁴ Общую картину см.: Golden P. B. Nomads and Sedentary Societies in Eurasia // Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History / ed. M. Adas. Philadelphia, 2001. P. 86; Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Madison, 1994. P. 83.

¹⁰⁵ Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 141.

¹⁰⁶ Farah M. I., Touati J. Sedentarisierung von Nomaden – Chancen und Gefahren einer Entwicklungsstrategie am Beispiel Somalias. Bielefeld, 1991. S. 47 ff.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 156. Л. 1 об. (доклад Рудзутака, 14 июня 1921 г.).

Так и выходило. Даже в этнически неоднородной Семипалатинской губернии с большой долей русских крестьян-поселенцев из чуть более чем 140 тыс. казахских хозяйств, зарегистрированных во время переписи 1926 г., свыше 80 % были кочевыми¹⁰⁸. При таких обстоятельствах коммунистам поначалу не оставалось ничего другого, кроме как позволять казахам кочевать и дальше «на основании обычного права». Партийное руководство уже в 1920 г. велело местным органам власти не препятствовать их миграциям, указав, что мигрируют кочевники не для того, чтобы уклониться от уплаты налогов и трудовой мобилизации, а потому, что этого требует их образ жизни¹⁰⁹.

Предоставлять общество самому себе и ждать, что получится, не соответствовало ни политическим, ни экономическим императивам большевиков. Они хотели сами управлять «историческим процессом». Однако для этого требовалась четкая стратегия. Какое место предстояло занять кочевникам в социалистическом Казахстане? О злободневности вопроса не в последнюю очередь свидетельствовала ситуация в Адаевском уезде (затем округе) на северо-западе Казахстана. Местные жители, с точки зрения большевиков, относились к «самым отсталым» группам во всем Советском Союзе¹¹⁰. В отличие от большинства других регионов, многие аулы здесь кочевали по степи круглый год, не задерживаясь на постоянных зимних стойбищах. Они проделывали свыше тысячи километров по восточному берегу Каспийского моря – «примитивный, варварский способ ведения хозяйства», говорилось в одном докладе об округе¹¹¹. Правда, в 1920-е гг. это становилось все более проблематичным. На севере, где находились летние пастбища адаевцев, кочевников теснили европейские колонисты, на юге адаевцам угрожали враждовавшие с ними туркмены-йомуды¹¹². Представители обоих лагерей практически не осмеливались соваться на пастбищные земли, лежавшие с севера и с юга вдоль туркменско-казахской границы, опасаясь набегов и сты-

¹⁰⁸ Мацкевич Н. Н. Сравнительная длина кочевок казахского населения б. Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана. Семипалатинск, 1929. Т. 1. С. 6.

¹⁰⁹ Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. Казахское обычное право в условиях советской власти. С. 47–48.

¹¹⁰ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1036. Л. 2 об. (краткие справки об Адаевском округе для окружной контрольной комиссии, 1928).

¹¹¹ Записка Джанесова, см.: Набиев Ж. Степная трагедия. С. 360.

¹¹² Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 2–3. С. 47.

чек¹¹³. В подобных обстоятельствах адаевцы вынуждены были сокращать стада, многие попали в стесненное экономическое положение¹¹⁴. Когда же здесь в конце 1920-х гг. наступил джут¹¹⁵, в обледелой степи пали десятки тысяч животных, и некоторые кочевники потеряли все средства к существованию¹¹⁶.

Следовало найти генеральные решения. И поначалу никто еще не мог бы заранее сказать, как они будут выглядеть. Если вкратце, то специалисты по степной экономике и агрономы в большинстве своем выступали против перевода на оседлость, а советские макроплановики и макроэкономисты, как правило, настаивали на нем. Последние в конце концов сумели взять верх, в том числе потому, что большевистские руководители в своих решениях чаще руководствовались принципиально-политическими, чем деловыми соображениями. Доверяя профессиональным знаниям этнологов и других ученых, большевики в то же время формулировали установки, которых ученым надлежало придерживаться. Самый красноречивый пример – многочисленные проблемы, возникшие в Средней Азии с определением «националь-

---

¹¹³ Эта ничейная земля была даже отмечена на советских картах. См., напр.: Ищенко М. М., Казбеков И. С. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. С. 90.

¹¹⁴ Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства. С. 47.

¹¹⁵ См. в основном: Атушева С. Б. Джуты в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Алма-Ата, 2000. Историю понятия см.: Farkas O., Kemp B. Reinventing the «Dzud». Livestock Famine in Twenty-First-Century Mongolia // Continuity and Change in Central and Inner Asia: Papers Presented at the Central and Inner Asia Seminar. University of Toronto, 24/25 March 2001 and 4/5 May 2001 / ed. M. Gervers, W. Schlepp. Toronto, 2002. P. 127–159.

¹¹⁶ Такие чрезвычайные события повторялись регулярно. Только в первые десятилетия XX в. было несколько джутов с самыми пагубными последствиями для пострадавших регионов, см.: Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства. С. 48. По мнению III. Акинер, они как точки фиксации структурировали коллективную память казахов: Akiner S. The Formation of Kazakh Identity. P. 7. См. также: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1694. Л. 114–115 об. (Атеулиев – Голощекину, 18 августа 1928 г.). И другие регионы, например Семипалатинская губерния, в 1927–1928 гг. пережили смертоносные джуты. См.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 304. Л. 7 (письмо из Казахстана в СНК РСФСР, 11 января 1927 г.); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 420. Л. 63–64 (сообщение о массовом падеже скота в Семипалатинской губернии, 8 мая 1928 г.). См. также: Kindler R. «...es gibt menschliche Opfer». Hungerkrise und Herrschaftsdurchsetzung in Westkasachstan, 1927–1934 // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 156–158.

ности» отдельных людей и коллективов. Если специалисты хотели добиться одобрения «товарищей», картина степи, которую они рисовали, должна была содержать политически желательные данные¹¹⁷. Кстати, поэтому же этнографы «обнаруживали» в ауле классовые структуры и «полуфеодалные» отношения.

Правда, вначале казалось, что побеждают сторонники благоприятной для кочевников политики. В 1926 г. один из их представителей, старый революционер С. П. Швецов, исследовал в своей работе два взаимосвязанных вопроса: в каких отношениях между собой находятся кочевничество и степь и что будет, если казахи откажутся от кочевого образа жизни. Ответы Швецова выглядели однозначно. Кочевые формы хозяйства в условиях степи по продуктивности использования ресурсов намного превосходят любые другие. Кочевники остаются кочевниками не потому, что «примитивны» и не доросли до «культурного уровня» своих оседлых соседей, а потому, что этого требуют обстоятельства. Будучи скотоводами, они зависят от окружающей среды. Степные условия не оставляют никаких производственных возможностей кроме кочевания. Швецов прогнозировал, что в будущем значение кочевания только возрастет. И предупреждал: «Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства и казакского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни»¹¹⁸. Как показало будущее, действительность превзошла опасения Швецова.

Швецовские тезисы нашли отклик. Один автор даже полагал, что это мнение «наиболее распространено»¹¹⁹. Другие как минимум в ближайшем будущем не видели альтернативы кочевому хозяйству: «В современных условиях иное использование их [ресурсов региона. – Р. К.] не представляется возможным»¹²⁰. Поголовье ско-

¹¹⁷ О специалистах и их затруднениях с категорией «национальность» см.: Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress. Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2. P. 251–278.

¹¹⁸ Швецов С. П. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях: Материалы к выработке норм земельного устройства в Казакской Автономной Советской Социалистической Республике. Л., 1926. С. 105.

¹¹⁹ Дониц А. Н. Проблема «нового казакского аула» // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4–5. С. 141. Через несколько лет оба автора были объявлены «вредителями» за то, что сомневались в необходимости перевода на оседлость. Ср.: Курский А. Контрреволюционные вредители сельского хозяйства в Казахстане // Кондратьевщина в планировании народного хозяйства Казахстана: Сб. статей / под ред. А. Курского. Алма-Ата, 1931. С. 24.

¹²⁰ Цит. по: Дониц А. Н. Проблема «нового казакского аула». С. 142.

та в Казахстане, считали они, за двадцать лет должно увеличиться более чем на 70 млн голов¹²¹, поэтому кочевое скотоводство «еще надолго останется основным занятием коренного населения»¹²². К тому же совершенно невозможно сделать оседлыми всех кочевников: для такого количества потенциальных новых земледельцев попросту не хватит земли. Поэтому сохранение кочевничества желательнее и целесообразно с народнохозяйственной точки зрения. Или, как сформулировал работник планового ведомства Казахстана Е. А. Полочанский: «Основной задачей Казакской Республики является не ликвидация пастбищно-скотоводческого хозяйства, а забота о быстрой ликвидации его отсталости»¹²³. Соответственно в первую очередь необходимо строительство зимнего жилья, чтобы уменьшить зависимость кочевников от климатических условий, ибо традиционные зимние стойбища не дают им надежной защиты от суровых степных зим. С учетом регулярных джудов нужны решения, не сводящиеся к отдельным специальным мерам и помощи жертвам катастрофы¹²⁴. Полочанский рисовал картины огромных скотных дворов и жилых зданий для холодного времени года и ратовал за вступление аульчан в кооперативы¹²⁵.

Казахстану прочили в союзной системе роль важного производителя мяса и других продуктов животноводства. Степь в соответствующих концепциях плановиков рассматривалась как «решающий фактор» обеспечения в будущем собственного рынка, снабжения остальных среднеазиатских республик и экспорта мяса за рубеж¹²⁶. Что с «отсталыми» кочевниками подобные планы не осуществить, разумелось для экономистов само собой. Кочевники нуждались в относительно больших площадях, поскольку перегоняли стада с одного пастбища на другое. Они не заботились о рекультивации использованных площадей и лишь изредка заготавливали сено на холодные

---

¹²¹ Сириус М. Г. К вопросу о перспективах скотоводства в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 26–30.

¹²² Ермиков А. А. Организация школ среди казакского населения. С. 114.

¹²³ Полочанский Е. За новый аул-кстау. М., 1926. С. 10.

¹²⁴ О недостаточной помощи пострадавшему населению см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 304. Л. 5–5 об. (письмо из Казахстана в СНК РСФСР, 13 января 1927 г. [?]). О возможных мерах по улучшению положения см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 18. Л. 89–91 (резолюция о борьбе с засухой и предупреждении джута, 1 февраля 1928 г.).

¹²⁵ Полочанский Е. За новый аул-кстау. С. 12–13.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 67. Д. 450. Л. 13–14 (постановление СНК РСФСР о развитии животноводства в Казахстане, [1927]).

зимние месяцы¹²⁷. Кроме того, животные кочевников давали сравнительно мало полезной продукции, потому что им, в отличие от скотины, содержащейся в стойлах, не позволяли «наесть» побольше мяса и жира¹²⁸.

Так как «европеизация» животноводства в обозримом будущем не представлялась возможной, ключевым словом стала «рационализация». За этим термином скрывались самые разные мероприятия и представления. И перевод кочевников на оседлость не обязательно входил в их число. Члены СНК РСФСР в январе 1927 г. в одном из докладов подсчитали, что во всем Казахстане для земледелия пригодна около 16 млн десятин земли – там, где либо выпадает в год свыше 300 мм осадков, либо технически осуществимо искусственное орошение. Это не более 6 % казахской территории. Следовательно, необходимо направить имеющиеся ресурсы на развитие животноводства и оказывать кочевникам всяческую поддержку. Желательно в течение десяти лет удвоить поголовье скота и соответственно повысить его производительность. Для этого необходимы работа специалистов, создание «кормовой базы» и инфраструктуры в степи, кредиты и т. д.¹²⁹

Противники такой политики не замедлили выступить с критикой¹³⁰. Они объявили ложными основные установки деятельности казахского Наркомата земледелия. Улучшать условия для кочевания – ошибка, утверждали они, надо вместо этого побуждать семьи, имеющие всего нескольких животных, к оседанию и занятию земледелием. А. Н. Челинцев, известный представитель данной точки зрения, рассчитывал, что в результате более 60 % казахских хозяйств откажутся от кочевого образа жизни. В целом ряде районов, по его словам, покончить с кочеванием было просто необходимо¹³¹. Ему вторил М. Б. Мурзин, который, кивая на европейских поселенцев в степи, разъяснял, что при существующих обстоятельствах нет иного

---

¹²⁷ О кочевом хозяйствовании см.: Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. P. 15 ff.

¹²⁸ Челинцев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4–5. С. 3–5; Громов Е. К вопросу о расселении крестьянства в Казахстане // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 168–187.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 67. Д. 450. Л. 2–12 (доклад «О развитии животноводства в Казахстане», 31 января 1927 г.).

¹³⁰ Тогжанов Г. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле // Народное хозяйство Казахстана. 1931. № 5. С. 21–34.

¹³¹ Челинцев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана. С. 5.

выбора кроме перевода кочевников на оседлость¹³². То, что «бескрайние просторы» и «пустыни» для их жителей – не просто пастбищная земля, не играло в подобных рассуждениях никакой роли¹³³. Мэтью Пейну принадлежит удачная формулировка: коммунисты рассматривали степь как «пространство» (space), тогда как для кочевников она была «местом» (place)¹³⁴. Казахи чудовишно дорогой ценой расплатились за эти колониальные представления о пространстве, подлежащем формированию.

Вопрос о том, как привести в соответствие кочевой образ жизни и государственную идею порядка, затрагивал основы советского понимания власти. Никто не мог точно указать, где, собственно, живут казахи. В начале 1920-х гг. большевики попробовали промерить степь с помощью «красных караванов». Эти предприятия служили, во-первых, для пропаганды, а во-вторых, давали коммунистам возможность собрать сведения о территориях, которыми они старались завладеть. Многие участники подобных экспедиций даже видели в последнем одну из своих важнейших задач¹³⁵. И тем не менее до конца десятилетия в степи то и дело неожиданно «обнаруживались» неизвестные группы населения, о чьем существовании раньше никто не подозревал. В 1928 г. автор одной статьи о новом административном делении казахской территории писал, что кочевой быт несовместим со строгими требованиями административной географии и это вынуждает проводить границы будущих районов произвольно¹³⁶.

Статистик В. Г. Соколовский демонстрировал масштаб проблемы на примере физической карты Кызыл-Ординского уезда: «И если бы не линия железной дороги, да еще обозначение самого города Кызыл-Орды с несколькими русскими поселками – полное впечатление абсолютно безлюдной пустыни, неведомо для чего разделенной тремя толстыми линиями на четыре части, изображающие “укре-

---

¹³² Дониц А. Н. Проблема «нового казакского аула». С. 141.

¹³³ Brown K. Gridded Lives. Why Kazakhstan and Montana Are Nearly the Same Place // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. P. 17–48.

¹³⁴ Payne M. Seeing Like a Soviet State. Settlement of the Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // *Writing the Stalin Era*. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. Houndmills, 2011. P. 62.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 326. Л. 51 (доклад о «красных караванах», 16 октября 1922 г.).

¹³⁶ Дониц А. Н. Районирование КАССР и его очередные задачи // *Народное хозяйство Казахстана*. 1928. № 2–3. С. 14.

пленные» волости»¹³⁷. Между тем, продолжал Соколовский, по данным статистиков местной администрации, в уезде числилось от 15 до 20 тыс. казахских хозяйств, распределенных по 158 «населенным пунктам». Правда, речь шла не о конкретных местах со своими названиями, а об «административных аулах». В отличие от традиционных казахских аулов, охватывавших летом от 2 до 15 хозяйств, которые вместе кочевали, в «административный аул» объединяли несколько таких аулов. Но местопребывание административного аула можно было хоть как-то конкретизировать в лучшем случае в холодное время года, когда казахи располагались на зимних стойбищах¹³⁸. Для работы советских органов управления это означало, что без знающих местность проводников у них нет никаких шансов хотя бы локализовать население. Когда Соколовский пытался выяснить в уездном исполкоме, где именно живут казахи, «ответом служил неопределенный круговой взмах рукой по всей карте и пояснение: «Вот вообще, везде»»¹³⁹.

Именно такой неоднозначности и хаотичности не должно было быть места в советской современности¹⁴⁰. Государство, не имеющее достоверной информации о местопребывании, составе и числе своих подданных, вряд ли могло убедительно заявлять о себе, осуществлять власть. В лучшем случае оно представляло бы собой систему, обладающую «сомнительной государственностью» и «ограниченной базовой легитимностью». Но, в отличие от колониального или постколониального государства, которое Трутц фон Трота наградил этими несколько громоздкими характеристиками¹⁴¹, в Казахстане стояли под вопросом даже элементарные условия для любой управленческой деятельности, поскольку значительная часть населения в любое время могла свернуть юрты и убраться прочь. Поэтому большевики в первую очередь стремились заставить казахов не покидать определенную область, по крайней мере надолго. Как люди там живут – в юртах или в «поселках европейского типа», – играло важную,

¹³⁷ Соколовский В. Г. Казакский аул. С. 1.

¹³⁸ Полочанский Е. За новый аул-кстау.

¹³⁹ Соколовский В. Г. Казакский аул. С. 1.

¹⁴⁰ Преодоление неоднозначности считает сущностью современности З. Бауман. См.: Bauman Z. *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Uneindeutigkeit*. Hamburg, 1992.

¹⁴¹ Trotha T., von. *Über den Erfolg und die Brüchigkeit der Utopie staatlicher Herrschaft. Herrschaftssoziologische Betrachtungen über den kolonialen und nachkolonialen Staat in Westafrika // Verstaatlichung der Welt? Europäische Staatsmodelle und außereuropäische Machtprozesse / hg. W. Reinhard. München, 1999. S. 225 f.*

но отнюдь не главную роль. Суть «перевода на оседлость» вначале состояла в локализации казахов. Если коммунисты хотели реализовать свои властные притязания, им следовало иметь возможность находить кочевников¹⁴².

«Колонизаторы» и «парии» – европейские крестьяне-переселенцы в Казахстане

Нигде советская национальная политика 1920-х гг. не подвергалась такому суровому испытанию, как на востоке Казахстана¹⁴³. Едва ли в каком-нибудь еще регионе СССР существовали более сложные взаимоотношения между представителями европейских и коренных групп населения, нежели здесь, в Джетысуйской (бывшей Семиреченской) области/губернии и Семипалатинской губернии¹⁴⁴. Крестьяне-колонисты и кочевники питали друг к другу глубокую неприязнь. Образ жизни и культура переселенцев и старожилов различались в корне. Обе группы соперничали за одни и те же ресурсы, а главное, не доверяли друг другу. Ни казахи, ни крестьяне не позабыли ни вспышек насилия в 1916 г., ни гражданской войны¹⁴⁵. У кочевников еще стояли перед глазами жестокие и односторонние реквизиции в голодную пору после 1918 г.¹⁴⁶ Большевикам не удавалось сглаживать многообразные конфликты между двумя группами, к тому же вначале у них отсутствовала четкая стратегия относительно будущего степи. Следует ли отдавать казахам как «бывшей угнетенной нации» всегда и всюду предпочтение перед «бывшими колонизаторами»? Или экономическими интересами нельзя жертвовать в угоду постулатам национальной политики?

---

¹⁴² Поэтому их программа имела сходство с программами других «современных» государств, на чьей территории проживали кочевники. См.: Scott J. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, 1998. P. 3 ff.

¹⁴³ См. о том же: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 59–67.

¹⁴⁴ Брискин А. В стране семи рек: Очерки современного Семиречья. М., 1926. О самом регионе см.: Очерк о деятельности Джетысуйского областного экономического совещания за 1921–1922 хозяйственный год. Алма-Ата, 1923. С. 6–25.

¹⁴⁵ О восстании 1916 г. см.: Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010.

¹⁴⁶ Подробнее см.: Буттино М. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 201–202.

Реформы, голод и новая экономическая политика

По окончании гражданской войны коммунисты сперва выступали защитниками «угнетенной» в прошлом нации «киргизов». Многие видные большевики тогда еще верили, что революция через Среднюю Азию докатится и до остальных азиатских «угнетенных народов». Казалось, на повестке дня стоит, ни много ни мало, конец европейских колониальных империй. Масштаб ожиданий обрисовал в 1919 г. С. С. Пестковский: за кем пойдут мусульмане Туркестана, перед тем склонятся Афганистан с Персией и откроется дорога в Индию и Монголию¹⁴⁷. Меры подавления против «бывших колонизаторов» придавали большевистской эмансипационной риторике достоверность. Правда, казахи думали не о мировой революции, а о мести. «Равенство» всех групп населения для них означало только одно – изгнание европейцев¹⁴⁸. Питер Холквист указал, что большевики здесь в перевернутом виде продолжали начатое их предшественниками при царизме, только жертвы и проводники политики чистки поменялись местами. Теперь она вместо казахских кочевников обрушилась на русских крестьян¹⁴⁹.

Формальным основанием для такой политики служило июньское постановление Политбюро 1920 г., предусматривавшее экспроприацию всех русских крестьян, которые «незаконно» присвоили землю в Джетысуйской губернии¹⁵⁰. Экспроприированным «кулакам» и незарегистрированным переселенцам грозила высылка. Речь шла прежде всего о поселенцах, которые после восстания 1916 г. завладели землей, принадлежавшей казахам, или «нелегально» перебрались в регион. Казахи, бежавшие в Китай и теперь возвращавшиеся на родину, должны были получить обратно свою собственность. Вдобавок европейские иммигранты больше не имели права преимущественного пользования землей и водой; наоборот, следовало решить проблему

¹⁴⁷ Аманжолова Д. А. Алаш, Советы, большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 67.

¹⁴⁸ Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации: Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Россия и Казахстан: Проблемы истории (XX – начало XXI в.) / под ред. Н. Ф. Бугая. М., 2006. С. 86–87.

¹⁴⁹ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 130.

¹⁵⁰ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44.

удобных маршрутов перегона скота¹⁵¹. В то же время «трудящиеся», как казахи, так и русские, получали равные права¹⁵². Однако предпринятая постановлением целенаправленная акция против отдельных кулаков переросла в атаку на все русское население. Под прикрытием «земельной реформы» коммунисты демонстрировали, как они представляют себе конец европейских «колонизаторов»¹⁵³.

Для русских крестьян эта реформа ознаменовала начало долгой черной поры¹⁵⁴, неразрывно связанной с именем Г. И. Сафарова. Этот член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) прибыл в регион весной 1921 г. и тут же развязал настоящий террор¹⁵⁵. Десяткам тысяч людей пришлось в кратчайший срок покинуть свои села и отправиться куда глаза глядят. По официальным данным, были переселены более 8 тыс. семей, экспропрированы свыше 230 тыс. десятин земли, «ликвидированы» 400 с лишним сел. Но реальные цифры должны быть гораздо выше; в одном-единственном округе Семиреченской области пострадало больше семей, чем указано здесь для всего региона¹⁵⁶.

Кампания прошла катком, например, по крестьянам села Высокого Чимкентского уезда. Факт основания села еще в конце XIX в. не помешал исполнителям земельной реформы «выселить» его жителей. Милиционеры и красноармейцы доставили их на ближайшую железнодорожную станцию, там их погрузили в вагоны только для того, чтобы через несколько станций снова выбросить на улицу. Больше месяца они провели под открытым небом¹⁵⁷. То же самое произошло с жителями Горно-Слободска, которых заставили в 48 часов покинуть село. В противном случае красноармейцы грозили их расстрелять¹⁵⁸.

---

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 99. Л. 1–2 (доклад о разделе земли в Туркестанской республике, 29 сентября 1921 г.).

¹⁵² Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–1 об. (распоряжение о разделе земли, [1920]).

¹⁵³ Другую точку зрения см.: Маргулан А., Востров В. В. Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 12–13.

¹⁵⁴ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. См. также: Pianciola N. *Décoloniser l'Asie centrale?* // *Cahiers du Monde Russe*. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 101–144.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 211. Л. 56 (докладная Серафимова Президиуму ВЦИК, 15 мая 1926 г.).

¹⁵⁶ По поводу цифр и их интерпретации см.: Там же. Л. 55. О земельной реформе как «большом успехе» см.: Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы // *Собр. соч.*: В 3 т. Алма-Ата, 1997. Т. 2. С. 10.

¹⁵⁷ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 46–47.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220. Л. 53 (жалоба крестьян Серафимову, [1926]).

С крестьянами, сопротивлявшимися принудительным мерам, большевики беспощадно расправлялись. Весной 1921 г. серьезные беспорядки в связи с земельной реформой вспыхнули в Нарынском уезде. После того как власти овладели положением, специальный трибунал сурово покарал бунтовщиков: многие были приговорены к расстрелу или длительным срокам заключения, их семьи высланы. Я. Э. Рудзутак, который занимался этим делом и еще раньше по другим поводам выказывал мало симпатии к практике выселений, отмечал: «Переселенцы эти, главным образом, женщины и дети. Мужчин вовсе нет, они почти все расстреляны»¹⁵⁹.

Казахи воспользовались земельной реформой, чтобы отплатить русским за бойню 1916 г. На крестьян постоянно совершались нападения¹⁶⁰. А. А. Иоффе, неоднократно посещавший регион как председатель Туркестанской комиссии ВЦИК, заявлял, что в такой обстановке реформа здесь вылилась в «бесшабашный террор» казахов против русских¹⁶¹. Роковые последствия «реформы» не укрылись и от немногих иностранных путешественников по этим местам. Немец Рудольф Асмис, побывавший в Семиречье в 1922 г., писал: «По дороге видны почти одни развалины: печальные свидетельства революционных боев, а еще больше – странных революционных мероприятий, которые отняли хозяйства у богатых крестьян, чтобы отдать бедным киргизам. Те их разграбили, но, не зная, что с ними делать дальше, скоро вернулись в свои юрты, которые ставили тут же на дворе, и за короткое время прекрасные усадьбы пришли в запустение»¹⁶².

Чем дальше Сафаров орудовал в Туркестане, тем больше на него поступало жалоб. Среди коммунистического руководства ширилось убеждение, что его надо как можно скорее отстранить от обязанностей. Если не разрядить обстановку, грозит восстание русских крестьян, докладывала встревоженная ЧК. К высокопоставленным критикам безжалостных борцов с «колонизаторами», помимо Рудзутака и Иоффе, присоединился и Сталин. Но Ленин твердо стоял за своего протеже. Его интересовали не местные распри, а всемирно-историческое значение событий. «Дьявольски важно, – растолковывал он

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 156. Л. 3 об. (докладная Рудзутака, 14 июня 1921 г.). О позиции Рудзутака в этом вопросе см.: Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 46.

¹⁶⁰ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 45. Аспект мести подчеркивает и М. П. Серафимов: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220. Л. 12 (докладная Серафимова Президиуму ВЦИК, 15 мая 1926 г.).

¹⁶¹ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 48.

¹⁶² Asmis R. Als Wirtschaftspionier in Russisch-Asien. Tagebuchblätter. Berlin, 1926. S. 202 f.

Иоффе, — завоевать доверие туземцев, трижды и четырежды завоевать, доказать, что мы не империалисты». Да и сам Сафаров яростно защищался от критики¹⁶³ и рискнул испытать ленинскую поддержку на прочность, самолично попросив об отставке, потому что, дескать, «при таких условиях нет никакой возможности работать»¹⁶⁴.

К осени 1921 г. Сафаров стал совершенно невыносим. Своей «историчностью» он вносит беспорядок в работу, а его кампания против колонизаторов давно превратилась в преследование всех русских, писал Ленину главный чекист Туркестана Я. Х. Петерс. Русские товарищи становятся вялыми и пассивными, в то время как коммунисты из местных перерождаются в разложившихся «монархов», информировал он Сталина¹⁶⁵. После долгих споров Сафарова в конце концов освободили от должности в январе 1922 г.¹⁶⁶ Однако принудительное переселение продолжалось. Только осенью 1922 г. Президиум ВЦИК положил конец земельной реформе. Карательные меры были прекращены, «кулаки» отныне подлежали выселению из Туркестана только в исключительных случаях¹⁶⁷. Тем не менее перегибы времен «сафаровщины» надолго испортили отношения между европейцами и казаками¹⁶⁸. А главное, никто не стал отменять решений, принятых в ходе кампании; все экспроприации и выселения остались в силе¹⁶⁹.

Земельная реформа прямо коснулась лишь части крестьян. Зато реквизиционную политику большевиков в эпоху так называемого военного коммунизма 1918–1921 гг. испытали на себе все. Между крестьянами и коммунистами разгорелась беспощадная борьба за хлеб¹⁷⁰. В Средней Азии красные не отказывались от методов военного коммунизма, даже когда в остальных регионах Советского Союза

---

¹⁶³ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 54.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 85. Л. 2. Цит. по: Россия и Центральная Азия, 1905–1925 гг.: Сб. документов / сост. Д. А. Аманжолова. Караганда, 2005. С. 322–323.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 35. Л. 5. Цит. по: Россия и Центральная Азия. С. 326.

¹⁶⁶ Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. С. 56.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 156. Л. 35–36 (инструкция по борьбе со злостными контрреволюционными кулацкими элементами в старых переселенческих селах, [1922]).

¹⁶⁸ Сафаров никогда не скрывал, кому принадлежат его симпатии. См. его выступление на X съезде РКП(б): Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 203.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 311. Л. 111 (доклад Серафимова Президиуму ВЦИК, ранее 4 июня 1926 г.).

¹⁷⁰ См.: Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution, 1891–1924. Berlin, 1998. S. 653–658.

весной 1921 г. им на смену пришли более либеральные правила новой экономической политики (нэпа)¹⁷¹. Крестьян по-прежнему преследовали, если уполномоченным казалось, что они сдают недостаточно продукции. Коммунисты, имевшие возможность в силу своего положения наблюдать общую картину, как Рудзутак, указывали на контрпродуктивность политики «твердой руки» в долгосрочной перспективе. Кто будет сеять и жать, если всех крестьян посадить в тюрьму или депортировать? «Такая прод[овольственная] политика ничего не достигает, – уверяли они, – это не прод. политика, а глупость, которая не находит никакого оправдания... Если продовольственное дело оставить в таком положении, то мы будем иметь полный разрыв и создадим контрреволюцию там, где для нее фактически нет почвы»¹⁷².

Рудзутак злился недаром. Жестокий голод, охвативший в 1921–1922 гг. значительную часть России, дал знать о себе и в Семиречье¹⁷³. Только в Киргизской АССР он поразил пять губерний из семи. В степи не имели достаточно пропитания предположительно более 1,5 млн чел. Например, в Атбасарском уезде голодали свыше 100 тыс. крестьян и кочевников. Однако местные власти не прекращали здесь реквизиций до лета 1922 г.¹⁷⁴ По осторожным прикидкам, всего в Казахстане тогда погибло более 400 тыс. чел.¹⁷⁵ Число хозяйств в республике с 1920 по 1923 г. сократилось на треть, из крестьян-поселенцев убыло около 500 тыс. чел.¹⁷⁶ Сколько из них было изгнано, а сколько пало жертвой голода, установить уже невозможно¹⁷⁷.

---

¹⁷¹ Подробнее см.: Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik, 1921–1928. Köln, 1998.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 156. Л. 5 об., 7 (инструкция по борьбе с контрреволюционными кулацкими элементами в переселенческих селах, б. д.).

¹⁷³ О голоде см.: Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 818–824; Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. S. 59 ff.

¹⁷⁴ ЦГАРК. Ф. 930. Оп. 1. Д. 2. Л. 32. Оpubл.: Новейшая история Казахстана: Сб. документов и материалов / сост. К. Каражанов, А. Такенов. Т. 1: 1917–1939. Алма-Ата, 1998. С. 150–152.

¹⁷⁵ История Казахстана. Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др. Алма-Ата, 2001. С. 369. Эти данные совпадают с другими подсчетами. См., напр.: Алексеев Н. В., Алексеев А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. С. 43–44.

¹⁷⁶ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 60.

¹⁷⁷ О русской эмиграции в Синьцзян см.: Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 277–278.

В марте 1922 г. председатель казахского ЦИК Сейткали Мендешев¹⁷⁸ попытался обратить внимание Сталина на катастрофическое положение. Он писал, что «некоторые селения уже сотнями считают ежедневно умерших от голода» и люди едят не только кошек, собак, падаль и всевозможные суррогаты пищи, но дело доходит и до людоедства. «Особенно острое положение кочевого киргизского населения... киргизы в глухих аулах погибают целыми семьями», – подчеркивал он. Помощи извне ждать не приходилось. Собственные ресурсы иссякли, центр почти ничего не отпускал, а соседний Туркестан отделялся обещаниями и благостными резолюциями. От американской помощи, которая внесла решающий вклад в смягчение голодного кризиса в России, Средней Азии мало что перепало¹⁷⁹. Продуктов, которые могли раздать государственные учреждения, категорически не хватало¹⁸⁰. «При таких условиях мы сумеем спасти очень незначительный процент голодающих», – заключал Мендешев¹⁸¹.

Коммунисты отнюдь не были единодушны в вопросе о том, кому надо помогать и без того скудными ресурсами. Один прямо заявил, что «киргизы как экономически слабые с точки зрения марксистов все равно должны будут вымереть», стало быть, и нечего тратить средства на борьбу с голодом¹⁸². С поразительным цинизмом высказался об умерших от голода Турар Рыскулов, один из крупнейших среднеазиатских коммунистических деятелей: «Можно сказать, что погибшие люди спасли советскую власть, так как если бы они, эти миллионы голодающих, пришли и потребовали своей доли, то они не оставили бы камня на камне и перевернули бы все. Поэтому приходится признаться, что хотя мы их и не накормили, но они спасли общее положение»¹⁸³.

---

¹⁷⁸ Биографию С. М. Мендешева (1882–1938) см.: Медеубаев Е. Первый всеказахстанский староста: С. Мендешев (1920–1925) // Первые лица государства: Политические портреты (с точки зрения истории и современности) / Авт. кол.: Е. Абен, Е. Арын, И. Тасмагамбетов и др. Алма-Ата, 1998. С. 219–230.

¹⁷⁹ О поставках помощи см.: Patenaude B. M. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia. Stanford, 2002.

¹⁸⁰ Подробнее о помощи и ее объеме см.: Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б. м., 2013. URL: <http://www.verkhoturov.info/documents/Ашаршылык.pdf> (02.10.2013). С. 10.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 32. Л. 38–39 об. Цит. по: Россия и Центральная Азия. С. 350–351.

¹⁸² Цит. по: Shakir-zade T. Grundzüge der Nomadenwirtschaft. Betrachtung des Wirtschaftslebens der sibirisch-centralasiatischen Nomadenvölker. Bruchsal, 1931. S. 49.

¹⁸³ Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С. 100. Биографию Т. Р. Рыскулова (1894–1938) см.: Ахметова Л. С.,

Только осенью 1922 г. «товарищи» отменили-таки принципы военного коммунизма и ввели нэп и на среднеазиатской периферии. Это «опоздание» председатель Джетысуйского военревкома Сарымұлдаев объяснил тем, что «здесь еще не был пройден этап революции, осуществляемый в Центре России 2 года тому назад». Вместе с тем он признал, что новая политика принесла с собой ряд новых проблем. Многие «кулаки», выселенные в 1921 г., теперь возвращались в регион и, в свою очередь, выгоняли новых обитателей из своих сел и хат. Одновременно экономическое неравенство между европейцами и казахами-кочевниками снова выросло, поскольку крестьянам разрешили продавать излишки продукции на рынке¹⁸⁴.

Поборникам колониальной революции казалось, будто колесо истории повернуло вспять и возвращается эпоха, которая, как они верили, давно канула в прошлое. Схожие чувства испытывали убежденные коммунисты во всех уголках советской империи. Они столько лет вели борьбу, не выбирая средств, прибегая к самым радикальным мерам. А теперь они слушали, как те же лидеры, которые только что призывали уничтожить эксплуататоров во всем мире, нахваливают рынок и частную торговлю¹⁸⁵. Для среднеазиатской периферии это означало возможный ренессанс господства европейских колонистов¹⁸⁶. Поэтому такие деятели, как Т. Р. Рыскулов, боровшиеся за максимально широкую автономию Туркестана¹⁸⁷, настойчиво предупреждали об опасности возобновления русской гегемонии в регионе.

Григорьев В. К., Шойкин Г. Н. Алихан Букейханов – поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов – главное – обретение государственности. Турар Рыскулов – яркий политик советского Востока: Учеб. пособие. Астана, 2008. Несколько более дифференцированный портрет рисует В. Н. Устинов: Устинов В. Н. Турар Рыскулов: Очерки политической биографии. Алма-Ата, 1996.

¹⁸⁴ ЦГАРК. Ф. 1145. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–41. Цит. по: Новейшая история Казахстана. Т. 1. С. 155–159. См. также: Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. S. 125 ff.

¹⁸⁵ О дебатах по поводу нэпа см.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. S. 159 ff.

¹⁸⁶ Этому опасался и У. К. Джандосов: АП РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 156–157. Оpubл.: Ураз Джандосов. Т. 1. С. 159.

¹⁸⁷ Рыскулов выступал против разделения Туркестана на несколько национальных республик. Об этих дебатах на примере Таджикистана см.: Bergne P. The Birth of Tajikistan. National Identity and the Origins of the Republic. London, 2007. P. 22 ff., 54.

Звучали, впрочем, и другие мнения. В Киргизии нарком внутренних дел Абдрахман Айтиев¹⁸⁸ заявил, что в будущем нужно отказать от нападков на кулаков, которые принесли в степь элементы цивилизации, и казахам не мешает у них поучиться. Его заместитель П. И. Струппе¹⁸⁹ даже утверждал, что национального вопроса для него не существует. Заниматься такими вещами – излишняя роскошь, когда на повестке дня стоят куда более важные проблемы. К ужасу Рыскулова, среди киргизского руководства в Оренбурге высказывания Струппе не встретили никакой критики¹⁹⁰.

Однако в Джетысуйской губернии коммунисты подобных «уклонов» от жесткой линии практически не допускали. Они не для того развязали войну с крестьянами, чтобы тут же идти на попятную. Правда, и они соглашались, что совершили ошибку, прибегнув к «массовому чекистскому террору» против «кулацко-переселенческой деревни» и не проводя различия между «настоящими» кулаками и бедняками. Но в этом, по их мнению, следовало винить самих жителей русских и казачьих сел, которые недостаточно решительно отмежевались от кулаков. Жаль, конечно, что теперь часть пострадавших перешла в антисоветский лагерь, а многие семьи до сих пор не нашли новую родину, но земельная реформа все равно была правильной. «Товарищи» настойчиво предостерегали против ошибочного вывода, будто начало нэпа равносильно концу или даже пересмотру земельной реформы. Напротив, говорили они, надо продолжать раздел земли, чтобы закрепить «успехи» прошлых лет¹⁹¹.

Невзирая на подобные лозунги, в последующие годы наступила фаза относительной консолидации и разрядки. Нэп оказал свое воздействие. Обстановка минимально стабилизировалась. Голод миновал, сельское хозяйство и стада начали медленно оправляться, налеты «антисоветских банд» ощутимо пошли на убыль. Встречи крестьян и кочевников перестали носить исключительно конфликтный характер. Там, где передел земли был завершен и отношения между всеми живущими в данном районе группами прояснены, царило, как правило, настороженное спокойствие. Чтобы существовать в степи,

¹⁸⁸ Биографию А. Айтиева (1886–1936) см.: Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биограф. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007. С. 46.

¹⁸⁹ Биографию П. И. Струппе (1889–1937) см.: Там же. С. 320.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 32. Л. 40–44 об. (письмо Рыскулова Сталину о положении в КАССР, 20 февраля 1922 г.). Опубл.: Россия и Центральная Азия. С. 348–349.

¹⁹¹ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 734. Л. 37–56 об. Опубл.: Ураз Джандосов. Т. 1. С. 160–170.

коренным и пришлым жителям приходилось в известной мере сотрудничать. Правда, недавние противники доверяли друг другу лишь в редких случаях. Например, украинские крестьяне села Георгиев Семипалатинской губернии нанимали пасты свою скотину исключительно казахов. Тем самым украинцы не просто гарантировали себе услуги людей, которые превосходили их пастушескими знаниями и навыками, но и пытались справиться с широко распространенной в степи проблемой скотокрадства – вечным источником раздоров, причем не только между кочевниками и европейцами. Георгиевские крестьяне возлагали на своих пастухов ответственность за любые потери, неважно, украдут ли животных или съедят волки. Чтобы пастухи чувствовали себя связанными соглашением, за них ручались влиятельные и зажиточные клановые старейшины. Крестьяне понимали, что в таком случае на кону для пастухов стояла их честь. Однако, не полагаясь на одно моральное давление, они вместе с тем разработали замысловатую систему вознаграждения, зависевшего от заранее оговоренных условий¹⁹².

Некоторые европейцы начали постигать кочевые традиции скотоводства, а некоторые казахи – интегрировать в свой трудовой мир новые методы земледелия. Украинские крестьяне, говоря о своей скотине, пользовались казахскими понятиями и отгоняли лошадей на летние пастбища, что опять-таки требовало найма пастухов-казахов. Многие казахи стали делать запасы на зиму, а самые передовые по примеру украинцев обзавелись косилками, подмечали этнографы, которые наблюдали за этими процессами¹⁹³. Правда, казахи в гораздо меньшей степени, чем украинцы, перенимали технологии и знания своих новых соседей¹⁹⁴.

Все больше казахов отказывалось – добровольно или нет – от кочевого образа жизни и оседало. Большинство из них не располагало для этого ни необходимыми материальными ресурсами, ни достаточными сельскохозяйственными познаниями. От государственных органов они вряд ли могли ждать помощи. Комитеты по землеустройству разве что щедрой рукой отрезали им пахотную землю. Национальные коммунисты продолжали передел земли в пользу коренного населе-

---

¹⁹² Руденко С. И. Украинцы – переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1930. С. 124–127.

¹⁹³ Там же. С. 172–178.

¹⁹⁴ См.: Материалы экспедиции Среднеазиатского государственного университета по обследованию животноводства в Джетысуйской губернии и каракулеводства в Кара-Калпакской автономной области в 1927 году / под ред. К. К. Саковского. Ташкент, 1930. С. 94.

ния, да и волна отъездов европейских крестьян из региона не схлынула окончательно¹⁹⁵. В то же время в Джетысуйскую губернию постоянно прибывали новые иммигранты, надеявшиеся обеспечить тут свое будущее.

Конфликты и комиссии

В 1925 г. казахское партийное руководство объявило, что больше не намерено пускать в республику переселенцев. Границы допустимого достигнуты, сказали в казахской столице Кызыл-Орде. Еще в апреле 1924 г. СНК РСФСР издал постановление о выдаче земли кочевому и полукочевому населению Казахстана. Теоретически оно всего лишь уравнивало казахов с европейскими крестьянами, однако фактически казахские товарищи вводили теперь при распределении земли и воды принцип очередности: сначала землю должны получать казахи, за ними – иммигранты, занимавшиеся сельским хозяйством в республике до 1918 г., потом те, кто прибыл сюда до 31 августа 1922 г., и, наконец, прибывшие после этой даты и до 7 августа 1924 г.¹⁹⁶ Вдобавок оседающие кочевники могли надеяться на щедрые кредиты и большие налоговые послабления. Из регионов, которые официально будут считаться «кочевыми» или «полукочевыми», европейцы подлежали переселению куда-нибудь на свободные площади. Дальнейшую иммиграцию из других областей Советского Союза казахи хотели полностью прекратить. Весь проект был рассчитан на пять лет, но даже величайшие оптимисты понимали, что, пока все хозяйства будут обеспечены землей, пройдет гораздо больше времени. Поэтому крестьяне двух последних категорий не имели отныне будущего в Казахстане¹⁹⁷.

Казахские коммунисты стояли на своем, невзирая на усиливающуюся критику их жесткой линии против переселенцев со стороны московского ВЦИК. Пока неизвестна потребность в земле местного населения, упорствовали они, никакие площади нельзя отдавать или позволять занимать иммигрантам. «Бессистемное, анархическое переселение в Казахскую Республику в последние 5-6 лет» нарушает основополагающие принципы советской

---

¹⁹⁵ См., напр.: Ураз Джандосов. Т. 1. С. 195–209.

¹⁹⁶ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 61. На сельскохозяйственную усадьбу отводилось 45 десятин земли, на полукочевое хозяйство – 150, на кочевое – 400. См. также: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 340. Л. 55–65 (опубл.: Ураз Джандосов. Т. 1. С. 309); Pianciola N. Famine in the Steppe. P. 145.

¹⁹⁷ Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации. С. 88–95.

земельной политики. В конце концов, повсеместно принято осуществлять миграционные процессы планомерно и только тогда, когда местное население обеспечено землей. Особенно это касается регионов, где, как в Казахстане, немного пригодных под пашню участков. Гораздо большую часть казахских земель если и можно сделать пахотными, то лишь с помощью огромных капиталовложений. Нехватка земли порождает конкурентную борьбу между иммигрантами и коренными жителями, которая часто завершается не в пользу казахов¹⁹⁸.

Крестьяне смотрели на вещи иначе. Прежде всего в тех областях, где ключевые административные посты занимали казахи, они чувствовали себя обделенными. В этих так называемых смешанных областях среди европейского населения нарастало беспокойство. Они покинули родину и отправились в неизвестность, жаловались крестьяне, годами тяжко трудились в суровых условиях, терпели лишения и многим жертвовали, чтобы отвоевать у степи плодородную землю и принести казахам европейскую культуру. А что получили в награду? «Культурное русско-украинское население» принуждается к «дикости» и «кочеванию», говорилось, например, в одном памфлете. Поля зарастают, дома разваливаются или используются казахами под стойла, «так как климат украинской хаты им непривычен». Притом и цель реформ не достигнута, поскольку «киргизское население не хочет расставаться с легким трудом пастуха и свободной жизнью кочевника и променять их на тяжелый труд земледельца»¹⁹⁹. В каждой строке тут сквозит глубокая антипатия к казахам, «диким» кочевникам, над которыми европейцы ощущали превосходство²⁰⁰. С точки зрения многих крестьян, в их обязанности входила не только распашка земли, но и роль «культуртрегеров»²⁰¹. Еще в начале

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 72–75 об. (письмо Мунбаева во ВЦИК, 11 августа 1925 г.).

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 949. Л. 18–20. Опубли.: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос: В 2 т. / под ред. Л. С. Гатаговой. М., 2005–2009. Т. 1. С. 284–285.

²⁰⁰ В этом они мало отличались от представителей других европейских колониальных держав, которые точно так же в своих колониях выступали членами якобы стоявших на более высокой ступени сообществ. См. об этом: Osterhammel J. *Kolonialismus. Geschichte, Formen, Folgen*. München, 2006. S. 112 ff.

²⁰¹ О таком самопонимании и его последствиях для коренных народов Сибири см.: Stolberg E.-M. *Sibirien. Russlands «Wilder Osten». Mythos und soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert*. Stuttgart, 2009. S. 168 ff.

XX в. вдумчивые наблюдатели указывали на опасности, связанные с подобным русско-европейским чувством превосходства²⁰².

Многие крестьяне сдались и покинули Среднюю Азию, вернувшись в европейскую часть СССР, откуда некогда приехали они сами или их предки. Оставшиеся начали бороться. Множество земледельцев (особенно из Джетысуйской губернии, где бушевали самые сильные конфликты) в крайней ситуации обращалось за помощью в различные центральные инстанции²⁰³. Они жаловались на незаконные конфискации, на ущемляющие их земельные реформы, на повседневные придирки советских должностных лиц. Они чувствовали себя жертвами большевистской национальной политики, воспринимая уравнивание себя с казахами как оскорбление. Они писали жалобы, осаждали местных уполномоченных, посылали в Москву делегации со свидетельствами неудовлетворительного положения дел в их районе. С разными вариациями все они рассказывали одну и ту же историю: о жестоком переселении 1921–1922 гг., о непрекращающихся спорах из-за земли и воды, о своей дискриминации казахами.

У казаков из станицы Каскеленской, к примеру, комиссия под руководством У. К. Джандосова в 1921 г. отобрала часть земли, раздав ее окрестным казахам. Мало того: в последующие годы на этой территории оседало все больше казахских аулов. И теперь, жаловались казаки, их станица окружена 13 казахскими селениями, «как стальным кольцом», а у них осталось всего по четыре с половиной десятины земли на двор, «что далеко недостаточно для ведения сельского хозяйства, в котором наша главная и основная профессия»²⁰⁴. Сильнее всего их задевало то, что большая часть их бывшей земли никем не обрабатывалась и «запустела». Скот кочевников уничтожил все, на что они положили десятки лет усердного труда. Слушать их никто не хотел, а когда они попытались сослаться на советское земельное законодательство, местные представители власти объявили его «несправедливым и недействительным»²⁰⁵. Казаки же прилагали все силы, чтобы изобразить себя верными подданными советской власти, самое

---

²⁰² Pahlen C., von der. Im Auftrag des Zaren in Turkestan, 1908–1909. Stuttgart, 1969. S. 35 f.

²⁰³ Брискин А. В стране семи рек. С. 47–48. О жалобах и ходатайствах как средстве коммуникации при социализме см.: Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. S. 82–100; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994. P. 15 f.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 220. Л. 32 (жалоба от уполномоченного станицы Каскеленской, [1926]).

²⁰⁵ Там же. Л. 33.

горячее желание которых – соблюдать законы. Не их, мол, вина, что им не доверяют и не разрешают вступать в партию²⁰⁶. В других селах с крестьянами происходило примерно то же самое²⁰⁷.

Ситуация обострялась. В Джетысуйской губернии чекисты с середины 1920-х гг. постоянно ждали взрыва насилия²⁰⁸. Казахские коммунисты не выказывали готовности уступить, кочевников положение дел устраивало, а многим крестьянам было уже нечего терять. Голошекин, чувствуя опасность, настойчиво предупреждал товарищей о возможных последствиях: «Если мы не решим этот вопрос и не обеспечим его [русское население] землей, оно возьмет дело в свои руки»²⁰⁹. Терпение у крестьян действительно кончалось. Жители села Обекинск в одной жалобе заявляли: «Мы не допускаем мысли, что Советская Власть для иных – мать родная, а для других злая мачеха. Придя к нам своевременно на помощь, Вы избавите нас от нежелательных результатов, которые могут породить все эти недоразумения»²¹⁰. В других местах выведенные из себя хлеборобы во весь голос угрожали «перерезать глотки» казахам, когда настанут «лучшие дни»²¹¹. Подобные фразы не могли пройти незамеченными, о чем крестьяне, вероятно, догадывались. Но гнев требовал выхода, заставляя забыть обо всем²¹².

В Москве ряд влиятельных деятелей прислушивался к жалобам крестьян. Одним из них был П. Г. Смидович, который занимал, среди прочих, пост председателя «Комиссии по регулированию отношений между коренным и пришлым населением автономных республик и областей». «Трудно смотреть и говорить с этими париями советской власти, *живущими фактически вне закона*. А ведь дело идет о десятках тысяч хозяйств... – писал Смидович в апреле 1926 г. председателю

²⁰⁶ Там же. Л. 34.

²⁰⁷ Там же. Л. 27 (жалоба крестьян села Казанско-Богородское Серафимову, 11 марта 1926 г.).

²⁰⁸ Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 201 (стенограмма заседания Среднеазиатского бюро, 17 марта 1927 г.).

²⁰⁹ Цит. по: Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации. С. 118.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 240. Л. 128 (письмо из села Обекинск в Наркомат земледелия, Москва, [1924–1925]).

²¹¹ Цит. по: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 62.

²¹² См., напр., ежемесячные информационные сводки ОГПУ: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 201 (обзор политического положения СССР, январь–март 1927 г.). Или: Там же. Д. 196. Л. 370–384 (справка информационного отдела ОГПУ, 29 декабря 1925 г.). Другие примеры см.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 10 т. М., 2001–2004. Т. 4. Ч. 2. С. 928–929, 1004–1005.

лю Средазбюро²¹³ ЦК ВКП(б) И. А. Зеленскому. – Как Вы можете все это принимать, спокойно смотреть и даже содействовать? Мне морально необходим Ваш ответ»²¹⁴.

ВЦИК назначил несколько комиссий для выяснения положения и решения некоторых наболевших вопросов. Важнейшая из них – Особая комиссия ВЦИК по землеустройству южных губерний Казахской АССР и Киргизской АО во главе с М. П. Серафимовым – могла регулировать землеустройство по своему усмотрению, передавая во ВЦИК только самые спорные дела. Серафимов прослыл энергичным заступником крестьян-переселенцев. Поэтому к нему хлынули несчетные письма, ходатайства и жалобы²¹⁵.

Вестник надежды для европейских крестьян постарался не обмануть возложенных на него ожиданий. Уже через несколько месяцев Серафимов мог доложить о первых успехах. Нескольким десяткам тысяч дворов выделили миллионы десятин земли²¹⁶. Однако единственный надежный выход из кризисной ситуации, по мнению Серафимова, сулило образование автономных русских территорий. Тут он следовал мнению большинства русских переселенцев, которые тоже отдавали предпочтение такому решению. Они больше не желали, чтобы ими управляли казахи, а хотели жить в автономных округах, подобно национальным меньшинствам во всех регионах Советского Союза²¹⁷.

План Серафимова предусматривал создание из четырех волостей, населенных преимущественно русскими и украинцами, самостоятельного округа, который подчинялся бы непосредственно ВЦИК, выйдя из-под влияния казахского руководства. Долю коренного населения там следовало насколько возможно снизить путем межрегионального обмена населением. В целом свыше 48 тыс. русских и украинских семей могли затем, как опытные земледельцы, превратить

---

²¹³ О роли Средазбюро см.: Keller S. The Central Asian Bureau. An Essential Tool in Governing Soviet Turkestan // *Central Asian Survey*. 2003. Vol. 22. No. 2–3. P. 281–297.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 12 (Смидович – Зеленскому, 20 апреля 1926 г.). Курсив в оригинале.

²¹⁵ Только с марта по апрель 1926 г. поступило более 1 500 жалоб от европейских крестьян. См.: Там же. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 311. Л. 113 (докладная о создании самостоятельных русских округов в Джетысуйской губернии, ранее 4 июня 1926 г.).

²¹⁶ Точные цифры см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 42. Л. 106–107 (стенограмма VII пленума Средазбюро, 3–4 июля 1925 г.).

²¹⁷ Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Исторические судьбы «национального нэпа» // *Россия нэповская* / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 71.

округ в важнейший фактор снабжения хлебом хлопководческих регионов Узбекистана и Туркмении. Осуществление его плана целесообразно и с политической точки зрения, доказывал Серафимов, поскольку покончит с враждой европейцев и казахов. Назвать новое административно-территориальное образование он хотел именем номинального главы советского государства М. И. Калинина. Четыре волости, которые он имел в виду, располагались и в Казахстане, и в Киргизии, но это не особенно его беспокоило, как и то обстоятельство, что они не граничили друг с другом и не были связаны никакой железной дорогой. Села, даже по широким серафимовским меркам слишком разбросанные среди аулов кочевников, чтобы включить их в создаваемый округ, он хотел объединить в небольшие русские или украинские уезды²¹⁸.

На первый взгляд, такой вариант – оставляя в стороне множество технических вопросов – казался вполне пригодным. В конце концов, он соответствовал советскому «золотому стандарту» решения межнациональных конфликтов: отдельные сообщества получали широкие права автономии внутри четко определенных границ. На этнически однородных территориях не могло быть притеснений по национальному признаку, во всяком случае в теории²¹⁹. Но то, что подходило для узбеков в Киргизии²²⁰, не касалось русских переселенцев в Казахстане. Как «бывшие колонизаторы» они не имели прав на национальную автономию на советской периферии. «Выделение самостоятельных русско-казацких округов или уездов не производится и производиться не будет», – заявил председатель казахского ЦИК Мунбаев в телеграмме Президиуму ВЦИК²²¹.

Автономные области задумывались для поощрения «национального становления» этнических меньшинств. Для отцов советской национальной политики не подлежало сомнению не только то, что у русских этот процесс уже завершен, но и то, что их национализм, в отличие от такового у «молодых наций», опасен и должен подавляться. Взгляд в прошлое, утверждали они, дает понять, куда может завести предоставление русским свободы рук. Ленин делал различие между национализмом угнетенных и угнетателей, малых и больших наций. Представители второй категории автоматически виноваты перед представителями первой, потому что всегда добивались свое-

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 311. Л. 114–122.

²¹⁹ См.: Edgar A. L. Tribal Nation. P. 45.

²²⁰ См., напр.: Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005. P. 165 ff.

²²¹ Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации. С. 116.

го силой²²². Русским как нации предстояло отвечать за последствия. Если для жителей средней полосы России эта ответственность носила, скорее, теоретический характер, то русские, жившие в других советских республиках, узнали, что значит зваться «великорусскими шовинистами». Во многих регионах Средней Азии они превратились в тех практически бесправных «парий», которым так сочувствовал Смидович.

Однако, пусть Серафимов со своим планом провалился по всем статьям, возглавляемая им комиссия послужила казахам недвусмысленным сигналом центра, чтобы не перегибали палку. Призванные к порядку реагировали с раздражением. Меньше всех скрывал злость Мунбаев: «Кто же работает по землеустройству в Казахстане? Особая комиссия, посланная центром Федерации, а Казнаркомзем сидит здесь, связанный по рукам и ногам. Кто в этом виноват? Виноват тот, кто послал особую комиссию во главе с т. Серафимовым, которая, в свою очередь, при землеустройстве идет мимо всех планов, составленных нами... Серафимов не подчиняется никаким указаниям Казакстана, не считает нужным использование инструкций, указаний и опыта Наркомзема Казакстана, делает то, что ему заблагорассудится. Это никуда не годится, и что это не годится, я доказывал в Москве»²²³.

Мунбаев явно не один жаловался в Москву. Работу Серафимова критиковали и другие товарищи, знакомые с обстановкой в Средней Азии. Член ВЦИК С. Ж. Асфендияров видел в нем «пособника... бывших белогвардейцев», который «в пылу борьбы с местными работниками допустил много необдуманных шагов»²²⁴. Зеленский считал: «Он человек, пропивший свой ум»²²⁵. Серафимов привык, что его и его работу поносят, и обращал на подобные суждения мало внимания. «Эта комиссия была сконструирована таким образом, что защищала только интересы одного государства, а не защищала интересы всех сторон», — объяснял он противникам²²⁶. Но нажим усиливался, и Серафимову пришлось оправдываться за свои действия. Правда, ошибок он не признавал, а, наоборот, указывал, что роспуск комиссии нанесет большой вред²²⁷. Однако в 1927 г. Серафимов потерял

²²² Подробнее см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 1–27.

²²³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 91.

²²⁴ Там же. Оп. 140. Д. 127. Л. 5 (Асфендияров – Киселеву, 19 апреля 1926 г.).

²²⁵ Там же. Л. 215 (стенограмма заседания исполкома Средазбюро, 17 марта 1927 г.).

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 42. Л. 115.

²²⁷ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1а. Д. 211. Л. 67 об. (доклад о земельном вопросе в районе деятельности особой комиссии, 15 мая 1926 г.).

в Москве последнюю опору. Секретарь ВЦИК А. С. Киселев перед высокопоставленными среднеазиатскими товарищами назвал его «морально испорченным человеком» и возложил на него вину за все неприятности²²⁸.

Впрочем, дело обстояло совсем не так просто. Острые разногласия по поводу комиссии Серафимова служили признаком растущей озабоченности московских руководителей происходящим в Казахстане. Конечно, они выступали за поощрение титульных наций, и, разумеется, русским как «бывшим колонизаторам» надлежало приносить жертвы. Вопрос заключался в том, какую цену они готовы заплатить за радикально антирусскую политику. Если прогнать из степи более производительных европейцев, кто будет обрабатывать поля и выращивать урожай? Вдобавок с каждой жалобой русских крестьян и с каждым перегибом националистически настроенных казахов углублялась пропасть между двумя группами.

Партийная верхушка пыталась балансировать между различными интересами, как на канате. Сталинский приближенный В. М. Молотов в январе 1926 г. сказал партийным секретарям мусульманских республик: «Я не выдвигаю его [“русский вопрос”. – Р. К.] с точки зрения того, что он ставится иначе, чем три-четыре года тому назад. Он в основном будет решаться, как и в последние годы, но что внимание русскому крестьянству должно быть усилено – это вне всяких сомнений». Пора, добавил он, подходить к существующим проблемам не только с национальной точки зрения, но и принимать во внимание экономические аспекты. От внимательных слушателей не укрылось, что хотел сказать Молотов: национальным республикам не следует без нужды слишком сильно прижимать сравнительно продуктивно работающих русских крестьян²²⁹. И А. А. Андреев, который, будучи кандидатом в члены Политбюро, вполне мог считаться глашатаем высочайших указаний, предупредил в 1927 г. делегатов партийной конференции в Кызыл-Орде, что со своим принципом очередности они отходят от классовой позиции²³⁰. В том же году партийное руководство послало в Среднюю Азию чрезвычайно именитую комиссию. Ее председатель А. С. Киселев не упускал случая подчеркнуть, что прибыл

²²⁸ Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 193 (протокол комиссии по расследованию жалоб, 15 марта 1927 г.).

²²⁹ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 33 (стенограмма совещания секретарей национальных парторганизаций тюрко-татарской группы, 2 января 1926 г.).

²³⁰ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 61.

от имени и по поручению Сталина: генеральный секретарь, мол, желает уладить ситуацию и положить конец потоку жалоб, который беспрерывно обрушивается на него самого, Молотова и секретаря ЦК С. В. Косиора²³¹.

Предупреждениями и комиссиями дело не ограничилось. Президиум ВЦИК в феврале 1926 г. камня на камне не оставил от постановления казахов по вопросу иммиграции, указав, что оно противоречит российской конституции. Да и вообще хорошо бы кзылординским товарищам придерживаться уже выпущенных директив, прежде чем декретировать новые меры, было сказано там. После некоторых споров казахи уступили. Теперь они постановили дать группам коренного и пришлого населения равные права при землеустройстве хотя бы теоретически²³². Это соответствовало курсу Голощекина: пришло время для классового, а не национального подхода к землеустройству, объявил он в 1926 г. делегатам совещания Казкрайкома. И товарищи его послушались, невзирая на упреки влиятельных казахских кадров, что такое решение носит «колонизаторский характер»²³³.

Сколько бы казахские коммунисты ни вставляли палки в колеса, запрет на иммиграцию крестьян в Казахстан в апреле 1928 г. окончательно отменили. Без огромных территорий республики амбициозные планы по переселению внутри страны в целом свыше 5 млн чел. остались бы неосуществимыми²³⁴. К тому же, разъясняли экономисты, для эффективной эксплуатации природных ресурсов Казахстана просто необходим масштабный приток населения²³⁵. Официальное открытие Казахстана для новой иммиграции означало горькое поражение для национальных коммунистов. Их планы уберечь республику от дальнейшей русификации потерпели крах. Но и с общегосударственной точки зрения, как подчеркнул Терри Мартин, это решение представляло собой важный переломный момент: советское руководство впервые официально дало понять, что титульные нации не могут обязательно претендовать на большинство в «своих» республиках²³⁶.

---

²³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 127. Л. 223 (стенограмма заседания Средазбюро, 17 марта 1927 г.).

²³² Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации. С. 98–100.

²³³ Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. С. 329.

²³⁴ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 66.

²³⁵ Челинцев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана. С. 3.

²³⁶ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 67.

Если бы планы переселения были полностью реализованы, казахи оказались бы в меньшинстве²³⁷.

Дебаты по поводу иммиграции в Казахстан показали, что поборникам «коренизации» все труднее находить поддержку при помощи аргументов, основанных на праве на национальное самоопределение, и деколонизационной риторики. Перед лицом усиливающейся тенденции к централизации, не обходящей и национальные республики, и роста значения экономических проблем в глазах руководства разговоры об эмансипации бывших угнетенных наций уже не производили прежнего действия²³⁸. Чтобы разыгрывать «национальную карту», теперь следовало доказать, что она обещает экономические преимущества. Относительно Казахстана это означало следующее: так как никто не мог утверждать, будто кочевники, которые только начинали учиться основам земледелия, хозяйствуют на земле эффективнее, чем европейские крестьяне, первым и не стоило ждать особой защиты. В таких условиях казахи экономически проигрывали европейцам еще сильнее, что было вполне предсказуемо и, вероятно, лишний раз подтверждало существующие предрассудки насчет отсталости степняков. Уже в начале 1920-х гг., когда зашла речь о том, каким критериям – экономическим или этнологическим – отдавать предпочтение при проведении границ между отдельными союзными субъектами, оказалось, что защитники «чистого учения» ни разу не одержали полной победы²³⁹. Вдобавок Москву мало интересовали казахские проблемы. Некоторые руководящие товарищи даже показать республику на карте могли с трудом²⁴⁰. Поэтому среди многих большевистских руководителей к концу десятилетия возобладало мнение, что национальная политика не должна быть самоцелью. Даже самым ярким ее приверженцам приходилось учитывать, что Советский Союз является «социалистическим по содержанию», а потому внимание к национальным «формам» и настроениям имеет свои границы. В итоге открытие Казахстана для новой «колонизации» представляло собой столь же логичный шаг, как и маргинализация «казахофильских» позиций. Стало ясно и кое-что еще: будущее степи решалось только в Москве, и нигде больше.

---

²³⁷ Обзор демографических тенденций см.: Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: История, политика, идентичность. М., 2007. С. 342–343.

²³⁸ Аманжолова Д. А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: Проблемы этноидентификации // Россия и Казахстан. С. 75.

²³⁹ Hirsch F. Empire of Nations. P. 94 ff. О границах Казахстана см.: Аманжолова Д. А. Казахская автономия. С. 120–122.

²⁴⁰ 7 Всеказацкая конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1930. С. 48–50.

Клановая логика – сети в партийном руководстве

Вмешательство Москвы имело и другие причины. Большевики в Казахстане были расколоты²⁴¹. Во-первых, натянутые отношения сложились между европейскими и местными большевиками²⁴². Л. Д. Троцкий, который скоро сам поневоле станет жителем Казахстана, заметил в марте 1927 г., что они даже в шахматы друг с другом не играют²⁴³. Непонимание и недоверие царили между «бывшими колонизаторами» и представителями «отсталых наций»²⁴⁴. Казахи зачастую видели в европейцах «великорусских шовинистов», а те распознавали в своих визави «националистов». Смагул Садуакасов, один из наиболее влиятельных казахских коммунистов 1920-х гг., решительно отклонял этот упрек: «Никакая партия, а тем более коммунистическая, не заставит своих членов, чтобы они ненавидели свою нацию. Ни в какой марксистской литературе не сказано, что через трупы угнетенных наций рабочий класс цивилизованных народов достигнет царства коммунизма»²⁴⁵. Во-вторых, среди местных партийцев боролись за власть и влияние конкурирующие сети. Такие группировки возникали потому, что их представители и руководители принадлежали к различным казахским кланам, вследствие конфликтов, зародившихся в период недолгого правления «Алаш-Орды», а то и раньше, но также по прагматически-политическим причинам²⁴⁶.

С точки зрения московского центра, в подобной ситуации не обязательно скрывалось больше рисков, чем возможностей. Держа «на-

---

²⁴¹ О ранних формах конфликта см.: Blank S. *Ethnic and Party Politics in Soviet Kazakstan*.

²⁴² В общих чертах см.: Olcott M. B. *The Kazakhs*. P. 209–215.

²⁴³ Leon Trotsky. *The Challenge of the Left Opposition (1926–1927)* / ed. N. Allen, G. Saunders. New York, 1980. P. 211. О ссылке Троцкого в Алма-Ату см.: Service R. *Trotsky. A Biography*. London, 2009. P. 366 ff.

²⁴⁴ Buttino M. *Politics and Social Conflicts during a Famine. Turkestan Immediately after the Revolution // In a Collapsing Empire. Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalism in the Soviet Union* / ed. M. Buttino. Milan, 1993. P. 257–277.

²⁴⁵ АП РК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–14. Опубл.: Новейшая история Казахстана. Т. 1. С. 172. Биографию С. Садуакасова (1900–1933) см.: Наркомы Казахстана. С. 293.

²⁴⁶ Об интеграции «Алаш-Орды» в советский проект см.: Gürbüz Y. E. *Caught between Nationalism and Socialism. The Kazak Alash Orda Movement in Continuity*: Ph. D. diss. Ankara, 2007. P. 132 ff.

ционалистические» тенденции в узде²⁴⁷ и науськивая отдельные сети друг на друга, можно было убирать с руководящих постов неугодных товарищей и громить конкурирующие группировки внутри казахской партийной организации. Поэтому в своей политике в Средней Азии большевики старательно балансировали между потворством региональным интересам и их ограничением. Эта политика имела успех благодаря тому, что Сталин и его окружение зарекомендовали себя в местных конфликтах на периферии как уважаемая апелляциянная инстанция и «третейский суд»²⁴⁸. Остальное довершила сталинская кадровая политика в национальных республиках. Хотя советские учреждения там возглавлялись представителями титульной нации, пост первого секретаря ЦК, за редкими исключениями, обычно занимал человек другой национальности. Ему надлежало следить, чтобы «коренизация» не вызывала чрезмерного роста appetites у местных коммунистов, и служить гарантом общегосударственных интересов центра²⁴⁹.

Когда в 1925 г. родилась Казахская АССР и Ф. И. Голощекин вступил в должность первого секретаря Казкрайкома, начался период сознательного разжигания и форсирования внутрипартийных конфликтов. Исключения из партии, чистки и ритуалы покаяния заняли прочное место во все более ужесточавшихся стычках²⁵⁰. Необходимость регулярно очищать организацию от «ненадежных элементов» стала для коммунистов непреложным фактом. Спасая собственную шкуру, они обвиняли друг друга в уклонах, сотрудничестве с классовым врагом, но прежде всего (и на сей раз не без оснований) в смертном грехе для любого большевика – фракционности²⁵¹. Проигравших в этих боях ждало в лучшем случае понижение в должности, а чаще – исключение из партии или репрессии.

Политическое выживание теперь сильнее, чем раньше, зависело от умения заводить нужные связи и маскировать частные интересы

²⁴⁷ Рысаков П. Практика шовинизма и местного национализма // Революция и национальности. 1930. № 8–9. С. 25–34.

²⁴⁸ См.: Fedtke G. Wie aus Bucharern Usbeken und Tadschiken wurden. Sowjetische Nationalitätenpolitik im Lichte einer persönlichen Rivalität // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Jg. 54. H. 3. S. 214–231. О роли Сталина см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 231 ff.

²⁴⁹ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 233.

²⁵⁰ См. в основном: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов.

²⁵¹ С момента выхода постановления «О единстве партии» в марте 1921 г. обвинение в групповщине или фракционности стало роковым. См.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. S. 161.

под «советские». Многие товарищи твердили всем и каждому, будто их конфликты представляют собой не межплеменное соперничество, а типичную форму классово-борьбы. Один даже возмущался тем, что ему вообще приписывают какие-то властные интересы²⁵². Подобные заверения звучали не слишком убедительно в среде, где конкурирующие группировки дрались за власть и влияние зубами и когтями. Линии конфликта пролегли как между соперничающими лагерями казахов, так и между европейцами и казахами. Стороны то и дело вступали в новые альянсы, образовывали тактические коалиции со вчерашними противниками, что делало все эти интриги не только чрезвычайно запутанными, но и опасными для их участников.

Язык масс

Местные и чужие партийцы различались не только культурными особенностями и происхождением, но и своей дорогой в партию, а также представлениями о будущем степи. Казахские коммунисты и в узком, и в более широком руководящем кругу каждый раз делали для себя открытие, что европейские товарищи, как правило, более опытные и квалифицированные, их игнорируют или в лучшем случае посмеиваются над ними²⁵³. Кадры со стороны, особенно из числа старых большевиков, часто вставали в позу заслуженных ветеранов революции, прибывших на помощь азиатам. Некоторые совершенно открыто заявляли, что сделают всё, чтобы как можно скорее покинуть негостеприимный степной край, и нисколько не интересовались местными проблемами. Нередко такие функционеры принимали важные решения, не советуясь с казахскими коллегами и даже вообще не информируя их об этом. Те из местных коммунистов, кто не желал и не мог мириться с ролью безвластных «свадебных генералов», более или менее энергично протестовали против навязанной им субординации²⁵⁴. Но им приходилось констатировать, что ситуация вряд ли сильно изменится, пока многие казахи в партийном аппарате

---

²⁵² АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 5. Л. 78 (справка о группировках в партии, б. д.).

²⁵³ Председателя киргизского СНК Ю. А. Абдрахманова это глубоко задевало. См.: Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001. С. 81–164. См. также: Teichmann C. Kämpfen, Arbeiten, Scheitern. Ein kirgisches Funktionärstagebuch aus der Stalinzeit // Osteuropa. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 121–136.

²⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 87. Л. 163–165 (Нурмаков, Джангильдин и др. – Рудзутаку, 11 мая 1924 г.).

будут думать прежде всего о том, как угодить европейцам и оправдать их ожидания²⁵⁵.

С точки зрения европейских коммунистов, чрезвычайную проблему, помимо языкового барьера, представлял низкий уровень образования многих казахов – особенно когда те отказывались от предлагаемой помощи. Политику «коренизации» кое-кто из казахов понимал как призыв к широкой эмансипации от русских притязаний на лидерство. В результате они рано или поздно вступали в конфликт и с европейскими товарищами в Средней Азии, и с партийной верхушкой в Москве, ибо коренизацию партийного и государственного аппарата даже ее самые убежденные поборники не считали самоцелью. Правда, новые товарищи должны были и могли дорасти до своих задач и научиться делу управления. Ради этого некоторые функционеры даже проявляли готовность потерпеть временное ухудшение работы советских учреждений на региональном уровне²⁵⁶.

Однако было очевидно, что советская власть в Средней Азии так и останется фикцией, если ускоренными темпами проводить безоглядную коренизацию. Возможным решением представлялась «функциональная коренизация», не требующая назначать на все посты казахов «механически», просто потому, что они казахи²⁵⁷. Вместо абстрактных квот во главу угла предлагалось ставить квалификацию каждого отдельного человека²⁵⁸. Молотов не оставил сомнений в том, что это означает конкретно: «Теперь вопрос, как можно работать по колонизации аппарату, по воспитанию национальных кадров, не зная национального языка: первое, что мы могли сделать и сделали, и дальше без перспективы не можем остаться, это европеизация, без этого нам обойтись нельзя, нам нужны европейцы более квалифицированные»²⁵⁹. Подобным истинам (объявляемым в тесном кругу) противоречила официальная пропаганда сплочения представителей «бывших угнетенных наций» и «бывших колонизаторов».

---

²⁵⁵ Там же. Л. 163–165 (Ходжанов – Сталину и Куйбышеву, 6 апреля 1925 г.). См. также: Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 42. Л. 17 (стенограмма VII пленума Средазбюро, 3–4 июля 1925 г.).

²⁵⁶ Например, председатель Средазбюро И. А. Зеленский. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 25.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 17–18 (доклад казахского СНК о работе за 1924–1925 гг.).

²⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 146. Л. 35 (стенографический отчет о VII Джетысуйской губернской конференции ВКП(б), 1–5 января 1927 г.).

²⁵⁹ Там же. Оп. 84. Д. 1056. Л. 37. В итоге казахов стали ставить на низшие управленческие должности, а более высокие посты, как правило, занимали европейцы.

Порой борцы за интеграцию проговаривались во всеуслышание. Так, например, казахи среди делегатов Джетысуйской губернской партконференции, должно быть, восприняли как откровенную насмешку слова, которыми начал свое выступление Голошекин: «Товарищи. Я с удовольствием свой доклад сделал бы на казакском языке, но не могу, как видите, не умею. Но я думаю, что если говорить покоммунистически и говорить так, чтобы это затрагивало интересы широких масс, то тогда этот язык дойдет до масс, независимо от того, говорит ли на этом языке масса»²⁶⁰.

Тем не менее «революционизировать» среднеазиатскую периферию намеревались не только на словах, создание наций не было пустой фразой, а без участия широких слоев среднеазиатского населения ничего из этого не вышло бы²⁶¹. Именно в Казахстане, где европейские крестьяне-переселенцы и казахские кочевники вели изнурительную малую войну за права землепользования и доступ к воде, коммунистам следовало всеми силами успокаивать горячие головы. Ловкие товарищи умели обернуть себе на пользу деликатность партийного руководства в этом вопросе. Когда в 1924 г. первого секретаря Акмолинского губкома отозвали в Москву, десять участников пленума губкома инсценировали разногласия. Вопреки предложению Кзыл-Орды просить ЦК о присылке подходящего кандидата на освободившийся пост, они поставили на голосование кандидатуру одного из своих, товарища Чиркова. Он получил пять голосов «за» при четырех «против» и одном воздержавшемся. За Чиркова голосовали казахи, против – русские. При таких обстоятельствах казахское партийное руководство не решилось утвердить результаты выборов, поскольку они не были единогласными и вдобавок свидетельствовали о глубоком расколе между казахами и русскими. Лишь позднее выяснилось, что акмолинские товарищи играли краплеными картами. Они подстроили результаты голосования в надежде получить из Москвы дополнительного работника. После того как им пришлось признать, что маневр не удался, Чиркова тут же избрали единогласно²⁶².

---

²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 146. Л. 20.

²⁶¹ См., напр.: Martin T. The Affirmative Action Empire; Hirsch F. Toward an Empire of Nations, Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 201–226; Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986.

²⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 87. Л. 52–53 (письмо Ежова в Акмолинский губком РКП(б), 28 декабря 1924 г.). См. также: Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. The Rise of Stalin's «Iron Fist». New Haven, 2008. P. 61–63.

Казахские кланы

Казахские сети в партии конкурировали на всех уровнях. Их борьба в верхах могла докатиться до низовых организаций, и наоборот. В Челкарском уезде, например, в непримиримой конфронтации находились две группировки²⁶³. Возглавляли их не просто местные «шишки», а два известных казахских деятеля: Узакбай Кулумбетов, заместитель председателя СНК КАССР, и Баймен Алманов, с 1927 г. заведовавший организационным отделом Алма-Атинского укома²⁶⁴. Вражда между ними тянулась со времен гражданской войны, с лета 1919 г., когда решался вопрос, к кому примкнет «красный отряд» уезда: к наступающим «белогвардейцам» и бойцам «Алаш-Орды» или к отступающим частям Красной армии. Кулумбетов и большинство членов отряда выбрали первый вариант, Алманов с остальными скрывался в степи до победоносного возвращения красных. После поражения «Алаш-Орды» Алманов и его люди, ссылаясь на непоколебимую верность коммунистам в трудную пору, заняли ключевые посты в уезде. Но в 1920 г. большевики увидели необходимость привлекать на свою сторону казахскую интеллигенцию, которая в прошлые годы была заодно с их противниками²⁶⁵, и чаши весов сдвинулись. Кулумбетов со сторонниками пробрался в партию и тоже стали бороться за власть и влияние.

Так были посеяны семена многолетних склок. В духе соперничающих банд, столбующих свою территорию, и «кулумбетовцы», и «алмановцы» силой вербовали приверженцев внутри и вне партии. В ход шли угрозы, облегчение налогов для сочувствующих и ужесточение для непокорных, вооруженные нападения и применение административного ресурса. Трения регулярно достигали пика перед советскими выборами²⁶⁶.

По мере того как главы обеих сетей делали карьеру, росла и влияние их приближенных. В середине 1920-х гг. члены обеих группировок имели должности на всех административных уровнях²⁶⁷. Таким образом, челкарские дела приобрели общеказахское значение,

---

²⁶³ Основу последующего описания см.: АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 5. Л. 11–18 (справка о группировках в Челкарском уезде Актюбинской губернии, после 25 мая 1927 г.).

²⁶⁴ Биографию Б. А. Алманова (1896–1941) см.: Наркомы Казахстана. С. 52.

²⁶⁵ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 18. Л. 102. Оpubл.: Россия и Центральная Азия. С. 321–322.

²⁶⁶ О методах противников см.: АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 5. Л. 16.

²⁶⁷ Подробнее см.: Там же. Л. 14.

а изменения в алма-атинских властных структурах прямо отражались на обстановке в уезде. Кулумбетов и Алманов очень старались лично направлять и контролировать своих людей. Они то и дело сами наведывались в Челкар или вызывали к себе кого-то из сторонников, чтобы дать им задания. Глубокого влияния на «большую политику» ни та ни другая сеть не добились: для этого они, несмотря на динамичный рост, оставались слишком маленькими и незначительными. Однако в казахской политике они имели определенный вес благодаря присоединению к более масштабным коалициям. Алманов и его люди поддерживали «левых» из окружения Мендешева и Рыскулова, а группа Кулумбетова симпатизировала конкурировавшим между собой «правым» С. Ходжанова и С. Садвакасова²⁶⁸. Кулумбетову удалось доказать свою незаменимость даже при воцарении Голощекина, когда многих других патронов ждало падение²⁶⁹.

Такая участь постигла, например, Султанбека Ходжанова. На его примере можно увидеть, как национальные коммунисты добивались высших постов и тратили силы в борьбе группировок, упуская из виду грозившие им опасности. Ходжанов после школы посещал учительскую семинарию, где не только выучил русский язык, но и познакомился с прогрессивной литературой. Вихри 1917 г. застали его в Ташкенте, на должности редактора газеты «Бирлик туы». В 1920 г. он вступил в коммунистическую партию и быстро сделал карьеру. Его ввели в ЦК компартии Туркестана, он руководил несколькими наркоматами и газетой «Ак жол»²⁷⁰. В сентябре 1924 г. Ходжанов стал вторым секретарем казахской парторганизации и членом Президиума КазЦИК²⁷¹. Решающим подспорьем в его продвижении служил тот факт, что сеть, с которой он был связан, за короткое время приобрела огромное влияние в Казахстане.

В середине 1920-х гг. большинство казахских коммунистов принадлежали к тому или другому из трех главных соперничающих те-

---

²⁶⁸ АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 5. Л. 15–16.

²⁶⁹ У. Дж. Кулумбетов (1891–1938) до 1935 г. оставался заместителем председателя казахского Совнаркома, а с 1935 г. до своего ареста в августе 1937 г. был председателем КазЦИК. См.: Наркомы Казахстана. С. 214.

²⁷⁰ О скандале вокруг этой газеты, в который несколько раз вмешивался Сталин, см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 66–67 (письмо Сталина в бюро Киркрайкома, 29 мая 1925 г.), 69–71 (ответ бюро Сталину, июль 1925 г.).

²⁷¹ Биографию С. Х. Ходжанова (1894–1938) см.: Арапов Д. Ю. Записка Султанбека Ходжанова в ЦК РКП(б) 1924 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 85.

чений²⁷². Вначале самой влиятельной была группировка председателя киргизского (казахского) ЦИК С. М. Мендешева. Ее члены контролировали почти все важные посты в Киргизской АССР, пока ее не сменила в 1925 г. Казахская АССР. «Мендешевцы» стремились к сотрудничеству с европейскими товарищами, рекрутировались, в общем и целом, из «самого здорового партийного элемента», как говорится в одной справке об отдельных группировках, и встречались по всему Казахстану²⁷³. Ходжановская группа состояла главным образом из бывших сторонников и членов «Алаш-Орды» и казахской интеллигенции, которая во время гражданской войны колебалась, примкнуть к коммунистам или нет. Ходжанов только в конце 1919 г. сделал выбор в пользу красных. Этого сравнительно позднего «обращения» ему так и не простили, в первую очередь те, кто с самого начала сделал ставку на большевиков. Пока Ходжанов создавал себе властную базу на юге Казахстана, Садвакасов, предводитель третьей авторитетной группировки в крае и важнейший конкурент Ходжанова за владычество в нарождающейся республике, сосредоточил усилия на северных регионах²⁷⁴. Как минимум до 1925 г. главы трех самых значительных сетей не видели причины скрывать существование своих группировок или собственную позицию. Ураз Джандосов в письме Ходжанову передавал разговор, состоявшийся у него с Садвакасовым: «Он держал такую речь: “В КССР имеются три группы (его, твоя и Менд[ешева]); вне группы быть нельзя – это недостойно коммуниста”»²⁷⁵. Сообразно таким представлениям все трое и действовали. Когда в 1925 г. возникла Казахская АССР, Ходжанов и Садвакасов вступили в ожесточенную борьбу за власть, из которой Ходжанов как будто вышел победителем, но лишь для того, чтобы несколько месяцев спустя признать, что на самом деле проиграл. Садвакасов тоже недолго радовался победе. Не позднее 1927 г. начала закатываться и его звезда.

Притом Ходжанов даже постарался войти в милость к Сталину. В 1923 г., когда татарский коммунист М. Х. Султангалиев стал мишенью критики, якобы за связи со среднеазиатскими басмачами²⁷⁶,

---

²⁷² С точки зрения многих европейских товарищей, разногласия между отдельными группировками представляли собой прежде всего конфликты конкурирующих кланов. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 46–49 (отчет секретаря Актюбинского губкома И. М. Беккера за июль–октябрь 1925 г.).

²⁷³ АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 5. Л. 71 (справка о группировках, [1925]).

²⁷⁴ Подробнее см.: Там же. Л. 75–77.

²⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 3. Оpubл.: Ураз Джандосов. Т. 1. С. 260–261.

²⁷⁶ Olcott M. B. The Basmachi or Freeman's Revolt in Turkestan, 1918–24 // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. No. 3. P. 352–369. О деле Султангалиева см.: Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 288 ff.

Ходжанов принял участие в нападках на опального функционера. «Хорошо говорил, по моему мнению, Ходжанов, – отметил Сталин. – Недурно говорил Икрамов. Но я должен отметить одно место в речах этих товарищей, место, наводящее на размышления. Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась... Товарищи, если это не обмолвка, если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы... Очевидно, Ходжанов и Икрамов не продумали это место своей речи, ибо они не могут не знать, что нынешний Советский Туркестан в корне отличается от Туркестана царского»²⁷⁷. Обоим, заключил генсек, стоит хорошенько подумать и исправиться. Однако в целом он, видимо, остался ими доволен, особенно Ходжановым. После того как тот признал свою ошибку, Сталин прислал ему записку: «Вы говорили сегодня хорошо. Если Вы так же хорошо работаете на месте (я еще не вполне уверен в этом), я готов стать Вашим другом-товарищем»²⁷⁸.

Но и довольно двусмысленное одобрение, звучавшее в этих строках, продлилось недолго. В дебатах 1923–1924 гг. о национальном размежевании Ходжанов допустил политическую ошибку, горячо выступая против создания новых республик: «Размежевание по национально-племенному признаку, с образованием “независимых республик”, представляется как рассечение одного живого организма, с требованием, чтобы голова, конечности и туловище жили каждое отдельно и “независимо” друг от друга»²⁷⁹. Надо отдать должное ловкости Ходжанова – несмотря на такую позицию, он стал-таки вторым секретарем Казкрайкома, сумев сделаться незаменимым для недолго занимавшего пост первого секретаря В. И. Нанейшвили и стремившегося наверх Н. И. Ежова²⁸⁰. Ходжановский подъем закончился с прибытием в Казахстан в 1925 г. Ф. И. Голощекина. В кратчайшее время Ходжанов, как один из видных участников «групповщины», был снят

---

²⁷⁷ Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 5. С. 306–307. Рыскулову досталось от генсека гораздо больше, см.: Там же. С. 304–305.

²⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 4.

²⁷⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 16–28. Цит. по: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Т. 1. С. 212. О ходжановском требовании среднеазиатской федерации см.: Арапов Д. Ю. Записка Султанбека Ходжанова в ЦК РКП(б) 1924 г. С. 85–89.

²⁸⁰ Грузин Нанейшвили (1878–1940) занимал этот пост с осени 1924 г. до лета 1925 г. Об отношениях Ходжанова с обоими см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 241 (Джангильдин – Сталину, [1925]).

с должности и заменен Ежовым²⁸¹. Это, должно быть, стало для него особенно тяжким ударом: ведь всего несколько месяцев назад он сам хлопотал за будущего шефа НКВД и предлагал Сталину назначить его первым секретарем²⁸². Мнимая близость к генсеку Ходжанову не помогла, ритуальное покаяние перед казахским партийным руководством тоже ничего не дало²⁸³. Его партийной карьере наступил конец.

«Своей политической линии у нас нет»

Голощекин времени не терял. Едва взяв в свои руки бразды правления в казахской партийной организации, он начал прижимать «группировщиков», как называли членов клановых сетей. Жесткие и основательные действия «новой метлы» ощутил на себе и Садвакасов. Несколько месяцев спустя казахи поняли, что Голощекин умышленно инспирирует все новые и новые конфликты среди казахских коммунистов. В одном письме Сталину Садвакасов горько жаловался на нового начальника, который «казакских работников сознательно делит на несколько частей». Вместе с тем он сетовал на собственное бессилие: позицию Голощекина он разделить не может, но также не в состоянии выступить против нее, иначе на него наклеят ярлык «группировщика», а это, как известно товарищу Сталину, фатально. Поэтому он просил генсека отозвать Голощекина из Казахстана или, если этого нельзя сделать, хотя бы немного приструнить его²⁸⁴.

Вряд ли содержание письма удивило Сталина. Новый первый секретарь, совершенно очевидно, осуществлял возложенные на него ожидания. Голощекин виртуозно владел мастерством эскалации существующих конфликтов и раздувания новых. За несколько месяцев он не только опять стравил друг с другом товарищей, которые по крайней мере отчасти договорились между собой и оставили наиболее острые разногласия в прошлом²⁸⁵, но и под девизом «советизации аула» форсировал проведение нового курса партии на конфронтацию

²⁸¹ Он не сомневался в том, кому обязан утратой власти: Там же. Л. 23 (Голощекин – Сталину, 25 октября 1925 г.).

²⁸² См.: Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. P. 65 ff.

²⁸³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 88 (Сталин – Голощекину, 9 марта 1927 г.), 90–91 (Голощекин – Сталину, 23 марта 1927 г.).

²⁸⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 67. Д. 326. Л. 206 (Садвакасов – Сталину, 9 октября 1926 г.).

²⁸⁵ Там же. См. также: Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски: В 2 кн. Алма-Ата, 2000. Кн. 2. С. 64.

с казахским обществом²⁸⁶. Новый глава Казахстана выполнял задание Москвы. Ежов, пока оставался в Казахстане, играл при этом важную роль. Маленький человек, которому еще только предстояла великая и ужасная карьера, настраивал высшее руководство против казахских коммунистов в целом и против их сетей. Ни на одну из этих групп нельзя положиться, докладывал он Сталину. Лучше держать их все подальше от власти, искусственно разжигая конфликты между ними, и, кроме того, не направлять чересчур много казахов в Москву, иначе они там организуют «Казахстан № 2», чтобы мешать мероприятиям партии²⁸⁷.

Верные Москве коммунисты решительно выступали против различных фракций среди своих казахских товарищей. Однако не все сети удавалось безоговорочно вывести на чистую воду, не обо всех кликах становилось известно, а некоторые группировки не так просто было сравнить друг с другом. Поэтому люди Голощекина помимо открытых атак на группировщиков прибегли к услугам ОГПУ. Здесь нашлись необходимые специалисты для дискредитации казахских коммунистов как руководителей. Группа европейских чекистов во главе с А. Р. Альшанским²⁸⁸ поставила себе задачу использовать для этого все имеющиеся средства. Ошибочно полагая, будто Голощекин не знает, что происходит, один из посвященных описал в анонимном письме применяемые группой методы. Сотрудники ОГПУ, уверял он, манипулируют показаниями заключенных-уголовников, собирая материал на казахских товарищей, ежегодно убивают десятки бедных казахов, чтобы оторвать бедноту и середняков от казахских функционеров, – если не сами, то руками русских хулиганов. ОГПУ обвиняет казахов, занимающих важные посты, в краже лошадей у русского населения, в большом количестве вербует среди русских кулаков и казахских племенных предводителей агентов, которые поставляют богатый компромат на местных должностных лиц²⁸⁹. Даже если автор письма несколько стусил краски, не подлежало сомнению, что целый ряд товарищей был весьма заинтересован в том, чтобы посеять недоверие среди казахских коммунистов²⁹⁰.

---

²⁸⁶ См.: Голощекин Ф. И. За советизацию аула. С. 22–24.

²⁸⁷ Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Исторические судьбы «национального нэпа». С. 82.

²⁸⁸ А. Р. Альшанский (1898–1940) руководил Актюбинским и Джетысуйским губотделами ГПУ до 1927 г., когда его назначили заместителем полномочного представителя ОГПУ в Казахской АССР.

²⁸⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1458. Л. 21 (письмо Голощекину и Садвакову, 10 сентября 1926 г.).

²⁹⁰ Так считал и Ходжанов: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 208 (Ходжанов – Сталину и Куйбышеву, 6 апреля 1925 г.).

Тем не менее в середине 1920-х гг. такие видные жертвы борьбы с групповщиной, как Ходжанов и Садвакасов, отделались сравнительно легко. Чуть позже с теми, кто вышел из милости у партии, стали обходиться по-другому. Более суровая кара постигла, например, товарищей, попавших под удар в ходе кампании 1928–1929 гг. против бывших сторонников «Алаш-Орды» в партийном и государственном аппарате. Множество известных персон было тогда исключено из партии или арестовано. Это кровопускание, совпавшее с началом коллективизации, круто изменило состав казахских большевиков. Все первое поколение казахских партийцев, кроме маленькой группы «уцелевших», лишилось власти и влияния. А те, кто пережил ту волну, за немногими исключениями, погибли во время «Большого террора»²⁹¹.

Попавшие в опалу коммунисты недолго ломали голову над тем, кого в этом следует винить. Бывший председатель Сырдарьинского губисполкома И. М. Мустамбаев в марте 1928 г. не смолчал перед комиссией партийного контроля: «Если Вы скажете, что бюро Крайкома в числе 7-8 человек, то отвечу, что это только арифметические данные, а почти весь Крайком представляет собою один т. Голощекин... Может быть, и диктатор, может быть, настолько сильный товарищ, партийный работник, что остальных обезличил, подчинил своему влиянию и т. д.» Этой откровенностью Мустамбаев предрешил свою судьбу. Его исключили из партии и в 1933 г. арестовали²⁹².

Голощекин и его преторианцы в партийной верхушке знали, что с «автономией» Казахстана дело обстоит не так, как долгое время верили или, по крайней мере, хотели верить многие казахские товарищи. Ударение в знаменитой сталинской формуле «национальная по форме, социалистическая по содержанию» неизменно делалось на второй ее части. А «социалистическое содержание» в условиях Средней Азии означало прежде всего унификацию и централизацию практики власти. Вдобавок сам Сталин развязал Голощекину руки, подтвердив, что политика нажима является в Казахстане «в принципе единственно верной»²⁹³.

---

²⁹¹ О судьбе членов «Алаш-Орды», примкнувших к коммунистам, см.: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. С. 17–77. Среди них был и А. Байтурсьнов (1873–1937), один из самых прославленных представителей казахской интеллигенции. См.: Ашин Ф. Д. и др. Репрессированная тюркология. М., 2002. С. 177–195.

²⁹² Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. С. 338.

²⁹³ Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков. Кн. 2. С. 139.

Было бы, однако, упрощением возлагать на одного Голощекина ответственность за все, что случилось в последующие годы, как делают некоторые казахские историки²⁹⁴. Разумеется партийного босса Казахстана нельзя назвать бескомпромиссным борцом за интересы казахов. Он заботился не о нуждах населения, а об осуществлении большевистских притязаний на власть в степи. Проводя свою политику, большевики, вопреки публичным декларациям, придавали мало значения «дифференцированному подходу» к местным условиям. «Я считаю, что политическая линия – это линия ЦК партии, – недвусмысленно высказался Голощекин в ходе одного обсуждения в Казкрайкоме. – Никакой своей политической линии у нас нет»²⁹⁵. Какая разница с положением, существовавшим всего пару лет назад! В апреле 1925 г. его предшественник Нанейшвили еще мог непререкаемым тоном заявлять на конференции: «Наша Кир[гизская] Республика большая нац[иональная] автономная республика, а потому из-за чувства национальной гордости мы не должны слишком нуждаться во влиянии посторонних лиц в разрешении вопросов, касающихся нашей Авт[ономной] Республики. Наш крайком вправе обсуждать и разрешать все вопросы»²⁹⁶.

Своими повадками Голощекин вряд ли отличался от функционеров в других регионах. Задача осуществлять культурную революцию и коллективизацию в разных уголках Советского Союза выпадала обычно коммунистам, пользовавшимся милостью Сталина. Все они понимали, что главное их предназначение состоит не в том, чтобы обращать внимание центра на потребности регионов, а в том, чтобы пробить дорогу централистской политике²⁹⁷. Для этого нужны были беззастенчивость, решительность и прежде всего преданность – качества, которыми, несомненно, обладал «цареубийца» Голощекин²⁹⁸. И все же никто не смог бы справиться с огромными задачами в Казахстане в одиночку.

«Команду Голощекина»²⁹⁹ составлял небольшой кружок коммунистов, которые хотели следовать линии центра и положить конец скло-

---

²⁹⁴ См., напр.: Михайлов В. Хроника великого джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1996.

²⁹⁵ Цит. по: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. С. 323.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 67. Д. 82. Л. 242 (Джангильдин – Сталину, [1925]).

²⁹⁷ Easter G. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge, 2000. P. 72 ff.

²⁹⁸ Михайлов В. Хроника великого джута. С. 15–17.

²⁹⁹ Понятие произведено по образцу понятия «команда Сталина». См.: Wheatcroft S. G. From Team-Stalin to Degenerate Tyranny // The Nature of

кам группировок. К этому кружку принадлежало больше европейцев, чем казахов. Желавшие войти в него представители местного населения не должны были давать ни малейших поводов для сомнений в их верности правящей верхушке во главе со Сталиным. Поэтому, например, председатель казахского Совнаркома Ураз Исаев, самый высокопоставленный казах в республиканском руководстве, или второй секретарь Казкрайкома Измухан Курамысов старались выглядеть не менее (а то и более) радикальными поборниками сталинской эскалационной стратегии, чем сам Голощекин³⁰⁰.

Образ действий и манеру поведения главных фигурантов можно трактовать как обычные для колониальной власти. Такое заключение напрашивается, но вводит в заблуждение – по крайней мере, отчасти. Оно выделяет как некую особенность процесс, который точно так же или похоже разворачивался во всех уголках Советского Союза. Представители местных частных интересов неизбежно вступали в конфликт с товарищами, заинтересованными в укреплении властной вертикали. И везде, где как будто существовала опасность, что региональные сети не будут проявлять необходимую лояльность центральной власти, их члены в массовом порядке попадали под пресс. Практика назначения на ответственные посты работников из других мест тоже отнюдь не ограничивалась исламскими территориями СССР. Тот, кто говорит о колониальных формах власти, «экзотизирует» среднеазиатскую – и в том числе казахскую – действительность, которая всегда была чисто советской. Если здесь казахи боролись с европейцами, крестьяне конкурировали за ресурсы с кочевниками, это ничего не меняло по сути: речь шла о борьбе за власть. А попытки местных коммунистов, которые не гнушались никакими средствами, отстаивая свои интересы, разыграть карту притесняемых национальностей свидетельствуют в первую очередь о том, что они понимали правила игры. Если им казалось полезным изобразить из себя жертву «национального угнетения» и «колониальной эксплуатации», они так и делали³⁰¹.

Но партия, раздираемая внутренними склоками, не может победить. Как сказал Сталин: «Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов»³⁰². Поэтому форсирование кон-

---

Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953 / ed. E. A. Rees. Basingstoke, 2004. P. 79–107.

³⁰⁰ Биографии У. Дж. Исаева (1899–1938) и И. М. Курамысова (1896–1938) см.: Наркомы Казахстана. С. 172, 214.

³⁰¹ См.: Fedtke G. Wie aus Bucharern Usbeken und Tadschiken wurden.

³⁰² Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 185.

фликтов с целью выявить и обезвредить потенциальных и реальных противников с точки зрения сталинистов представлялось необходимою. Лишь таким способом достигался хотя бы минимум контроля и централизации, без которого нельзя было всерьез приступить к перестройке общества. В 1928 г. большевики почувствовали себя достаточно сильными для этого.

АТАКИ – КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ПЕРЕВОД НА ОСЕДЛОСТЬ

Радикальная перестройка и покорение всей сельской социокультурной среды – такова глобальная цель, которую большевики последовали по всему Советскому Союзу. Крестьяне (а в казахском случае – и кочевники) должны были стать зависимыми сельскохозяйственными работниками и отдавать плоды своего труда государству¹. Этому замыслу большевики подчиняли всё, соглашаясь даже на чудовищные экономические потери. Во всех остальных регионах СССР раскулачивание, принудительные заготовки и коллективизация, сочетаясь, приводили в конечном итоге к максимально возможной экспроприации ресурсов; в Казахстане коллективизация, раскулачивание и перевод кочевников на оседлость также служили для приобретения рычагов власти над населением и ресурсами гигантской территории (особенно скотом)².

Таким образом, правильно понять эти кампании можно только в их взаимодействии; они, по сути, реализовали схожие намерения, следовали одной и той же эскалационной логике и обуславливали друг друга. Недаром лозунг большевиков для Казахстана гласил: «Перевод на оседлость на основе сплошной коллективизации»³. Развернутое под этим знаменем наступление произвело такое разрушительное действие, что республике понадобились десятилетия, чтобы оправиться.

Много раз говорилось, что важнейшая цель коллективизации заключалась в том, чтобы повысить объемы государственных заготовок

---

¹ Для начала см.: Olcott M. B. The Collectivization Drive in Kazakhstan // The Russian Review. 1981. Vol. 40. No. 2. P. 122–142. См. также: Ertz S. The Kazakh Catastrophe and Stalin's Order of Priorities, 1929–1933. Evidence from the Soviet Secret Archives // Zhe. Stanford's Student Journal of Russian, East European, and Eurasian Studies. 2005. Vol. 1. P. 1–14.

² Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945. Paris, 2006. P. 71 ff.

³ Голощекин Ф. И. Казахстан на подъеме // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 19.

сельхозпродукции и ограничить возможности крестьян торговать на свободном рынке⁴. Для этого в 1929 г., в «год великого перелома»⁵, коммунисты наметили поэтапный план достижения сплошной коллективизации и сделали всё, чтобы окончательно задушить частный сектор⁶. Действовать быстро их побуждало множество причин. Это и нежелание крестьян сдавать хлеб по низким ценам, которые предлагали им государственные скупщики. И неспособность советской промышленности выпускать в достаточном количестве потребительские товары такого качества, чтобы крестьяне стремились их покупать (отчего искусственное завышение цен на промтовары не производило желаемого эффекта). Наконец, большевики не могли больше допустить такого массового провала хлебозаготовок, как зимой 1927–1928 гг. Снабжение городов оказалось под угрозой, на кону стояла их легитимность, и без того хрупкая в глазах части рабочего класса. Амбициозную программу индустриализации возможно было финансировать только за счет деревни; кроме того, Советский Союз рисковал потерять статус хлебного экспортера и, следовательно, жизненно необходимые ему валютные доходы⁷. Сталин не оставил сомнений в том, что в столь трудной ситуации платить по всем счетам придется крестьянам. В июле 1928 г. он заявил на пленуме ЦК, что с них нужно брать «дань»: «С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще **переплачивает** на сравнительно высоких ценах на товары промышленности – это во-первых, и более или менее **недополучает** на ценах на сельскохозяйственные продукты – это во-вторых... Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии... Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали этот факт и закрывали глаза на то, что без этого добавоч-

---

⁴ См., напр.: Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford, 1994. P. 4.

⁵ Сталин И. В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Правда. 1929. 7 нояб.

⁶ Такую интерпретацию см.: Merl S. *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941*. Berlin, 1990. О периодизации мер в связи с коллективизацией см.: Ивницкий Н. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1996. С. 14–16.

⁷ Подробнее см.: Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates*. München, 1998. S. 377 ff.; Lewin M. *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*. London, 1985. P. 91 ff.

ного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут»⁸.

Противоречия в распределении, касавшиеся всего общества, не в последнюю очередь способствовали тому, что среди исследователей давно доминирует представление о коллективизации как дихотомичном конфликте между «государством» и «крестьянством». Однако, если посмотреть на динамику кампаний в селах и аулах, предстает более дифференцированная картина. Внутри села существовали самые разные интересы, и коллективизация подвергла общины крестьян и кочевников настоящему «испытанию на разрыв»⁹. Власть большевиков над степняками, опять-таки, была чрезвычайно хрупкой. Как показано выше, им не удалось ни наладить в обширных районах Казахстана работу надежных, с их точки зрения, учреждений и руководителей¹⁰, ни уничтожить сети кочевого общества, основанные на верности и родстве. Для вторжения в жизненный мир кочевников приходилось, как правило, использовать особых уполномоченных, тройки и других (вооруженных) посланцев, которые заставляли уважать пожелания центральных органов¹¹. Свою волю в степи коммунисты по большей части могли проводить лишь изредка, ненадолго и с применением или под угрозой применения превосходящих силовых средств.

Школы репрессий

Методам покорения крестьян и кочевников большевики учились во время гражданской войны. В конце 1920-х гг. они снова о них вспомнили¹². Сталин демонстрировал товарищам в провинции мастерство экспроприации, и функционеры следовали его примеру. Большевистские руководители хорошо понимали, что при атаке на

---

⁸ Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 11. С. 159. Выделено полужирным шрифтом в оригинале.

⁹ Schnell F. Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg, 2012. S. 465 ff.; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996. Подробное описание использования уполномоченными конфликтов, существовавших внутри одного украинского села, см.: Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельство очевидца. М., 2006. С. 157–159.

¹⁰ В некоторых кочевых областях до конца 1920-х гг. даже не было советов. См.: Тлепов С. Т. Страницы истории Мангышлака. Алма-Ата, 1980.

¹¹ См.: Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. München, 1981. S. 289 ff.

¹² Schnell F. Räume des Schreckens. S. 402 ff.

село и аул наткнутся на сопротивление как со стороны населения, так и в собственных рядах. Кампании 1928 г. дали им возможность наглядно показать крестьянам и кочевникам свою решимость, а также дисциплинировать партию и настроить ее на предстоящую борьбу.

Первой мишенью в казахских кланах стали баи – среднеазиатский эквивалент «кулаков». Коммунисты всегда смотрели на традиционные клановые элиты как на своих главных врагов в казахской степи и не оставляли сомнений в том, что рано или поздно объявят им войну. Веря, что баи обладают реальной властью, большевики не могли не приложить все усилия, чтобы покончить с таким положением. Дела обстояли так, что в их распоряжении имелось только одно средство, сулившее успех: полная экспроприация, которая лишит богачей влияния.

Ленин признал это еще в 1919 г. На VIII съезде партии он объявил казахским делегатам, которые спросили его о будущей участи баев: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота»¹³. В последующие годы не раз повторялись попытки подорвать доминирующие экономические позиции байства. Причин имелось достаточно. Так, в 1927 г. 0,9 % всех казахских хозяйств владели более чем 10 % поголовья скота в республике. Число хозяйств, которым принадлежало свыше 50 голов, быстро увеличивалось, и состояние этих семей росло с непропорциональной скоростью¹⁴. Эта тенденция, указывавшая на определенное оздоровление сельского хозяйства после разрухи гражданской войны и голодных лет, служила для коммунистов признаком усиления зависимости и эксплуатации беднейших слоев населения. Но планы казахского руководства ввести «самообложение» «зажиточных» хозяйств, направляя поступления от них на нужды соответствующего аула, встретили резкую критику со стороны Наркомата внутренних дел. Такая мера даст результат, противоположный задуманно-

---

¹³ Цит. по: Заключение комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств», от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего полуфеодалного байства», от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» // Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски: В 2 кн. Алма-Ата, 2000. Кн. 2. С. 36.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 67. Д. 449. Л. 4–8 об. (докладная о самообложении баев, ранее 31 мая 1927 г.).

му, считали его работники. Богачи всеми силами будут стараться спихнуть общее бремя «самообложения» на середняков, и существующие конфликты только обострятся. По мнению наркомата, эффективно ослабить баев могло только прямое налогообложение в значительно большем размере, чем раньше¹⁵. Эта концепция победила, и налоговые гайки стали закручиваться все туже¹⁶. Однако вместе с тем коммунисты пробовали и другие методы.

Семипалатинская авантюра

Начало делу положила одна телеграмма. 20 января 1928 г. Сталин уведомил И. М. Беккера¹⁷, что больше не потерпит, чтобы цены на хлеб в Семипалатинской и Петропавловской губерниях явно превышали таковые в соседних сибирских регионах. Это представляет серьезную опасность для хлебозаготовок в Западной Сибири, поскольку крестьянам и «спекулянтам» выгодно сбывать свой урожай в Семипалатинск. Очевидно, товарищ Беккер, первый секретарь Семипалатинского губкома, и его петропавловский коллега Райтер проигнорировали соответствующие указания ЦК и Совнаркома. Генсек обещал немедленно отправиться на место и положить конец подобной ситуации¹⁸. Через два дня Сталин вызвал Беккера в Рубцовск, расположенный в 140 км в Западной Сибири¹⁹.

О чем там говорили, нам неизвестно²⁰. Но мы знаем, что Сталин ездил в начале 1928 г. на Урал и в Сибирь не для развлечения, а с целью показать местным работникам, как «по-большевистски» выколачивать хлеб у крестьян. Речь о том, чтобы «при зверском нажиме»

---

¹⁵ Там же. Л. 9 (мнение НКВД, б. д.).

¹⁶ Цифры см.: Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 гг.). Алма-Ата, 2009. С. 104–105.

¹⁷ И. М. Беккер (1898–1937), в 1925 г. – первый секретарь Актюбинского губкома, был в 1926 г. переведен на ту же должность в Семипалатинскую губернию.

¹⁸ Упомянутая Сталиным разница цен составляла от 12 до 27 коп. за пуд. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 29 (телеграмма Сталина из Новосибирска в ЦК, 20 января 1928 г.).

¹⁹ Предположительно Райтера тоже пригласили на эту встречу. См.: Там же. Л. 35 (телеграмма Сталина Беккеру, 22 января 1928 г.). За оба документа благодарю Андреаса Оберендера.

²⁰ Кажется, Сталин обозвал семипалатинскую делегацию «спекулянтами» и вышвырнул из своего вагона. См.: Платунов Е. Сталин на Алтае. URL: <http://komsomol.ucoz.kz/publ/19-1-0-361> (20.03.2013).

«взять крепость» хлебозаготовок «любой ценой», заявил он перед отъездом на восток²¹. «Урало-сибирский метод», как его называли позже, должен был служить образцом для заготовительных кампаний последующих лет²². Сталинский урок обращения с крестьянами на практике давал коммунистам понять, чего от них ждут²³.

Очевидно, Сталин дал Беккеру полную свободу действовать в Семипалатинске по его примеру. И Беккер оказался усердным подчиненным: по всей губернии начались обыски и конфискации якобы укрываемого крестьянами от государства хлеба²⁴. Хотя едва ли в каком-нибудь еще регионе Казахстана проживало больше русских и украинских крестьян, репрессии затронули в первую очередь казахов. Европейские «кулаки», важнейшие хлебопроизводители губернии, поначалу могли особо не опасаться. Высокопоставленные функционеры в Семипалатинске придерживались мнения, что казахов слишком долго щадили. А они ничуть не «лучше» русских, объявил Беккер, так что пора и у них конфисковать лишнее²⁵. Ведь реквизиции преследовали двойную цель: выполнение плана хлебозаготовок и обезглавливание кланов и крестьянских общин. Вопросом о том, насколько разумно требовать хлеб у кочевников, казалось, никто не задавался. У казахов оставался единственный выход: покупать хлеб и сдавать его на заготовительные пункты, чтобы рассчитаться по заготовкам. Однако денег у подавляющего большинства степняков водилось мало или не водилось вообще, поэтому сначала им приходилось продавать часть скота. В результате цены на скот на рынках падали, а на хлеб – росли. Таким образом, спущенные кочевникам планы по

---

²¹ Цит. по: Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik, 1921–1928. Köln, 1998. S. 370.

²² Hughes J. Capturing the Russian Peasantry. Stalinist Grain Procurement and the «Ural-Siberian Method» // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 1. P. 77.

²³ Подробнее о Сталине в Сибири см.: Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991. P. 137 ff.; Ильиных В. Хроники хлебного фронта: Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 129–143. Вероятно, в феврале 1928 г. со Сталиным также встретился Голощекин и в сибирском городе Омске лично получил от него инструкции по проведению хлебозаготовок. См.: Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: Причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.). Алма-Ата, 2009. С. 10.

²⁴ Формальными основаниями для них служили ст. 62 и 107 Уголовного кодекса РСФСР.

²⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1650. Л. 2 (стенограмма бюро крайкома ВКП(б) по вопросу о перегибах в Семипалатинской губернии, 9 сентября 1928 г.).

заготовкам означали для аульчан двойную нагрузку²⁶. Вдобавок сроки устанавливались такие короткие, что казахи фактически не имели никакой возможности их соблюдать. Тем не менее должникам, не сдавшим свою норму вовремя, грозили драконовские кары²⁷. Этот метод реквизиции хлеба у скотоводов в значительной мере повинен в обнищании широких масс казахского населения в последующие годы²⁸. Здесь он был придуман и впервые испытан.

Большевики не могли не понимать, что неизбежно лишают кочевников средств к существованию. Но губернское руководство во главе с Беккером прочно усвоило основную аксиому сталинской политики заготовок: думать следует не о долгосрочных перспективах экономического развития, а о сиюминутных успехах. Надо выполнить план здесь и сейчас, и неважно, что будет в следующем году. На всех уровнях системы сверху донизу требовался результат, а невыполнение плана влекло за собой серьезные последствия. Средства достижения цели особого значения не имели. Все знали, что это так, и действовали соответственно. Такова была логика административно-командной экономики, в которой долгосрочное планирование на бумаге существовало, но неизменно терпело крах перед лицом острой необходимости²⁹.

Развязанная Беккером кампания приобрела огромные масштабы. Помимо баев, против которых, собственно, и направлялась атака, пострадали казахские «средняки» и «бедняки», даже часть городского населения³⁰. Во многих районах власть на себя взяли «тройки», временно отстранив обычные административные структуры. В некоторые хозяйства различные уполномоченные наведывались по нескольку раз, предъявляя все новые требования. Штамповались приговоры, не выдержавшие последующей проверки³¹. Сколько всего людей стали жертва-

²⁶ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 653 (протокол № 48 заседания фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК, 24 сентября 1928 г.).

²⁷ Shayakhmetov M. *The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin*. London, 2006. P. 13–17.

²⁸ Впервые об этом см.: Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К. *Казахстанская трагедия // Вопросы истории*. 1989. № 7. С. 53–71. Затем: Pianciola N. *Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe*. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192.

²⁹ Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // *Экономическая история: Ежегодник 2003*. М., 2004. С. 20–54. См. также: Edele M. *Stalinist Society, 1928–1953*. Oxford, 2011. P. 194 ff.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 675.

³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 956. Л. 7–16 (о нарушениях партийных директив и советских законов в Семипалатинской губернии, [август 1928 г.]).

ми репрессий, задним числом оказалось невозможно точно установить. Одна следственная комиссия исходила из того, что речь идет как минимум о 40 тыс. чел. Реальное число, вероятно, еще больше³².

В тогдашней казахской столице Кзыл-Орде сравнительно рано увидели как возможности этой кампании, так и связанные с ней опасности. Соответственно сигналы, поступавшие в Семипалатинск, носили неоднозначный характер. Республиканское руководство довольно вяло пыталось урезонить товарищей на северо-востоке республики³³. У Беккера, должно быть, сложилось впечатление, будто его акция вызывает некоторое одобрение, – тем более что Голощекин, видимо, побывал в феврале 1928 г. в Семипалатинске и присутствовал на совещании местного руководства, где обсуждались вопросы экспроприации³⁴. Вдобавок Казкрайком по запросу из Семипалатинска вынес постановления об использовании конфискованного имущества баев³⁵. Однако товарищи в казахской столице явно избегали одного – письменных указаний, прямо призывающих Беккера к действию. Поэтому, в числе прочего, комиссия, которая позже расследовала случившееся, пришла к выводу, что виновных следует искать в губернии³⁶.

Беккеровская акция охватила все слои населения. Особенно отличились уполномоченные, которые, не зная местной обстановки, определяли, кто сколько должен сдать. Они оценивали величину стада, не видя порой ни одного животного: «Приезжает в аул уполномоченный, собирает сельсовет и решает, что у такого-то столько скота, у такого столько-то, делается это на глаз, так называемым “камеральным” способом, составляется протокол и взыскивается. Считать не хотели. Нам жаловались, что таким образом высчитывали скот у казаков, живущих за 200 верст. Люди живут за 200 верст, а они составляют про-

---

³² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 677. Эта цифра получилась у Киселева, который округлил число зарегистрированных 8 592 хозяйств, подвергшихся репрессиям, до 10 000 и считал по 4 чел. на хозяйство. Называемые в литературе 17 000 репрессированных хозяйств – очевидно, результат подсчетов Т. Мартина, сложившего общее количество (8 592) с числом хозяйств, разбитых на отдельные категории: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. P. 67. Эти данные заимствовал Н. Пьянчола: Pianciola N. *Famine in the Steppe*. P. 149.

³³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1650. Л. 29.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 647.

³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 215–216 (протокол № 20 заседания Казкрайкома, 19 марта 1928 г.).

³⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 956. Л. 16.

токол и точно указывают, кто сколько имеет скота»³⁷. В русских селах должностные лица поступали так же. Здесь они оценивали посевную площадь хозяйства по наличию сельскохозяйственного инвентаря, числу тяглового скота и членов семьи и на основании этого рассчитывали налог. Им было достаточно того, что семья теоретически может обрабатывать определенную площадь³⁸.

Активисты в аулах часто рекрутировались из представителей враждующих кланов. Каждый из них, стремясь нанести экономический урон конкурентам, считал целесообразным свалить налоговое бремя своего района на членов другого клана. Цены на скот упали как никогда. Партийные и советские работники пользовались случаем нажать на чужой беде³⁹, часто злоупотребляя своими административными полномочиями⁴⁰. Некоторые должностные лица открыто признавались, что не могли упустить столь редкий шанс: «Один из членов совета говорит, что сегодня он член совета, а завтра его не выберут, но он бедняк, и поэтому он купил скот теперь. Другой обосновал свою покупку тем, что ему нужна лошадь для разъездов, а остальные даже и этим не смогли мотивировать, они просто говорили, что скот никто не брал и поэтому они решили якобы поддержать правительство, скупая скот за бесценок у населения»⁴¹.

Хотя Беккер и его окружение потом и старались представить дело иначе, именно они «спустили с цепи» своих людей в степи и подстрекали к агрессивным действиям. В том числе и поэтому активисты не стеснялись прибегать к силе и «административным» методам. В сравнении с последующим разгулом коллективизации их поведение выглядит почти безобидным. Тем не менее несколько человек за эти месяцы лишились жизни, а целый ряд лиц при сомнительных обстоятельствах угодили в лагеря и тюрьмы.

Атаки на аулы в кратчайший срок взбудоражили всю губернию. Многие, пытаясь спасти себя и свою скотину от большевиков, скрывались в глуши. Некоторые баи нарочно превращали себя в «бедняков», раздавая стада приближенным и родственникам. Другие, пользуясь близостью китайской границы, как уже не раз бывало, бе-

---

³⁷ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 676. Похожим образом Сталин «определял» резервы в Сибири. См.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. S. 379.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 674.

³⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 788. Л. 8 (докладная Акимова Енукидзе, 28 июля 1928 г.).

⁴⁰ Там же. Л. 3.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 668.

жали в Синьцзян⁴². Воскресли воспоминания о 1916 годе⁴³. Более 400 семей ушли через горы, причем не только «зажиточные баи», но и «бедняцкие», и «средняцкие» хозяйства. С точки зрения коммунистов, особую досаду вызывало то, что среди беженцев находились председатели советов, комсомольцы и даже члены партии⁴⁴. Советские пограничники задерживали и арестовывали кое-кого из беглецов, но действительно запереть границу на замок они были не в состоянии⁴⁵.

Беккер в немилости

«Международный» аспект авантюры и открытое пренебрежение фундаментальными элементами советской национальной политики в конце концов привели к скандалу. Одностороннее обложение казахов обязательствами по заготовкам противоречило всем большевистским заповедям в национальном вопросе, а то, что наряду с баями оно касалось и других групп населения, не соответствовало речам о справедливости и равноправии. Напряженность достигла такого уровня, что в Москве почувствовали необходимость отреагировать. Еще весной 1928 г. ЦК и ВЦИК направили в губернную комиссию под началом А. С. Киселева⁴⁶ для расследования ситуации. В своем докладе Киселев категорически утверждал, что Беккер зарвался, но руководство Казахстана тут ни при чем («крайком в этом отношении никаких указаний не давал»)⁴⁷. В конце июля

---

⁴² Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. A Contemporary's Reminiscences // Acta Slavonica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 112.

⁴³ Pianciola N. Famine in the Steppe. P. 149.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 633.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 338п. Оп. 1. Д. 188. Л. 29. Оpubл.: Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Рeмигpация, 1928–1957 гг.: Сб. документов / сост. О. В. Жандабекова. Усть-Каменогорск, 1998. С. 14–15. Погранвойска не справлялись с ситуацией: ГАВО. Ф. 338п. Оп. 1. Д. 188. Л. 62. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 15–16. Казахи бежали и в Сибирь. См.: ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 16 (постановление президиума Западно-Сибирского крайисполкома, 3 октября 1928 г.).

⁴⁶ А. С. Киселев (1879–1937) в 1924–1937 гг. был секретарем Президиума ВЦИК, и ему неоднократно поручали рассматривать казахские дела. В середине 1920-х гг. он уже возглавлял комиссию по расследованию трений между казахами и европейцами в Джетысуйской губернии, а в 1934 г. стал председателем Комиссии по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения, которая занималась последствиями губительной политики перевода на оседлость.

⁴⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1650. Л. 29.

Политбюро сняло Беккера с поста и остановило кампанию⁴⁸. В конце сентября последнему пришлось лично отправляться в Москву – на ковер в Президиум ВЦИК⁴⁹.

Там, однако, Беккер стал обороняться. В принципе он следовал той же политике, твердил он, что проводится и в других регионах Советского Союза, и получал множество весьма противоречивых указаний, которые просто старался исполнять. Все на него нажимали и требовали план. Беккер прекрасно понимал, как важно ему не остаться единственным виновником и переложить хотя бы часть ответственности «наверх». Конечно, признавал он, допущен ряд серьезных нарушений, прежде всего в отношении казахских аулов, но он-то как раз неоднократно пытался утихомирить товарищей на местах⁵⁰. Кое-где вынужденно приходилось применять в ауле чрезвычайные меры, но это всегда происходило по согласованию с крайкомом. Члены семипалатинского партийного руководства его поддерживали, во всех важных вопросах они были единодушны, и ни о какой «диктатуре Беккера» не могло быть и речи.

Поразительно, не сдержался один из членов комиссии, почему это «директивы центра», о которых тут столько говорится, не выполнялись ни в одной из других областей Казахстана. Калинин как председатель Президиума упрекнул саму комиссию за «вегетарианское» заключение: констатируя тяжкие прегрешения, она, тем не менее, не предлагала никаких серьезных санкций. Не считать же «наказанием» снятие Беккера с его поста в Семипалатинске! По словам Калинина, к нему и так без конца поступали от ответственных работников просьбы о переводе из этих мест⁵¹. Как минимум, заявил он, Беккера следует исключить из партии и отдать под суд⁵². По мнению Смидовича, все успехи последних лет оказались в опасности: «Товарищи, если бы пришли белогвардейцы и поставили себе целью разрушить нашу ра-

---

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 697. Л. 4 (протокол № 5 Политбюро «О Казахстане», 26 июля 1928 г.).

⁴⁹ Стенограмму заседания см.: Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 622–682. Доклад комиссии обсуждался в Политбюро: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 706. Л. 6 (доклад комиссии Киселева, 27 сентября 1928 г.).

⁵⁰ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 642, 665–666.

⁵¹ О положении европейских функционеров в Средней Азии см.: Kassymbekova B., Teichmann S. *The Red Man's Burden. Soviet European Officials in Central Asia in the 1920s and 1930s // Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization* / ed. M. Reinkowski, G. Thum. Göttingen, 2013. P. 171 ff., 182 ff.

⁵² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 636.

боту, экономику и т. д. — могли ли бы они выдумать более продуманную линию, чтобы повести контрреволюцию в крае?»⁵³

За «честного коммуниста» Беккера, сделавшего себе «имя» в гражданскую войну, вступился А. И. Догадов. Легко говорить, сидя в бюро, возмущился он, но ведь сила большевистской партии в том и состоит, чтобы, взявшись за какое-то дело, делать его. Этот профсоюзный руководитель уверял, что любой на месте Беккера поступал бы так же, и предупреждал о последствиях реального суда над провинившимся: «Я согласен с выводами комиссии, а никаких судов делать не надо, потому что это опасная вещь и мы тогда должны бы отдать под суд 90 % наших секретарей Губисполкомов и Губкомов, и останется один Петр Гермогенович [Смидович. — Р. К.], но и вас отдадут под суд тогда»⁵⁴. В известном смысле Догадов был прав: коммуниста в данном случае пригвождали к позорному столбу за поступки, обычные для практики большевистской власти в деревне. Беккера интересовал только результат и не волновало, какими средствами он будет достигнут. Очевидно, заметил Калинин, Беккер заботился исключительно о своем «политическом реноме». Тем самым председатель Президиума ВЦИК косвенно подтвердил слова Догадова: успехи в проведении хлебозаготовок в конечном счете оправдывали любые средства, однако не гарантировали функционерам сохранение постов. Сегодняшний триумф достаточно часто мог превратиться в «преступление» назавтра, когда ветер переменится. Десять лет спустя последствия этого по большей части оказывались роковыми. Беккера же после падения ждало сравнительно мягкое приземление: ему запретили в течение года занимать ответственные должности в партаппарате, но его дальнейшей карьере семипалатинская авантюра практически не повредила⁵⁵. Через несколько лет он стал первым секретарем Карагандинского обкома и руководил областью в тяжелые годы голода. Потом работал уполномоченным Комиссии партийного контроля в Узбекистане⁵⁶.

Столь интенсивные дебаты по его делу связаны с тем, что оно во многих отношениях представляло собой прецедент. В Семипалатинске впервые пришли к мысли выколачивать хлеб в большем объеме у группы населения, не обрабатывавшей землю и не торговавшей хлебом. Вдобавок речь шла об одной из самых первых кампаний по за-

---

⁵³ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 645.

⁵⁴ Там же. Л. 637.

⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 706. Л. 6.

⁵⁶ Беккер не был репрессирован, он умер в 1937 г. естественной смертью. За его биографические данные благодарю Виталия Хлюпина.

готовкам и раскулачиванию, при которых этнические и национальные критерии играли как минимум столь же важную роль, что и социально-экономические факторы⁵⁷. Главное бремя легло на казахов, но допускались и другие варианты. Кроме того, события разворачивались в одном из приграничных районов, которым большевики всегда уделяли повышенное внимание, так как, с одной стороны, думали о пропагандистском значении советской действительности для внешнего мира («витрине революции»), а с другой стороны, опасались «пагубного влияния» за границы на жителей этих «чувствительных зон»⁵⁸.

Осенью 1928 г. ситуация еще не созрела настолько, чтобы говорить о «ликвидации» целых «классов». Вероятно, это объяснялось и существовавшей пока необходимостью считаться с позицией Н. И. Бухарина и его сторонников, которые выступали против навязываемого Сталиным курса на коллективизацию⁵⁹. Внешне московское руководство демонстрировало мягкость и единство. Велено было возместить убытки всем, у кого «незаконно» конфисковали имущество, вынесенные им приговоры отменили. К бежавшим в Китай отправили посланцев с вестью о прекращении разгула репрессий⁶⁰. В Кызыл-Орде также приняли постановления, говорившие о несправедливости обращения с казахами и обещавшие компенсацию. Беккер и его подручный Бекбатыров, разъярились там, неправильно поняли решения XV съезда партии; тем не менее сами «чрезвычайные меры» во время хлебозаготовок в принципе правильны, хотя применять их в отношении «средняков» и «бедняков» не годится и в будущем этого постараются не допускать⁶¹. На тот момент еще делались попытки подчинить более-менее четким правилам и ограничить террор в деревне. Коммунисты не думали раскручивать спираль произвольных репрессий, они пытались одолеть своих «врагов».

---

⁵⁷ Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 72 ff. Об этнизации хлебозаготовок на Украине см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 302 ff.

⁵⁸ О «парадоксе социалистической изоляции» см.: Chandler A. Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993. Montreal, 1998. P. 3 ff. О приграничном населении и национальной политике: Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 829 ff. О среднеазиатских границах: Shaw C. Friendship under Lock and Key. The Soviet Central Asian Border, 1918–1934 // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 331–348.

⁵⁹ Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. S. 384.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 956. Л. 7–16.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 420. Л. 77–78 (приложение к протоколу № 52 бюро Казкрайкома, 19 июля 1928 г.).

Возложение расходов по компенсации на Казкрайком было не лишено логики: в конце концов, Голощекин и его окружение тоже, по крайней мере отчасти, несли ответственность за семипалатинскую авантюру. Но оно поставило Кызыл-Орду в трудное положение. Тогдашний председатель казахского Совнаркома Ныгмет Нурмаков⁶² признал, что Казахстан должен возместить причиненный ущерб, однако заявил, что не знает, насколько это возможно, и попробовал выпросить денег из бюджета РСФСР. Ему вторил Кулумбетов, уточнивший позицию казахского руководства: «Конечно, мы будем бить того, кто виноват в истреблении скота, но это не значит, что мы откуда-то должны искать средства для удовлетворения пострадавших... за всякое головотяпство Правительству трудно отвечать»⁶³. Какие суммы в действительности пошли на выплату компенсаций и сколько голов скота вернулось к первоначальным владельцам, неясно⁶⁴.

Среди убежденных сторонников большевиков в Семипалатинской губернии попытки исправить содеянное встретили мало понимания. Особенно много критических замечаний звучало среди русских крестьян, которые не раз с одобрением высказывались о жестких мерах против казахов. Крестьяне защищали Беккера, считая, что партия не должна признавать ошибки, а группой «обиженных середняков», в конце концов, можно пренебречь⁶⁵. Эти люди не могли понять, почему партия снова идет на поводу у отдельных «кулаков». Вероятно, в число критиков входили те «бывшие красные партизаны», о которых преемник Беккера Кунаев в декабре 1928 г. наполовину с восхищением, наполовину с опаской писал, что они до сих пор сохранили партизанский «дух» и в любой момент готовы взять в свои руки раскулачивание собственных сел⁶⁶.

Коммунистов, которые видели в национальной политике не просто тактический ход, семипалатинские события, напротив, потрясли. С их точки зрения, подобные действия заслуживали суровых санкций. У них не укладывалось в голове, как можно пожертвовать небольшими, но с таким трудом достигнутыми успехами в нацио-

---

⁶² Биографию Н. Н. Нурмакова (1896–1937) см.: Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биогр. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007. С. 258–259.

⁶³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1650. Л. 45–46.

⁶⁴ Петров В. И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 329.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 420. Л. 92–93 (справка информационного отдела ЦК ВКП(б), 3 сентября 1928 г.).

⁶⁶ Там же. Л. 95 (письмо Кунаева в организационный отдел ЦК ВКП(б), 17 декабря 1928 г.).

нальном вопросе ради хлебозаготовок. Поэтому они требовали голов предполагаемых виновников и компенсации для пострадавших. Однако в конечном счете противники Беккера проиграли. Им пришлось признать, что в Семипалатинской губернии были испытаны методы, которые вскоре в обязательном порядке стали применяться везде, где требовалось заготавливать хлеб и репрессировать кулаков, — то есть по всему Советскому Союзу.

Практиков из регионов это уже не удивило. Большинство защитников Беккера своими глазами видели, что происходит в Казахстане, или набрались опыта войны с крестьянами в других областях СССР. Таким образом, разногласия по поводу «самоуправства» Беккера можно интерпретировать как часть процесса обучения, в ходе которого далеким от практики членам руководства следовало научиться, как конкретно проводить хлебозаготовки и раскулачивание, и понять, что для Сталина никакой приемлемой альтернативы больше не существует. Административный произвол стал для функционеров и активистов правилом, а физическое насилие — неизменно предпочтительным методом действий⁶⁷. Сталин санкционировал жесткую линию в отношении крестьянства. Вполне вероятно, и он, так же как адвокаты Беккера, на личном опыте убедился, что судьбы отдельных людей принимать во внимание не стоит⁶⁸. Поездка в Сибирь укрепила его в этом убеждении. Здесь он пропагандировал радикальные шаги и увидел, насколько эффективны «чрезвычайные меры» в обуздании непокорных крестьян⁶⁹.

«Малый Октябрь»

В августе 1928 г. началась долго подготавливавшаяся операция по экспроприации «самых зажиточных баев»⁷⁰. На первый взгляд, кампания «дебаизации», которую можно считать казахским вариантом раскулачивания, являлась продолжением «одиночной вылазки» Беккера, ведь и для нее мишенью служили прежде всего

⁶⁷ В основном см.: Schnell F. Räume des Schreckens. S. 428 ff.

⁶⁸ Stalin J. W. Über die rechte Abweichung in der KPdSU(B). Rede auf dem Plenum des ZK und der ZKK der KPdSU(B) im April 1929 (stenographisches Protokoll) // Werke. Bd. 12: April 1929 – Juni 1930. Berlin, 1954. S. 80.

⁶⁹ Об одной предполагаемой встрече Сталина с крестьянами см.: Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. P. 144; Avtorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party. New York, 1959. P. 12.

⁷⁰ Заключение комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан... См. также: Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 35 ff.

традиционные элиты в аулах. Но теперь все делалось «по правилам»: имелись официальные постановления и однозначные директивы партийного руководства⁷¹. «Богатых баев» и «полуфеодалов» надлежало экспроприировать и вместе с семьями выселять из родных мест, а их собственность раздавать «бедному населению», якобы в целях борьбы с имущественным неравенством и повсеместной «эксплуатацией»⁷². Официально кампания должна была затронуть только «крупнейших» скотовладельцев. Средним и даже «зажиточным» хозяйствам опасаться нечего, уверяли коммунистические активисты. Соответствующее постановление гласило, что речь идет всего о 696 баях во всем Казахстане. «Богатым» считался тот, кто в кочевых районах имел свыше 400 голов скота, в полукочевых – свыше 300 сельскохозяйственных и рабочих животных, в аграрных – свыше 150⁷³. Казахскому аулу, который пока «не ощутил дыхания Октября»⁷⁴, предстояло познакомиться с большевиками. На повестку дня, таким образом, ставилось не что иное, как радикальный передел имущества и скота внутри аула одновременно с экспроприацией и высылкой наиболее влиятельных клановых авторитетов.

Этот так называемый малый Октябрь⁷⁵, собственно, и положил начало коллективизации в Казахстане. Голошекин в мае 1928 г. пояснил, почему необходима дебаизация: кампания направлена не просто против самых экономически значительных фигур, но и против самых влиятельных «врагов» и «вредителей» в степи. Первый секретарь крайкома связывал с ней надежду на решающий прорыв в деле «советизации

---

⁷¹ Многие авторы считают обе кампании одной и той же. Н. Пьянчола говорит о «дебаизации» несколько подробнее, но имеет при этом в виду только события в Семипалатинской губернии. См.: Pianciola N. *Famine in the Steppe*. P. 148 ff. Основные элементы дебаизации были определены еще в марте 1928 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 18. Л. 144–147 (постановление ВЦИК о конфискации крупнейших байских хозяйств, 14 марта 1928 г.).

⁷² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 141–148. Оpubл.: *Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.: Сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1998. С. 34.*

⁷³ ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 8 об. (доклад о конфискации и выселении байства, 22 апреля 1929 г.). Здесь приводятся данные и о числе участников-активистов. См. также: Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin*. P. 79.

⁷⁴ Голошекин Ф. И. *Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей (1925–1930 гг.)*. М., 1930. С. 72.

⁷⁵ Формулировка принадлежит Голошекину. См.: Мухамедина Ш. *Конфискация байских хозяйств в Казахстане // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 136–142.*

аула». О конкретных мерах ее проведения Голощекин высказался довольно расплывчато, оставляя местным функционерам большое поле для маневра: нельзя, мол, заранее дать «общие рецепты» конфискации; в различных районах, несомненно, должны применяться весьма разные методы⁷⁶. Определять их конкретнее он не видел нужды⁷⁷. Обнародованное в конце августа окончательное решение о конфискации вызвало по всей республике волну небывалых дотоле репрессий.

В души ряда местных коммунистов, несмотря на их принципиальное согласие с экспроприацией, закрадывались некоторые сомнения. Председатель киргизского Совнаркома Юсуп Абдрахманов, к примеру, на одном заседании Средазбюро выступил против «малого Октября» – не из сочувствия к баям, а потому, что не верил в положительное воздействие этой кампании на бедное население кочевых районов. В Киргизии, записал он в дневнике, подобных мер пока никак не следует предпринимать⁷⁸. А У. К. Джандосов, назначенный уполномоченным по проведению кампании в Джетысуйской губернии, ратовал за то, чтобы как можно шире ознакомить руководящих работников на местах с процессом принятия решений. Таким образом, надеялся он, с одной стороны, можно будет избежать перегибов, а с другой стороны, местные практики получат представление о действительных целях и масштабах дебаизации. Однако слушать его никто не стал. «Этого не надо делать», – написал кто-то, предположительно сам Голощекин, на полях письма, в котором Джандосов высказывал свое предложение⁷⁹.

Казахские товарищи не придумывали какого-то особого пути. Они подхватывали и воспроизводили то, что происходило тогда во всех уголках Советского Союза: везде повышались налоги, «богатых» крестьян и кулаков облагали все новыми поборами. А главное – уполномоченные прибегали к так называемым административным мерам, чтобы отобрать у крестьян хлеб. В течение 1928 г. конфискации снова стали обычным средством государственной политики. Реанимировался военный коммунизм⁸⁰.

---

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 18. Л. 242–253 (докладная во ВЦИК по вопросу конфискации имущества баев, 15 мая 1928 г.).

⁷⁷ Там же. Л. 251.

⁷⁸ Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001. С. 94. Биографию Ю. А. Абдрахманова (1901–1938) см.: Джумагалиев Д., Семенов И. Е. Верный сын народа // Там же. С. 7–80.

⁷⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 255. Л. 59–61. Опул.: Ураз Джандосов: Документы и публицистика (1918–1937 гг.): В 2 т. / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1999. Т. 2. С. 98–99.

⁸⁰ О нормативных основаниях этого см.: Телицын В. Л. Реанимация военного коммунизма в деревне // Россия нэповская / под ред. С. А. Павлюченко и др. М., 2002. С. 419–440.

В одной брошюре о «социалистическом строительстве» в Казахстане говорилось без обиняков: «Мирными обычными путями работы, по примеру русской деревни, современных социально-экономических отношений в ауле не изменишь. Нужны революционные методы»⁸¹. «Малый Октябрь» быстро приобрел насильственные черты. В некоторых местах тройки довольствовались угрозой применения физических средств нажима. В других же аулах они брались за дело всерьез, истязая тех, кого подозревали в укрывательстве скота и прочего имущества. Типичен случай с казахом Актау Аденовым. Он хотел отделить свой скот, который пускал пастись со стадами бая Джердектабканова, от подлежащих конфискации животных. Но комиссия по конфискации, состоявшая из руководящих работников Алма-Атинского округа, очевидно, решила выбить из него дополнительную информацию: «В тот же день вечером Комиссия вызвала Аденова в степь, и над ним была учинена инсценировка расстрела. Аденов был раздет догола и связан, на него наставлялось оружие, и в половой орган Аденова... вставляли тонкие прутья»⁸². С Джердектабкановым, который, собственно, и являлся объектом «следствия», обошлись не менее круто. После этого от комиссии уже не требовалось особых усилий. Слухи о ее беспощадности быстро разошлись по ближним и дальним окрестностям: «Всякий готов был отдать все, что есть, лишь бы не сделаться объектом грубого издевательства, истязания и т. д. Этот урок был учтен всеми»⁸³. В прочих районах происходило нечто похожее. Решимость коммунистов не оставила равнодушными русских и украинских крестьян, которых кампания пока не касалась. Глядя на то, что творится у них на глазах, они делали вывод об опасности, которая вскоре могла грозить им самим: «Киргиз раньше миловали, а нас, русских, жали, налегали, а теперь у них скот бесплатно забирают, но если у них забирают, то начнут и у нас отбирать»⁸⁴.

Кроме того, под прикрытием дебаизации сводились старые счеты: верные партийной линии большевики расправлялись с полити-

---

⁸¹ Ряднин М. Казакстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кзыл-Орда, 1928. С. 19.

⁸² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 305. Л. 23 (письмо прокуратуры Казахской АССР в прокуратуру РСФСР, 4 мая 1929 г.). Этот инцидент получил широкую известность. См.: ЦГАРК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 3. Л. 98–101. Опубл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 43.

⁸³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 305. Л. 14 (жалоба Зейнеб Маметовой в прокуратуру КАССР, 31 января 1929 г.).

⁸⁴ Там же. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 13 об.

ческими противниками и «врагами советской власти», представители различных кланов и сетей – с нежелательными конкурентами. Легитимирующим средством им служили строки из постановления, которые расширяли круг потенциальных жертв, включая в него, помимо «крупнейших» баев, всех, кто «препятствует советизации аула» при помощи своего богатства и общественного влияния⁸⁵. Этот весьма растяжимый пункт открывал полный простор для административного произвола. Он свидетельствовал, что в конечном счете решающее значение имели не пропагандируемые публично экономические причины кампании, а желание вмешаться в расстановку сил в ауле. Целенаправленные атаки на казахские элиты одновременно служили для того, чтобы подорвать их авторитет на местном и региональном уровне. Во всех уголках степи эмиссары революции перешли в наступление⁸⁶. В придачу репрессии не ограничивались казахскими аулами: они обрушивались также на бывших членов «Алаш-Орды», казахскую интеллигенцию и неугодных местных партийных и советских работников⁸⁷.

Несомненно, начало эскалации государство. Но вскоре она приобрела собственную динамику, оставляя государственным органам только роль зрителей, хотя они всеми силами старались изобразить происходящее «классовой борьбой в деревне». Как раз на среднеазиатских окраинах ничто не могло быть дальше от истины. В здешних селах и аулах не существовало классов, которые хотели видеть большевики, люди жили в системе клановых и родовых отношений. Эти сообщества отнюдь не обходились без конфликтов, и многие люди хватались за удачную возможность выбраться – хотя бы на текущий момент – из маргинального положения⁸⁸. Ввиду своего происхождения из той же социальной и культурной среды они были в состоянии чрезвычайно эффективно воздействовать на соседей, порой не без помощи насилия. Они знали, на какие пастбища те отгоняли стада, чтобы спрятать их от заготовительных отрядов, знали о «темных пят-

⁸⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 141–148. Опул.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 35.

⁸⁶ Обзор см.: Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 35 ff.

⁸⁷ Pianciola N. Famine in the Steppe. P. 147. См. также: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. С. 341–343. Нападки в то время на «Алаш-Орду» см.: Бочагов А. К. Алаш-Орда: Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–19 гг. Кзыл-Орда, 1927.

⁸⁸ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. P. 55 ff.

нах» в их биографиях, могли использовать в своих целях скрытые обиды и распри⁸⁹.

Советский аппарат и политические кампании не впервые служили орудием в местных и региональных конфликтах. Но теперь стали другими последствия победы или поражения. На кону стояло само существование побежденных – «кулаков» и «баев». Правда, поначалу радикальные изменения в сельских социальных структурах не казались одинаково опасными для всех крестьян и кочевников. В особенности перед беднейшими членами местных общин открывались прекрасные шансы: поддержка реквизиций не только приносила материальное вознаграждение, но и повышала перспективы получить влиятельный пост и подняться по социальной лестнице⁹⁰. Кроме того, раскулачивание многим давало долгожданную возможность разделаться со старыми врагами и конкурентами. Коллективизация была не только войной государства с народом; народ воевал и между собой.

Коммунисты не питали иллюзий насчет молчаливости и надежности своих первичных организаций в степи. Если уполномоченные извещали о своем прибытии, баи могли подготовиться. Партработники неизменно убеждались, что не зря заранее настаивали на строгой секретности: между баями и остальными аульчанами чаще всего существовали весьма тесные связи. Поэтому подстрекатели вроде некоего Джельбаева объясняли, что недостаточно выселять баев, которые и после депортации сохраняют влияние на своих приспешников: «Необходимо их также перебросить подальше от нас и уничтожить их с корнями, всех этих родственников и близких людей баев»⁹¹.

Когда коммунисты Алма-Атинского округа в ноябре 1928 г. подвели первые итоги кампании, докладчик Б. А. Алманов вынужден был признать, что никакие попытки держать планы конфискации в секрете не помогали. Намеченные жертвы всегда «раньше всех остальных» узнавали, что их ждет. О том же рассказывали и другие коммунисты. Но в первую очередь оборонительные стратегии атакуемых срабатывали потому, что они зачастую находились в наилучших отношениях с местными работниками, пользуясь их неограниченной

---

⁸⁹ Украинец Д. Гойченко рассказал, как один функционер расколол изнутри украинское село. Подачками и мнимым предоставлением широких властных полномочий он приручил отщепенцев местного общества, создав из них своего рода боевую дружину. См.: Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. С. 157–159.

⁹⁰ Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. P. 113.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 159. Л. 213 (стенографический отчет IX Алма-Атинской окружной партийной конференции. 10–20 ноября 1928 г.).

поддержкой. Председатель окрисполкома Бисенгали Абдрахманов⁹² поведал делегатам партконференции: «Аульные коммунисты, конечно, имели связь с баями, пользовались у баев лошадьми, пользовались у баев дойными коровами... Снимали шапки тогда, когда бай заходил туда, где сидел тот или иной ответственный работник района или аульский работник, то ему освобождали почетное место»⁹³. Многие товарищи, продолжал он, брали взятки, наблюдались даже связи коммунистов с байскими дочерьми. В этом месте в протоколе отмечено: «Смех». Здесь не над чем смеяться, с коммунистической чопорностью одернул делегатов Абдрахманов, это пример исключительно тяжелых условий, в которых приходится вести работу в ауле⁹⁴. Его словам вторили и другие доклады, например по Джетыгаринскому району: там прокурор Жалтауров предупредил местного бая об опасности и получил в благодарность десять баранов⁹⁵. Всюду партийцы не упускали случая погреть руки⁹⁶.

Многие жертвы пытались противопоставить действиям троек «оружие слабым»⁹⁷. Они не сопротивлялись открыто, но и не собирались просто так расставаться со всем, что составляло их богатство и определяло их статус. Документировано множество случаев, когда богатые бай раздавали стада родственникам и приближенным, чтобы считаться бедняками⁹⁸. Другие продавали свой скот на рынках и базарах региона, что привело к такому же резкому падению цен, как в начале года в Семипалатинской губернии. Третьи бежали через близкую границу в Китай, ища там убежища для себя и своих стад. Большевики не исключали возможности открытого вооруженного восстания против дебаизации. Так, например, работники Актюбинского окружкома формировали вооруженные «коммунистические отряды», которые можно было бы при необходимости бросить в бой⁹⁹. Однако в основном казахи (по крайней мере, на тот момент) вели себя тихо.

---

⁹² Биографию Б. А. Абдрахманова (1892–1971) см.: Наркомы Казахстана. С. 36.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 159. Л. 300.

⁹⁴ Там же. Л. 301. О тех же явлениях в других регионах см.: Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алма-Ата, 1993. С. 138.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 9.

⁹⁶ Там же. Л. 14 об.

⁹⁷ Scott J. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1987.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 159. Л. 91.

⁹⁹ Там же. Оп. 6. Д. 329. Л. 48–49 (справка о конфискации в Актюбинском округе для Сталина, Молотова, Кагановича, Киселева, 29 сентября 1928 г.).

Столь же спокойно они реагировали и на попытки властей заручиться содействием населения. К досаде коммунистов, многие люди попросту выжидали. Об активном участии широких масс в конфискациях не могло быть и речи: ведь они были направлены против непререкаемых авторитетов кочевых сообществ, от расположения которых всегда зависела жизнь любого отдельного человека. Местные активисты сильно рисковали. В Челкарском районе один человек погиб из-за того, что агитировал за конфискацию. В селе Мерке «бай, бывш[ий] управитель Умар и его сыновья публично избili на Меркенском базаре бедняка Утабая Перемкулова за то, что он давал властям сведения об укрытии»¹⁰⁰. Видимо, подобные перспективы не вызывали особого энтузиазма. А там, где овец и коз, изъятых у богатей, на глазах у всех передавали беднякам, эти животные зачастую спустя немного времени после отъезда тройки снова паслись на выгонах своих прежних владельцев¹⁰¹.

Оборотную сторону отмеченной выше солидарности являли конфликты между конкурирующими кланами. Приверженцы каждого из них в местной администрации делали все, что в их силах, дабы уберечь от репрессий представителей собственного лагеря. Если это оказывалось невозможным, они, по крайней мере, старались, чтобы при разделе собственности предпочтение отдавалось их людям. Поэтому дебаизация во многих местах вела к углублению уже существующих конфликтов. Очевидно, так случилось, например, в Челкарском районе. Здесь жители аула № 12 в декабре 1928 г. жаловались на допущенную по отношению к ним несправедливость. При распределении имущества жившего в их ауле бая Махатарова около 200 голов скота получили несколько жителей других аулов. А гораздо большая часть махатаровских стад вообще бродила по степи бесхозно. Тем не менее просьбы аульчан подумать и о них остались без ответа. «Бедняки, ба траки и комсомольцы», писали жалобщики, не встретили «справедливого отношения со стороны комиссии». Комиссия сочла, что все они слишком богаты, чтобы давать им скот, но это ошибка. Особенно возмутило авторов письма предложение в первую очередь выделять скот жителям тех аулов, где не проводилось конфискаций¹⁰².

Опытных функционеров ВЦИК не обманули попытки казахов прикинуться неимущими и безобидными. Они предполагали (и со-

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 8 об.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 329. Л. 48.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 379. Л. 1–1 об. (жалоба от аула № 12 во ВЦИК, ранее 28 декабря 1928 г.).

вершенно справедливо), что здесь в первую очередь идет речь о межродовых конфликтах. Им хотелось точнее выяснить обстоятельства дела. Однако прошло чуть не девять месяцев, прежде чем они получили из Казахстана ответ на свой запрос, – яркое свидетельство неэффективности коммуникаций между советскими органами. Только в сентябре 1929 г. казахская сторона разъяснила: жители аула № 12 принадлежали к тому же роду, что и Махатаров, и помогали ему укрывать скот. Нескольких из них за это оштрафовали и осудили. В остальном же никаких нарушений не допущено. Некоторым заявителям из аула действительно отказали в наделении скотом, но только потому, что комиссия «не была уверена в том, что заявители полностью экономически используют полученный скот»¹⁰³, иными словами – сомневалась в истинных намерениях потенциальных получателей. Напрашивалось подозрение, что жалобщики в первую очередь стремятся одержать верх над жителями других аулов и сохранить имущество за собственным родом. Случаи, когда скот распределялся не так, как предусматривалось в распоряжениях, бывали и в других местах. Однако уже в апреле 1929 г. коммунисты резюмировали, что это не имело «большого политического значения» для общего результата кампании¹⁰⁴.

Иначе смотрела на вещи Зейнеб Маметова (и не она одна). Все имущество ее мужа Базарбая Маметова конфисковали по августовскому постановлению 1928 г., а его самого выслали из родных мест. Маметов не был «обычным» баем – он принадлежал к той горстке образованных казахов, которые в ранней юности сделали карьеру в «Алаш-Орде», а впоследствии примкнули к большевикам. В 1917 г., всего в 18 лет, Маметов стал председателем Лепсинского уездного комитета и входил в недолговечное правительство «Алаш-Орды». Затем он сменил сторону и после некоторого интермеццо в ЧК работал на разных должностях в советском юридическом аппарате, пока в 1925 г., очевидно, не лишился всех постов и не вернулся в степь, дабы посвятить себя скотоводству¹⁰⁵. Такая биография делала Маметова идеальной мишенью для репрессий «малого Октября», и теперь он сидел в тюрьме в Уральске. 31 января 1929 г. Зейнеб Маметова подала жалобу в республиканскую прокуратуру в Кызыл-Орде. Мать двоих маленьких детей требовала отмены всех санкций, наложенных на

¹⁰³ Там же. Л. 8 (письмо КазЦИК во ВЦИК, 2 сентября 1929 г.).

¹⁰⁴ Там же. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 14 об.

¹⁰⁵ Биографию Б. М. Маметова (1899–?) см.: Аманжолова Д. А., Асылбеков М. Х., Рысбекова С. Т. Портреты на фоне эпохи: К 90-летию движения Алаш // Исторический архив. 2009. № 1. С. 98.

ее мужа, и прекращения возбужденного против него дела¹⁰⁶. Потом Зейнеб дважды посылала запросы, поскольку дело не двигалось, но оба раза безуспешно¹⁰⁷. По сути, доказывала он, в ходе кампании сводились старые счеты. Клановые распри, уязвленное самолюбие и злоба представителей конкурирующих сетей повинны в том, что ее мужу предъявляются нелепые обвинения. Прежней принадлежности супруга к «Алаш-Орде» она отрицать не могла, но старалась преуменьшить его роль как бывшего члена правительства, «потому что он, известно всем, не обладает никаким организаторским талантом или инициативой»¹⁰⁸. Особого доверия подобное возражение не вызывало. К тому же прокуратура вскоре после первого письма Маметовой категорически постановила, что в деле Базарбая Маметова все правильно и жалобу следует считать необоснованной¹⁰⁹.

Прошлое настигло и казаха Иблия Каймулина. Ему аукнулась тяжба, которую он вел в середине 1920-х гг. против отца Абдрахмана Байдильдина¹¹⁰ (чрезвычайно влиятельной фигуры во время «малого Октября») и выиграл. Байдильдин, как прекрасно знал Каймулин, входил некогда в руководство движения «Алаш» и только после разгрома белых обрел новое политическое пристанище у коммунистов. В ходе кампании дебаизации Каймулин, отнюдь не зажиточный скотовод, имевший не более тридцати голов скота, лишился всего имущества и вместе с семьей был выселен из родного Петропавловского округа. Зато собственного отца, который до 1917 г. в качестве уездного начальника и народного судьи сотрудничал с царскими колониальными властями и возглавлял клан, включавший свыше 2 тыс. семей, Байдильдин уберег, взяв под свое крыло. Целый ряд других представителей местной казахской верхушки также избежал конфискации. Каймулин жаловался в ЦКК, что с ним обошлись несправедливо, а у него нет средств защищаться от таких «сильных людей»¹¹¹. Ему это мало помогло. Казахская контрольная комиссия, как и сле-

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 305. Л. 13 об.–20 (жалоба Зейнеб Маметовой сотруднику прокуратуры Катаняну, 31 января 1929 г.).

¹⁰⁷ Там же. Л. 9–10 (письмо Зейнеб Маметовой председателю Президиума ВЦИК, 13 апреля 1929 г.), 12 (телеграмма Зейнеб Маметовой Киселеву, ранее 18 февраля 1929 г.).

¹⁰⁸ Там же. Л. 16 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 21 (письмо прокурора Верховного суда СССР Киселеву, ранее 15 февраля 1929 г.).

¹¹⁰ Биографию А. Байдильдина (1898–1930) см.: Абдрахман Байдильдин. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1093493362> (16.09.2013).

¹¹¹ АП РК. Ф. 719. Оп. 5. Д. 45. Л. 1–2 (жалоба Каймулина в Центральную контрольную комиссию, 31 января 1929 г.).

довало ожидать, в марте 1929 г. опровергла все обвинения против Байдильдина («речь идет о явной клевете») и вообще его причастность к репрессиям против Каймулина. По ее словам, конфискация и выселение в данном случае осуществлялись абсолютно законно «на основании постановления собрания бедноты района, материалов ГПУ и решения местных парт[ийных] и советских органов»¹¹². А о своем прошлом Байдильдин всегда открыто и без малейшей утайки информировал соответствующие ведомства.

Разумеется, в поведении Байдильдина не было ничего необычного. В ситуации, когда отдельные районы и области получали четкие указания, сколько «баев» им надлежит у себя выявить, члены местных сетей всеми силами старались защитить своих, подставляя под удар неугодные персоны. Остается только догадываться, как разрешилось бы дело Каймулина, если бы он подождал с жалобой несколько месяцев или если бы жернова советской бюрократии вращались медленнее, ибо в декабре того же года Байдильдина исключили из партии как «сотрудника колчаковской разведки»¹¹³, предали суду и осудили за участие в «национально-буржуазном» заговоре. В апреле 1930 г. его расстреляли.

Даже большие революционные заслуги теперь не спасали от преследований¹¹⁴. Многие пострадавшие направляли в различные инстанции заявления и жалобы по поводу постигшей их несправедливости. Они писали о неправомерной конфискации, а чаще всего – добивались отмены решений о выселении¹¹⁵.

Дебаизация стала увертюрой к намного более широкой кампании коллективизации, в которую она плавно и перетекла. Она предоставила функционерам различных административных звеньев прекрасную возможность разделаться с их главными врагами и соперниками. Вопреки тому, что утверждали многие казахи, речь тут шла отнюдь не только о европейско-казахском противостоянии. В выявлении и преследовании «богачей-баев» самое горячее участие принимали в первую очередь местные кадры и активисты. Региональные партийные комитеты посылали в степь на проведение кампании почти исклю-

---

¹¹² Там же. Л. 11 (Юсубеков – ЦКК ВКП(б), 19 марта 1929 г.).

¹¹³ Там же. Оп. 1. Д. 1432. Л. 50 (записка с данными о членах «Алаш-Орды», [1929]).

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 1218. Л. 7 (Досов – Калинин, ранее 19 сентября 1928 г.).

¹¹⁵ Там же. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 10 об. (докладная о конфискации и выселении баев, 22 апреля 1929 г.). В общей сложности поступило 2 000 жалоб. Из них 753 были в конечном счете признаны «справедливыми».

чительно казахов¹¹⁶. Их действиями зачастую руководили не высшие идейные соображения, а сугубо личные причины. В обстановке кампании сводились счеты и разрешались старые распри. В одном докладе говорилось, что в руководящих органах нет ни одного работника, который подходил бы к делу непредвзято¹¹⁷. И никого это не удивляло, кроме нескольких приезжих коммунистов, имевших задание расследовать случаи «злоупотреблений» и «перегибов».

Высшее руководство рассматривало итоги кампании с двойственным чувством. С экономической точки зрения, никакие пропагандистские преувеличения не могли скрыть скудость достигнутых успехов. Не удалось конфисковать и перераспределить даже изначально заданное количество скота – 226 тыс. голов¹¹⁸. Голощекин постарался обернуть поражение в победу: по его словам, значительная часть официально репрессированных (136 из 696 чел.¹¹⁹) попала под прицел большевиков не из-за богатства, а из-за своей прошлой деятельности в качестве должностных лиц при царизме и «контрреволюционеров». Кроме того, ведь заранее было известно, что ни «настоящих советов», ни «настоящих партячек в ауле» нет, и, тем не менее, планы на две трети выполнены, рапортовал он¹²⁰. Однако «новый авторитет» советского аппарата в ауле, о котором столько трубили, при ближайшем рассмотрении так и остался несбыточной мечтой. Боевыми единицами кампании служили отнюдь не силы местного аппарата. И не без причины конфискации в большинстве случаев проводились без привлечения низовых организаций. Укрепление собственных местных структур выглядело бы иначе. Но об этом в конечном счете и речи не шло.

Во время «малого Октября» на небольшой, строго определенной группе испытывались и оттачивались методы, которые чуть позже будут применены ко всему населению. Тогда еще под удар попадали отдельные, выбираемые по более или менее объективно обоснованным критериям люди и их семьи, произвол и физическое насилие не приобрели тех масштабов, которые будут свойственны им в

---

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 10. Д. 3. Л. 8.

¹¹⁷ Там же. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 788. Л. 5.

¹¹⁸ Подробные данные о конфискациях см.: Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 95.

¹¹⁹ Действительные цифры намного больше.

¹²⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 141–148. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 36–38; Итоги конфискации: Резолюция пленума, 2–7.12.1928 // Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2: 1928–1937. Алма-Ата, 1981. С. 28–38.

дальнейшем, а кочевники и оседлые крестьяне в основном вели себя смиренно. Сопротивление, как правило, носило пассивный характер. Большинство выжидало. Перспектива поживиться кое-чем из байского добра, вероятно, примиряла с атаками коммунистов многих из тех, кто в принципе относился к ним критически. Пока страдала горстка людей, у множества остальных надежда на личную выгоду заглушала сомнения.

Экономические аспекты служили важными, но отнюдь не единственными критериями выбора жертв дебаизации. На первом плане стояло не уничтожение «байства как класса», а устранение тех, в ком большевики видели потенциальных мятежников: бывших должностных лиц царской колониальной администрации, представителей казахской верхушки, и прежде всего руководителей «Алаш-Орды». «Политический эффект» кампании проявлялся в ее избирательности и внушаемой репрессиями общей неуверенности¹²¹. Амнистии и обещания первых лет после захвата власти большевиками утратили силу. Видные бывшие конкуренты коммунистов, добравшиеся до высоких постов в государственном и партийном аппарате, попали теперь на мушку вместе со средними и мелкими «функционерами» недолговечного национального правительства¹²². Сколько бы ни твердила советская пропаганда о сброшенных оковах угнетения, фактически речь шла о мести людям, которые давно уже были для своих противников бельмом на глазу.

Методы принуждения – коллективизация и раскулачивание

Крестьянам и кочевникам предстояло платить за всё. Успех первой пятилетки, с началом которой в 1929 г. был окончательно взят курс на форсированную индустриализацию страны¹²³, в решающей степени зависел от как можно более полного контроля над аграрным сектором. Зимой 1929–1930 гг. в советской деревне разверзся ад¹²⁴.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 159. Л. 91.

¹²² Кудерина Л. Д. Геноцид в Казахстане. М., 1994. С. 18–20.

¹²³ Об индустриализации см.: Davies R. W. *Industry // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / ed. R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 131–151. О дебатах по поводу «реальности» советских планов: Lewin M. *The Disappearance of Planning in the Past* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. No. 2. P. 171–187.

¹²⁴ Baberowski J. *Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. Frankfurt a. M., 2007. S. 122. О Казахстане см.: Ertz S. *The Kazakh Catastrophe and Stalin's Order of Priorities*.

Кулаков «ликвидировали», ресурсы экспроприировали, крестьян и кочевников загоняли в колхозы. На пленуме ЦК в апреле 1929 г. Сталин еще раз пояснил: «Уральско-сибирский метод [беспощадные репрессии в деревне. – Р. К.] тем, собственно, и хорош, что он облегчает возможность поднять бедняцко-средняцкие слои против кулаков, облегчает возможность сломить сопротивление кулаков и заставляет их сдать хлебные излишки органам Советской власти»¹²⁵. В декабре генсек заговорил о «ликвидации кулачества как класса», месяц спустя Политбюро приняло соответствующее постановление. Не оставалось никаких сомнений: хлебозаготовки и коллективизация означали войну с крестьянством, а в Казахстане заодно и войну с кочевниками, чей перевод на оседлость стоял теперь на повестке дня. Те, кто не склонялся перед волей уполномоченных, испытывали на своей шкуре непреклонность большевиков во всей ее суровости.

Местных товарищей мало волновал тот факт, что, отбирая у крестьян и кочевников последнее за «непослушание»¹²⁶, они обрекают их на гибель. Напротив: большевистское руководство постоянно поощряло и побуждало к подобным действиям. Самое главное, напутствовал, к примеру, Молотов секретарей республиканских ЦК в феврале 1930 г., чтобы работники на местах проявляли «максимальную инициативу» при конфискации скота¹²⁷. Ни население, ни учреждения советского государства в деревне, ни кочевая экономика не были готовы к перегибам коллективизации¹²⁸. Сталинская «революция сверху» предъявила как к крестьянам и кочевникам, так и к партийным и советским работникам структурно непосильные требования. Старый уклад разрушали силой, не сформулировав реалистичных планов на будущее.

Раскулачивание как разбой

Кампанию раскулачивания можно истолковать как попытку советского государства разделить сельское население на две группы: подавляющее большинство тех, кто в будущем станет жить и тру-

---

¹²⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 90.

¹²⁶ См., напр.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 2–6 (Павлодарский окрисполком – всем райисполкомам, 26 сентября 1929 г.), 35 (письмо Шефера в прокуратуру КазАССР, 27 сентября 1930 г.).

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 157 (речь Молотова на собрании представителей национальных парторганизаций, 12 февраля 1930 г.).

¹²⁸ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1436. Л. 1–18 (результаты проверки готовности низовых организаций партии к проведению кампании коллективизации, [1929]).

даться в колхозах, и меньшинство кулаков и их мусульманского аналога – баев, – которых большевики считали противниками своего строя. С последними, как гласили постановления сталинского партийного руководства о «ликвидации кулачества как класса», надлежало бороться посредством экспроприации и арестов, высылки целыми семьями и расстрела самых непокорных. В целом эти меры должны были затронуть от 3 до 5 % крестьянских хозяйств¹²⁹.

Однако решение о том, кого необходимо репрессировать, принималось чрезвычайно произвольно. Все определения в конечном итоге так и остались (и не могли не остаться) расплывчатыми, поскольку экономические возможности советских крестьян сильно различались в зависимости от региона¹³⁰. Попытки казахских коммунистов выработать какие-то объективные критерии показали свою тщетность еще в 1928 г. Но как тогда, так и теперь следовало выполнять план¹³¹, то есть отыскивать соответствующее количество жертв. Делалось это в основном двумя способами. Во-первых, уполномоченные со стороны располагали списками, на основании которых устанавливали «классовое положение» отдельных крестьян; в эти списки входили имена всех, кого в предыдущие годы лишили избирательных прав за чрезмерную зажиточность¹³². Во-вторых, коллективизаторы пользовались информацией от сельчан и местных коммунистов, хотя, должно быть, понимали, что такие сведения достаточно часто отражали, скорее, интересы информаторов, а не действительную картину отношений в селе или ауле.

Впрочем, подозрения, что крестьяне и кочевники утаивают хлеб и скот, имели под собой реальную основу. Коммунистам то и дело доводилось видеть, как убедительно сельские жители изображают совершенную нищету, а сами прячут хлеб под коровьими стойлами¹³³.

---

¹²⁹ Об операциях против кулаков см., напр.: Viola L. *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlers*. Oxford, 2007. P. 33 ff.; Baberowski J. *Stalinismus von oben. Kulakendeportationen in der Sowjetunion, 1929–1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. Jg. 46. S. 572–595; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», 30.1.1930 // Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 163, 166.

¹³⁰ Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat*. S. 291–298. Конкретные примеры см.: Altrichter H. *Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorf zwischen Revolution und Kollektivierung*. München, 1984. S. 95 ff.

¹³¹ Цифры по Казахстану см.: Козыбаев М. К. *Казахстан на рубеже веков*. Кн. 2. С. 175.

¹³² Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat*. S. 296.

¹³³ См., напр.: Kopelew L. *Und schuf mir einen Götzen*. S. 295.

Хороший урок дал им и опыт 1928 г., когда кочевники прикидывались бедняками, рассовывая скот по членам своего клана. А главное, те, кто родился и вырос в деревне, отлично знали, что жалобы на бедность – извечный ритуал, к которому крестьяне прибегали в общении с представителями власти, надеясь уменьшить бремя податей. Крестьяне и кочевники неизменно старались укрыть свое добро от алчного взора государства. С их точки зрения, минимизация собственного налогообложения представлялась жизненно необходимой. Однако то, что до конца 1920-х гг. в известной степени составляло забавный фольклор об отношениях между крестьянами и государством, теперь влекло за собой роковые последствия. Никто больше не верил крестьянам, когда те клялись, будто сдали все до последней крошки, и никого не заботило, что будет с их семьями, если отобрать у них последний мешок зерна и последнюю скотину.

Из постановлений и директив центра товарищи в регионах уваивали главным образом одно – требование «принять все меры». Руководствуясь им, тройка по Акбулакскому району сочла себя вправе наметить на раскулачивание 25 % хозяйств¹³⁴. Без угроз и физического насилия подобный план был невыполним, да ответственные работники и не представляли себе иных способов достижения своих целей. Так, первый секретарь Казалинского райкома, некий Сулейменов, зимой 1931 г. предложил поручить наконец «агитацию» среди кочевников района «авторитетным» работникам. К каждому из этих людей, пояснил он членам местного партийного руководства, нужно прикрепить чекистов «для влияния на психологию казахов, на которых присутствие формы и нагана действует эффективно»¹³⁵. А один чекист высказался предельно ясно: «Мне думается, что без большой крови мы не построим советской власти в Сары-Су. Чем больше будет уничтожено баев в районе, тем лучше»¹³⁶. Функционеры сулейменовского толка могли не бояться критики со стороны начальства. Голощекин сам всегда ратовал за усиление нажима на крестьян и кочевников¹³⁷.

Раскулачивание превратилось в большой разбой. Организовывали его уполномоченные и тройки, но осуществляли и поддерживали

---

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 73.

¹³⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5208. Л. 67 (доклад о взаимосвязи районных аппаратов ОГПУ и райкома ВКП(б), [конец 1931 г.]).

¹³⁶ Михайлов В. Хроника великого джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1996. С. 286.

¹³⁷ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Новое о коллективизации в Казахстане // История Казахстана: Белые пятна / под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алма-Ата, 1991. С. 203.

сельские жители, чьи материальные интересы или личная вражда за-глушали какие-либо угрызения совести. В ряде казахских областей все хозяйства обязали к сдаче посевного материала. Для кочевников это означало необходимость продать значительную часть стад, чтобы выполнить задание. Многих из них после этого еще и привлекали к ответственности за «разбазаривание» скота. Если кочевники не сдавали достаточно семенного зерна, уполномоченные, как, например, в Зауральном районе, не церемонились. Они избивали и мужчин, и женщин, обливали женщин холодной водой, насиловали их и предавались безудержным попойкам. Некоторых мужчин выводили в степь, имитируя расстрел, а их близким показывали опустевшие помещения, где они до этого содержались¹³⁸. Требования заготовительных органов часто превышали всякую меру. В Казалинском районе от одного казаха, который, по его словам, имел всего двух лошадей, одну корову и одного верблюда, уполномоченные требовали свыше 100 пудов (около 1,6 тонн) зерна, потому что он якобы был «суфием». Этот человек бежал в другую область, а хлеб за него сдали остальные жители аула¹³⁹. В Энбекшильдерском районе местное начальство сдало семенное зерно под видом урожая, чтобы выполнить план¹⁴⁰. О последствиях этого шага для населения оно явно думало в последнюю очередь.

Стремясь достичь заданных показателей, функционеры прибегали к «превентивному раскулачиванию». В Кармакчинском районе надлежало раскулачить 283 хозяйства, но с реальной обстановкой данная цифра не имела ничего общего. Поэтому местное руководство обратило внимание на семьи, которые когда-нибудь *могли* стать кулацкими: «В самом постановлении об их раскулачивании говорится, что они не кулаки, но, мол, их хозяйства расширяются, и ввиду беспорядности того, что они в будущем будут эксплуатировать бедняков, постановлено выслать их, а имущество конфисковать»¹⁴¹. В селе Чемолган, недалеко от Алма-Аты, коммунисты устроили непокорным крестьянам так называемый черный бойкот. В 22 домах заколотили окна и выпускали жителей за водой только ночью. В Аккемерском районе некоему Позднову и его товарищам пришла в голову другая мысль: «Создали бригаду и с черным флагом и ведром нефти выступили на улицу. Заходили в дома кулаков, по пути задели двух бед-

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 74 об. (доклад о перегибах во время хозяйственно-политических кампаний в КАССР, 4 декабря 1930 г.).

¹³⁹ Там же. Л. 74.

¹⁴⁰ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Л. 54. Л. 2 (доклад о переводе на оседлость в Энбекшильдерском районе, [1932]).

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 72.

няков, мазали людей нефтью, мазали стены, снимали иконы»¹⁴². Тем, кто не хотел вступать в колхоз, уполномоченные грозили конфискацией имущества, арестом и ссылкой¹⁴³.

Вопреки долгое время лелеемым мифам о едином крестьянстве, наступление государства на аул и деревню, как и во время «малого Октября», отнюдь не встречало единодушного отпора со стороны всего сельского населения¹⁴⁴. Вот только один пример. В деревне Коноваловка Рыковского района раскулачивание началось собранием местной партиячейки. Пятеро коммунистов деревни, сгрудившись вокруг районного уполномоченного, руководителя агропромышленного объединения товарища Чернорода, составили список из 30 жителей деревни, которых следовало выселить как кулаков. Раскулаченным пришлось покинуть деревню в кратчайший срок, их дома активисты полностью обчистили, вооруженные постовые отняли у изгнанников то небольшое, что они пытались унести с собой. В итоге «раскулачивание было завершено за несколько часов». Правда, через два дня после отъезда Чернорода из деревни изгнанники вернулись. Видимо, они пережидали где-то поблизости в степи; многие жаловались на обморожения. Между тем об их имуществе позаботились односельчане, прибрал к рукам все, что приглянулось. И много дней спустя жертвам все еще грозило оказаться на улице обобранными до нитки¹⁴⁵. Городские активисты и уполномоченные специально разжигали такие конфликты, чтобы, во-первых, вообще получать информацию о предполагаемых кулаках, а во-вторых, ускорить покорение деревни.

Кампания ширилась и катилась волной, от которой мало кто мог увернуться. Судьи и прокуроры (и так не дававшие повода говорить о сколько-нибудь независимом правосудии) покидали кабинеты, чтобы быть у коллективизаторов под рукой. Судебный аппарат в регионах всецело превратился в безвольное орудие уполномоченных и ОГПУ, санкционируя самые крайние решения. Вероятно, это отве-

---

¹⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 76.

¹⁴³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 86 (доклад о посевной кампании и коллективизации в Затобольском и Боровском районах, 10 апреля 1930 г.). Примеры по другим регионам см.: Merridale C. *Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland*. München, 2001. S. 227 ff.; Teichmann C. *Kollektivierung tatarisch. Asekevo, Mittlere Wolga, 1929–1930 // Neuordnungen von Lebenswelten? Studien zur Gestaltung muslimischer Lebenswelten in der frühen Sowjetunion und in ihren Nachfolgestaaten* / hg. A. Frings. Münster, 2006. S. 99–125.

¹⁴⁴ Schnell F. *Räume des Schreckens*. S. 454 ff.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 73–73 об.

чало представлениям юристов о «революционной законности», ну и вместе с тем уберегало их от подозрений в «правом уклоне», которые сговорчивость и мягкость с их стороны могли бы пробудить¹⁴⁶. То же самое относится и к местным советским работникам. Правда, они были больше заинтересованы в том, чтобы по возможности навсегда убрать «кулаков» из деревень. Ведь, в отличие от представителей правосудия, им и по окончании кампании предстояло оставаться на месте, ежедневно имея дело с ее жертвами, свидетелями и благоприобретателями.

Раскулаченных отправляли как «деклассированный элемент» на так называемое спецпоселение в отдаленные, негостеприимные и малоосвоенные места. Они становились изгоями общества. Для них не хватало ни жилья, ни нормального питания. В катастрофических условиях влачили жалкое существование, надрываясь на тяжелых работах, свыше 2 млн чел. со всего Советского Союза¹⁴⁷. В Казахстане первым делом выслали 20 тыс. кулацких семей из Петропавловского и Кустанайского округов, разместив их в пределах республики «компактными массами в районах пустынных участков, отдаленных как от центров промышленного строительства Казахстана и железных дорог, так и пограничных районов». Вслед за ними репрессиям подверглись кулаки и баи прочих областей. Вдобавок казахское руководство было вынуждено изъявить готовность принять 30 тыс. кулацких хозяйств из других регионов СССР¹⁴⁸.

Казахстан считался идеальным местом ссылки. Эта советская республика находилась на периферии и располагала на первый взгляд безграничными экономически неосвоенными просторами¹⁴⁹. Если иметь достаточно рабочих рук да отселить кочевников, «небольшими группами» проживающих в таких областях, гласили заключения агрономов и гидрологов, степь можно возделывать и заставить приносить

---

¹⁴⁶ Там же. Л. 77 об. См. также: Solomon P. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 111 ff.

¹⁴⁷ Viola L. *The Unknown Gulag*. P. 2. В общем и целом см.: Baberowski J. *Stalinismus von oben*. О ситуации в Казахстане: Козыбаев М. К. *Казахстан на рубеже веков*. Кн. 2. С. 177–179.

¹⁴⁸ О районах и областях, подлежащих раскулачиванию, и плановых цифрах см.: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 4, 14–17. Опубл.: *Насильственная коллективизация и голод в Казахстане*. С. 54–55, 59–62.

¹⁴⁹ В феврале 1931 г. Политбюро постановило за 6 месяцев переселить в Казахстан 200–300 тыс. кулацких семей. См.: Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Намумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 254.

пользу¹⁵⁰. Экспансия Гулага в Казахстан, развернувшаяся с начала 1930-х гг., также ориентировалась на данные критерии¹⁵¹. И чем дальше продвигались подобные проекты, тем меньше у казахских властей оставалось возможностей (до 1930 г. еще существовавших) хотя бы частично отгородиться от «кулаков» из других уголков Советского Союза¹⁵².

Но, при всей решительности, проявляемой государством в вопросе депортации целых групп населения из определенных регионов, органы власти в местах поселения демонстрировали пассивность и бессилие перед лицом поставленных задач. О прибытии тысяч вырванных из привычной жизни людей в сумятице коллективизации соответствующие области чаще всего лишь извещались телеграммой. Казахское руководство скупо сообщало задерганным и не знающим, за что хвататься, местным работникам, что они должны обеспечить новоприбывшим адекватные условия. Выселенным, как правило, приходилось обустраиваться самим, занимаясь при этом тяжелым физическим трудом. Большевики еще только обсуждали выделение необходимых средств и продовольствия, когда «кулацкие операции» уже шли полным ходом¹⁵³. Поэтому отнюдь не является исключением картина, описанная в одном сообщении из Гурьевского округа на крайнем западе Казахстана. Семьи репрессированных кулаков и баев жили здесь изолированно в специальной «колонии» на берегу Каспийского моря. Эти люди не имели крыши над головой, не получали платы за работу на полях и ввиду отсутствия инвента-

---

¹⁵⁰ См., напр.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 200. Л. 3 (отчет о гидрологической ситуации в Акмолинском округе, 15 марта 1931 г.).

¹⁵¹ Об экономической эффективности Гулага в целом см.: Ertz S. Zwangsarbeit im stalinistischen Lagersystem. Eine Untersuchung ihrer Methoden, Strategien und Ziele ihrer Ausnutzung am Beispiel Noril'sk, 1935–1953. Berlin, 2006. О его экспансии в Казахстан: Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag. Die Geschichte eines sowjetischen Zwangsarbeitslagers, 1930–1959. Paderborn, 2007.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 6–48. Опубл.: История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: В 7 т. / под ред. Т. В. Царевской-Дякиной и др. М., 2004. Т. 5. С. 113. В 1930–1931 гг. в Казахстан из других областей СССР были депортированы 44 тыс. семей. В начале 1932 г. число зарегистрированных здесь спецпоселенцев составило свыше 180 тыс. чел. См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 17–18, 23–24.

¹⁵³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 14–17. Опубл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 61. Об особенно драматичном случае в Сибири см.: Werth N. Die Insel der Kannibalen. Stalins vergessener Gulag. München, 2006.

ря заготавливали сено голыми руками. Местный сельсовет заставлял мужчин на целый день уходить в море на ловлю рыбы, не снабжая лодки, где находились и женщины с грудными детьми, провиантом. Из-за плохого снабжения множество поселенцев умирало. И, говорилось в заключение в телеграмме, «участились побег кулаков и баев самоубийством»¹⁵⁴.

Большевистские темпы

Сталинская «революция сверху» должна была дать быстрые и прямые результаты. Руководящие товарищи не уставали это подчеркивать. Молотов заявлял в ноябре 1929 г.: «Остается... четыре с половиной месяца, в течение которых... мы должны совершить решительный прорыв в области экономики и коллективизации»¹⁵⁵. Подобные высказывания разжигали в республиках и областях конкурентную борьбу, в которой победа ждала тех, кто сумеет в кратчайшие сроки предъявить самые высокие показатели коллективизации. Учитывая пока что малоубедительные цифры из Казахстана, тамошним работникам приходилось тугу¹⁵⁶. Так, в том же ноябре 1929 г. нарком юстиции КАССР Джанайдар Садвакасов¹⁵⁷ требовал от местных прокуратур ужесточить репрессии, ставя им на вид, что, судя по их отчетам, штрафы и конфискации применяются крайне мало, а следовательно, административный нажим сводится к нулю¹⁵⁸. Подобного рода понукания не могли не оказывать своего действия. Работники на местах брались за дело, понимая, что в случае неудачи будут привлечены к ответственности¹⁵⁹.

---

¹⁵⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5006. Л. 128 (телеграмма из Гурьева, [сентябрь 1931 г.]). Во время голода смертность среди депортированных была особенно высока. См.: Чиров Д. Карагандинские спецпереселенцы. Как это было? // История Казахстана: Белые пятна / под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алма-Ата, 1991. С. 227–228. Другие примеры: Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков. Кн. 2. С. 180–181.

¹⁵⁵ Цит. по: Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. Das Schwarzbuch des Kommunismus. Sowjetunion. München, 2002. S. 121.

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 653. Л. 48 (статистические данные по коллективизации в СССР, 15 декабря 1929 г.).

¹⁵⁷ Биографию Дж. С. Садвакасова (1898–1938) см.: Наркомы Казахстана. С. 292.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 30 (телеграмма Садвакасова Павлодарской прокуратуре, 4 ноября 1929 г.).

¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 86 (письмо мобилизованных советских работников из Кустанайского округа, [начало 1930 г.]).

За несколько недель цифры стремительно выросли: в конце марта, по официальным данным, было коллективизировано более 50 % всех хозяйств. Отдельные регионы, например Павлодарский округ, где количество европейских крестьян-переселенцев превышало среднее по республике, 1 мая 1930 г. рапортовали даже об организации в колхозы более 96 % хозяйств¹⁶⁰. Соревнование между регионами за «лучшие» показатели принесло плоды. Особенно нелепые черты эта гонка приобрела в кочевых областях Казахстана. Даже самые «отсталые» из них добивались признания в качестве «района сплошной коллективизации». Тем самым ответственные работники стремились не только выказать свою преданность. Вожденный статус обещал прямую выгоду: возможность выселять кулаков и баев, не принимая депортированных со стороны¹⁶¹. В этих условиях никого не беспокоило, какой вид имели колхозы, появлявшиеся как грибы после дождя. То же самое относилось к раскулачиванию, которое также гнали головокружительными темпами¹⁶².

Чудовищная спешка, с какой большевики осуществляли коллективизацию и другие проекты тех лет (взять хотя бы экономически безумную идею выполнить первую пятилетку в четыре года), неоднократно истолковывалась как признак особой тяги коммунистов к «современности» и ускорению¹⁶³. Кроме того, высокие темпы, по мнению некоторых авторов, объяснялись желанием догнать западную промышленность, при том что советское руководство было озабочено перспективой скорой войны, да еще, может быть, и на два фронта¹⁶⁴. Более или менее очевидная иррациональность этого плана накаляла обстановку и рождала к жизни все новые и новые планы¹⁶⁵.

Однако подобная аргументация оставляет без внимания менталитет сталинского окружения, которое настаивало на «большевистских темпах» коллективизации и индустриализации еще и потому, что при таких темпах быстрее провоцируются и обостряются конфликты. Эти

---

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 74.

¹⁶¹ Там же. Л. 72. Несколько лет спустя города и области СССР старались получить «режимный статус», чтобы избавиться от нежелательных мигрантов. См.: Shearer D. Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009. P. 258 f.

¹⁶² Viola L. The Unknown Gulag. P. 13.

¹⁶³ См., напр.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. S. 370 ff.

¹⁶⁴ Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 21 ff.

¹⁶⁵ Lewin M. On Soviet Industrialization // Social Dimensions of Soviet Industrialization / ed. W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Bloomington, 1993. P. 272 ff.

люди воображали, что они на войне, и вели себя соответственно¹⁶⁶. С точки зрения руководства, польза от кризисов была очевидна: чем сильнее и жестче нажим на население, тем проще отличить друзей от врагов и вывести последних под корень¹⁶⁷. Основания для подобных стратегий давал опыт гражданской войны, когда большевики сумели выбраться из, казалось бы, безвыходного положения и справиться с подавляющим превосходством противника¹⁶⁸. Сопротивление крестьян и кочевников коллективизации по всему Советскому Союзу всего лишь оправдывало ожидания режима¹⁶⁹. Таким образом, война в деревне отнюдь не стала для него неожиданностью. Главным ее пророком явился сам Сталин, который подчеркивал, что победе коллективизации будут предшествовать ожесточенные столкновения с кулаками¹⁷⁰, и не отказался от этой политики, даже когда ее губительные последствия приняли обличье массового голода¹⁷¹. Перед лицом кулацкого саботажа казахскому руководству не остается ничего другого, как, проводя хлебозаготовки, встать «на рельсы репрессий», поучал Сталин алма-атинских товарищей в конце ноября 1932 г.¹⁷² И Голошекин через несколько недель уверял делегатов V пленума Казкрайкома: «Мы не только не можем отказаться от методов принуждения, методов насилия, жестоких репрессий в отношении классового врага, мы эту борьбу должны еще усилить»¹⁷³.

Беспомощные в степи

В ходе кампании коллективизации казахским коммунистам, призванным претворять ее в жизнь, довелось почувствовать всю шат-

---

¹⁶⁶ См., напр.: Neutatz D. Die Suggestion der «Front». Überlegungen zu Wahrnehmungen und Verhaltensweisen im Stalinismus // Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953 / hg. V. Studer, H. Haumann. Zürich, 2006. S. 67–80.

¹⁶⁷ Ср.: Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 100 ff.

¹⁶⁸ Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. S. 240.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 15. Л. 18–19 (стенограмма совещания представителей национальных республик и областей при ЦК ВКП(б) по вопросу коллективизации, 11 февраля 1930 г.).

¹⁷⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 178–183.

¹⁷¹ Неизменное требование выполнения заданий по заготовкам см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 740. Л. 69–72. Оpubл.: Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / под ред. О. В. Хлевнюка и др. М., 2001. С. 179–180.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 45 (телеграмма Сталина Голошекину и Исаеву, 21 ноября 1932 г.).

¹⁷³ Голошекин Ф. И. На пороге второй пятилетки: Речь на V пленуме Казкрайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 года. Алма-Ата, 1933. С. 34.

кость советских притязаний на власть. Перед коллективизаторами на местах стояли непосильные задачи. В Челкарском районе даже товарищи в райцентре не имели конкретных указаний. Плохо проинструктированные уполномоченные в аулах знали только, что надо все обобществлять, сгонять вместе скот, а на вопросы, что делать дальше, никто не давал ответа¹⁷⁴. В других районах дела обстояли не лучше. Что делать, никто не знает, говорилось в одном докладе, из райцентров посылают в степь уполномоченных, которые ничего не смыслят в колхозном строительстве. Вслед за одними уполномоченными в аулы являются другие, с противоположными директивами, и порицают все, что их предшественники объявляли правильным. Тем самым они сбивают с толку население, которое в большинстве своем понятия не имеет о смысле и цели коллективизации¹⁷⁵. Неосведомленность уполномоченных объяснялась не только низким уровнем их образования. Вышестоящее начальство зачастую намеренно оставляло свои кадры в состоянии «беспомощности», которое те старались преодолеть путем особо сурового обращения с крестьянами и кочевниками¹⁷⁶. В ситуации, когда даже посланцы государства не ведали толком, что надо делать, среди населения тем более царили неуверенность и страх. В его глазах коллективизация, принудительные заготовки и раскулачивание были неразрывно связаны друг с другом как составные части всестороннего покушения на само его существование.

В разгар коллективизации в Чубартауском районе весной 1930 г. местное партийное руководство мобилизовало в качестве уполномоченных активистов из далекого Каркаралинска, молодых студентов техникума, убежденных в правоте своего дела. Руководство специально вытребовало людей из города, находящегося за сотни километров, чтобы исключить возможность их личных и родственных связей с местным населением, которые в других районах мешали успеху раскулачивания. В число студентов входил Шафик Чокин, позже запечатлевший пережитое в мемуарах. По прибытии в район его направили в дальний аул, где до тех пор еще не удалось провести раскулачивание. Неопытный Чокин был полностью предоставлен самому себе. В ауле его уже ждали. Местные жители встретили

---

¹⁷⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 137–139 (доклад о коллективизации в Челкарском районе, 23 марта 1930 г.).

¹⁷⁵ Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. P. 113; АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 465. Л. 2–3 (доклад о советских и партийных органах в пограничных районах, 9 апреля 1930 г.).

¹⁷⁶ Kassymbekova B. Helpless Imperialists. European State Workers in Soviet Central Asia in the 1920s and 1930s // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30. No. 1. P. 21–37.

его враждебно. Чокин с трудом подыскал двух не слишком надежных помощников, которые снабжали его информацией об остальных аульчанах. Когда прошел слух, будто Великобритания объявила войну Советскому Союзу и большевики скоро будут разбиты, он попал в отчаянное положение. Кочевники хотели его убить, готовясь идти на административный центр района – село Баршатас. Несколько дней Чокин вместе с одним местным активистом по имени Айтбек Толендин скрывался на мусульманском кладбище в степи, справедливо полагая, что там их никто искать не станет. Рискув наконец наведаться за едой и новостями в соседний аул, они узнали, что их все еще разыскивают – но уже для того, чтобы повиниться: слухи о конце большевистского владычества оказались ложными, нападение на райцентр получило кровопролитный отпор. Боясь кары, кочевники всеми силами старались угодить уполномоченным, которых недавно преследовали. Они устроили пир, угощали Чокина и Толендина до отвала и многословно извинялись. Затем они взяли с Чокина клятву, что он не покинет аул без их позволения. Чокин поклялся – и следующей же ночью бежал в расположенный в десяти километрах Баршатас. Бегство едва не стоило ему жизни: на подходе к Баршатасу в него стреляли не только преследователи, но и красногвардейцы, охранявшие этот большевистский форпост в степи. Очутившись в безопасности, Чокин тут же донес на главарей и идейных предводителей мятежников. Позже их арестовали и осудили. Его спутник Толендин умер во время голода¹⁷⁷.

Исполнители-коллективизаторы, как показывает приведенный пример, подвергались опасности, тем более когда они могли полагаться только на себя и были не в силах взять верх над местным сообществом. Эмиссарам советской власти, взыскивавшим задания по заготовкам или заставлявшим людей вступать в колхозы, угрожали, их избивали, истязали и убивали¹⁷⁸. Там, где царила солидарность, принудительные меры и нажим часто имели не больше успеха, чем ссылки на абстрактные распоряжения и директивы, и советские властные притязания натывались на собственные границы. Причем казахи

---

¹⁷⁷ Чокин Ш. Четыре времени жизни. Воспоминания и размышления. Алма-Ата, 1998. С. 24–41. Похожие воспоминания, относящиеся к другим уголкам СССР, см.: Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор; Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen.

¹⁷⁸ В среднеазиатских республиках ОГПУ насчитало за 1930 г. около 200 подобных случаев. См.: Eisener R. «Konterrevolution auf dem Lande». Zur inneren Sicherheitslage in Mittelasien 1929/30 aus Sicht der OGPU. Berlin, 1999. S. 79.

действовали тактически умело и гибко: то хватались за оружие, а то прикидывались верными подданными и сторонниками большевиков, которые совершали «ошибки», признавали «упущения» и просили прощения.

2 марта 1930 г. Сталин нажал на тормоза. В своей знаменитой статье «Головокружение от успехов», напечатанной в «Правде», он заявил, что прежняя практика коллективизации привела к перегибам, поскольку не соблюдался «принцип добровольности», и этому нужно положить конец¹⁷⁹. В конечном счете сталинская статья дала лишь небольшую передышку в гонке за показателями коллективизации. Вскоре соревнование за «лучшие цифры» возобновилось. Герхард Зимон как-то назвал сталинский маневр «головокружительно успешным трюком» – попыткой обернуть результаты стихийно обостряющейся радикализации против низовых работников на местах. Речь прежде всего шла о том, чтобы найти козлов отпущения, на которых можно свалить многочисленные неудачи форсированной коллективизации, – типичный прием для сталинской методики властвования¹⁸⁰.

Крестьяне, думая, что правильно поняли статью, стали сотнями тысяч выходить из колхозов. В одном только Павлодарском округе за три недели покинули колхозы почти 60 % проживающих там крестьян¹⁸¹. Внезапный стоп-сигнал имел драматические последствия как для аппарата, так и для хода всей кампании коллективизации. И без того плохо функционирующие административные структуры не могли осилить мгновенную смену курса, должностным лицам пришлось приноравливаться к новым реалиям самостоятельно¹⁸². Что это значило конкретно для местных партийцев, наглядно показывает ситуация в Пахта-Аральском районе. Отсюда в апреле 1930 г. некто Кисляков, руководитель профсоюзной бригады работников сельского и лесного хозяйства, которая проводила в районе коллективизацию, обратился к одному из высокопоставленных сотрудников ОГПУ по Средней Азии. Колхозное руководство, писал он, совершенно растерялось перед лицом неожиданного поворота со-

---

¹⁷⁹ Сталин И. Головокружение от успехов: К вопросам колхозного движения // Правда. 1930. 2 марта.

¹⁸⁰ Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden. 1986. S. 127.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 766. Л. 74, 75 об.

¹⁸² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2954. Л. 20–21 (телеграмма Казкрайкома окружным комитетам партии, 6 апреля 1930 г.).

бытий и даже упоминать о сталинской статье в «Правде» не желает. Например, на общем собрании колхоза им. Сакко и Ванцетти, где он сам присутствовал, председатель райисполкома не проронил о статье ни единого слова и заговорил о ней только после многочисленных вопросов казахов. Население истолковало ее текст по-своему: дескать, ЦК партии и товарищ Сталин против колхозов. В мгновение ока от коллективных хозяйств почти ничего не осталось. Их развал начался 25 марта, казахи «анархически» принялись разбирать своих лошадей, коров, мелкий скот и прочее добро, и 26 марта все казахские колхозы фактически распались – по предварительным оценкам, в них оставалось не больше 10 % населения. Помимо зловещего сигнала в адрес коммунистов, за этим массовым исходом скрывалась и вполне практическая проблема. На носу была весенняя посевная, а что делать никто ни знал: снабдить ли семенами «единоличников» или сосредоточить все ресурсы в остатках колхозов?

От районного начальства помощи ждать не стоило; оно ограничилось общим указанием, что данный район является «районом сплошной коллективизации со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ввиду неясной обстановки казахи толпами уходили, а посевные планы не выполнялись и наполовину. Сам Кисляков и его люди давно не получали указаний, как быть дальше с коллективизацией. На все их вопросы следовал один и тот же ответ: «Завтра скажем». Атмосфера накалялась; известные сторонники коллективизации подвергались угрозам и избиениям. Когда ОГПУ арестовало нескольких зачинщиков, собралось больше тысячи человек с требованием отпустить арестованных. Похожие сцены разыгрывались и в осколке от колхоза «Прогресс», где примерно 200 с лишним вооруженных людей скрывались в степи, готовые напасть на поселок. Районное руководство в столь опасном положении старалось никому не попадаться на глаза и даже не принимало членов бригады, которые хотели обсудить с ответственными лицами дальнейшие шаги. Отсюда Кисляков без обиняков делал вывод, что советской власти в районе фактически больше нет¹⁸³.

Перегруженные непосильными задачами функционеры, постоянное повышение планов, растущая дезориентация среди населения и множество уполномоченных, приходящих со стороны, составляли вместе гремучую смесь, которая то и дело взрывалась вспышками на-

---

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2143. Л. 11–14 (докладная Кислякова, 5 апреля 1930 г.). Докладная поступила также к полномочному представителю ОГПУ в Казахстане Даниловскому и к Зеленскому. См.: Там же. Л. 10 (письмо Волынского, 19 апреля 1930 г.).

силія по всему Казахстану. В «полукочевом» Чубартауском районе, где не было ни одного издавна обжитого населенного пункта, районное руководство под лавиной требований и нагрузок полностью расписалось в собственной несостоятельности и практически прекратило работу. Когда первый секретарь райкома вернулся к своим с конференции из Алма-Аты с новым, в очередной раз повышенным планом заготовок, то даже не сумел донести его до подчиненных. Один из товарищей «потерял» документ, а «поскольку у них имелись к этому времени полученные прежние планы, они перепутали, не зная, какой план является правильным». Вскоре в районе взбунтовались кочевники, и в результате местное поголовье скота уплыло из рук большевиков¹⁸⁴.

Учитывая, под каким давлением находились партийцы, неудивительно, что мало кто из них открыто выказывал хотя бы неловкость, если не угрызения совести. Случаи, когда коммунист бросал на стол партбилет, заявляя, что скорее умрет, чем еще раз поедет в деревню на хлебозаготовки, – необычайная редкость¹⁸⁵. Многие цеплялись за пропагандистские лозунги о превосходстве колхозов, которые им без конца вдалбливали в голову¹⁸⁶. Правда, несчетные сообщения о беспробудном пьянстве и разгульных пирушках этих людей могут косвенно свидетельствовать, что они тяготились возложенными на них задачами. Не стоит представлять себе исполнителей коллективизации и раскулачивания поголовно убежденными борцами. Таких было немало, но все же недостаточно – тем более в Казахстане, куда партийных функционеров и служащих советских органов зачастую просто командировали.

К ним принадлежали «лучшие сыны Отечества» – «25-тысячники», в основном молодые рабочие, от которых ждали прорыва в коллективизации¹⁸⁷. Обстановку в деревне они представляли весьма

---

¹⁸⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 50 (материалы правительственной комиссии по Чубартаускому району, 5 мая 1931 г.).

¹⁸⁵ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 26 (докладная Давлетбекова Курамысову, 30 сентября 1932 г.). Другой уполномоченный заявил, что не станет собирать хлеб для государства «на костях» колхозников. См.: Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б. м., 2013. URL: <http://www.verkhoturov.info/documents/Ашаршылык.pdf> (02.10.2013). С. 175.

¹⁸⁶ Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. S. 296.

¹⁸⁷ Viola L. The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1989. В Казахстан было направлено свыше 1 200 чел. См.: Абусейтова М. X. и др. История Казахстана и центральной Азии. Алма-Ата, 2001. С. 480.

схематично, да и о кочевых аулах мало что знали. При таких обстоятельствах, практически изолированные среди чуждого окружения, но притом обязанные дать результат, они частенько начинали паниковать, и если не сбегали, то не находили ничего лучшего, как прибегнуть к нарочитой суровости¹⁸⁸. Одним из этих заброшенных в степь людей был украинский рабочий с завода «Свет шахтера», харьковский партиец Д. Н. Циркович. Он попробовал создать колхоз «Утро свободы» в селе Знаменки Семипалатинского округа, став его председателем. Начиная со своего прибытия на место, жаловался Циркович, он не получал никакой помощи, одни приказы и распоряжения. Во время посевной в колхозе побывало не меньше шести уполномоченных из района, но каждый являлся со своими представлениями и инструкциями, вмешиваясь в работу председателя. Циркович, очевидно чувствовавший себя связанным официальными директивами, оказывался бессилён перед самоуправством уполномоченных: «Пример: уполномоченный по хлебозаготовкам Жукович приказал вывезти страховый фонд, в то время когда излишков в колхозе не имелось. На мои возражения о том, что страхфонд вывозить нельзя, я был снят с работы, и мне предъявили обвинение в оппортунизме и проведении кулацкой линии. Приезжавший в это время пред. контрольной комиссии Григорьев вызвал меня к себе с партбилетом и предложил сдать страхфонд, также приписывая мне ведение кулацкой линии и правый уклон». С некоторыми из его коллег, по словам Цирковича, произошло примерно то же самое. Вдобавок с них спрашивали за многочисленные проблемы и ошибки. Стоит ли удивляться, что многие покинули регион? Один даже пытался покончить с собой, не в силах больше выносить постоянный нажим¹⁸⁹.

Дорога к экономической катастрофе

Хлебозаготовки и масштабные реквизиции скота в кратчайшее время разорили казахов. Во всех областях Казахстана функционеры вернулись к методам, впервые опробованным в 1928 г. в Семипалатинской губернии, требуя хлеб и семена от скотоводов-кочевников. Так же как тогда, кочевники могли выполнить непомерные требования, только распродавая скот. Цены на хлеб на рынках взлетели до небес, тогда как скот стремительно обесценился. Те, кто не сдавал предписанное количество, становились жертвами репрессий.

¹⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 83.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1092. Л. 42–43 (доклад 25-тысячника Д. Н. Цирковича, 27 июня 1931 г.).

Казах Маусумбая Кудерина, к примеру, весной 1930 г. обложили дополнительным заданием в размере 40 пудов. Как скотовод, он мог сдать столько хлеба, лишь приобретя его на рынке. За первым заданием последовали новые, все более объемные. Несколько раз Кудерин покупал хлеб и тут же его сдавал. Когда он наконец понял, что власти его в покое не оставят, то отказался продолжать этот фарс. Осенью 1930 г. его арестовали за «саботаж» плана хлебосдачи. Вдобавок чекисты вменили в вину ему и его родственникам мужского пола образование «банды». За полгода семья Кудерина была экономически уничтожена: мужчины находились в бегах или сидели в тюрьме, судьба их жен и детей неизвестна¹⁹⁰. В Балхашском районе уполномоченные принуждали кочевников сдавать хлеб, несмотря на то что те «ничего не сеяли». Население продавало свою скотину на базарах за бесценок. Поскольку больше покупать стало нечего, деньги утратили значение, а хлеб превратился в главное платежное средство. Вскоре люди оказались на грани голода¹⁹¹.

Коллективизация такого рода губила казахские стада. Даже сами коллективизаторы ясно видели ее последствия. Так, уполномоченный Идельсон докладывал из Челкарского района, что там сначала решили обобществлять скот, оставляя каждой семье по одной корове или козе. Но, указывал он, казахи летом питаются почти исключительно молоком и айраном, и ввиду огромной территории колхоза проводить обобществление подобным образом значит не просто посадить их на голодный паек, а обречь на смерть от голода¹⁹².

Резкое сокращение поголовья скота повлияло на события 1930–1934 гг. сильнее, чем любой другой отдельно взятый фактор. Отношения обмена между кочевниками и оседлыми жителями настал конец, хозяйство кочевников развалилось. Сами источники кочевого существования иссякли, ибо вместе с мобильностью кочевники утратили основы своей идентичности¹⁹³. В этом заключалось их различие с европейскими крестьянами-поселенцами: те зачастую страдали от заготовительных кампаний не меньше, но оставались крестьянами, даже когда у них отбирали всё. С кочевниками дело обстояло иначе.

Убыль скота вызывала озабоченность не только у казахов. В государственном и партийном аппарате росло осознание грозившей

¹⁹⁰ Кудерина Л. Д. Геноцид в Казахстане. С. 14.

¹⁹¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3297. Л. 109–111 (доклад Ерназарова Голощекину о восстании в Балхашском районе, 21 апреля 1930 г.).

¹⁹² Там же. Д. 2968. Л. 137–139.

¹⁹³ Olcott M. B. *The Kazakhs*. Stanford, 1988. P. 20 f.

Казахстану кризисной ситуации. Зимой 1930–1931 гг. все районы указали в докладах значительно меньше скота, чем в предыдущем году. Тем не менее реквизиции не уменьшались в объеме, и к лету 1931 г. казахские стада сократились по сравнению с 1929 г. более чем на 70 %. В абсолютном исчислении в 1929 г., по официальным данным, в Казахстане насчитывалось почти 36 млн голов, а двумя годами позже – всего около 9 млн. Зимой 1932–1933 гг. скота в аулах уже практически не было. Если в 1929 г. в среднем на хозяйство приходилась примерно 41 голова, то в 1933 г. – 2,2, то есть пропало свыше 90 % поголовья. В преимущественно кочевых районах картина выглядела еще хуже¹⁹⁴.

Таблица 1

Поголовье скота в Казахстане, 1926–1934 (млн голов)¹⁹⁵

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи	Верблюды	Прочее	Всего
1926	3,04	6,75	23,1	0,43	–	–	–
1927	3,57	7,72	26,1	0,52	–	–	–
1928	3,84	7,68	26,6	0,37	–	–	–
1929	3,79	6,74	23,83	0,27	1,13	0,04	35,82
1930	2,61	4,12	12,77	0,02	0,79	0,04	20,36
1931	1,77	2,58	3,97	0,04	0,47	0,02	8,85
1932	0,69	1,59	2,72	0,09	0,16	0,01	5,26
1933	0,45	1,61	2,70	0,13	0,09	0,01	5,00
1934	0,43	1,58	2,15	0,12	0,08	0,02	4,39

В 1934 г. во всем Казахстане еще оставалось около 4,4 млн голов скота. Самое большое снижение (с более чем 26 млн до примерно 2 млн голов) статистики зафиксировали у поголовья овец и коз – важнейших для кочевников сельскохозяйственных животных. Поголовье крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов также понесло миллионные потери¹⁹⁶. Тем самым степная экономика ли-

¹⁹⁴ См.: ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 6. Л. 223 (доклад об оседании кочевого и полукочевого населения, [осень 1934 г.]); РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 665. Л. 1–11 (письмо Балицкого Молотову о скотозаготовках, 20 мая 1932 г.).

¹⁹⁵ Сумма не получается точной, поскольку числа округлены. Ср.: ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 (данные за 1926–1928 гг. к п. 1.1); Д. 19. Л. 105 (данные за 1929–1934 гг. к п. 1.6). Основано на изд.: Pianciola N. *Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936)*. Roma, 2009. P. 392.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1007. Л. 5 (доклад Киселева о состоянии животноводства в Казахстане, 28 ноября 1931 г.). Общий обзор см.:

шилась вьючного скота, действительно необходимого для доставки в аулы и колхозы продовольствия и других товаров.

Эти сухие цифры описывают не что иное, как крах казахского хозяйства. Самонадеянное и недалновидное стремление изъять из частного сектора как можно больше скота, не принимая никаких мер по дальнейшему уходу за ним, вымостило дорогу к экономической катастрофе. Для общества, где вся экономика базировалась на скотоводстве, трудно придумать более губительный сценарий.

Поначалу планы заготовок скота, мяса и другой животноводческой продукции все равно повышались. Посредством дополнительных планов и «особых кварталов» предполагалось вычерпывать все новые и новые ресурсы. Если выполнение плана буксовало, как, например, в январе 1931 г., когда в приходные книги было занесено менее 20 % требуемых объемов, московское руководство посылало специальных эмиссаров с целью подтолкнуть отстающих товарищей. Кампания главенствовала надо всем. «...Я знаю, – предупреждал Сталин ответственных работников животноводства из национальных республик, – что у многих из вас есть стремление сказать одно, сделать другое... У некоторых директоров совхозов, трестов – два плана. Один, которому аплодируют, и другой, который проведут... Другой всегда ниже того плана, которому аплодируют. Но это дело теперь у нас не выйдет, товарищи!.. потому что иметь дело с армией, которую надо накормить, иметь дело с рабочими, которых надо накормить, это не значит шутки играть!»¹⁹⁷ Наличие соответствующих постоянному повышению планов возможностей использования добытых таким образом ресурсов имело второстепенное значение. Заготовительные органы мало интересовались тем, что происходило с конфискованными животными. Обихаживать пригнанный скот предоставляли совхозам и колхозам. В начале 1930 г. во многих местах понятия не имели, что делать с обобществленным стадом¹⁹⁸.

В январе 1931 г. ПП ОГПУ в Казахстане И. К. Даниловский подвел итоги достижений казахского филиала «Союзмяса» (органа, ответственного за скотозаготовки) в зимние месяцы. Доклад у него получился разгромным. Составляя порайонные планы, никто явно не думал ни о местных условиях, ни об экономическом потенциа-

---

Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933. Houndmills, 2004. P. 312 f.

¹⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 25. Л. 110.

¹⁹⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 124–127 (циркуляр о заготовках и контрактации крупного рогатого скота и овец в частных хозяйствах, б. д.), 129–129 об. (письмо Гринько Яковлеву, 15 марта 1930 г.).

ле каждого конкретного района. Поэтому показатели выполнения очень сильно различались: если, например Беловодский район выполнил план на 627 %, то Яны-Курганский – чуть больше чем на 5 %. Почти половина закупленного скота состояла из молодых животных, которые стоили дорого, но убойный вес еще не набрали и потому не годились для немедленной переработки на мясо¹⁹⁹. Кроме того, скот приходилось перегонять на большие расстояния по степи к сборным пунктам и бойням, но при этом в большинстве случаев не имелось достаточных запасов кормов. Животные массово теряли в весе и гибли. Стараясь не допустить тотального падежа, сопровождающие команды гнали стада через встречающиеся по пути села и аулы и забирали там все сено, какое найдут²⁰⁰. Из-за отсутствия квалифицированных ветеринаров больные особи не отделялись от стада и заражали остальных, ввиду чего потери только возрастали. Скот в огромных количествах замерзал насмерть, застигнутый в чистом поле снежными буранами, которые не оставляли никакой надежды спасти животных.

Большевики реагировали привычными методами: ОГПУ арестовало нескольких ответственных работников, посыпались директивы с конкретными указаниями, подключился и сам Сталин. Обращение со скотом нынешней зимой в Казахстане, писал он в одной телеграмме казахскому руководству, это «обман рабочего класса и государства». Виновные будут привлечены к ответственности со всей строгостью²⁰¹.

Год спустя ничего не изменилось. В ноябре 1931 г. преемник Даниловского С. Н. Миронов выражал тревогу по поводу тех же недостатков. Зима на носу, писал он, а вдоль скотопергонных трактов не устроены склады кормов, на сборных пунктах никто не знает, когда и сколько скота должно поступить. Никому неизвестно, где на текущий момент находятся стада. Работники, ведающие данными вопросами, ни на что не годны и ведут себя безответственно, это касается всего аппарата «Союзмяса» «сверху донизу». Возле станции Каратал, к примеру, пасутся около 60 тыс. животных, принадлежащих мясокомбинату в Талды-Кургане. Так как для них нет ни кормов, ни стойл, существует опасность, что все они померзнут. Однако заготовительные органы все гонят и гонят скот на этот мясокомбинат, который совершенно не справляется с ситуацией: скотозабойщиков не хватает,

---

¹⁹⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5059. Л. 7 (доклад о заготовке и транспортировке мяса крайконторой «Союзмясо», 15 января 1931 г.).

²⁰⁰ Там же. Л. 9.

²⁰¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 40. Л. 100а (телеграмма Сталина и Молотова Голощекину, Рошало, Исаеву и Элиаве, 26 февраля 1931 г.).

рабочие, и без того немногочисленные, уходят с комбината, потому что больше не получают продуктов²⁰².

Впрочем, и после забоя скота проблемы не кончались. Транспортные мощности и возможности по охлаждению или консервированию огромных гор мяса оставляли желать много лучшего. Зимой при минусовых температурах можно было хранить мясо на свежем воздухе и перевозить в мороженом виде. Положение серьезно ухудшалось, когда теплело. Из Гурьева на западе Казахстана в феврале 1931 г. докладывали, что необходимо срочно вывезти 5 тыс. центнеров рыбы и свыше 100 тонн мяса, так как скоро ожидается оттепель²⁰³. Служащие на станции Нуринск железнодорожной линии Акмолинск–Караганда на себе испытали, что это значит. Весной 1931 г. на станцию пришло около 160 вагонов с мясом. Содержимое 70 из них оказалось «с явными признаками разложения»: «Мясо было худое, черное, склизкое, издавало гнилостный запах»²⁰⁴. Разгрузка превратилась в «настоящую вакханалию». Рабочие небрежно сбрасывали мясо на платформу и распикивали по углам. Сотрудники различных организаций, поделив между собой вагоны, распродала груз по дешевке. Животные, доехавшие до Нуринска живыми, не получая корма, отошала. В то же время на территории станции под открытым небом лежали и гнили несколько тонн пшеницы, ржавели в снегу свыше тысячи плугов, стояли без надзора цистерны с керосином²⁰⁵.

Все это происходило на глазах у населения, которое здесь лишалось последних средств к существованию. Из степи в Нуринск прибывало все больше крестьян и кочевников: они везли мясо на телегах, порой за сотни километров, по весеннему теплу. Это мясо у них в Нуринске не принимали и заворачивали их обратно с испортившимся товаром, не платя за труды и не давая кормов для их лошадей и верблюдов. Безграничная расточительность и небрежное обращение со скотиной, всевозможными припасами и товарами не могли не ожесточать людей, тем более когда у них самих ничего или почти ничего не осталось, а требовали от них все больше и больше. «О настроении этих крестьян и говорить нечего», – многозначительно замечал автор доклада о вышеописанных событиях²⁰⁶.

---

²⁰² АП РК. Ф. 719. Оп. 3. Д. 217. Л. 22–25 (письмо Миронова Курамысову, 12 ноября 1931 г.).

²⁰³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 33 (доклад о мясозаготовках в западном Казахстане по состоянию на 1 февраля 1931 г.).

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1092. Л. 41 (объяснительная уполномоченного ТО ОГПУ на станции Нуринск, [весна 1931 г.]).

²⁰⁵ Там же. Л. 41 об.

²⁰⁶ Там же.

Скот и хлеб – не единственные ресурсы, интересовавшие заготовительные органы. С кочевников еще взимали так называемое вторичное сырье; это означало прежде всего такую животноводческую продукцию, как шерсть, кости и кожа. Власти и тут хватали через край: в Гурьевском районе требовали пуд шерсти с барана, в Илийском – два пуда костей и пуд собачьей шерсти с хозяйства, кочевникам Кзыл-Ординского района (и не им одним) приходилось сдавать войлочные покрытия своих юрт. На основании официальной директивы из Алма-Аты по всей республике обрезали и собирали лошадиные гривы и хвосты. В принципе это должно было делаться добровольно, «но указания об ударности этой работы и о суровой ответственности за ее выполнение закрывали добровольность, – говорилось в обобщающей справке, – и стрижку хвостов начали проводить всюду»²⁰⁷. Самые нелепые с экономической точки зрения формы кампания приняла, пожалуй, в Аккемерском районе, где кочевников заставляли «забывать собак, ослов и верблюдов, чтобы сдавать их кости». В противном случае, как недвусмысленно давали понять уполномоченные, им грозил арест²⁰⁸. В Каркаралинском районе прямо накануне зимы уполномоченные велели остричь свыше 20 тыс. овец. В последующие месяцы около трети животных замерзло²⁰⁹.

Даже если многие товарищи утверждали обратное, основная вина за беспримерное сокращение поголовья скота никак не могла лежать на кочевниках, которые забивали или перегоняли скот за границу, чтобы избежать заданий по заготовкам. Да и сами задания по мясу объясняют такое сокращение лишь частично. Для выполнения плана мясозаготовок на 100 % в 1929–1931 гг. понадобилось бы забить не более 9,5 млн голов. «Следовательно, – констатировал один докладчик в ноябре 1931 г., – недостающее огромное количество скота, составляющее почти 17,5 милл[ионов] голов, убыло по причинам хищнического истребления и разбазаривания». Громадные суммы, отпускаемые для хозяйственного сектора, растрачивались впустую, а среди казахского руководства никто не занимался связанными с этим вопросами с должной энергией²¹⁰.

Кочевники всегда держали столько скота, сколько можно прокормить в определенной местности, разделяли свои стада и передвигались по степи более-менее обособленными друг от друга маршрутами, чтобы дать пастбищам время восстановиться. В условиях принудительной

---

²⁰⁷ Там же. Д. 766. Л. 75.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. Д. 1092. Л. 41 об.

²¹⁰ Там же. Д. 1007. Л. 4.

концентрации скота об этом речи уже не шло. Большое стадо, скученное на малом пространстве, никак не могло сохраниться. Многие животные гибли от бескормицы, особенно зимой²¹¹. Болезни и эпидемии распространялись среди них гораздо быстрее, чем среди рассеянных по степи, изолированных друг от друга стад кочевников²¹².

Вред народному хозяйству кампания коллективизации причиняла не экспроприацией собственности как таковой. Она вредила ему в основном после этого, когда речь заходила о том, чтобы сохранить и пустить в дело накопленные ценности и ресурсы. Здесь начинали проявляться системные слабости советского планового хозяйства, в котором каждый деятель думал только о том, чтобы продемонстрировать как можно более высокие количественные показатели, мало заботясь о последствиях своих действий. В соответствии с функциональной логикой сталинской системы правления ценились результаты, а не дальновидность. Поэтому конфискация скота продолжалась, даже когда его давно некому было принимать. Поэтому же каждый отдельный функционер считал наиболее разумным сосредоточиться на исполнении полученных директив.

Последствия такой политики представлялись очевидными, во всяком случае иностранным специалистам-аграриям. Один из них – Эндрю Кэрнс – в начале 1930-х гг. изучал положение в советском сельском хозяйстве по заданию канадского исследовательского института. В своем докладе он упомянул о разговоре с немецким ученым Отто Шиллером, который в середине 1932 г. побывал в Казахстане. Шиллер, один из ведущих специалистов по советскому сельскому хозяйству, рассказал ему, что никогда и представить себе не мог того, что происходит в Казахстане и Западной Сибири. Во время своей предыдущей поездки в 1925 г. он везде видел там скот, теперь же по дороге на одну ферму под Семипалатинском ему не встретилось ни одного животного. По его мнению, миллион казахов должны были умереть от голода, поскольку все они кочевники и не в состоянии жить без скота²¹³. Шиллер оказался прав.

---

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 25. Л. 13–19.

²¹² Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Новое о коллективизации в Казахстане. С. 200. Принципиальные сомнения по поводу колхозного скотоводства см. уже у О. Шиллера в 1931 г.: Schiller O. Die Kollektivbewegung in der Sowjetunion. Ein Beitrag zu den Gegenwartsfragen der russischen Landwirtschaft. Berlin, 1931. S. 68 f.

²¹³ Cairns A. The Soviet Famine 1932–33. An Eye-Witness Account of Conditions in the Spring and Summer of 1932 by Andrew Cairns. Edmonton, 1989. P. 10.

«Реалистичный план» – кампания перевода на оседлость

Коллективизация аула стала для кочевников драмой. Перевод на оседлость, проходивший параллельно, превратил ее в трагедию. Плохо спланированное, по-дилетантски осуществляемое и по большей части отвергаемое населением «оседание на основе коллективизации»²¹⁴ в конечном счете стоило жизни сотням тысяч людей. Как до этого дошло? Какие планы легли в основу мероприятия, и что случилось в «точках оседания»? Какие последствия имел провал кампании?

Расчеты

Прямо об оседании заговорил Измухан Курамысов. На декабрьском пленуме Казкрайкома 1929 г. его второй секретарь обрисовал великую задачу, стоящую теперь перед партработниками, – перевод кочевников на оседлость, связанный с «социалистическим преобразованием» сельского хозяйства. Казахстан, пояснил он, располагает огромными земельными угодьями, которые не используются или, по крайней мере, используются неправильно, поскольку с кочевым населением «нельзя построить социалистическое хозяйство». Курамысов наметил смелые перспективы: за первую пятилетку нужно поселить на постоянное место жительства 65 % всех кочевников. Если прибавить к ним тех казахов, которые уже перестали кочевать, то в результате почти 90 % казахского населения станет оседлым²¹⁵.

Выступление второго секретаря Казкрайкома показало, о чем думали в узком кругу казахского партийного руководства²¹⁶. Кочевники мешали строительству социализма. Они считались «препятствием для более рентабельного использования территории», как недвусмысленно объявлял принятый казахским Совнаркомом план перевода на оседлость. К тому же, говорилось там, данная мера необходима, чтобы раз и навсегда покончить с пагубным влиянием баев, ибо существующая кочевая и полукочевая структура служит источником дальнейшей эксплуатации баями бедняков. Такое угнетение тем более тяжело, поскольку выражается в «полупатриархальных и полу-

---

²¹⁴ Голощекин Ф. И. Казакстан на подъеме. С. 19. Общий обзор см.: Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 157 ff.

²¹⁵ Курамысов И. К вопросу о социалистической реконструкции с/х в Казакстане // Курамысов И. За ленинскую национальную политику в Казакстане: Сб. речей и статей, 1928–1932. Алма-Ата, 1932. С. 14, 16.

²¹⁶ Зверьяков И. А. От кочевания к социализму. Алма-Ата, 1932.

феодалных формах», и «уничтожение этой эксплуатации невысказано без коренной ломки отсталых хозяйственных форм»²¹⁷.

Как представляли себе большевики осуществление своих амбициозных целей? Ответ на этот вопрос дают положения плана поселения, который Казкрайком принял в ноябре 1929 г. в качестве составной части общей концепции развития сельского хозяйства Казахстана в рамках первого всесоюзного пятилетнего плана и в декабре того же года утвердил на своем пленуме²¹⁸. Хотя в последующие годы многое изменялось по сравнению с первоначальной концепцией, названные здесь цифры и сроки всегда представляли собой важнейшую отправную точку для всех будущих замыслов. Сначала речь шла о переходе от «экстенсивного» кочевоего хозяйствования к «интенсивному» землепользованию в «рациональных» формах. Скотоводство должно было остаться «важнейшей отраслью» в степных районах, однако пахотные земли надлежало возделывать под различные злаковые культуры, чтобы включить в производство всю «неиспользуемую» территорию Казахстана. С этой целью предусматривалось образование гигантских колхозов, в среднем по 300 дворов (в степных районах центрального Казахстана по 100). План выходил далеко за пределы перевода казахов на оседлость. Здесь проектировалось интегрированное народное хозяйство, тесно объединяющее и экономически связывающее друг с другом совхозы, новые промышленные предприятия и рудники с колхозами. В придачу предполагалось, что оседание сыграет решающую роль в формировании казахского пролетариата. Благодаря ему появится «свободная» рабочая сила в количестве более 300 тыс. чел., которых можно будет задействовать в промышленности и сельском хозяйстве, доказывали апологеты перевода на оседлость²¹⁹.

В целом разработчики плана хотели прикрепить к постоянному месту жительства свыше 540 тыс. кочевых хозяйств. Если принять за среднее семью из 4 чел., речь шла, таким образом, более чем о 2 млн чел. В четырехлетний срок (до конца 1933 г.) оседлыми должны были стать 430 тыс. хозяйств – все кочевое и полукочевое население северного и южного Казахстана. Для центральных степных районов преду-

---

²¹⁷ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 11. Л. 2–3 (доклад Исаева о переводе на оседлость кочевых и полукочевых хозяйств в Казахской АССР, [ранее 16 апреля 1930 г.]).

²¹⁸ Там же. Л. 1 (письмо Исаева Сыргабекову, 20 апреля 1930 г.). Постановления см.: Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1967. С. 93–95.

²¹⁹ Каменский К. П. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 49.

сматривалась более длительная подготовительная стадия: здесь достижение цели намечалось на конец следующей пятилетки²²⁰. Если все меры будут осуществлены, как задумано, уверяли плановики, посевные площади в Казахстане к 1933 г. увеличатся от 470 тыс. более чем до 2,7 млн га. Средний доход на хозяйство за то же время вырастет больше чем втрое – от 238 до 740 с лишним рублей. Рациональное хозяйство и сосредоточенность на трудоемких культурах позволят повысить урожайность более чем на 1 000 %²²¹.

Стоимость этого утопического проекта вряд можно было сколько-нибудь серьезно просчитать. Тем не менее точные, на первый взгляд (как у многих и многих советских статистиков), выкладки авторов проекта заставляли предполагать основательную подготовку и планирование²²². Из общего объема затрат, определенного ими в размере «364 036 400 рублей», 96 млн рублей покрывал государственный бюджет²²³. Бремя остальных расходов прямо или косвенно перекладывалось на самих «оседающих». Примерно 130 млн рублей отводилось на кредиты, которые первым делом возьмут создаваемые колхозы и совхозы. Но еще около 138 млн рублей предстояло платить населению²²⁴. Вопрос, откуда казахи, в основном неимущие, раздобудут такие астрономические суммы, играл в данной концепции столь же мало роли, как и то обстоятельство, что колхозам с самого начала придется влезать в огромные долги.

В Наркомате земледелия (Наркомземе) в Москве эти планы встретили скептически. Против самого замысла прикрепить кочевников к земле, чтобы сделать «свободные площади» пригодными для использования переселенцами, там ничего не имели. Однако некоторые функционеры критиковали намеченные казахскими товарищами высокие темпы, для выдерживания которых республика не располагала ни внутренними ресурсами, ни технико-административ-

---

²²⁰ В пересчете по годам это означало оседание в 1929–1930 гг. 84 400 хозяйств, в 1930–1931 гг. – 211 800, в 1931–1932 гг. – 116 000 и, наконец, в 1932–1933 гг. – еще 17 800. «Подготовительные меры» в 1931–1932 и 1932–1933 гг. должны были охватить 42 000 и 72 000 хозяйств. См.: ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 11. Л. 4.

²²¹ Там же.

²²² О советской статистике см.: Davies R. W., Wheatcroft S. G. *The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / ed. R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 24–37.

²²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 755. Л. 5 (протокол заседания Политбюро, 29 июня 1929 г.).

²²⁴ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 11. Л. 12.

ными возможностями. «Такой темп работы не может быть принят, – говорилось в одной записке, – ибо он не только является нереальным, но и мог бы привести к чрезвычайно невыгодным результатам. Вне коллективизации хотя бы в смысле простейших форм не может быть проведено планомерного оседания, практический же опыт коллективизации этих районов совершенно ничтожен, и ожидать действительно широкого движения коллективов кочевников пока нет оснований. Всякие попытки насильственного объединения кочевников в колхозы привели бы к окончательной дезорганизации всего живот[новодческого] хоз[яйст]ва Казахстана, не давши положительных результатов и в деле коллективизации»²²⁵.

Заместитель наркома земледелия и специалист по планированию Г. Ф. Гринько²²⁶ также выражал сомнения. Он приветствовал тот факт, что благодаря оседанию земля станет доступна для иммигрантов из других регионов, и намерение переселить внутри республики «беднейшую часть кочевого населения, которая, потеряв скот, не имеет уже в данных естественно-исторических условиях перспектив восстановления своего скотоводческого хоз[яйст]ва», но многое в этом проекте вызывало у него вопросы. Планы казахов по развитию поголовья скота, утверждал он, чересчур оптимистичны: ввиду непрекращающихся потерь не может быть и речи о том, чтобы в 1933 г. достичь уровня 1929 г. Вместо запланированных 443 тыс. хозяйств в наступившем году можно будет расселить в лучшем случае 380 тыс. семей²²⁷. Невзирая на подобные оговорки, в целом работники Наркомзема против проекта не возражали, разве что призывали относиться к его излишне оптимистичным целям с осторожностью и давали советы по экономии средств, пытаясь тем самым уменьшить нагрузку на государственный бюджет²²⁸. В окончательном заключении наркомата казахский план даже назван в принципе разумным и «реалистичным»²²⁹.

---

²²⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 10. Л. 64 об. (заключение о пятилетнем плане развития сельского хозяйства Казахстана, ранее 15 апреля 1930 г.).

²²⁶ Г. Ф. Гринько (1890–1938) в 1920-е гг. работал сначала в украинском, затем во всесоюзном Госплане. В 1929 г. перешел в Наркомат земледелия СССР, в 1930–1937 гг. был наркомом финансов, с 1934 г. – кандидатом в члены ЦК.

²²⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 10. Л. 18–26 об. (доклад о развитии сельского хозяйства Казахстана [весна 1930 г.]). Цитата на л. 19 об. См. также: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 2451. Л. 6 (письмо Наркомата финансов Молотова, 23 февраля 1932 г.).

²²⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 10. Л. 14–15 (о финансировании сельского хозяйства Казахстана, б. д.).

²²⁹ Там же. Л. 1–10 (о перспективах сельского хозяйства Казахстана, [весна 1930 г.]).

Кстати, все соображения и планы по переводу на оседлость исходили из того, что большинство казахов и в качестве «оседлых» колхозников продолжают мигрировать как скотоводы. Возделывание пахотных земель не означало посягательства на основы казахской экономики. Заместитель председателя казахского Совнаркома Узакбай Кулумбетов еще раз подчеркнул это в ноябре 1930 г.: «Те люди, которые говорят, что оседание связано с уменьшением поголовья скота при проведении оседания в животноводческих районах, совершенно не правы и не понимают, что оседание мы допускаем с сезонными откочевками, правда с сокращением радиуса кочевания»²³⁰. Абсолютно ясно, добавлял один анонимный автор, что там, где это выгоднее, стада пойдут к «травяным горам», а не люди понесут «горы травы» к стадам²³¹. А в статье в журнале «Народное хозяйство Казахстана» говорилось, что успех оседания измеряется прежде всего ростом поголовья скота²³². Местные функционеры придерживались того же мнения. «Количество хозяйств в колхозе должно быть по числу имеющих дойных коров, по одной корове на хозяйство, а все остальные должны откочевывать в среднеазиатских республиках», — описал секретарь Джамбейтинского райкома единственное решение, которое считал надежным²³³. Но, поскольку из-за кампаний заготовок поголовье стремительно таяло, во многих частях Казахстана уже весной 1931 г. не осталось предпосылок для такой политики оседания. Те, кто проводил ее в жизнь на практике, на этот счет не заблуждались.

Практика и конфликты

На местах поначалу никто толком не понимал, что, собственно, скрывается за понятием «оседание». На долгом пути от наркоматовских плановиков наверху до конкретных исполнителей внизу убывали как мотивация протагонистов, так и знания о целях кампании. Большинство управленцев окружного и районного звена были заняты другим: все их внимание поглощали коллективизация и заготовки. Переводу на оседлость многие товарищи посвящали время

---

²³⁰ ЦГА РК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 (протокол первого совещания по оседанию, 9–10 ноября 1930 г.).

²³¹ С. М. Оседание – важнейший этап ликвидации национального неравенства // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 34.

²³² Левин А. А. Аграрная политика Казакстана в период социалистической реконструкции // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 9–10. С. 13.

²³³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 6 (доклад об откочевках казахского населения, 15 июня 1932 г.).

«только в минуты досуга»²³⁴. Мало кто придавал данному мероприятию серьезное значение, от местной администрации не требовали во что бы то ни стало предъявить ощутимые результаты, и потому во многих местах обо всем этом практически забыли. До июня 1930 г. дело особо не двигалось. В Семипалатинском округе соответствующие органы потеряли план поселения, в Каркаралинском – снабдили его пометкой «принято к сведению», аккуратно подшили в папку и сдали в архив, в Павлодарском округе зашли так далеко, что к июлю построили один жилой дом – по причинам «самокритики», как сообщали тамошние функционеры²³⁵.

В деле перевода на оседлость царил административный хаос. Занимались этим вопросом бесчисленные учреждения, наркоматы и хозяйственные организации. Каждое из ведомств интересовалось только кругом порученных ему задач, не думая о последствиях своей работы для программы в целом. В результате кампания зачастую не доводилась до конца²³⁶. Например, партийное руководство Энбекши-Казахского района обнаружило, что его планы по орошению земель проектируемых поселений встречают препятствия с разных сторон. После того как удалось убедить в целесообразности проекта управление водного хозяйства и работы по сооружению остро необходимого канала продвинулись достаточно далеко, Колхозбанк отказал в дальнейших кредитах, ссылаясь на то, что фонды на орошение предназначены исключительно для хлопководческих регионов. От канала зависела вся программа оседания в районе, но для банка это не играло никакой роли²³⁷. Возникла и еще одна проблема: рабочих, строивших канал, не снабжали как следует продовольствием, а различные наркоматы, вместо того чтобы найти общее решение, только перекидывали ответственность друг на друга²³⁸.

К существенным предпосылкам успешного оседания относились межевание и распределение земли²³⁹. Однако в большинстве районов Казахстана землеустроительные работы за много лет не продвинулись ни на шаг. Никто не мог точно сказать, кому какая территория при-

---

²³⁴ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

²³⁵ Там же. Л. 28.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–12 (протокол № 50 СНК КАССР, 7 октября 1931 г.), 13–13 об. (протокол № 22 Президиума КазЦИК, 2 ноября 1931 г.).

²³⁷ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 3. Д. 39. Л. 54 (письмо председателя казахского управления водного хозяйства в райисполком, 7 декабря 1930 г.).

²³⁸ Там же. Л. 163 (письмо райисполкома в отдел оседания, [апрель 1931 г.]).

²³⁹ Там же. Ф. 74. Оп. 11. Д. 11. Л. 3.

надлежит и кто какие права имеет. Отсюда постоянно проистекали конфликты между колхозами, а соответствующие земельные управления зачастую оказывались не в силах их уладить²⁴⁰. Неясная ситуация будила алчность. Новоиспеченные колхозы старались завладеть «наследством» раскулаченных. Директора совхозов и колхозные председатели конкурировали за лучшие земли с государственными организациями и руководством крупных (строящихся) предприятий. Наконец, в эти споры вмешивались ОГПУ и НКВД, которым требовалось очень много земли для спецпоселений и «исправительно-трудовых лагерей». Шатким колхозам, не располагавшим ни прочными зданиями, ни квалифицированными кадрами, обычно нечего было противопоставить экономическому и политическому превосходству госпредприятий²⁴¹. Перед лицом столь могущественных конкурентов и интересов кочевники быстро очутились вне игры. Им в основном перепало то, на что никто больше не позарился. Отдельные семьи тем более ничего не могли поделать, когда землеустроители игнорировали их нужды, оставляли им одни жалкие зимние стойбища или выгоняли их из уже определенных «точек оседания»²⁴².

Распределение земли нередко осуществлялось по этническим критериям. Кому будет отдано предпочтение – европейцам или казахам, – в большой мере зависело от национальности местных руководителей. В Петропавловском округе на севере Казахстана ответственные работники отдавали лучшие и более обширные участки земли русским колхозам, оправдываясь позже за допущенную несправедливость один из этих работников, потому что казахи за прошлые годы производили меньше продукции, чем их европейские соседи. Ну, и было совершено много «ошибок»²⁴³. Казахские функционеры, в свою очередь, утверждали, что надо позаботиться о «переходном периоде» и что коллективы кочевников нуждаются в особой помощи в виде земли и прочих льгот²⁴⁴. Снова отличился Турар Рыскулов, который в декабре 1930 г. публично призвал не требовать слишком многого от населения кочевых и полукочевых районов и, ссылаясь на такие страны, как Аргентина и Австралия, ратовал за «рационализацию» скотоводства в степи вместо перевода кочевников на оседлость²⁴⁵.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 2. Л. 288 об.

²⁴¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 667. Л. 3–6 (телеграмма Голощекина Сталину и Молотову, 7 марта 1931 [?] г.).

²⁴² ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

²⁴³ Там же. Л. 80.

²⁴⁴ Там же. Л. 39.

²⁴⁵ Рыскулов Т. Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах // Собр. соч.: В 3 т. Алма-Ата, 1997. Т. 3. С. 298–304.

Подобное заступничество, впрочем, особого успеха не имело. Кампания в основном воспринималась как попытка русифицировать казахов и лишить их идентичности. Так думали не только широкие слои казахского населения, не видевшие в происходящем никакого иного смысла²⁴⁶, но и многие функционеры коренной национальности. Они (не без основания) рисовали себе печальную перспективу обнищавшего, страдающего от болезней казахского общества, рискующего утратить национальную самобытность: «Из этого оседания нам никакой пользы нет. Советская власть нас (казахов) хочет согнать в кучу, кормить из одного котла, а наши казахи к этому не привыкли, среди нас будут развиваться всякие болезни»²⁴⁷.

Перевод на оседлость часто исчерпывался тем, что кочевников сгоняли на пустые безводные земли, вытесняли в степь и бросали на произвол судьбы²⁴⁸. В июне 1931 г. комиссия, ревизовавшая «точки оседания» в Энбекши-Казахском районе, выяснила, что оба здешних колхоза, «Кзыл-Казак» и «Карачингиль», размещены в неудобных местах: почва там засолена, грунтовые воды непригодны к употреблению, и вся местность заражена малярией²⁴⁹. В Иргизском районе, по сообщению Кулумбетова, ответственные товарищи не нашли ничего лучшего, чем поселить кочевников посреди пустыни где грунтовых вод вообще нет. Вдобавок дома им построили на старых могилах, что в глазах казахов являлось чудовищным святотатством²⁵⁰. Когда в Балхашском районе собирались разместить колхоз «Кувашы», туда все же съездил какой-то техник и после беглого осмотра территории выбрал место, единодушно отвергнутое колхозниками. Направленная в район позже комиссия ВЦИК тоже сочла это место «совершенно неподходящим для культурной жизни». Местное руководство, заключила она, не поинтересовалось, достаточно ли здесь водных ресурсов, чтобы «обеспечить длительное существова-

---

²⁴⁶ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

²⁴⁷ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 69. Л. 86 (справка ОГПУ по оседанию на 15 мая 1932 г.). См. также: Там же. Ф. 141. Оп. 17. Д. 675. Л. 9 (стенограмма заседания оседкома, [начало 1932 г.]).

²⁴⁸ Примеры см.: Материалы к отчету КрайКК – НК РКИ КАССР восьмой Краевой Партийной Конференции. Алма-Ата, 1934. С. 29–31.

²⁴⁹ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 3. Д. 39. Л. 111 (заключение по точке оседания поселка Асубай, [ранее 4 июня 1931 г.]).

²⁵⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 675. Л. 14. Об отношении к умершим и о значении могил у казахов см.: Bacon E. E. *Central Asians under Russian Rule. A Study in Cultural Change* (1966). Ithaca, 1980. P. 43.

ние целого поселка»²⁵¹. Без воды, без навыков земледелия ограбленные люди не могли продержаться долго. Многие колхозы совершали настоящую одиссею, пока соответствующие комитеты не назначали им окончательную «точку оседания»²⁵². Однако, если казахи, как, например, в Бейнеткорском районе, жаловались на этот «кочевой образ оседания», функционеры грозили им тяжелыми последствиями²⁵³. В Казалинском районе им поставили ультиматум: «Не хотите оседания, будете сидеть голодными, потому что весь скот и хлеб у вас отберут»²⁵⁴.

В своей самой радикальной (и драматичной для казахов) форме перевод на оседлость напоминал грабеж. Заготовительные органы, конфискуя в ауле весь имеющийся скот, обрекали кочевников на неподвижность. Без овец, коз и коров любая миграция становилась бессмысленной, а без вьючных животных и невозможной. Юрты и прочий домашний скарб больше не на чем было перевозить. Такой аул достигал конца своего пути. Его жители не могли надеяться даже на минимальную поддержку, положенную казахам, которые перешли на оседлость официально. Их предоставляли самим себе, и последствия это имело печальные. Оседание в результате экспроприации превращало кочевников в беженцев и нищих. Кое-кто из казахов понимал, что происходит на самом деле. Так, жители аула № 11 Балхашского района заявляли, что государство пытается путем перевода на оседлость получить больше контроля над ними и их собственностью, чтобы повысить налоги. И совершенно открыто добавляли: кочевникам легче, чем оседлым, укрывать скот и имущество от пытливого ока государственных сборщиков²⁵⁵.

Перевод на оседлость обострил и без того опасную экономическую ситуацию в Казахстане. Из-за плохо спланированного и проводимого чересчур поспешно оседания тратились или пропадали втуне огромные ресурсы. Но, при всей тяжести этих прямых потерь, чреватой наиболее серьезными последствиями оказалась другая проблема. Вне зависимости от того, действительно ли люди стали «оседлыми» или нет, жители аула, «охваченного мероприятием», в глазах статисти-

---

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 20 об. (итоги советского строительства в КАССР, 31 августа 1930 г.).

²⁵² Там же. Д. 3. Л. 30 (стенограмма совещания партийных работников, 18 июня 1934 г.).

²⁵³ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 675. Л. 54 (стенограмма заседания Комитета по вопросам оседания, [конец 1931 – начало 1932 г.]).

²⁵⁴ Там же. Ф. 719. Оп. 4. Д. 69. Л. 84 (на л. 83–85 описано много похожих случаев).

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

ков считались переведенными на оседлость. Соответственно они (по крайней мере, на бумаге) располагали пахотной землей, выращивали полевые культуры, собирали урожай, который облагался налогами и сборами. На основании агрегированных данных о таких мнимых успехах оседания плановики в Москве и Алма-Ате устанавливали нормы заготовок, не имевшие с реальностью ничего общего²⁵⁶. Тем самым они подстегивали роковую динамику: эффект от структурно невыполнимых планов лишь усиливался благодаря этим фантастическим цифрам. Кроме того, кампанией пользовались в своих частных интересах ловкие функционеры и их сети, желавшие получить скот в свое распоряжение и одновременно вытянуть у государства средства на «оседание» в максимальном объеме. Вопрос, что станет с людьми, часто имел для них второстепенное значение. В Каркаралинском районе, к примеру, в 1932 г. планировалось перевести на оседлость около 9 тыс. чел. Но вследствие откочевов и бегства население здесь сократилось на добрую треть. Районное руководство это не смутило. Уполномоченному по оседанию, указавшему на данное обстоятельство, велели делать свое дело: «Не важно, что населения нет, нам нужно получить как можно больше средств на оседание». Столь же мало беспокоили председателя райисполкома условия в «точках оседания». Когда его внимание обратили на то, что ни одна из 50 предполагаемых точек не проверялась на пригодность для проживания и в большинстве из них нет воды, он ответил: «Нас подробности не интересуют, скажите общее количество намеченных точек и ваши сметные предложения»²⁵⁷. Некоторые усматривали в кампании перевода на оседлость долгожданную возможность подложить свинью конкурентам и противникам, специально выбирая неподходящие точки²⁵⁸. Во всяком случае, такое впечатление создают бесчисленные справки ОГПУ, согласно которым «низовой аппарат» кишел «вредителями» и «врагами». Чаще всего, однако, подобные промахи (поистине смертельные для тех, кто становился их жертвой) объяснялись проще. Во многих областях не существовало мест, где люди могли бы обосноваться надолго, по крайней мере без предварительной интенсивной геологической разведки и сооружения новых колодцев и оросительных каналов. И, поскольку разницы не было никакой, ответственные лица не ломали голову над выбором, практически наугад тыкая пальцем в неточные карты.

---

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 7. Л. 147 (доклад отдела национальностей ВЦИК о состоянии и очередных задачах оседания, [1933–1934]).

²⁵⁷ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 69. Л. 78 (доклад об оседании кочевого и полукочевого населения Казахстана, после 15 мая 1933 г.).

²⁵⁸ Там же. Л. 85–87.

Невзирая на неудовлетворительный старт кампании, принимались все новые и все более смелые постановления. В конце 1931 г. они требовали завершить оседание в кратчайший срок, лучше всего – до окончания первой пятилетки²⁵⁹. Но это оказалось абсолютно нереальным, не в последнюю очередь из-за пассивности и малой заинтересованности аппарата. Одни функционеры вообще игнорировали оседание. Другие – в основном европейцы – вначале возражали, что «нерентабельно» тратить столько средств на народ, который в действительности ни на что не годен²⁶⁰. Не только они смотрели на оседание как на излишнюю нагрузку²⁶¹. Не позднее 1932 г. сомнения стали расти как в казахском Наркомате земледелия, так и среди работников казахского Крайоседкома. Один из них сказал то, о чем думали многие: «Оседание казахов – это дело только самого казахского населения, а не краевых организаций». Другой уточнил: «Я всегда стоял за то, что адаевцев не следует поселять на земли русских казаков, они все бандиты и лодыри»²⁶².

К концу 1932 г. руководящим товарищам надоели бесконечные дебаты и бесплодные обсуждения. Они распустили Крайоседком при Совете народных комиссаров КАССР и создали новый отдел в Наркомате земледелия, чья повседневная работа контролировалась и управлялась напрямую казахским партийным руководством²⁶³. Новообразованный отдел («сектор») обладал авторитетом, которого никогда не имел Крайоседком.

«Конечно, будете строить землянушки, а не дворцы»

Самая смелая задача кампании оседания состояла в том, чтобы в короткий срок построить жилые и хозяйственные здания для сотен тысяч людей. Но программа строительства быстро затормозила. Непонятно было, где надо строить, не хватало стройматериалов и

²⁵⁹ Постановление от 25 декабря 1931 г., см.: Зверяков И. А. От кочевания к социализму. С. 128–132. Дебаты между задействованными наркоматами см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2451 (о плане оседания на 1932–1933 гг.). См. также: Голощекин Ф. И. Из царской колонии – в передовые ряды строителей социализма // Правда. 1932. 5 февр.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2451. Л. 29.

²⁶¹ Общий обзор см.: Леонов А., Семевский Б. Н. Уроки первого года оседания // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 7–8. С. 16.

²⁶² АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 69. Л. 87–88.

²⁶³ Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: История власти. Опыт реконструкции. Алма-Ата, 2008. С. 343.

специалистов²⁶⁴. Один функционер докладывал, что строительные работы в его районе не двигаются, потому что в проектах предусмотрены каменные фундаменты для жилых домов. Где взять камень, неизвестно, но игнорировать директивы никто не смеет, поэтому не строят вообще ничего²⁶⁵.

Решением проблемы казалось использование «местных стройматериалов», например сырцового кирпича. Как говорилось в одной сводке в ноябре 1930 г., если исходить из плана построить в 1930–1931 гг. «41 250 домов» (что, кстати, обеспечило бы жильем только четверть хозяйств, подлежащих переводу на оседлость за это время), то выделенных для Казахстана «дефицитных стройматериалов» хватит лишь на 15 % от названного числа. Но и это чисто теоретические расчеты, ибо речь идет о плановых цифрах, которые не соответствуют действительности²⁶⁶. Однако с производством местных стройматериалов тоже дело шло туго. Сырцовые кирпичи, которые нужно было лепить, формовать и сушить, не изготавливались в достаточном количестве, хотя сырья во многих местностях Казахстана имелось в изобилии: «Дневная выработка одного формовщика составляет в среднем 50 кирпичей, на этой работе заняты преимущественно подростки; никакого снабжения, в виде хлеба, чая, сахара, они не получают; работа производится бесплатно, в порядке натуральных обязательств. Технического надзора нет»²⁶⁷.

Голощекин практической стороной оседания не интересовался. Ему наскучили споры пессимистов из регионов и их вечные жалобы на нехватку камня, дерева и кирпича. У него в приоритете стояло другое: оседание должно изменить социальные отношения в ауле и покончить с «эксплуатацией», а с этой точки зрения, несущественно, в юртах живут люди или в домах. Сначала все равно надо строить не жилые, а хозяйственные здания, объявил задержанный секретарь крайкома. Для успеха оседания решающее значение имеют стойла для скотины, сараи для инвентаря, амбары для урожая. Он вообще

---

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 7. Л. 60 (сводка по снабжению стройматериалами за 1931–1933 гг., б. д.).

²⁶⁵ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

²⁶⁶ Там же. Л. 104

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 20 об. Наркомат земледелия в феврале 1932 г. заявил, что планы жилищного строительства не финансируются. См.: Там же. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 2451. Л. 7–7 об. (письмо Наркомзема СССР, 25 февраля 1932 г.).

прежде всего делал ставку на оседание и концентрацию больших групп населения в совхозах и промышленности²⁶⁸.

Через два года после начала кампании, в январе 1932 г., нарком легкой промышленности КАССР Я. П. Беликов²⁶⁹ лишил товарищей на местах последних иллюзий по поводу снабжения стройматериалами. Оседание, сказал он, будет иметь успех только при опоре на собственные средства и возможности. В прошлом году республика получила всего 9 % необходимого количества круглого леса, и тот преимущественно ушел на крупные стройки в Караганде и «Казмедьстрою» на озере Балхаш. Дальнейших объяснений не потребовалось: присутствующие поняли, что скудные ресурсы приберегаются для больших индустриальных проектов, с которыми программа оседания кочевников соперничать не в состоянии.

Бывший заместитель наркома земледелия Н. Залогин²⁷⁰ в той же связи поведал, что и на специалистов рассчитывать не стоит. Поэтому оседание в районах с этнически смешанным населением может получиться, только если сооружать там землянки при помощи европейцев. На растерянную реплику из зала: «Неужели и мы будем такие строить?» – он ответил: «Конечно. Что же вы, будете строить железобетонные здания? Конечно, будете строить землянушки, а не дворцы»²⁷¹. Многие из раздосадованных делегатов пленума, казалось, только теперь, в январе 1932 г., по-настоящему осознали, что на деле означает оседание: доведенное до нищеты казахское население вынуждали начинать новую жизнь без всякой помощи извне, в самых суровых условиях. От банальных советов «максимально использовать» остатки старых зданий и «местные стройматериалы» бездомным казахам не было никакого проку²⁷².

В 1934 г. стали подводить итоги весьма скромным достижениям. Соответствующий доклад рассказывал не о развитии, а об упадке. В 1931 г. план по строительству более 16 тыс. жилых домов еще удалось заметно перевыполнить. Год спустя было закончено не больше половины запланированных 11 тыс. зданий, а в 1933 г. отставание

---

²⁶⁸ Голощекин Ф. И. Пути социалистического наступления в Казакстане и оседание казахского населения // Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата, 1930. С. 45–49.

²⁶⁹ Биографию Я. П. Беликова (1893–1958) см.: Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биогр. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007. С. 86.

²⁷⁰ Биографию Н. Залогина (1892–?) см.: Там же. С. 163.

²⁷¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 675. Л. 54.

²⁷² Косоков И. Итоги планового оседания и практические задачи // Революция и национальности. 1933. № 5–6. С. 71.

сильно увеличилось: начали строить около 2 тыс. домов и закончили примерно столько же начатых раньше. Даже если не говорить о куда большем числе простейших жилищ, которые люди сооружали себе сами²⁷³, приведенная статистика свидетельствовала о том, как далеко расходились желаемое и действительное. Еще плачевнее выглядели данные о разного рода хозяйственных постройках. Хотя здесь планы более-менее выполнялись, один взгляд на абсолютные цифры давал понять, сколь мало фактически делалось в «точках оседания»²⁷⁴.

Кроме того, статистика ничего не говорила о качестве домов, строившихся зачастую безо всякой технической экспертизы. В колхозе «Аккуль» Ново-Таласского района, который можно считать типичным примером, почти все построенные с 1931 г. дома через три года нуждались в срочном ремонте. Под «построенными» имелись в виду недостроенные сооружения, без окон и дверей, с кривыми и косыми стенами. С крыш, лишенных изоляции, текла вода на стены, которые грозили обрушиться. Большинство домов не имело оконных проемов на солнечной стороне, внутри было темно и сыро. За порядком застройки никто не следил, так что дома торчали в степи как попало²⁷⁵. Да и сами здания не радовали глаз симметрией: «Взять такое простое дело, как окна. Почему бы не соблюсти определенную симметрию, а в этих постройках, видите, окно сделано под самой крышей, второе нанизу, а третье еще где-то. И здесь чувствуется определенное невнимание и к внутренней отделке этих самых построек, которые здесь именуется постройками европейского типа»²⁷⁶. Впрочем, казахи предпочитали по-прежнему жить в юртах, лучше приспособленных к экстремальному степному климату, используя дома разве что как зимние убежища²⁷⁷. Поэтому наиболее дальновидные из партийных работников призывали к смене курса в строительной программе, ратуя за строительство хлевов (чтобы казахам не приходилось зимовать

---

²⁷³ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. P. 234 ff.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 8. Л. 43–45 (доклад о строительном вопросе в КАССР, 10 июля 1934 г.).

²⁷⁵ Там же. Л. 41.

²⁷⁶ Там же. Д. 2. Л. 290 (стенограмма заседания комиссии по оседанию, 8 июля 1934 г.).

²⁷⁷ Два десятка лет спустя мало что изменилось, см.: Сабитов Н. С. Культура и быт казахского колхозного аула // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1950. Вып. 10. С. 55. О такой же картине в Киргизии: Абрамзон С. М. В киргизских колхозах Тянь-Шаня // Советская этнография. 1949. № 4. С. 65. Ср.: Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. P. 120 ff.

под одной крышей со своей скотиной) и домов, лучше отвечающих нуждам населения²⁷⁸.

Ставшие «оседлыми» казахи не расставались с юртами не только из-за недостатков строительства. Ввиду процветавшей в Казахстане до 1932 г. практики создания как можно более крупных единиц из множества мелких аулов («гигантомании», которую позже так сильно порицали) оседание часто исчерпывалось тем, что юрты кочевников собирали и ставили друг подле друга в «точках оседания»²⁷⁹. Порой сотни юрт выстраивались вдоль «улиц», которым давали имена революционеров и советских руководителей²⁸⁰. В негостеприимных районах центрального Казахстана такая искусственная концентрация населения имела драматические последствия. Быстро обеспечить сотням, если не тысячам людей источники пропитания на бедных степных почвах, использовавшихся раньше исключительно под пастбища, оказалось невозможно²⁸¹. Вскоре «поселки-гиганты» умерли в буквальном смысле слова. Во время голода колонии из сотен пустых юрт, составленных в степи до нелепости правильными рядами, служили, вероятно, самыми зловещими памятниками большевистскому самодурству²⁸².

Взгляд сверху

Проблемы оседания могли волновать местных работников, отвечавших за его проведение. А могущественные макроплановики в Москве, ведавшие распределением ресурсов и дефицитных материалов, заботились в первую очередь о «великих стройках социализма»;

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 2. Л. 277 (стенограмма заседания комиссии по оседанию, 8 июля 1934 г.).

²⁷⁹ О представлениях казахского руководства см.: Там же. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 2451. Л. 31 (письмо Исаева Молотову, ранее 10 февраля 1932 г.). О практике: Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1359. Л. 13 (докладная Киселеву, 10 мая 1932 г.). О критике: Там же. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 7. Л. 147. Вообще о «гигантомании» в колхозном строительстве: Merl S. Bilanz der Unterwerfung – die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 141.

²⁸⁰ Абусейтова М. Х. и др. История Казахстана и центральной Азии. С. 480.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–39 (стенограмма совещания Киселева с партийными работниками из кочевых районов КАССР, 18 июня 1934 г.).

²⁸² Михайлов В. Хроника великого джута. С. 272.

беды казахских колхозников, брошенных в домах без крыш и дверей в зимней степи, мало их трогали. Хотя вопрос оседания в 1933 г. неоднократно включался в повестку заседаний Совнаркома, его все время откладывали ради других, более важных вопросов²⁸³.

Недостаточное (по сравнению со значением кампании оседания для хозяйства и культуры Казахстана) внимание московской верхушки к этой теме соответствовало пренебрежению к судьбе кочевников вообще. Никто не интересовался их тяжелым положением. Председатель казахского Совнаркома Ураз Исаев, отчитываясь перед Молотовым о достигнутых успехах и очередных замыслах в феврале 1932 г., приложил к письму небольшую таблицу. Она показывает, с какой легкостью коммунисты распорядились жизнью тысяч казахов.

Таблица 2

Расчеты количества казахских хозяйств²⁸⁴

1)	По данным 1928 г.	828 000
2)	По данным Госплана 1931 г.	706 000
3)	С последнего – минус 5 % байских хозяйств	670 000
4)	Из этого числа уже осели и живут правильными поселками	
а)	в результате плановых мероприятий по последним 2 годам	50 000
б)	осевшие до 1930 года	70 000
в)	осевшие хозаулы, которые совпадают с центрами поселка	30 000
	ИТОГО	150 000
5)	Ушло в промышленность, совхозы после учета 1931 г.	20 000
6)	Уйдет в промышленность в 1932 г.	30 000
7)	Уйдет в совхозы в 1932 г.	30 000
8)	Уйдет в рыбные и соляные промысла	5 000
9)	Уйдет в транспорт	2 000
	ИТОГО с 5) по 9)	77 000 (sicl)
	Всего подлежит переводу на оседлость	443 700
	Берем кругло	400 000

Без зазрения совести Исаев попросту вычеркнул несколько десятков тысяч хозяйств, оставляя их тем самым вне поля зрения властей. Судя по таблице, баи, видимо, не имели права на оседание, так же как больше 40 тыс. семей, выброшенных в конце из «округленного» итога. О сомнительности этих цифр свидетельствует и арифметическая ошибка, которая сократила предполагаемый результат на 10 тыс. хозяйств. Вдобавок в сопроводительном комментарии говорилось, что

²⁸³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 2451. Л. 102–107.

²⁸⁴ Там же. Л. 22.

от 400 тыс. хозяйств надо отнять еще 191 тыс. Из них 114 тыс. «планово» получили землю, а 77 тыс. ушли в «другие отрасли народного хозяйства». Таким образом, фактически нужно будет позаботиться только о 209 тыс. хозяйств²⁸⁵.

Этот документ показывает не только радикальное мышление большевиков, но и определенное «чувство реальности»: к началу 1932 г. голод уже унес много жизней, а десятки тысяч казахов бежали из республики. То, что люди, исчезнувшие из «округленных» чисел, впоследствии могут вернуться в Казахстан, для деятелей вроде Исаева роли не играло. Коммунистов интересовали не люди, а рабочие руки. Они создавали условия для коллективов, не думая о потребностях индивидов. Все это требовало контроля. Следовательно, кочевникам надлежало стать оседлыми. Издержки (человеческие) традиционно не принимались во внимание. Когда речь шла о реализации грандиозных замыслов, об «отсталости» кочевников и необходимости ее преодоления вспоминали в последнюю очередь²⁸⁶.

Гораздо больше значил тот факт, что оседание представляло собой существенную предпосылку для массового переселения в казахскую степь спецпоселенцев, заключенных Гулага, а потом и «вражеских наций»²⁸⁷. Говоря об освоении огромных территорий, плановики прежде всего думали о депортированных группах населения как об исполнителях этой задачи. Кочевники им только мешали и потому должны были уйти отовсюду, где предстояло жить и трудиться жертвам сталинских репрессий²⁸⁸. В особенности это касалось земель, предназначенных для лагерей Гулага, – казахский Совнарком майским постановлением 1930 г. передал в распоряжение ОГПУ свыше 110 тыс. га, «учитывая политическо-хозяйствен-

---

²⁸⁵ Там же. Из данных Исаева о том, что помимо 50 тыс. хозяйств, переведенных на оседлость в 1930–1931 гг., были наделены землей еще 114 тыс., получилась постоянно фигурирующая цифра оседания за первые два года кампании – 164 тыс. хозяйств. См.: Там же. Л. 6–6 об. (письмо Молотову, 23 февраля 1932 г.); Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 об. – 19 (доклад о выполнении постановления от 6 февраля 1931 г., [начало 1931 г.]).

²⁸⁶ Противоположную точку зрения см.: Scholz F. *Nomadismus. Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise*. Stuttgart, 1995. S. 148.

²⁸⁷ См.: Brown K. *A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004. P. 173 ff.; Payne M. *Seeing Like a Soviet State. Settlement of the Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // Writing the Stalin Era*. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. Houndmills, 2011. P. 59–86.

²⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 200. Л. 17 (доклад Микшиса в Главное управление милиции, 10 марта 1931 г.).

ное и аграрно-культурное значение» создаваемого лагеря (имелся в виду будущий Карлаг)²⁸⁹.

«Оседание» зачастую служило прикрытием интересов, не имевших никакого отношения к условиям жизни кочевников. Ссылаясь на эту кампанию, добивались смягчения планов заготовок или оправдывали их невыполнение; распределение дефицитных стройматериалов и денег открывало возможности для коррупции и кумовства; размещение в «точках оседания» давало удобные шансы конкурирующим группировкам. А при переселении целых сообществ главной задачей являлось освобождение территорий. Во всех этих случаях люди, ставшие объектом кампании, имели значение лишь как проблема, требующая устранения, или средство для решения других вопросов.

Перевод казахских кочевников на оседлость потерпел сокрушительный провал. Ни одна из амбициозных целей достигнута не была, никакие бухгалтерские уловки не помогли показать выполнение планов больше чем наполовину, вместо ожидаемого повышения урожайности во всех районах отмечалось ее катастрофическое снижение. Кампания, казавшаяся на текущий момент вполне многообещающей, в дальнейшем сыграла роковую роль. Оседание проводилось в основном на бумаге либо ограничивалось запихиванием людей в обветшалые развалины в негостеприимных местах. Но изгои не давали о себе забыть, рано или поздно возвращаясь в поле зрения в виде нищих, беженцев или воинов.

---

²⁸⁹ Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. S. 18, 33 ff.

БУНТ – ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И МАССОВЫЙ ИСХОД

«Путь к социализму» привел к массовому бегству, гражданской войне и голоду. Миллионы людей бежали от притеснений и репрессий, сотни тысяч стали защищаться. Всех, кто старался избежать благ коллективизации, считали противниками «социалистического строительства». Как беженцев, так и вооруженных бойцов в равной мере преследовали, атаковали и уничтожали. Обширные области Казахстана на несколько месяцев погрузились в пучину упорно тлеющей гражданской войны, которую большевики подавили при помощи частей Красной армии, войск ОГПУ и добровольческих отрядов¹. Насилие ширилось, и вскоре грань между участниками и неучастниками боевых действий практически стерлась. Под подозрение попали все казахи как коллектив.

Наступление государства являлось актом насилия и террора, но и общество, подвергшееся атаке, не было мирным. В степи отнюдь не царил гармония. Когда беглецы откочевывали со своими стадами в другие районы, неизменно вспыхивала конкуренция между ними и местными кочевниками. Не сказать, чтобы степь вспыхивала от малейшей искры, как пороховая бочка, но уж когда она загорелась, большевикам пришлось признать, что их власть имеет пределы. Они победили в конце концов, потому что располагали превосходящими средствами насилия и пускали их в ход, не разбираясь, кто перед ними – воины или беженцы. А потом и голод сыграл им на руку, заставив людей бороться в первую очередь за выживание.

**«Если раньше мы вынуждены были
искать бандитов, то сейчас ищут они нас» –
фрагментированная гражданская война**

А. Ф. Попков, первый секретарь Гурьевского райкома (крайний запад Казахстана), испытывал страх. В августе 1931 г. он писал своему

---

¹ Тархова Н. Красная Армия и сталинская коллективизация, 1928–1933 гг. М., 2010. С. 143–145.

политическому наставнику, члену ЦК Е. М. Ярославскому: «Картина развития бандитизма сейчас такова, что в Мангиставском районе (полуостров Бузачи и Мангышлак) так называемые адаевцы объединились три рода, и только один род – четвертый – стоит нейтрально, район же имеет около 50 тысяч кочевого населения. Эти враждебно настроенные к нам насчитывают в среднем 17–20 тысяч. Если раньше мы вынуждены были искать бандитов, то сейчас ищут они нас»². Заместитель председателя СНК КАССР Кулумбетов, инспектировавший район в то же время, соглашался с Попковым. По его мнению, доля «антисоветски» настроенного населения доходила там даже до 60 %³. Повстанцы нападали на колхозы, предприятия и кооперативы. Несколько раз они атаковали Форт-Александровский – важнейший пункт на полуострове Мангышлак у Каспийского моря; его с трудом удерживали красноармейцы и добровольцы. Для известных коммунистов поездки в степь стали смертельно опасными.

Еще в апреле 1930 г. в одном докладе К. Е. Ворошилову о положении в западном Казахстане говорилось, что советская власть и партийные организации сохранились там лишь в крупных населенных пунктах, а в обширных районах от Тургая до Аральска на сотни километров нет ни того ни другого⁴. За год ситуация только ухудшилась, потому что отдельные казахские роды вступили в союз с туркменами-йомудами, с которыми раньше много лет враждовали⁵. Теперь бывшие противники, объединив силы, боролись против большевиков и в Туркмении, и в Казахстане⁶, что чрезвычайно встревожило партийных работников. «Бандитизмом охвачена вся восточная часть

---

² РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 80. Л. 6 (письмо Попкова Ярославскому, ранее 7 августа 1931 г.). Биографию Е. М. Ярославского (1878–1943) см.: Dahlke S. Individuum und Herrschaft im Stalinismus. Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943). München, 2010.

³ Письмо Кулумбетова Даниловскому и Исаеву от 5 августа 1931 г. см.: Набиев Ж. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алма-Ата, 2010. С. 371.

⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Л. 68 об. (доклад Дуганова и Базилевича Ворошилову, 18 апреля 1930 г.).

⁵ Ищенко М. М., Казбеков И. С. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда: Отчет о работах почвенно-ботанического отряда. Л., 1928. С. 90. Это сближение началось в 1927 г., когда адаевцы из-за джута откочевали на юг. Ср.: ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 6. Д. 63. Л. 102 (письмо председателя губисполкома в КазЦИК, 9 ноября 1927 г.).

⁶ Алланиязов Т. Красные Каракумы: Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март–октябрь 1931 года). Алма-Ата, 2006.

Каспийского побережья вглубь на 350–500 километров, включая и Туркмению», – указывал Попков⁷. Положение «невероятно обострилось», вторила ему внутренняя докладная ОГПУ в августе 1931 г.⁸ Большевики потеряли контроль над значительной частью западно-казахской степи.

События в западном Казахстане были частью спровоцированной коллективизацией гражданской войны, которая в 1929–1931 гг. сотрясала почти всю советскую деревню⁹. В большинстве регионов очаги сопротивления имели ограниченный радиус и не представляли серьезной опасности для советского строя. Но в некоторых местах – на Кавказе, Украине, в Средней Азии – дело обстояло иначе. Там шли такие ожесточенные столкновения, что кое-где на кону стояло дальнейшее существование власти Советов¹⁰.

До сих пор эти вооруженные конфликты интерпретировались как противостояние между государством и его населением, из которого коммунисты в конечном счете (правда, с большим трудом и с применением всех имеющихся средств) вышли победителями. Тезис «государство против собственного народа» доминировал в исследовательских работах. Разногласия вызывал главным образом вопрос о роли тех, кто брался за оружие. Действительно ли «бандитов» подстрекали «антисоветские элементы», как утверждали советские авторы? Можно ли, подобно некоторым среднеазиатским историкам после

---

⁷ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 80. Л. 6.

⁸ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2546. Л. 185 (докладная Матсона Горбунову, 3 августа 1931 г.). Подробно о восстании адаевцев см.: Омаров М. Расстрелянная степь: Документальное повествование. Алма-Ата, 1994; Набиев Ж. Степная трагедия. С. 11–13.

⁹ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001. С. 45–47; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994. P. 48–79.

¹⁰ О вооруженных столкновениях в Туркмении см.: Алланиязов Т. Красные Каракумы; Поляков Ю. А. Каракумская операция 1931 года // Отечественная история. 2007. № 4. С. 164–171; Edgar A. L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004. P. 197 ff. В Киргизии: Loring B. H. Building Socialism in Kyrgyzstan. Nation-Making, Rural Development, and Social Change, 1921–1932: Ph. D. diss. Brandeis, 2008. P. 300 ff., 319–328; Idem. Rural Dynamics and Peasant Resistance in Southern Kyrgyzstan, 1929–1930 // Cahiers du Monde Russe. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 183–210. На Кавказе: Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 691 ff. На Украине: Schnell F. Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg, 2012. S. 454 ff.

1991 г., расценить эти вспышки насилия как антиколониальное восстание или «национально-освободительную борьбу»? Или речь идет о сопротивлении крестьянских и кочевых обществ натиску коллективизации, направленном на сохранение «традиционного» жизненного уклада?¹¹

Попытка свести все мотивы насильственных действий к одному-единственному затушевывает больше, чем проясняет. То же самое относится к предположению, что мишенью всех форм сколько-нибудь организованного насилия непременно служили мероприятия и представители советского государства, то есть имело место спланированное «сопротивление». Ни мотивы отдельных творцов насилия, ни его эскалацию невозможно объяснить, говоря только о «сопротивлении». Вообще государство может быть отправной точкой насильственных действий лишь там, где оно присутствует в лице своих представителей и способно навязывать свою монополию на применение силы¹². Среди кочевников подобное наблюдалось далеко не всегда и не везде. Поэтому представляется более разумным рассматривать различные уровни противостояния как фрагментированную гражданскую войну: не дихотомичный конфликт двух более или менее четко отделенных одна от другой групп, а постоянно тлеющую внутреннюю войну, в которой разные лица и группировки преследуют ограниченные цели и применяют насилие с переменной интенсивностью¹³.

Большинство «повстанцев» не думали о свержении власти большевиков, ставя себе локальные задачи. Мало кого из них интересовали абстрактные политические концепции. Кочевники и крестьяне чаще всего следовали «консервативной линии». Прежде всего они сражались за сохранение своей непосредственной среды обитания. Их заботили конкретные проблемы владения пашнями, пастбищами и стадами, они жаждали платить как можно меньше налогов и не хотели вступать в колхозы. Степняки к тому же старались уберечь

---

¹¹ О различных интерпретациях см.: Алланиязов Т. Протестные движения в Средней Азии и Казахстане 1920–1930-х годов в оценках западной, советской и национальных (Россия, Казахстан, Узбекистан) историографий: Традиции и инновации // The International Newsletter of Communist Studies Online. 2010. Vol. 16. P. 89–96.

¹² Wiewiorka M. Violence. A New Approach. London, 2009. P. 27 ff.

¹³ Kalyvas S. N. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge, 2008. О динамике насилия в гражданских войнах см.: Waldmann P. Gesellschaften im Bürgerkrieg. Zur Eigendynamik entfesselter Gewalt // Zeitschrift für Politik. 1995. Jg. 42. H. 4. S. 353 ff.

традиционные социальные порядки, все сильнее трещавшие под беспрерывным натиском коммунистов¹⁴.

Правда, не все казахи преследовали реставрационные цели. Многие в свое время приветствовали экспроприацию баев, поскольку выигрывали от передела конфискованного скота. Некоторые сумели воспользоваться возможностями, которые предоставлял советский аппарат с его вечным кадровым голодом. Но теперь множество бывлых счастливицков снова очутилось среди тех, кто в таких ситуациях образует главное ядро сопротивления, – молодых людей, чьи шансы на социальное продвижение под угрозой¹⁵. Они встали в первых рядах широкого альянса внутри казахского общества, которое, презрев социальные и поколенческие различия, солидаризировалось перед лицом фундаментальной опасности – коллективизации и реквизиций.

Столкнувшись с необходимостью проводить коллективизацию и организовывать заготовки хлеба и скота, местные советы и партийки часто демонстрировали полную несостоятельность. Там, где население бралось за оружие, слабые институты советского государства по большей части распадались. Кого-то из проводников коммунистической политики сажали под замок, кого-то убивали, кто-то сбегал; немалое число примыкало к разъяренному народу. Исчезновение коммунистов не создавало вакуума власти, требующего «заполнения»: люди организовывались по традиционным схемам. Фундаментальная угроза в виде сталинской «революции сверху» не подорвала, а усилила позиции и авторитет местных элит. Во время кризиса население объединилось вокруг них, надеясь, что лица, обладающие ресурсами, связями и весом, помогут ему спастись от надвигающейся катастрофы¹⁶.

Ожидания

Решимость, с какой крестьяне и кочевники воспротивились их политике, большевики объясняли неустанными происками «классовых врагов». Поскольку похожие формы протестного поведения стали

¹⁴ Авторы исследований по другим регионам Советского Союза приходят к похожим выводам, см.: Schnell F. Räume des Schreckens. S. 379 ff.

¹⁵ Gerlach C. Extrem gewalttätige Gesellschaften. Massengewalt im 20. Jahrhundert. München, 2010. S. 383.

¹⁶ Обращаться за помощью во времена бедствий к состоятельным и авторитетным людям было в традициях кочевого общества. См.: Абылхожин Ж. Б. Конфискация скота 20-х годов. Удар по системе жизнеобеспечения этноса // Народ не безмолвствует / под ред. М. И. Пономарева. Алмата, 1996. С. 21–22.

заметны во всех регионах СССР примерно в одно и то же время, они не сомневались, что имеют дело с хорошо организованными противниками. Врагов советской власти надлежало выявлять и уничтожать. ПП ОГПУ в Оренбургском округе С. А. Бак¹⁷ еще в мае 1929 г. писал своему начальнику, заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде¹⁸: «Сейчас, к нашему стыду, во многих районах авторитет попа и муллы куда выше, чем авторитет местной партийной ячейки и сельсовета»¹⁹. Подобные наблюдения убеждали партийцев, что они окружены врагами, с которыми следует бороться всеми средствами. Число врагов, вместо того чтобы уменьшаться в результате борьбы, постоянно увеличивалось, но это соответствовало логике системы, ставившей во главу угла перманентное обострение и эскалацию общественных процессов²⁰. Усиливающееся сопротивление в селах и аулах подтверждало и теоретические положения, и опыт прежних кризисов²¹. Когда начались столкновения, разные формы открытого сопротивления сыграли коммунистам на руку: тех, кто под растущим нажимом взял в руки оружие, можно было идентифицировать как «антисоветские элементы», подсчитать, изолировать и разгромить²².

Поскольку коммунисты исходили из того, что «социалистическое преобразование деревни» не может не вылиться в «классовую борьбу», сопротивление сельского населения их сначала не беспокоило. Скорее, их раздосадовало бы его отсутствие. В феврале 1930 г. несколько главных партийных деятелей Средней Азии собрались в Москве, чтобы оправдаться перед ЦК за невеликий прогресс в деле колхозного строительства. Когда председатель Средазбюро Зеленский докладывал о положении в Узбекистане, между ним, Сталиным и Молотовым завязался диалог, который ясно показал,

---

¹⁷ Биографию С. А. Бака (1902–1940) см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / под ред. Н. Петрова. М., 1999. С. 98.

¹⁸ Биографию Г. Г. Ягоды (1891–1938) см.: Там же. С. 459.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 904. Л. 1–2 об. (Бак – Ягоде, 27 мая 1929 г.).

²⁰ Дж. А. Гетти заблуждается, полагая, что большевики «боялись собственной тени» (Getty J. A. *Afraid of Their Shadows. The Bolshevik Recourse to Terror, 1932–1938 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung* / hg. M. Hildermeier. München, 1998. P. 169–191). Я уже говорил об этом в другом месте: Kindler R. «New York in der Steppe». *Die Sesshaftmachung der kasachischen Nomaden // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*. 2012. S. 48.

²¹ Stalin J. W. *Zur Frage der Politik der Liquidierung des Kulakentums als Klasse // Werke*. Bd. 12: April 1929 – Juni 1930. Berlin, 1954. S. 161.

²² См.: Viola L. *Peasant Rebels under Stalin*. P. 38 ff.

каких результатов ждало от кампании коллективизации московское руководство:

«СТАЛИН: Столкновения мужиков на базе проводимой коллективизации не было?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Нет. Столкновения какого порядка? Кое-где поспорят друг с другом – это бывает, но политического характера столкновений не было.

СТАЛИН: А вот так: одни соберутся, говорят – не хотим, а другие говорят – хотим, а потом стрельба маленькая, так бывает?

МОЛОТОВ: У вас нет ни одной банды на почве коллективизации и раскулачивания?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Пока нет.

МОЛОТОВ: Может быть, у вас нет последних сведений?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Конечно, последних сведений у меня нет, но все же банд у нас на этой почве нет.

ГОЛОС: Нет, но будет.

ЗЕЛЕНСКИЙ: Немножко, конечно, будет»²³.

Чуть попозже Молотову уже не было бы нужды задавать такие вопросы. Всю Среднюю Азию сотрясла волна насилия. Восстания озлобленных крестьян и кочевников вспыхивали в каждой республике. Функционерам, желающим остаться в милости у Сталина, теперь следовало первым делом отчитываться о достижениях в «борьбе с бандитизмом». Наличие во многих регионах десятков тысяч противников не обязательно шло коммунистам во вред – уничтожая этих «врагов», они доказывали свою бдительность и активность. В известном смысле подобная практика предвосхищала попытки региональных руководителей обезопасить себя во время массовых репрессий 1937–1938 гг.: чем больше врагов они выявляли, тем лучше могли продемонстрировать верность и преданность. Голощекин не хуже других знал, чего ждут от него в Москве, и без усталости рапортовал об успешных действиях казахского ОГПУ против «бандитов»²⁴.

Большинство восстаний начиналось в тот момент, когда население аула или района прямо сталкивалось с посланцами из центра и осознавало, что значит для него выполнение их распоряжений. Кочевники и крестьяне чувствовали непосредственную угрозу для себя, и вскоре из отдельных, обусловленных конкретными обстоятельствами на-

---

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 15. Л. 18–19 (стенограмма совещания представителей национальных республик и областей при ЦК ВКП(б) по вопросу коллективизации, 11 февраля 1930 г.).

²⁴ Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. С. 238.

сильственных актов развивались массовые движения под предводительством влиятельных старейшин. Когда жители Казалинского района в начале сентября 1930 г. увидели, что районный план хлебозаготовок невыполним, поскольку на 90 тыс. пудов превышает реальный урожай, бай Кулумбетов организовал 400 чел., которые открыли в аулах охоту на уполномоченных и большевистских функционеров. С вооружением у них дела обстояли плохо: они имели в своем распоряжении всего около 50 охотничьих ружей и 2 револьвера, а в остальном приходилось довольствоваться самодельным холодным оружием. Тем не менее количество бойцов быстро увеличилось до 1 000 чел. Встревоженные коммунисты создали в Казалинске штаб, который, явно стараясь выиграть время, предложил мятежникам переговоры о капитуляции. Но требования большевиков сдать оружие и выдать зачинщиков кочевники сочли неприемлемыми²⁵. Части Красной армии сумели разгромить повстанцев за несколько дней; в докладе о подавлении восстания говорилось: «Разбежавшиеся по камышам джигиты возвращаются в свои аулы. Жизнь в этом районе принимает нормальный порядок»²⁶. Среди пленных бойцов оказался один русский (очевидно, крестьянин). На допросе он заявил, что в восстании виновато не население, а те, кто проводит хлебозаготовки²⁷.

Примерно так же разворачивались события в Аккульском районе, где восстание началось в апреле 1930 г. с избиения уполномоченного по хлебозаготовкам разъяренной толпой в одном из аулов. Эта новость разнеслась быстро, и чуть позже больше тысячи человек, в том числе триста вооруженных всевозможным «примитивным оружием», напали на Аккуль, полностью разрушив поселок. Местное партийное руководство к тому моменту уже обратилось в бегство, так что на пути у толпы никто не встал. Предводители кочевников раздали конфискованный хлеб и объявили восстание завершённым. Для поддержания порядка они выбрали комитет из пяти человек. Весть о «победе» облетела аулы. Но такое положение длилось недолго. Согласно сводке ОГПУ, с приходом красноармейской части советская власть была восстановлена²⁸.

Разгром райцентра в припадке необузданной ярости, бегство коммунистов и возвращение отобранного имущества явно полностью

---

²⁵ РГВА. Ф. 26895. Оп. 1. Д. 711. Л. 169–171 (телеграмма Курмангалиева в штаб РККА в Москве, ранее 2 сентября 1930 г.).

²⁶ Там же. Л. 229 (спецсообщение о положении в Казахстане, после 12 сентября 1930 г.).

²⁷ Там же.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 163–164 об. (сообщение Даниловского в ОГПУ в Москве, 25 апреля 1930 г.).

удовлетворили аккульских кочевников. Такие стихийные вспышки насилия, локальные и преследующие ограниченные цели, по большей части характерны для сопротивления коллективизации в Казахстане. Как только путь мятежникам преграждала превосходящая сила, они отступали в свои аулы. Их интересы не выходили за пределы непосредственного окружения и повседневных забот. Правда, никто не мог дать гарантию, что они не возьмутся за оружие снова по аналогичному поводу или не скооперируются с другими повстанцами, и данное обстоятельство, с точки зрения большевиков, представляло серьезную опасность. Поэтому сотрудники ОГПУ неумолимо выискивали подстрекателей и организаторов подобных беспорядков. А поскольку чекисты всегда боялись проглядеть врага, то предпочитали перегнуть палку²⁹.

Вечная обеспокоенность тем, как поступит другая сторона, в известной мере роднила кочевников и коммунистов. При определенных условиях беспокойство или страх не заставляет людей фаталистически ждать, что будет (с ними), а ведет к эскалации насилия. Не зная намерений противника, люди пытаются обеспечить себе безопасность собственными действиями. Как показал Юрг Хельблинг, группы часто прибегают к насилию потому, что считают слишком рискованным дожидаться акций противника³⁰. Мир, сказал однажды Петер Вальдманн, «рождается в результате осознанного и желаемого сторонами консенсуса», тогда как насилие в основном воспроизводит себя само³¹. Возможно, еще и поэтому восстание показалось целесообразным казахам Казалинского района. В их положении – перед лицом абсурдно высоких норм хлебосдачи и беспощадности коммунистов – выжидание и переговоры помочь уже не могли.

Вспышками насилия казахи показывали, что они – не пассивные объекты устроенной государством экспроприации. Говоря словами социолога Дирка Беккера: «Тот, кто решается на насилие, остается в игре и заставляет считаться с собой при следующих ходах»³². Вместе с тем здесь, видимо, проявляли себя специфические стороны кре-

²⁹ О логике действий ОГПУ см.: Hagenloh P. Stalin's Police. Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Washington, D. C., 2009. P. 48 ff.

³⁰ Helbling J. Etwas Kritik und noch eine Theorie des Krieges // Zeitschrift für Ethnologie. 1996. Jg. 121. S. 55–67.

³¹ Waldmann P. Zur Asymmetrie von Gewaltdynamik und Friedensdynamik am Beispiel von Bürgerkriegen und bürgerkriegsähnlichen Konflikten // Gewalt. Entwicklungen, Strukturen, Analyseprobleme / hg. W. Heitmeyer, H.-G. Soeffner. Frankfurt a. M., 2004. S. 256 f.

³² Baecker D. Form und Formen der Kommunikation. Frankfurt a. M., 2005. S. 171 f.

стьянской морали, которая, по наблюдениям Вальтера Шперлинга, не чуралась «дозированного» насилия, причем не обязательно направленного против государственной или иной власти³³. Но если, например, в русской деревне XIX в. и крестьяне, и представители государственной власти мирились (по большей части) с насилием, которое не выходило из-под контроля и не преступало определенных границ, то большевики гораздо жестче реагировали на любые признаки строптивости кочевников.

Более или менее стихийные взрывы «народного гнева» представляли досадную, но довольно легко решаемую проблему. Куда больше неприятностей доставили чекистам несколько хорошо организованных восстаний. Во всех районах Казахстана исламское духовенство, влиятельные клановые старейшины и сторонники эмигрировавших ветеранов антисоветского сопротивления призывали к «священной войне» против большевиков. Требовали они одного и то же: прогнать коммунистов, создать ханства, ввести в действие шариат, распустить колхозы, вернуть конфискованное имущество и скот законным владельцам. И обещания их звучали похоже: дескать, помощь из-за границы вот-вот придет, власти большевиков скоро настанет конец, восстания уже начались по всему Советскому Союзу.

Подобные заявления, которые не поддавались проверке, но слушателям могли казаться правдоподобными, входили в стандартный репертуар тех, кто агитировал за сопротивление³⁴. Но не только проводители мятежа распространяли такого рода спекуляции. В этом принимал участие чуть ли не каждый. Масса слухов и вестей, которые опровергали друг друга не реже, чем подкрепляли, отражала растерянность населения в ситуации коренного перелома, вызванного коллективизацией³⁵. Слухи особенно процветают в «обществах, охваченных страхом», там, где люди не уверены ни в собственном положении, ни в собственном будущем³⁶. Часто эти ненадежные сведения представляли собой вообще единственную доступную информацию, причем во многих местах не только для кочевников, но и для комму-

---

³³ Sperling W. Der Aufbruch der Provinz. Die Eisenbahn und die Neuordnung der Räume im Zarenreich. Frankfurt a. M., 2011. S. 351 ff.

³⁴ Например, в Киргизии: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2136. Л. 211 (беседа ПП ОГПУ в Ташкенте с Киротделом ОГПУ, Фрунзе, 13 апреля 1930 г.).

³⁵ Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 45 ff.

³⁶ Riekenberg M. Zur Anthropologie des Krieges in Lateinamerika im 19. Jahrhundert // Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / hg. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn, 1997. S. 213.

нистов, поскольку коммуникационные системы советского государства, и так находившиеся в плачевном состоянии, во время беспорядков полностью выходили из строя³⁷.

На севере Каракалпакии³⁸ организаторы сопротивления в конце лета 1929 г. отправились по аулам, информируя клановых старейшин о своих планах. Они утверждали, что оружия у них достаточно и число их сторонников постоянно растет. А главное, они поддерживают связь с Джунаид-ханом, скрывающимся в Афганистане, и заручились его поддержкой³⁹. Ссылка на Джунаид-хана, известного и влиятельного противника большевиков, который прославился как предводитель басмачей в Средней Азии⁴⁰, вероятно, убеждала местные элиты в Каракалпакии, что дело повстанцев не обречено на проигрыш с самого начала и его стоит поддержать⁴¹.

Склонив на свою сторону местных заправил, зачинщики восстания приступили к делу. 27 сентября 1929 г. группа из тридцати с лишним вооруженных конников прискакала в Тахтакупыр – административный центр района на северо-западе Каракалпакской АО. На базаре они призвали население вместе с ними разгромить поселок и уничтожить русских. Больше сотни человек, вооружившись кольями, присоединились к ним. Бунтовщики врвались в здания советских организаций, разнося там все в пух и прах. Они срывали со стен портреты советских руководителей, расстреливали их и глумились над ними. Портреты Маркса и Ленина были выкинута на улицу и

³⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 464. Л. 4 (телеграмма Голощекину, 9 марта 1930 г.).

³⁸ Каракалпакская автономная область с 1924 по июль 1930 г. входила в состав КАССР, затем – РСФСР. С 1932 г. она получила статус автономной республики, сначала в составе РСФСР, а в 1936–1991 гг. – Узбекской ССР.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 40. Об этих эмиссарах см.: Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алма-Ата, 1999. С. 57.

⁴⁰ С 1918 по 1920 г. Джунаид-хан (наст. имя Мухаммед-Курбан Сердар, 1857–1938) правил в Хиве, свергнув последнего хана. См.: Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии: Военно-исторический очерк. Ташкент, 1928. С. 62–68; Keller S. The Central Asian Bureau. An Essential Tool in Governing Soviet Turkestan // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22. No. 2–3. P. 285 f., 292. В 1920-е гг. он организовал сопротивление против большевиков. О борьбе с его вооруженной группировкой в 1927 г. см.: Борисов А. Б. Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 году. М., 1932. С. 24–26, 59–61.

⁴¹ Связи с Джунаид-ханом заинтересовали и ОГПУ, см.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 23. Л. 2–13. Оpubл.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Документы и материалы: В 4 т. М., 1998–2005. Т. 3. Кн. 1. С. 150.

растоптаны конями⁴². За насилием над вещами и символами советской власти последовали нападения на европейцев и всех, кого подозревали в сотрудничестве с коммунистами. Несколько функционеров и служащих советских учреждений, как русских, так и представителей коренного населения, избили и убили. Палачи действовали по наводке жителей поселка, указывавших на потенциальные жертвы. Особенно зверски они обошлись с аульными корреспондентами местной газеты, которым перед казнью отрубали правую руку и вырывали язык⁴³. Татарин Ланшаков чудом избежал смерти. Хотя он наглядно продемонстрировал распаленной толпе, что обрезан и, следовательно, является мусульманином, на него все равно накинулись и избили до потери сознания, потому что кто-то крикнул, что он русский. Русских женщин и девушек истязали и насильовали⁴⁴.

ОГПУ заранее знало о планах повстанцев и стянуло на этот случай в Тахтакупыр вооруженных людей, но их выманили из поселка ложной информацией, будто мятежники собрались в окрестностях⁴⁵. Только через полтора часа после начала бунта отряд явился в поселок, подавил беспорядки и арестовал зачинщиков⁴⁶.

В последующие месяцы несколько функционеров лишились постов и предстали перед судом. Расследование проводили и казахское партийное руководство, и ОГПУ. Вдобавок московский ЦК прислал комиссию во главе с А. П. Гричмановым, чтобы составить собственное представление о тахтакупырских событиях и их причинах⁴⁷. В январе 1930 г. Гричманов доложил на заседании крайкома о результатах своей работы. Его вердикт был столь же предсказуемым, сколь уничтожающим. «Классовый враг», заявил он, воспользовался «перегибами» и «ошибками» в ходе заготовок и раскулачивания. Аппарат «загрязнен» и нуждается в срочной чистке. ОГПУ приняло совершенно недостаточные меры, чтобы предотвратить нападение, хотя множество сведений указывало на обострение положения. Директивы крайкома не соответствовали обстановке в Каракалпакии, а коммунисты

⁴² Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 64.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 62. Он. 2. Д. 2203. Л. 38–40.

⁴⁴ АЖКРК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 66. Л. 83–85 об. Опул.: Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 155–157.

⁴⁵ Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 61.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 39 (оперативная сводка о бандах для Зеленского, 23 января 1930 г.). О расследовании этого дела и санкциях см.: Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 гг.). Алма-Ата, 2009. С. 274.

⁴⁷ Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 96–98.

области ограничивались тем, что «механически» копировали указания центральных органов⁴⁸.

Партийная и чекистская верхушка Казахстана соединенными силами попыталась отразить атаку Гричманова. Чекист Альшанский категорически отменил адресованное его организации обвинение в халатности. Совсем напротив: она не только заблаговременно выяснила планы заговорщиков, но и некоторых арестовала. События 27 сентября – это попытка остальной части «контрреволюционной организации» реализовать программу действий, которую наметила задержанная ОГПУ центральная группа. Поэтому в Тахтакупыре произошло не восстание, а просто беспорядки. К тому же мятежники входят в антисоветскую сеть, которая охватывает всю Среднюю Азию и управляется из-за рубежа, главным образом из Афганистана⁴⁹.

Голощекин, отвечая на упрек по поводу игнорирования казахским руководством проблем автономной области, заверил, что Каракалпакии уделяется все больше внимания. Некоторые ошибки он в своем выступлении признал, но в главном был непреклонен: не может быть и речи о том, будто во время хлебозаготовок допущены какие-либо перегибы. «Наоборот, в области заготовок хлеба можно говорить о недогибах... Надо было там пройти самой жесткой усиленной заготовкой хлеба у байской зажиточной верхушки», – настаивал секретарь крайкома. «Этого они не сделали», – добавил он, имея в виду каракалпакских коммунистов. Сама мысль о смягчении репрессий казалась Голощекину нелепой («Это же, товарищи, чепуха!»). В условиях Каракалпакии, по его мнению, «нужно было и нужно значительно больше и крепчайшим образом ударить по баю-полуфеодалу»⁵⁰.

Своей неуступчивостью Голощекин сигнализировал как казахским, так и московским товарищам, что не намерен сворачивать с избранного курса на массовые репрессии. В январе 1930 г. партийный руководитель Казахстана был твердо убежден, что непреклонная суровость поможет преодолеть любые проблемы⁵¹. И полагал, что все необходимые материальные и кадровые ресурсы у него для этого есть. Альшанский и Голощекин на упомянутом заседании в очередной раз недвусмысленно дали понять, как надо справляться с «непокорностью»: устранять не причины сопротивления, а его инициаторов.

⁴⁸ АЖКРК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 753. Л. 1–46. Публ.: Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 186–190.

⁴⁹ Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 196–200.

⁵⁰ Там же. С. 207.

⁵¹ Этому убеждению Голощекин оставался верен до конца, см.: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. С. 249.

Военные действия

Восстания не прекращались. В начале 1930 г. некий Асадулла Ибрагим⁵² объявил, что идет «священная война» и люди везде поднимаются против большевиков. В своей борьбе они не одиноки, это лишь часть широкого движения, уверял он слушателей: «Советской власти повсеместно приходит конец. По всей стране идут восстания. К нам на помощь придут войска из Афганистана. Советская власть пала не только в Средней Азии, но даже рядом, в Туркестане и Чимкенте»⁵³. В аулах вокруг Сузака его призывы падали на благодатную почву. В районе формировались повстанческие отряды под командованием Султанбека Шолакова⁵⁴. Как выяснило позже ОГПУ, Шолаков и его последователи тщательно спланировали свою операцию. Они воспользовались тем, что советские учреждения в районе существовали чисто формально, большинство из немногочисленных местных коммунистов смотрели на подготовку к восстанию сквозь пальцы, а вся районная милиция состояла из заговорщиков⁵⁵. Поэтому, вынуждены были с досадой констатировать чекисты, среди местных товарищей не нашлось никого, кто активно противодействовал бы мятежникам или, по крайней мере, уведомил о них компетентные органы. Более того, когда восстание вспыхнуло, партийная организация оказалась «полностью деморализована». Коммунисты-казахи, державшиеся раньше в стороне, теперь переходили к мятежникам, которые, со своей стороны, гарантировали им безопасность⁵⁶.

Ранним утром 7 февраля 1930 г. больше 400 повстанцев прискакали верхом в Сузак. Там они соединились с членами своей группировки, которые уже несколько дней пробирались в село, вербуя там

---

⁵² Этот Асадулла Ибрагим (ок. 1880–1930), видимо, был персом, который во время гражданской войны через Баку добрался до Ташкента, а с 1920 г. жил в Сузакском районе. См.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. 1931–1933 гг.: Сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1998. С. 62–63, примеч.

⁵³ Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: Время и судьбы / под ред. Г. Анеса. Алма-Ата, 1998. С. 70.

⁵⁴ С. Шолаков (ок. 1880–1930) до революции занимал пост общинного старосты. См.: Архив КНБ РК. Ф. 189. Оп. 2. Д. 39. Л. 358–358 об. Опубли.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 63, примеч.

⁵⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 141–143. Опубли.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 69–70.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 65 (доклад о ликвидации восстания в Сузакском районе, 2 марта 1930 г.).

союзников. Все мужское население Сузака, как говорилось позже в одном из докладов, раздобыв «примитивное оружие», вступило в «банду»⁵⁷. Первым делом толпа освободила нескольких арестованных, затем бунтовщики ворвались в здания государственных и партийных органов, разгромили их, сожгли все документы. По меньшей мере 24 чел. – в основном коммунисты – были «зверски замучены до смерти»⁵⁸.

В отличие от похожих предприятий, когда бойцы быстро покидали захваченные населенные пункты, повстанцы попытались закрепиться в Сузаке. Шолаков, объявленный «ханом», собрал вокруг себя совет из двадцати человек, которому предстояло вершить судьбу общины. Самыми злободневными задачами являлись набор новых войск и производство оружия и боеприпасов, чтобы подготовиться к ожидаемой атаке красных отрядов. У повстанцев имелись не только подробные мобилизационные планы, но и мастерская по изготовлению винтовок и патронов. В то же время они разослали людей по близлежащим аулам – добывать оружие и склонять население к сотрудничеству.

Султанбек Шолаков начал свое недолгое правление с ряда публичных демонстраций, призванных показать, что власти коммунистов и европейцев настал конец. Над 15 партийными работниками и служащими советских учреждений устроили показательный суд. Тех, кто не соблюдал заветы шариата или одевался «по-европейски», прилюдно высекли⁵⁹. Известных коммунистов заставили пройти по селу с белыми флагами, у всех на глазах читая молитвы. Похожие сцены разыгрывались и в нескольких аулах под Сузаком⁶⁰. Белый цвет имел в этой связи особое значение. С одной стороны, он символизировал оппозицию повстанцев «красным». С другой стороны, в культурах Средней Азии, и особенно у кочевников, он считался цветом власти и элиты⁶¹. Таким образом, вынужденное шествие коммунистов под белыми флагами перед местными жителями наглядно подтверждало поражение красных и их символическое подчинение власти хана.

---

⁵⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2968. Л. 141–143. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 69–70.

⁵⁸ Архив КНБ РК. Ф. 189. Оп. 2. Д. 39. Л. 358–358 об. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 62.

⁵⁹ Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления. С. 70.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 56 об. (докладная Каруцкого Шубрикову, 14 февраля 1930 г.).

⁶¹ Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010. S. 74 f.

Новый правитель Сузака был набожным мусульманином, во всех своих действиях руководствовался нормами шариата, а обращения к населению облекал в религиозную форму. «Теперь же наступила пора защищать религию, – гласило, например, одно из распространявшихся им воззваний. – Каждый из вас или же агитацией, или же достоянием-скотом, или же собственной силой должны помочь в деле уничтожения и превращения существующей бедноты в светлое солнце; ибо в этом залог нашего благополучия в двух мирах, и бог в этом поможет»⁶².

Чекисты отмечали, что жители Сузака явно ничего не имели против Шолакова и его людей, наоборот: бойцов радушно встречали и снабжали всем необходимым. Видимо, объясняли коммунисты позже, тут сыграли свою роль националистические и религиозные лозунги, а также «провокационные слухи» о возникновении ханств в других регионах⁶³. В окрестных аулах, подконтрольных повстанцам, им могла добавить популярности раздача населению конфискованного скота и хлеба.

Через девять дней, 14 февраля 1930 г., правление Шолакова закончилось кровавой баней. Из Ташкента к Сузаку перебросили курсантов военного училища, которые взяли село за несколько часов. Более 300 повстанцев, включая «хана» и его ближайших соратников, погибли, еще столько же попало в тюрьму⁶⁴. У атакующих насчитывалось всего трое раненых. По мнению политотдела Среднеазиатского военного округа (САВО), который составил итоговый доклад о событиях, «быстрота и решительность действий отряда произвела огромное впечатление среди населения». «Население, – уточняли авторы доклада, – спряталось по кибиткам и не показывалось. Каждая кибитка была украшена красными флагами. После, уже несколько освоившись, население, вплоть до стариков, ходило с красными повязками и кричали: “Бога нет, я комсомол”... Характерно отметить, что точно так же кричали и группа бандитов, не выдержавшие натиска»⁶⁵. Чтобы снова взять ситуацию под контроль, сразу после низвержения Шолакова из «остатков партиячейки», бойцов добровольческого от-

---

⁶² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 67.

⁶³ Там же. Л. 64.

⁶⁴ РГВА. Ф. 8296. Оп. 1. Д. 35. Л. 49 (оперативное донесение 84-го кавалерийского отряда о событиях в Сузаке, б. д.).

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 65. См. также: Сахаров В., Земсков Е., Сердюк К. Ташкентское Краснознаменное: Очерки истории Ташкентского высшего общевоинского командного краснознаменного ордена Красной Звезды училища имени В. И. Ленина. Ташкент, 1988.

ряда и работников райисполкома был создан «революционный комитет» для управления делами района на первое время. Восстания в Сузаке и других регионах, в частности в западном Казахстане, обеспокоили партийцев. «Советизация аула», совершенно очевидно, потерпела полный провал. Но кроме призыва активистов на местах к революционной бдительности большевики мало что могли предложить для привлечения населения, особенно в кочевых районах, на свою сторону⁶⁶.

Повстанцы, занимавшие крупные поселки и города, не представляли для красноармейцев серьезной проблемы. Иначе обстояло дело в степи, где кочевники благодаря своей мобильности и знанию местности являлись крайне опасными противниками. Они могли в любую минуту рассыпаться на мельчайшие группы, которые трудно было преследовать и задержать. Чем больше казахов примыкало к таким свободным формированиям, тем сильнее нервничали коммунисты. Весной 1930 г. восстания приняли угрожающие масштабы, и коммунистические руководители в Алма-Ате перед лицом нескончаемых налетов «бандитов» и постоянно вспыхивающих заново конфликтов стали искать помощи. Они то и дело просили у САВО⁶⁷ и даже лично у Сталина для борьбы с кочевниками больше войск, автоматическое оружие, а главное – самолеты. Чтобы справиться с набирающим обороты повстанческим движением, указывали они, нужны хорошо обученные солдаты и превосходство в военной технике. Без пулеметов, с которыми один человек способен остановить большую толпу, и самолетов, позволяющих отслеживать перемещения в степи, подавить восстания будет невозможно⁶⁸.

Голощекин лично обивал пороги в Москве, чтобы мобилизовать дополнительные силы⁶⁹. Прежнюю практику применения против повстанцев добровольческих отрядов пришлось признать неудачной. Противник довольно легко уничтожал их ввиду недостаточной боевой подготовки добровольцев. К тому же коммунисты из этих так называемых комотрядов нередко при первой же возможности капитулировали перед «бандитами» и переходили к ним вместе со своим

⁶⁶ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2922. Л. 1–4 (письмо Казкрайкома всем райкомам кочевых и полукочевых районов, [1930]).

⁶⁷ РГАСНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 117 (письмо Миронова командующему САВО Дыбенко и Шубрикову, 11 апреля 1930 г.).

⁶⁸ Попов Ю. Как проходила коллективизация и борьба с ней в казахстанской Сары-Арке (история). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265753520> (20.03.2013).

⁶⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2966. Л. 9 (письмо Голощекина в Казкрайком, [1930]).

оружием. Таким путем, например, мятежникам Кзыл-Ординского округа достался пулемет. В этой связи казахское партийное руководство предупреждало Сталина, что в ближайшем будущем ситуация вряд ли изменится, если не принять меры: «Крайком ставит ЦК в известность, что борьба с бандитизмом затрудняется отсутствием в Казахстане регулярных частей РККА. Обещанная организация дивизионов ОГПУ в Сырдарьинском, Актюбинском и Кустанайском округах до сего времени не осуществлена... Просим ускорить формирование частей на территории Казахстана»⁷⁰.

Такие просьбы имели под собой основания. Упомянутый выше Попков не оставлял сомнений в драматичности положения летом 1931 г.: «Есть случаи, когда целые наши отряды оказывались уничтожены (Туркмения, Жилая Коса)... Вывод отсюда таков, что для укрепления нашей мощи нужна сила, даже ввод частей Красной армии и до присылки партийных сил, и это делать нужно возможно скорей, а иначе будет поздно»⁷¹. Однако поставке оружия и выделению войск очень мешали конфликт полномочий и отсутствие инфраструктуры⁷². Кроме того, снабжение красноармейских частей зачастую оставляло желать лучшего. Бойцам приходилось обеспечивать себя верховыми животными и провизией за счет местного населения, которое было этим «недовольно», как эвфемистически выразился один партсекретарь из Кармакчинского района в письме Голошкеину, не забыв добавить, что борьбу с «бандитами» сложно будет вести без дополнительной финансовой и материальной помощи⁷³.

Особой помехой для эффективных действий против кочевников служило отсутствие надежной связи. Поскольку бои часто шли на территории, не уступающей размерами какому-нибудь европейскому государству средней величины, армейским частям нужно было контактировать, обмениваясь информацией о собственном положении и о позициях противника. Однако, жаловались военные, оперативного контакта между отдельными частями нет и быть не может, поскольку оснащение войск полевыми рациями не предусмотрено. Поэтому невозможно отдавать приказы частям, действующим небольшими группами в пустынях и степях. Здесь необходимы рации, которых не имеется, и самолеты, которых не дают, несмотря на неоднократные

---

⁷⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 464. Л. 115 (телеграмма Рошаля Сталину, 18 марта 1930 г.).

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 80. Л. 6.

⁷² АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 464. Л. 5 (письмо Джусупова Голошкеину, 7 октября 1930 г.).

⁷³ Там же. Л. 4.

просьбы⁷⁴. Когда самолеты все-таки применялись, возникали другие проблемы. Если на земле не всегда удавалось понять, кому принадлежат те или иные конные группировки, то с воздуха тем более. Офицеры, стараясь помочь летчикам опознать своих, придумывали разные знаки, которые следовало подавать с помощью платков и шинелей⁷⁵.

Против повстанцев выставляли сравнительно небольшие контингенты войск. Так, в распоряжении начальника особого отдела ПП ОГПУ в Казахстане Белоногова, которому поручили подавить сопротивление в западном Казахстане, находилось всего около 400 чел., сотрудников ОГПУ и добровольцев⁷⁶. Поскольку им противостояли тысячи казахов, Белоногов затребовал подкрепление из Казахского национального кавалерийского дивизиона. Помимо того что это соединение представляло собой одно из немногих формирований Красной армии, дислоцированных в Казахстане, его бойцы нужны были Белоногову и по другой причине: в дивизионе служили в основном казахи. Участие в борьбе с повстанцами слишком большого количества «славян», опасался чекист, вызовет у местных жителей отрицательную реакцию и будет подталкивать их к отпору⁷⁷. Тем не менее в Казахстан постоянно перебрасывали части из других советских республик. ОГПУ в том числе командировало туда войска из Азербайджана и со Средней Волги, сражавшиеся с казахами с переменным успехом⁷⁸. Особая роль выпала курсантам из Ташкента, которых задействовали по всей Средней Азии, например в Сузаке⁷⁹.

В степных условиях выдержать вооруженные конфликты могли только группы, располагавшие постоянной возможностью раздобыть воду. Беспрепятственный доступ к водным источникам имел важнейшее значение прежде всего потому, что «повстанцы» часто представляли собой большие объединения кочевников, пустившихся в бега вместе с семьями и стадами. Без воды эти медленно кочующие группы были обречены на гибель. Потому самые ожесточенные сражения происходили у источников и колодцев. Повстанцы здесь окапыва-

---

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Л. 71.

⁷⁵ РГВА. Ф. 8296. Оп. 1. Д. 35. Л. 33 (Опознавательные знаки для самолетов, б. д.).

⁷⁶ Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма. С. 350.

⁷⁷ Там же. С. 351.

⁷⁸ Там же. С. 340–341.

⁷⁹ Алланиязов Т. Красные Каракумы. С. 133–135; Сахаров В., Земсков Е., Сердюк К. Ташкентское Краснознаменное. Гл. 2.

лись, пытаясь отстоять жизненно необходимые им ресурсы⁸⁰. Войска Красной армии и ОГПУ, пользуясь этим обстоятельством, специально проводили операции возле колодцев и оазисов, чтобы втянуть повстанцев в бой и заставить сдаться⁸¹.

У кочевников было мало огнестрельного оружия. Большинство своих винтовок-трехлинеек и револьверов они обычно отбирали у милиционеров или захватывали в мелких стычках. Помимо того, в ход шли охотничьи ружья и устаревшие модели времен Первой мировой или гражданской войны⁸². Чтобы драгоценные винтовки и ружья применялись как можно эффективнее, лучшее оружие доверяли лучшим стрелкам. Основная масса воевала пиками, копьями, топорами и саблями⁸³. Перед боем люди разбивались на сотни, которые, в свою очередь, состояли из более мелких отрядов под командованием опытных бойцов. Как только кто-то получал хотя бы пустячное ранение, остальные забирали у него оружие и патроны, чтобы те не попали в руки врагу. Кочевники старались не вступать в сражения, ограничиваясь налетами и засадами. Если избежать столкновения не удавалось, они окружали противника, делая ставку на численное превосходство. Банды, докладывая военные, начали действовать совместно, большими массами. Они совершенно правильно оценили психологическое воздействие массы на маленькие красноармейские отряды и вдобавок используют к своей выгоде стадное чувство толпы, которая инстинктивно подчиняется отдельным предводителям и заражается их личным примером⁸⁴. Впрочем, кочевники не только давили коммунистов массой: прекрасное знание местности давало им еще одно преимущество, позволяя совершать и более сложные военные маневры. Да и лошади у них были лучше, чем у большевиков. «Бандитские отряды именуют себя белой армией, хорошо вооружены, имеют командиров и ведут бой по всем правилам военного искусства, т. е. роют окопы, устраивают в горах засады. Наши же отряды по сравнению с ними ничтожны по численности и плохо к тому же знакомы с местностью, где безводная пустыня часто пугает смертью кроме боя», – писал Попков⁸⁵.

---

⁸⁰ Омаров М. Расстрелянная степь. С. 37.

⁸¹ Алланиязов Т. Красные Каракумы. С. 158–160.

⁸² Попов В. Походы далеких дней // Чекисты Казахстана / под ред. Н. И. Милованова, А. Ф. Минаичева. Алма-Ата, 1971. С. 40.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 124 (доклад ОГПУ с Аральского моря, после 14 апреля 1930 г.).

⁸⁴ Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Л. 69 об.

⁸⁵ Там же. Ф. 613. Оп. 3. Д. 80. Л. 6 (письмо Попкова Ярославскому, ранее 7 августа 1931 г.).

Увлеченные запущенной ими самими динамикой, коммунисты не замечали, как помогают раскручивать спираль эскалации. Насилие приобрело такие масштабы, что большевистская власть во многих местах зашаталась. В условиях продолжающихся годами волнений, в которых активно участвовали десятки, если не сотни тысяч человек⁸⁶, и вооруженных конфликтов, превращавших порой целые регионы в театр военных действий⁸⁷, коммунисты, по крайней мере временами, были вынуждены уходить в оборону⁸⁸.

Беспредел

«Ожесточение с обеих сторон дошло до предела», – говорилось в одном докладе о положении в степи весной 1930 г. Повстанцы дрались с мужеством отчаяния, а среди солдат ходили слухи о безмерной жестокости казахов: дескать, раненых они в плен не берут, всех пленных убивают, и в первую очередь «туземцев», над трупами земляков глумятся, отрезая им носы и половые органы и вспарывая животы, а во время последних боев сожгли на костре догола раздетые тела убитых и вместе с ними двух тяжело раненных⁸⁹. Сражались повстанцы яростно, многие не желали складывать оружие, даже когда битва уже была проиграна, и это, наряду с плохим вооружением, одна из причин их непропорционально больших потерь. Так, красноармейцы, достигшие 24 июня 1931 г. в местности Усть-Урт «банду» из 500 чел., 75 из них убили и больше 30 взяли в плен. Сами они при этом потеряли, как указано в донесении, трех человек – двух солдат и начальника Гурьевского горотдела ОГПУ Фетисова⁹⁰.

Превращению насилия со всех сторон в беспредел способствовали события наподобие тех, что разыгрались в Шетском районе. Здесь чекисты в назидание населению публично казнили пленных повстан-

---

⁸⁶ Чаще всего называемая цифра – ок. 80 тыс. чел. – скорее всего, консервативная оценка. См., напр.: Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления коллективизации и политические репрессии в Казахстане // Народ не безмолвствует / под ред. М. И. Пономарева. Алма-Ата, 1996. С. 13.

⁸⁷ Т. Алланиязов в целом насчитывает в Казахстане 397 «массовых крестьянских восстаний» и 25 «вооруженных восстаний». Большинство приходится на 1930 г. См.: Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма. С. 175. О спорах по поводу цифр: Там же. С. 162–164.

⁸⁸ Edgar A. L. Tribal Nation. P. 197.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Л. 70 об.

⁹⁰ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2546. Л. 127 (донесение Киндерли, 29 июня 1931 г.). Смерть Фетисова даже десятилетия спустя приводилась в доказательство жестокости повстанцев. См.: Попов В. Походы далеких дней. С. 42.

цев. Несколько сотрудников ОГПУ в апреле 1931 г. отправились по аулам, где расстреливали как беглых заключенных из Карлага, так и лидеров восстания, которое сотрясало район в марте⁹¹. Правда, даже по меркам ОГПУ эти люди хватили через край. Виновные были арестованы и вынуждены отвечать за свои дела перед бывшими коллегами⁹². В других местах агенты спецслужб пробовали совершать покушения на видных повстанцев. Подобную операцию удачно провело ОГПУ в Каракалпакии, сумевшее внедрить двух сотрудников в группировку некоего Клычбая. В ноябре 1929 г. товарищ Мархабай Уразымбетов и еще один чекист получили задание завоевать доверие Клычбая, добиться, чтобы их приняли в его группировку, и, наконец, убить его. План чуть не провалился в самом начале. Когда оба агента пожелали вступить в банду, Клычбай вдруг засомневался и хотел отдать их другому влиятельному мятежнику⁹³. Чтобы сделать легенду агентов убедительнее, ОГПУ арестовало нескольких родственников обоих, подвергло бойкоту их семьи и конфисковало часть их имущества. Недоверчивый Клычбай убедился, что имеет дело с единомышленниками, и принял их к себе. Но удобный случай представился диверсантам лишь через несколько месяцев. Однажды ночью в начале марта 1930 г. они прикончили шестерых главарей «бандитов», включая и Клычбая, а в доказательство успешного исполнения миссии предъявили начальству отрезанные головы своих жертв⁹⁴.

Учитывая специфические условия войны в степи, решение Уразымбетова показать заказчикам головы заказанных вполне логично. Большинство врагов, которые, по мнению большевиков, их окружали, если и обнаруживали себя, то поступками, в противном случае оставаясь невидимками: это обычные скотоводы, крестьяне или члены партии, становившиеся «врагами» в большевистском понимании лишь во время и в результате коллективизации. Составить четкое представление о себе позволяли только предводители и вдох-

---

⁹¹ Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия: Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. Алма-Ата, 2000. С. 68–70.

⁹² Там же. С. 76–78.

⁹³ Группировка Шалтай-батыра действовала с лета 1929 г. по январь 1930 г. в Ташаузском округе. Там он в январе 1930 г. и погиб. См.: Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: Возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 170; Борисов А. Б. Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 году. С. 24.

⁹⁴ РГВА. Ф. 8296. Оп. 1. Д. 35. Л. 25. Цит. по: Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма. С. 405–406.

новители, такие люди, как легендарный Ибрагим-бек⁹⁵, влиятельный Джунаид-хан или Клычбай в приведенном примере. Поэтому большевикам было важно получить их головы в самом прямом смысле слова и предьявить их. Демонстрация мертвого тела врага помогает утвердиться в собственной власти⁹⁶ и, можно добавить в данном случае, внушить себе, что ты все еще в состоянии «достать» вечно ускользающего противника. Михаэль Рикенберг указывал к тому же, что посредством определенных форм насилия (например, уродуя тела убитых врагов) противники заставляют друг друга признать себя равными – не по целям или положению, а по возможностям применения насилия⁹⁷.

Чем дольше продолжались волнения и бои, тем сильнее стиралось различие между «повстанцами» и «мирными кочевниками». Бегство и сопротивление часто шли рука об руку. В одном докладе ПП ОГПУ в Казахстане С. Н. Миронову⁹⁸ об откочевке казахов говорилось: «В ряде районов края это сопротивление вылилось в форму вооруженной борьбы, организации банд, терактов... а особенно в форму откочевки кочевого и оседлого казахского населения»⁹⁹. К тем же выводам пришел неизвестный автор справки для крайкома: «Укочевка – это одна из форм сопротивления классового врага развернутому социалистическому наступлению»¹⁰⁰. Тысячи казахов пытались бежать от коллективизации и оседания в безопасные, по их мнению, районы; в то же время повстанцы зачастую кочевали вместе с семьями, стадами и всем имуществом, как правило, оставляя семьи без вооруженной защиты только на время проведения военных опе-

---

⁹⁵ Подробно об Ибрагим-беке (1889–1931) см.: Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 343–345. О его положении в Афганистане: Бойко В. С. Среднеазиатская эмиграция на заключительном этапе гражданской войны в Афганистане (1930–1931 гг.) // Востокovedные исследования на Алтае / под ред. В. А. Моисеева. Вып. III. Барнаул, 2003. С. 226–235; Ritter W. S. The Final Phase in the Liquidation of Anti-Soviet Resistance in Tadzhikistan. Ibrahim Bek and the Basmachi, 1924–1931 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. No. 4. P. 484–493.

⁹⁶ Canetti E. Masse und Macht. Frankfurt a. M., 2006. S. 504 ff.

⁹⁷ Riekenberg M. Zur Anthropologie des Krieges in Lateinamerika im 19. Jahrhundert. S. 213.

⁹⁸ Биографию С. Н. Миронова (1894–1940) см.: Кто руководил НКВД. С. 301–302.

⁹⁹ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 2 (доклад Фектера Миронову об откочевках, 15 июня 1932 г.).

¹⁰⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 13 (материалы об откочевках, [начало 1931 г.]).

раций. Распознать издали, кто там бродит по степи и с какими намерениями, было невозможно.

Большевики исповедовали однозначный подход к неоднозначной ситуации: если бойцы и мирное население неотличимы друг от друга, то всех кочевников, мигрирующих в районах, «зараженных бандитизмом», следует подозревать в сопротивлении советской власти. Советские командиры даже в случае сомнений предпочитали трубить атаку, а не выяснять, кто перед ними, — тем более что многие красные отряды прибывали из европейской части СССР и практически ничего не знали о степи и ее обитателях. Они применяли насилие против любых попадавшихся им группировок¹⁰¹. Встреча с представителями советского государства не вела автоматически к сражению, но всегда означала для беглецов конец пути, потому что у них конфисковали скот и прочее имущество, а их вожаков изолировали, допрашивали, арестовывали, порой и убивали¹⁰². В результате кочевники попадали в отчаянное положение. Без своих животных они теряли способность к передвижению, любые дальнейшие скитания в степи грозили им смертью. Тут наглядно проявлялось отношение советского государства к беглым кочевникам: раз они не желали беспрекословно ему подчиняться, то становились врагами.

Беспредельность насилия — типичная черта гражданских войн, когда из-за перманентного давления обстоятельств и постоянной опасности резко сокращаются горизонты планирования и сроки выполнения задач: «Люди готовы делать то, чего, вероятно, не делали бы, если бы не поджимало время»¹⁰³. Харальд Вельцер и Зёнке Найтцель отметили, что солдаты, воюющие с иррегулярными формированиями или партизанами, часто склонны видеть потенциального неприятеля в каждом встречном, атакуя и уничтожая всех «подозрительных», то есть тех, чье поведение *можно расценить* как враждебное¹⁰⁴. Группа красноармейцев, запертая в мае 1930 г. несколькими сотнями казахов в селе Кзыл-Агач возле советско-китайской границы, выдержала осаду благодаря летчикам В. Ф. Каминскому и И. М. Мазуруку (позже удостоенному звания Героя Советского Союза за подвиги в Арктике), которые доставляли им оружие и боеприпасы. Попутно «герои неба»

¹⁰¹ Омаров М. Расстрелянная степь. С. 35.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Genschel P., Schlichte K. Wenn Kriege chronisch werden. Der Bürgerkrieg // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1997. Jg. 25. N. 4. S. 503.

¹⁰⁴ Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt a. M., 2011. P. 402 ff.

обстреливали осаждающих из пулемета. Под их огонь попадали не только вооруженные бойцы, но и сотни беженцев, просто пытавшихся уйти за границу в китайскую провинцию Синьцзян. Однако летчики не делали между ними разницы. За участие в этой операции оба были награждены именными маузерами с надписью: «За успешную борьбу с контрреволюцией от коллегии ОГПУ»¹⁰⁵.

Чекистские руководители поощряли войска к подобным действиям приказами и директивами, не допускавшими двойного толкования. С. А. Бак, возглавивший Семипалатинский окротдел ОГПУ, велел чекистам, которые занимались борьбой с бандитизмом: «Провести ликвидацию этих групп только вооруженным путем. За переговоры с ними о сдаче буду виновных привлекать к ответственности, о чем всех предупредите»¹⁰⁶. Но без переговоров красные отряды никак не могли установить, с кем имеют дело. Своим распоряжением Бак санкционировал массовую бойню кочевников, которая по завершении дела объявлялась «борьбой с бандитизмом». В одной из многочисленных директив районным уполномоченным ОГПУ Бак еще добавил, что репрессивные меры надо применять не только против бандитов, но и против баев, «которые прямого участия в выступлении не принимали, но распространяли провокационные слухи»¹⁰⁷. Очередной приказ, вышедший из-под его пера, требовал решить «вопрос с бандитизмом» в течение недели, грозя личной ответственностью тем, кто не последует указанию¹⁰⁸. Директивы Бака типичны для войны красных с кочевниками. Расширяя круг объектов репрессивных мер, они одновременно усиливали нажим на чекистов районных отделов: чтобы показать себя хорошими работниками, те должны были дать «толковые» результаты, покончив с «бандитами»¹⁰⁹.

Растущий натиск советских войск подрывал сплоченность групп кочевников. Из допросов пленных казахов чекисты узнавали о внутренних трениях и конфликтах. В сообществах гонимых, объединившихся поневоле, возникали серьезные разногласия. Например, казах Муқан Кевилев, взятый в плен в июне 1931 г., сообщил, что его груп-

¹⁰⁵ Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: История власти. Опыт реконструкции. Алма-Ата, 2008. С. 311.

¹⁰⁶ Архив Джекказганского УВД. Ф. 1. Оп. 8737. Д. 2. Л. 698–700. Публ.: Алланиязов Т. «К зачистке бандэлемента приступить немедленно...» Документы Семипалатинского ОГПУ 1931 г. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 149.

¹⁰⁷ Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия. С. 82.

¹⁰⁸ Архив Джекказганского УВД. Ф. 1. Оп. 8737. Д. 2. Л. 693. Публ.: Алланиязов Т. «К зачистке бандэлемента приступить немедленно...» С. 146–147.

¹⁰⁹ Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия. С. 68–70.

пировка на грани раскола: больше пятидесяти человек хотят сдаться советским войскам, тогда как остальные готовы биться «на смерть»¹¹⁰. Подобные показания придавали чекистам отваги, тем более что, судя по донесениям агентов, начали портиться и отношения между казахами и йомудами в туркменской пустыне Каракумы. Когда воды в пустыне стало не хватать на всех, обострились противоречия между членами разных кланов¹¹¹. Некоторые казахи, желая выйти из-под влияния йомудов, даже просили защиты у советских командиров¹¹².

Не все восстания заканчивались сокрушительным разгромом, и не всегда погибало большое число казахов. Порой велись переговоры. Как правило, к мятежникам отправлялись видные казахские коммунисты, чтобы открыть им глаза на бессмысленность их затей¹¹³. Правда, обещания, которые давали эти переговорщики, часто оказывались пустыми словами. В большинстве случаев арестовывали не только предводителей, репрессии обрушивались и на рядовых «соучастников». Недаром казахи, «виновные» в сопротивлении против советской власти, попали в число первых заключенных только что созданного Карлага¹¹⁴.

Вооруженные столкновения прекратились, когда у кочевников иссякла способность к сопротивлению. Распространяющийся все шире голод, большие потери скота, военное превосходство красных отрядов, стреляющих даже по беженцам, постепенно заставили казахов сдаться. Попытки спастись путем откочевки заканчивались для них полным обнищанием. Они не могли долго противостоять ОГПУ, добровольческим отрядам и Красной армии и никогда не имели реальных шансов победить. После разгрома последнего и самого крупного восстания на западе Казахстана в сентябре 1931 г., которое доставило столько беспокойства товарищу Попкову, значительных вооруженных выступлений больше не случалось¹¹⁵, хотя в некоторых районах и спустя годы все еще действовали мелкие группировки, промышлявшие воровством и разбоем.

---

¹¹⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 869. Л. 35–36 (протокол допроса Мукана Кевилева, 16 июня 1931 г.).

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2546. Л. 107–108 (оперативное донесение в САВО и ПП ОГПУ в Средней Азии, 30 июня 1931 г.).

¹¹² Там же.

¹¹³ Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане. С. 109–111.

¹¹⁴ Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag. Die Geschichte eines sowjetischen Zwangsarbeitslagers, 1930–1959. Paderborn, 2007. S. 33 f.

¹¹⁵ О восстании в западном Казахстане см.: Омаров М. Расстрелянная степь.

Расширение зоны боевых действий – война на советско-китайской границе

С особым ожесточением фрагментированная гражданская война велась в советско-китайском пограничье¹¹⁶. С начала 1930 г. до середины 1932 г. по обеим сторонам демаркационной линии все время кто-нибудь сражался: советские и китайские пограничные отряды, казахские беженцы, небольшие группы профессиональных контрабандистов и убежденных противников большевиков. Запутанная ситуация еще больше осложнялась тем, что в Синьцзяне разгорелась вооруженная борьба за власть над провинцией¹¹⁷. Сотни тысяч казахов пытались найти убежище на китайской территории. Красные пограничники, считавшие откочевку «формой сопротивления»¹¹⁸, все упорнее старались ей помешать. Среди беженцев росла готовность прорываться в Китай во что бы то ни стало. Оба фактора способствовали эскалации насилия.

Демаркационные линии

По словам американского синоведа Оуэна Латтимора, казахи не обращали внимания на государственные границы и «то и дело» перемещались из России в Китай и обратно в зависимости от политического положения¹¹⁹. Но о существовании и значении границ кочевники очень хорошо знали. Пересечение демаркационных линий стало для этих путешественников между мирами делом будничным и привычным¹²⁰. Члены казахских и киргизских родов жили по обе

---

¹¹⁶ О понятии «пограничья» в общем см.: Newman D. *Boundary Geopolitics. Towards a Theory of Territorial Lines? // Routing Borders between Territories. Discourses and Practices / ed. E. Berg, H. van Houtum. Aldershot, 2003. P. 227–291.*

¹¹⁷ Forbes A. *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang, 1911–1949. Cambridge, 1986. P. 71 f.*

¹¹⁸ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 465. Л. 84 (доклад Ерназарова об откочевках в Китай, 16 февраля 1931 г.).

¹¹⁹ Lattimore O. *Chinese Turkestan // Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. Paris, 1962. P. 190.*

¹²⁰ О государственных границах и кочевых культурах см.: Barfield T. J. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Oxford, 1989. Применительно к России: Gammer M. Russia and Eurasian Steppe Nomads. An Overview // Mongols, Turks, and Others / ed. R. Amitai, M. Biran. Leiden, 2005. P. 483–502; Stolberg E.-M. *Russland als eurasisches Imperium. Grenzregime und Grenzgesellschaft von der Neuzeit bis zum 20. Jahrhundert // Comparativ.**

стороны демаркационной линии, пользовались пастбищами и там, и там. Благодаря прекрасному знанию труднопроходимых горных районов Тянь-Шаня кочевники играли важную роль для процветавшей в пограничье контрабанды¹²¹. Нелегальная перевозка товаров и людей была немыслима без казахов, имевших здесь самые широкие и прочные сети и выигрывавших от того, что граница охранялась «пунктирно». Эта традиция, констатировала советская сторона, и сложившиеся исторически связи определенной части населения с живущими в Китае сородичами несомненно повлияли на некритичное, безответственное отношение населения к нарушению границы¹²². Но наряду с контрабандистами тут действовали бандиты и те, кого большевики относили к своим политическим противникам, вооружавшиеся на китайской территории, – явление крайне проблематичное и опасное, с точки зрения коммунистов. Ведь кочевники тем самым не только выходили у них из-под контроля: они устанавливали в пограничье свои структуры, имеющие явное превосходство над советскими¹²³.

Сбегая в Синьцзян, казахи следовали традиционной стратегии кочевых обществ – в тяжелые времена уходить в безопасные, на их взгляд, районы. Уже после восстания 1916 г. сотни тысяч из страха перед местью русских крестьян и царской армии скрылись на время в эту китайскую провинцию¹²⁴. Когда коммунисты в 1928 г. развязали кампанию экспроприации «богатых баев» часть восточноказахского населения снова искала убежища по ту сторону границы. Чем радикальнее посягали большевики на социальный уклад кочевников, тем сильнее нарастал поток беженцев. К началу 1930-х гг. он достиг своего пика¹²⁵.

Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 2007. Jg. 17. H. 4. S. 37–55.

¹²¹ О торговле между СССР и Синьцзяном см.: Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул, 1999.

¹²² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 21 (материалы об откочевках, [1930]).

¹²³ Там же. Оп. 17. Д. 465. Л. 64–65 (доклад о положении в пограничных районах и откочевках, [1930]).

¹²⁴ Ср.: Svanberg I. The Nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang, 1911–1949 // The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority / ed. L. Benson. I. Svanberg. Uppsala, 1988. P. 114; Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010. S. 153 ff., 315 ff. Семейные воспоминания об этом времени резюмированы в ст.: Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. A Contemporary's Reminiscences // Acta Slavonica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 112.

¹²⁵ Похожая ситуация сложилась и на советско-афганской границе. См.: Edgar A. L. Tribal Nation. P. 213–220.

Большевики вообще проявляли маниакальную озабоченность в отношении своих государственных границ и пограничных районов¹²⁶. Вдоль всех демаркационных линий была устроена 22-километровая пограничная полоса, в которой пограничные войска ОГПУ пользовались чрезвычайно широкими полномочиями¹²⁷ для обеспечения повышенного контроля и безопасности в этих особо важных местах. В 1920-х гг. еще существовали планы сделать области проживания многочисленных национальностей и народностей, имеющих соплеменников по ту сторону границы, образцовыми, дабы пропагандировать советский строй за рубежом. Поэтому они пользовались множеством привилегий¹²⁸. Но такая пропаганда могла бы работать только в случае свободного доступа иностранцев в страну и к ее жителям. А поскольку вместе с чужаками на советскую территорию грозили проникнуть «антисоветские» настроения и шпионы, режим контроля постоянно ужесточался¹²⁹. В итоге пограничные районы превратились в «институты изоляции»¹³⁰.

В начале 1930-х гг. повышенной бдительности от большевиков потребовала сложная обстановка в Синьцзяне. Напряженность в этом регионе, неразбериха в вопросах власти и «дырявые» границы создавали идеальные условия для шпионов и прочих «врагов». Большевики были уверены, что за демаркационной линией кишат английские и японские агенты, которые только и ждут удобного случая, чтобы пробраться в советские пограничные районы для совершения диверсий. Кроме того, там до сих пор действовали остатки белых армий российской гражданской войны, да еще поступали донесения о замыслах создания «великоказахского ханства», которое якобы могло рассчитывать на поддержку англичан. В одном письме председателю

¹²⁶ О советской пограничной политике в общем см.: Chandler A. *Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993*. Montreal, 1998; Нэх В. Ф. *История советской пограничной политики, 1917–1941*. М., 2008. О советских границах в Средней Азии: Shaw C. *Friendship under Lock and Key. The Soviet Central Asian Border, 1918–1934* // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 331–348.

¹²⁷ Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. P. 314.

¹²⁸ Ibid. P. 315; Martin T. *The Origins of Soviet Ethnic Cleansing* // *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 813–861.

¹²⁹ Во второй половине 1930-х гг. большевики предприняли чистку советских пограничных районов от «ненадежных» групп населения. См.: Poljan P. *Against Their Will. The History and Geography of Forced Migrations in the USSR*. Budapest, 2004. P. 95 ff.

¹³⁰ Chandler A. *Institutions of Isolation*.

Средазбюро Зеленскому, например, говорилось: «Зап[адный] Китай является плацдармом казахской контрреволюции. Помимо этого, на территории Зап[адного] Китая, под усиленным давлением англичан и при их активном содействии, организуются диверсионные банды, которые в момент интервенции должны будут развернуться в большие диверсионные отряды для партизанской борьбы с советской властью на территории Семиречья и Ферганы и отрыва от СССР этих экономически важных районов»¹³¹. Отдельные участники синьцзянских конфликтов, наоборот, пытались привлечь Советы на свою сторону. Ма Шаою, с конца 1920-х гг. действовавший как самостоятельный военный правитель, уговаривал большевиков помочь ему в захвате власти над всей провинцией людьми и автоматическим оружием, суля взамен предоставить им широкие возможности влияния: «Он прямо заявил: тогда вы получите здесь то, что имеют японцы в Маньчжурии»¹³². Это давало законные основания вмешаться в конфликт.

Нарушители

Переход через границу в Синьцзян представлял собой опасное предприятие. Вдали от официальных и строго контролируемых маршрутов демаркационная линия пролегла в горной местности, непроходимой без опытных проводников. Когда с началом дебаизации в 1928 г. все больше людей стало стремиться покинуть «рабоче-крестьянский рай»¹³³, связи и структуры контрабандистов и постоянных нарушителей границы приобрели небывалое значение. Именно они вели беженцев через горы и защищали от советских пограничников. Чекисты об этом знали: «В абсолютном своем большинстве все укочевки казахского населения в Китай сопровождаются вооруженными бандшайками нашего или закордонного формирования»¹³⁴. Эти люди редко руководствовались альтруистическими мотивами. За свои услуги они требовали плату или пользовались случаем для налетов на советские колхозы и села и кражи скота¹³⁵.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2209. Л. 20 об. (доклад о положении в Синьцзяне, 4 декабря 1930 г.).

¹³² Там же. Л. 2 (письмо уполномоченного Наркомата иностранных дел Зеленскому, 25 января 1930 г.).

¹³³ См.: Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. P. 115.

¹³⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5076. Л. 20 (доклад об откочевках в 1930 г., 28 февраля 1931 г.).

¹³⁵ Там же. Д. 4577. Л. 1 (доклад советского консула в Кульдже Колосова в Наркомат иностранных дел, 1 января 1931 г.).

Пограничники не позже весны 1930 г. обратили внимание на «международные» банды как на тяжелейшую проблему: «банды», по их словам, не только нападали на колхозы, отбирая у «мирного населения пограничной полосы» плоды их труда, но и «уводили» местных жителей за границу¹³⁶. Командир Зайсанского погранотряда рассказывал в апреле: «Последние месяцы... знаменуются беспримерными по своему противозаконию и произволу нарушениями границы и бандитскими налетами со стороны пограничных районов Китая. Преступный элемент из наших пограничных районов... находит себе единомышленников в среде казахского населения китайской пограничной полосы... нападает и бесчинствует над нашим пограничным населением»¹³⁷.

Советский консул в Кульдже Колосов наблюдал то же самое с китайской стороны границы. «Банды», сообщал он, знакомы с местностью, великолепно организованы и имеют в регионе самые широкие связи, от бандитов на советской территории до китайской администрации. Беженцы обращаются к ним из страха перед советскими пограничниками. Многие бандиты на регулярной основе принимают «заказы» на доставку в Китай родственников, скота и другого имущества «клиентов». Главари этих группировок с легкостью вербуют себе новых подчиненных среди обедневших беженцев. Наряду с контрабандой людей и постоянными разбойными нападениями на «мирное население», Колосову казалось особенно опасным то обстоятельство, что бандиты пробуют себя в роли шпионов и собирают информацию о численности и размещении советских войск¹³⁸.

Существовала, к примеру, группа под предводительством Алимджанана Кутанова и Базарбека Нуртазынова – уроженцев Малай-Саринского района, регулярных нарушителей границы с давних пор. Кутанова в 1927 г., видимо за уголовные преступления, приговорили к 10 годам заключения, но он сумел вовремя улизнуть в Китай. В последующие годы его много раз видели на советской территории. Нуртазынов, в прошлом контрабандист, также был небезызвестен советским органам. В 1930 г. эти двое организовали в Синьцзяне вооруженную группировку, куда входили главным образом беженцы

---

¹³⁶ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 35. Л. 107–116. Оpubл.: Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция, 1928–1957 гг.: Сб. документов / сост. О. В. Жандабекова. Усть-Каменогорск, 1998. С. 31. О налетах на советскую территорию см.: Forbes A. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. P. 71 f.

¹³⁷ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 35. Л. 107–116. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 24–25.

¹³⁸ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 1.

из их родных мест¹³⁹. Они хотели помочь бежать в Китай родным и членам своего клана. В середине ноября их банда числом более 60 всадников пересекла границу и мелкими группами направилась в аулы района. Чекисты зарегистрировали ряд нападений на приграничные колхозы и совхозы, в которых винули людей Нуртазынова и Кутанова. В придачу имело место похищение нескольких местных функционеров, чья судьба осталась неизвестной. Сотни казахских хозяйств двинулись к границе, и даже стычки с добровольческими комотрядами не могли их остановить¹⁴⁰.

Пограничные войска выслали отряд с тяжелым вооружением. Через несколько дней солдаты отыскивали казахов. С пулеметами и гранатометами пограничников кочевники сладить не могли. Только наступившая ночь спасла их от полного уничтожения. На следующее утро бой возобновился. Но теперь, по рассказам солдат, он принял гораздо более жестокий характер, поскольку казахи бросались на неприятеля с мужеством отчаяния. Один схватился с пограничником, не имея при себе ничего кроме ножа, раненный в суматохе рукопашной другим солдатом, вцепился в противника намертво и в конце концов откусил ему палец. Другой попытался стащить с лошади солдата, перезаряжавшего винтовку. Они боролись до тех пор, пока солдат не нанес казаху смертельный удар прикладом¹⁴¹. Чекисты позже всячески подчеркивали эти два эпизода как «характерные» для всего хода столкновения. Но их же данные свидетельствуют, скорее, не об ожесточенной битве, а о массовой бойне казахов. Солдаты, по-видимому, перебили всех попавших к ним в руки мужчин. Все потери красноармейцев состояли из одного-единственного раненого бойца, двух раненых и двух убитых лошадей. У противника насчитывалось 243 убитых, в плен были взяты 50 женщин и 30 детей. Ни о пленных, ни о раненых мужчинах речи не шло. Притом пограничники изъяли 600 лошадей, 100 верблюдов и 200 вьюков груза¹⁴². Авторы итогового доклада о «ликвидации банды Кутанова и Нуртазынова», пытаясь затушевать очевидное, утверждали, будто «бандиты» понесли такие большие потери главным образом потому, что после первых мелких стычек с плохо воюющими комотрядами боевая мощь регулярных частей «застигла их врасплох»¹⁴³.

---

¹³⁹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 711. Л. 389 (доклад Управления пограничных войск ПП ОГПУ в Казахстане, 3 декабря 1930 г.).

¹⁴⁰ Там же. Л. 390–393.

¹⁴¹ Там же. Л. 394.

¹⁴² Там же. Л. 395.

¹⁴³ Там же. Л. 396.

Суровость внутренних войск ОГПУ и подразделений, действующих внутри Казахстана, к беженцам имела несколько причин. Во-первых, защита границы и преследование ее нарушителей являлись профессиональными обязанностями этих людей. Поэтому, вероятно, для многих из них было делом чести добиваться максимально «хороших» результатов и доказывать свою квалификацию. Те, кто хорошо воевал, получали награды и благодарности¹⁴⁴. А главное, солдатам, упускавшим группы беженцев, грозили серьезные последствия.

Во-вторых, московское и алма-атинское руководство дало исполнителям советской политики на границе широкие полномочия. Политбюро в феврале 1930 г. постановило конфисковать все имущество у семей, пытающихся бежать за границу со своим скотом, и принимать «особо тщательные меры против угона скота за границу». Вместе с тем оно распорядилось командировать в наиболее неблагоприятные приграничные районы Казахстана и других среднеазиатских республик «компетентных» товарищей, которым надлежало душить откочевки в зародыше¹⁴⁵. В апреле СНК КАССР принял решение о переселении не менее чем на 100 км вглубь страны всех баев и кулаков, уличенных в организации откочевок. Это касалось и тех, кто уже переправил часть семьи или имущества за границу, и тех, кто отстал от сородичей при бегстве¹⁴⁶. В последующие месяцы и годы такая участь постигла многих людей, например членов группы, которую вел казах по имени Самий Сибенов. Перед тем как Сибенов рискнул в марте 1931 г. возглавить бегство пятидесяти с лишним семей в Китай, его за чересчур явные связи с местными баями сняли с должности председателя колхоза. Группу сопровождал отряд вооруженных казахов. Когда беглецов остановили пограничники, завязалась перестрелка, в которой один пограничник получил ранения. Было задержано в общей сложности 22 чел., в том числе семья предполагаемого организатора Сибенова. Сам он сумел ускользнуть. Поскольку власти опасались, что он попытается освободить родных и устроит новую попытку побега, семью депортировали во внутренние районы республики за несколько сотен километров от границы¹⁴⁷.

---

¹⁴⁴ Там же. Ф. 38333. Оп. 1. Д. 24. Л. 138 (приказ Ягоды, 3 февраля 1933 г.).

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 94–101. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1939: В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и др. М., 1999–2006. Т. 3. С. 253.

¹⁴⁶ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 38а. Л. 13. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 23–24.

¹⁴⁷ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 41. Л. 9, 11, 21, 23, 25, 27. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 37–43.

Пограничные войска в регионе были значительно усилены¹⁴⁸ и не церемонились с казахами, застигнутыми вблизи госграницы. Те, кого арестовывали, порой избивали и лишали имущества, могли почитать себя счастливыми. Остальных пристреливали на месте. Пограничники не щадили даже женщин и детей. В одной (вероятно, неполной) справке о нелегальных переходах границы в 1930 г. ОГПУ в графе «Потери противника» указало 734 убитых и 38 раненых. Пограничники, написано в справке, потеряли всего 24 чел. убитыми и 15 чел. ранеными. Число пойманных за отчетный период – свыше 3 600 чел.¹⁴⁹ Это заметный прирост по сравнению с предыдущим годом, когда при попытке пересечения границы задержали 250 хозяйств, то есть предположительно около 1 000 чел.¹⁵⁰ Согласно другим источникам, в 1930 г. только в Илийской долине, где многие беженцы пытались перейти границу, насчитывалось более 1 000 убитых¹⁵¹. Эти данные сопровождаются лаконичным замечанием: «Имея директивы всеми мерами препятствовать укочевкам в Китай – наши пограничники развили в этом направлении максимальную энергию, нередко допуская и серьезнейшие перегибы при проведении мероприятий по задержке укочевщиков»¹⁵². Несмотря на такую бойню, бегство не прекращалось. Правда, беженцы сменили «тактику», как говорится в одном докладе Голошкеину: «Если раньше шли большими массами, то теперь, после понесения больших потерь, уходят мелкими группами и одиночками»¹⁵³.

Новые попытки бегства, как правило, уже не имели ничего общего с массовым уходом хорошо подготовленных и вооруженных групп, доставлявших столько проблем пограничникам. Речь шла об актах отчаяния обнищавших казахов, спасавшихся от голодной смерти. Мать казашки Назиры Нуртазиной на склоне лет вспоминала, как шестилетней девочкой весной 1933 г. проделала с родными тяжкий путь до Синьцзяна через горы. Они отправились туда вместе с еще двумя семьями. Мужчины «решили идти в обход, потому что прямая

---

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 74 (протокол № 78 Политбюро: постановление об охране советских государственных границ в Казахстане, Срединной Азии и на Дальнем Востоке, 26 ноября 1931 г.).

¹⁴⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5076. Л. 24.

¹⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 743. Л. 542. Оpubл.: Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012. Т. 1. Кн. 1. С. 206. Число задержанных, говорится в этой справке, установить невозможно за отсутствием данных.

¹⁵¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 2.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. Д. 5057. Л. 1–14. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 126.

дорога была опасна»: «Советские пограничники заставляли беженцев возвращаться или расстреливали». Дорога заняла у них больше пятнадцати дней, по обледенелым горам они передвигались только ночью. Маленькая девочка все время шла пешком. С большим трудом, когда все припасы уже подошли к концу, беженцы все-таки добрались до китайской территории¹⁵⁴. Многие другие, пытаясь перейти границу погибали.

Вопреки всем опасностям, большинству казахов удавалось бежать. Правда, при этом они часто попадали из огня да в полымя, потому что в Синьцзяне бушевала гражданская война и со снабжением дело обстояло из рук вон плохо. Уже несколько лет провинцию терзали восстания и политические убийства, военачальники боролись за политическую власть¹⁵⁵. Положение ухудшалось на глазах. Повсюду рыскали бандиты-мародеры, в некоторых районах начался голод. В 1932–1933 гг. казахи на китайской территории нередко умирали от голода, сжимая в руках советские деньги. Из-за острой нехватки ресурсов в Синьцзяне с таким трудом сбереженные купюры оказывались бесполезными. В ситуации крайней нестабильности казахские беженцы становились для провинции лишней обузой¹⁵⁶. Тем не менее вернуться в СССР мало кто решался. Как объяснял один из тех, кто все же рискнул, невзирая на сомнения, беженцы боялись мести советского государства. Один доклад подтверждает небезосновательность подобных страхов, указывая на «отдельные факты», когда какого-нибудь бедного крестьянина, прибывшего из Китая, тут же арестовывали. Кроме того, местные власти не оказывали репатриантам, в большинстве своем совершенно обнищавшим, ни малейшей помощи¹⁵⁷. В 1933 г. СССР осуществил масштабную военную интервенцию в охваченный гражданской войной Синьцзян. На несколько лет провинция превратилась в марионеточное государство под советским контролем¹⁵⁸. С тех пор этот выход был для кочевников закрыт.

О влиянии сложной обстановки на условия жизни казахских беженцев наглядно свидетельствует судьба казаха Кабимолды

¹⁵⁴ Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. P. 118 f.

¹⁵⁵ См., напр.: Наземцева Е. Н. Активизация антисоветской деятельности белой эмиграции в Синьцзяне в 1927–1930 гг. // Востоковедные исследования на Алтае / под ред. В. А. Моисеева. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 133–143.

¹⁵⁶ Петров В. И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 333.

¹⁵⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 465. Л. 88 (доклад Ернарарова об откочевках в Китай, 16 февраля 1931 г.).

¹⁵⁸ Millward J. A. Eurasian Crossroads. A History of Xinjiang. New York, 2007. P. 198 ff.; Forbes A. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. P. 97 ff.

Жексембаева. После бегства он с большим трудом осваивался в новом окружении. Через некоторое время он все-таки нашел работу на маленькой фабрике. Однако весной 1934 г. ее хозяин был арестован и бесследно исчез. Между тем родители и другие родственники Жексембаева, вместе с которыми он покинул Советский Союз, умерли от «какой-то болезни». «Ввиду тяжелого экономического условия, ввиду сильной голодовки, постигшей округ, жизнь для эмигрантов стала почти невозможной, поэтому, не чувствуя за собой особой вины перед советской властью, [я] решил реэмигрировать», – рассказывал Жексембаев по возвращении в Казахстан допрашивавшим его пограничникам. Обратный путь стал для него и его спутников сущим мучением. Чтобы выжить в условиях голода, приходилось промышлять воровством. Они крали лошадей и другой скот, их самих обворовывали. Когда они наконец добрались до советской территории, у них не осталось практически ничего¹⁵⁹.

По обе стороны границы

Пограничные войска ОГПУ не просто старались помешать «бандитам» и беженцам пересечь границу. Красные отряды не раз преследовали казахов уже на китайской территории и нападали на них там. Консул Колосов, информируя свое начальство в Москве о двух инцидентах подобного рода, не преминул приложить письмо от китайской администрации провинции, которая недвусмысленно предупредила о последствиях таких нарушений границы. Что же случилось? В октябре 1930 г. китайский пограничный патруль наблюдал погоню группы красноармейцев за 200–300 казахами, углубившимися до 15 км на китайскую землю. Заметив преследователей, казахи в панике разбежались «во всех направлениях». Солдаты захватили часть их скота и вещей. После их ухода китайцы обследовали место происшествия и обнаружили «следы жестокой расправы красноармейцев с киргизами [казахами] – более 10 человек было убито ими на китайской территории»¹⁶⁰. В начале декабря китайские солдаты нашли больше 50 мертвых казахов, в том числе женщин и детей, убитых частью из огнестрельного оружия, частью сабельными ударами. Ответственность за это они опять возложили на красноармейцев¹⁶¹.

¹⁵⁹ ГАВО. Ф. 269. Оп. 2. Д. 407. Л. 4–6 об. Опул.: Под грифом секретности. С. 73–74.

¹⁶⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4577. Л. 5–7 (письмо советского консула в Кульдже Колосова, [1930]).

¹⁶¹ Там же. Л. 8.

Колосов заметил, что в обоих случаях офицеры советских пограничных войск ничего не отрицали. Заместитель командира соответствующего отряда сообщил ему, что в рамках декабрьской кампании убито свыше 300 казахов.

Колосов, как положено дипломату, указывал, что китайская сторона неоднократно подавала ноты протеста по поводу нарушения границы советскими войсками, которое расценивала как «фактическое нарушение суверенных прав дружественной страны»¹⁶². Вдобавок он постарался опровергнуть широко распространенное (в первую очередь в пограничных войсках) мнение, будто администрация Синьцзяна приветствует иммиграцию казахов. Совсем напротив, доказывал он, ему много раз сообщали о том, с каким беспокойством китайская сторона наблюдает за происходящим. Китайские пограничники даже получили распоряжение выдворять всех беженцев со своей территории. В результате только за весну 1930 г. свыше 2 тыс. чел. были вынуждены покинуть страну. Колосов не стал заострять внимание на том, что ввиду постоянно нарастающего потока беженцев это не произвело особого эффекта, но, говоря о пограничных войсках собственного государства, высказался прямо: «Никакие суровые меры борьбы пограничников с переходами границы не давали реальных результатов... а мероприятия борьбы были самые беспощадные»¹⁶³.

На границу не обращали внимания не только слишком ретивые солдаты в погоне за беженцами. Руководящие товарищи тоже считали вооруженные операции на китайской территории испытанным боевым методом. Молодой председатель киргизского Совнаркома Юсуп Абдрахманов в начале января 1931 г. вынашивал мысль о засылке за границу солдат, переодетых басмачами: «Это, пожалуй, единственный способ, который обеспечит разгром басмачей за кордоном»¹⁶⁴. Советский генеральный консул в Кашгаре Постников строил еще более смелые планы. Так как ряд басмаческих главарей более или менее свободно действовали на китайской земле, следовало, по его мнению, создать предпосылки для того, чтобы советские отряды без помех прямо там их и обезвредили¹⁶⁵.

Советские пограничники все время требовали от своих китайских коллег ареста и выдачи известных по именам «бандитов». Но чаще

¹⁶² Там же. Л. 3.

¹⁶³ Там же. Л. 2.

¹⁶⁴ Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001. С. 123.

¹⁶⁵ РГАСНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2203. Л. 45–47 (письмо Постникова Цукерману, 25 января 1930 г.).

всего их обращения пропадали втуне, судя по сердитому докладу в апреле 1930 г. Китайцы, по словам его автора, утверждали, будто им неизвестно местопребывание разыскиваемых, и чинили советской стороне препоны, в подробностях не описанные. Без поддержки местных военачальников и клановых вождей китайские органы власти, очевидно, мало что могли сделать: «Казахский князь Алень Жипысканов [живущий на китайской территории. – Р. К.] категорически отказался выполнить имеющиеся распоряжения о передаче обратно нашего населения, мотивируя тем, что это его братья»¹⁶⁶.

Из-за столь явных признаков слабости советские пограничники не особо рассчитывали на китайских коллег. Все наблюдаемое ими издалека только укрепляло их в убеждении, что надо брать дело в собственные руки. В одном январском донесении 1931 г. о китайских погранпостах говорилось: «...несмотря на распоряжения кт-власти о принятии строгих мер в отношении нарушителей границы, служба в деле охраны границы несетя слабо. Состав поста все время проводит в азартных играх и раскуривании наркотических веществ, анаши и опия. При задержании нарушителей лица, переходящие границу в СССР, за взятки пропускаются свободно»¹⁶⁷. В других материалах рассказывалось о плохом снабжении и убогих жилищах китайских пограничников; некоторые из них, по данным советских спецслужб, даже подумывали дезертировать в Советский Союз¹⁶⁸.

Советские военнослужащие обвиняли китайских (и в отдельных случаях наверняка не без оснований) в том, что они не только допускают переходы границы, но и активно помогают нарушителям. Это «недопустимо» и противоречит правилам взаимоотношений «дружественных государств», негодовал командир одного погранотряда, несколько беспомощно призывая советского консула к энергичному вмешательству¹⁶⁹. Но реально помочь себе солдаты могли только сами. Нежелание видеть разницу между вооруженными бандитами и отчаявшимися беженцами сыграло решающую роль в радикализации насилия и на китайской (может быть, особенно на китайской) тер-

---

¹⁶⁶ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 35. Л. 107–116. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 31.

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 726. Л. 48 (оперативное донесение пограничных войск, 31 января 1931 г.).

¹⁶⁸ Там же. Л. 125 (оперативное донесение пограничных войск, 28 февраля 1931 г.).

¹⁶⁹ ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 35. Л. 107–116. Оpubл.: Под грифом секретности. С. 31.

ритории. То обстоятельство, что государственность в Синьцзяне находилась в зачаточном состоянии, а китайское правительство имело там весьма ограниченное влияние, дополнительно развязывало руки советским войскам в этой провинции¹⁷⁰. Если на западной границе СССР подобные действия были немыслимы, поскольку повлекли бы за собой непредсказуемые последствия, то слабым представителям китайской центральной власти приходилось довольствоваться бессильными протестами. Советские пограничники использовали вакуум власти по-своему: считая себя силой, призванной поддерживать порядок в регионе с неразвитой государственностью, они беззастенчиво злоупотребляли собственным превосходством. С их точки зрения, расширение зоны боевых действий являлось не нарушением границы, а законной формой самообороны.

В бегах

«Откочевники» – казахские беженцы от голода – стали главным признаком кризисных лет. В 1928–1932 гг. во всех районах республики большие и малые группы пускались навстречу неизвестному будущему, пытаясь убежать от невыносимого гнета заготовительных кампаний, раскулачивания, оседания и угрозы голодной смерти. С лета 1930 г. остановить массовую миграцию было уже невозможно. Одни кочевники верили, что будут в безопасности только по ту сторону советской границы, другие пробовали укрыться со своими стадами в соседних регионах СССР – в Западной Сибири или среднеазиатских республиках (Туркмении, Узбекистане, Киргизии). Большинство же беженцев скиталось в пределах Казахстана.

Миграция в безопасные районы принадлежала к основным стратегиям выживания кочевых сообществ, когда, к примеру, засуха или «джут» грозили гибелью их скоту либо их самих теснил превосходящий в силе враг¹⁷¹. Но если чаще всего такие «традиционные» формы бегства были ограничены по времени и расстоянию, то в начале 1930-х гг. дело обстоит иначе. Коллективизация и оседание представляли опасность для самой кочевой культуры как таковой. «Казахами нет в Казахстане житья», – объяснял свое бегство один скотовод¹⁷².

---

¹⁷⁰ Иногда советские и китайские войска совместно действовали против казахских и киргизских «банд» в пограничье. См.: Forbes A. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. P. 71 f.

¹⁷¹ Svanberg I. The Nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang. P. 114 ff.

¹⁷² АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 5.

Теперь все степное общество пришло в движение, и казахи стали народом в бегах¹⁷³.

«...Этот переход... изменяет быт, разрушает старый быт»

В сентябре 1931 г. Ф. И. Голощекин, не только жестокий властитель, но и безжалостный циник, в газете «Советская степь» изобразил волну бегства отрядным симптомом социалистического прогресса: «Казах, который никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работу, на хозяйственное строительство в Поволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство»¹⁷⁴. Даже некоторые партийные работники не сочли подобную идею особо плодотворной. «Едва ли можно согласиться с такими путями переустройства быта и хозяйства», – писал один из них в Москву¹⁷⁵. Между тем в главных пунктах Голощекин был совершенно прав: кочевники перебирались в другие регионы Советского Союза, их «старый быт» и «старое хозяйство» при этом действительно разрушались. Бегство, однако, не столько способствовало строительству нового сколько разлагало казахское общество на составные части. И уж ничто не могло быть дальше от реальности, нежели утверждение, будто люди «с легкостью» переходили с одного места на другое.

Степь кишела беженцами, ищущими крова и пропитания¹⁷⁶. Никто не знал, сколько их. Летом 1932 г. руководство в Алма-Ате полагало, что число хозяйств, находящихся «в безостановочном движении», составляет от 180 тыс. до 200 тыс. Сотрудники ОГПУ оперировали гораздо более высокими (и, вероятно, более реалистичными) показателями. Согласно их данным, по степи кочевали примерно 280 тыс. хозяйств, или около 1,2 млн чел. В следующем году, когда административные структуры во многих местах оказались на грани распада,

---

¹⁷³ Kindler R. Auf der Flucht – Die kasachischen Nomaden und die Hungersnot von 1930–1934 // Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatsozialismus (1917–2006) / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 35–57.

¹⁷⁴ Цит. по: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1371. Л. 267 (письмо Першина. [август 1932 г.]).

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Ср.: Центр документации по новейшей истории Оренбургской обл. Ф. 267. Оп. 3. Д. 48. Л. 11–12. Опул.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 133.

цифры еще выросли¹⁷⁷. В общей сложности за годы голода Казахскую АССР покинуло около 1 млн чел. Примерно 400 тыс. чел. позже вернулись в республику. Около 200 тыс. чел. простились с Советским Союзом навсегда¹⁷⁸.

В феврале 1933 г. в Москве на совещании, посвященном вопросу беженцев, заслушивали представителя Казахстана. Он признался, что не располагает никакими количественными данными, поскольку в республике нет специальной системы учета и надзора за движением откочевывающих казахов и осуществлять такой надзор не представляется возможным¹⁷⁹. Соседние с Казахстаном области были переполнены и сверх всякой меры обременены массами беженцев. В Западной Сибири государственные органы могли только констатировать, что их наплыв принимает все более широкие масштабы; точных цифр и здесь не знали. По наиболее конкретным оценкам, с 1931 по 1933 г. в Западную Сибирь бежали около 100 тыс. казахов, причем эти данные опираются на чрезвычайно ненадежную статистику¹⁸⁰. На Средней Волге в марте 1932 г. подсчитали, что за три последних года в край прибыло из Казахстана свыше 50 тыс. чел.¹⁸¹

Большое число откочевок, о которых не удавалось узнать заранее, и нередкое участие в них местных советских работников показывали чекистам, насколько ненадежен и плохо укреплен «низовой советский аппарат». Они с досадой констатировали, что партия даже на своих членов повлиять не может: «Бежит род, вместе бежит и рядовой коммунист. Родовые связи в ряде случаев оказываются сильнее партийных связей»¹⁸². Аульных должностных лиц, которые с помощью нужных печатей, справок и прочих документов старались придать откочевке своего клана вид законной миграции, хватало с избытком. Зачастую эти люди даже самолично возглавляли бегство.

---

¹⁷⁷ Общий обзор см.: Байгисиева З. М. Земледельческие и оседлые районы Казахстана в условиях насильственного развертывания колхозного движения: Особенности и трагические итоги (1929–1935): Дисс. Алма-Ата, 2001.

¹⁷⁸ Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане: Трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. С. 30.

¹⁷⁹ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 207. Л. 21 (стенограмма заседания комиссии Рыскулова, 22 февраля 1933 г.).

¹⁸⁰ Подробно о цифрах см.: Малышева М. П., Познанский В. С. Казахы – беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). Алма-Ата, 1999. С. 254–258.

¹⁸¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 107. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 123.

¹⁸² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5057. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 125.

Во многих регионах казахов принимали с распростертыми объятиями, пока их стада еще не были полностью уничтожены или конфискованы. Так, власти туркменского Красноводского района, к большому неудовольствию казахского руководства, целенаправленно переманивали к себе казахов, желавших покинуть родину. Туркмены, жаловался туркменскому партийному руководству секретарь Мангистауского райкома, получили указание беспрепятственно пропускать в Туркмению всех казахов. Обратного их не выпускают, зато запрет на выезд в Казахстан не касается туркменских заготовительных органов, которые ведут работу на казахской территории и добиваются больших успехов, потому что платят больше, чем казахские заготовители. Соответственно его район потерял возможность выполнять планы заготовок, тогда как туркменским заготовителям достается легкая добыча. Те заявляют, что и Казахстан, и Туркмения – советские республики и они сами в конечном счете работают на благо общего государства. А когда в Красноводск прибыла комиссия из Казахстана с целью установить местопребывание казахских беженцев и их скота, ее членов арестовали и несколько недель продержали в заключении без объяснения причин¹⁸³. Впрочем, при всех жалобах, товарищи из Мангистау сознательно опускали один аспект: адаевцы откочевывали на юг еще и потому, что больше не могли достать хлеб на северных рынках. Из-за радикальных заготовительных кампаний торговля там практически заглохла. Кочевникам это оставляло только два варианта выбора – либо забивать собственный скот, либо попробовать укрыться на юге¹⁸⁴.

Расчет туркмен был очевиден: стада казахов падали в руки их заготконторам, словно спелые фрукты с дерева. Это позволяло выполнять планы, в любом ином случае совершенно нереальные, ибо красноводские товарищи (в этом заключалась их собственная проблема) полностью утратили контроль над обширной частью туркменской степи, и раньше не отличавшийся надежностью. Если в Казахстане многие районы вряд ли стоило считать советизированными, то в Туркмении дело обстояло куда хуже. Там существовали целые области, где советской власти даже в начале 1930-х гг. практически не наблюдалось¹⁸⁵. Прежде всего настоящее белое пятно (не только в этом отношении) представляла собой пустыня Кызылкумы на стыке границ Узбекистана, Казахстана и Туркмении, из-за чего многие бежен-

---

¹⁸³ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 465. Л. 52–54 (письмо из Мангистау секретарю окружкома в Туркмении, 4 декабря 1930 г.).

¹⁸⁴ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 28. Л. 87 (доклад Кульджанова, 9 марта 1930 г.).

¹⁸⁵ Edgar A. L. Tribal Nation.

цы с севера искали убежища именно здесь. В конце 1931 г. в пустыне, по прикидкам чекистов, находились более 3 тыс. хозяйств, в том числе 500 баев. Вдали от всякой цивилизации даже кочевники могли выжить лишь благодаря помощи родственников из Каракалпакии, которые снабжали их всем жизненно необходимым¹⁸⁶.

Чекисты осознали серьезность положения, и А. Р. Альшанский, второй человек в казахском ОГПУ, обратился к Голощекину с просьбой приструнить туркмен, которые всеми средствами стимулируют откочевки¹⁸⁷. Для озабоченности были все основания, поскольку на южной границе республики с Узбекистаном в августе 1930 г. возникли точно такие же проблемы. Казахский погранпост остановил там перекупщиков, пытавшихся угнать в соседнюю республику большую отару овец. Дело дошло до перестрелки, в которой приняли участие узбекские милиционеры – но на стороне «спекулянтов». Когда животных, чьи клейма бесспорно свидетельствовали об их принадлежности Казахстану, спустя несколько дней выставили на продажу на базаре, узбекская милиция пальцем не пошевелила, так как не получила соответствующих указаний. Руководство в Алма-Ате серьезно отнеслось к случившемуся, направив гневные телеграммы в Средазбюро и узбекскому руководству. Однако ощутимых результатов они не дали¹⁸⁸. Возможно, это не в последнюю очередь объяснялось тем, что с казахской стороны тоже всю действовали отряды, без зазрения совести конфискующие скот. Официально им поставили задачу пресечь угон скота в Узбекистан, но «политически неграмотные» и «плохо информированные» бойцы заодно обирали колхозников, которые не имели ни малейшего намерения покинуть Казахстан, и хозяйничали на узбекской территории. Узбекские органы совершенно справедливо не принимали за чистую монету заверения казахов, будто это орудуют «обычные бандиты»¹⁸⁹.

Казахи высылали не только вооруженные отряды, но и агитаторов, которым надлежало убеждать беженцев вернуться в родные края. Нередко этих посланцев встречали ружейным огнем и прогоняли, причем соединенными силами беженцев и местного начальства. Такое сотрудничество имело место, например, в Тамдинском районе

¹⁸⁶ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 14.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 17. Д. 465. Л. 41 (письмо Альшанского Голощекину, 25 ноября 1930 г.).

¹⁸⁸ РГАСНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2176. Л. 64–69 (телеграммы Рошалья Зеленскому и узбекскому партийному руководству, 11–15 августа 1930 г.).

¹⁸⁹ Там же. Д. 2201. Л. 242–244 (письмо ПП ОГПУ в Средазбюро, 18 августа 1930 г.).

Каракалпакии, где в ауле № 6 находилось множество откочевников из разных районов Казахстана. Отряд ОГПУ, который прибыл в аул, чтобы положить конец «беззаконию», наткнулся на вооруженное сопротивление, организованное местными партсекретарем и председателем совета. В соседнем ауле № 8 даже районный уполномоченный по заготовкам возглавил группу из 20 чел., которая совершала налеты на чекистов и на их линии снабжения¹⁹⁰. Союзы между «милиционерами» и «скотокрадами» свидетельствуют о том, насколько тесно переплетались «государство» и «общество» на местном уровне. Вместе с тем о сплоченности и солидарности между отдельными республиками и регионами говорить особо не приходилось. В их взаимоотношениях, как в зеркале, отражались глубокое недоверие и нестабильность, царившие в степи.

Чем дальше казахские беженцы мыкались в среднеазиатских республиках, тем тяжелее становилось их положение. Усиливались трения между ними и местным населением. В районе узбекского города Камир, к примеру, происходило следующее: «Узбеки, человек 10-20, били палками казахов, работающих в кишлаках (местность для зимовки), немало казахов, будучи выведены из терпения подобными поступками со стороны узбеков, перекочевывают из кишлака в кишлак. Некоторым казахам, работающим в кишлаках, отказали в работе и оскорбляют их, что казахи ели человеческое мясо»¹⁹¹. В местные сети и колхозы казахов обычно не принимали. К тому же, будучи кочевниками, они постоянно вступали в конкуренцию с другими группировками, ревниво охранявшими от чужаков свои исконные пастбища и водные источники. Беженцы теряли собственные стада: либо у них отбирали скот, либо им самим приходилось продавать его на базаре, чтобы выжить. Но к обедневшим казахам у государственных органов пропадал всякий интерес. Их привлекало только имущество беженцев. Надеяться на помощь от советов или партийных организаций маргинализированные пришельцы не могли. Узбекские власти несколько не беспокоятся о том, что происходит с беженцами в городах и районах, говорилось в одном письме Голошкеину¹⁹².

В качестве нищих казахи моментально превращались в обузу для среднеазиатских республик. Их нужно было обеспечивать продовольствием, жильем и работой. Но такая солидарность стоила дорого и

¹⁹⁰ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 17.

¹⁹¹ РГАСНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3135. Л. 43 (письмо Ермухамедову, ранее 5 июля 1933 г.).

¹⁹² Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 106. Л. 20-20 об. (письмо Умарова Голошкеину, 18 марта 1932 г.).

ставила перед советским аппаратом большие организационные проблемы. Помощь неимущим казахам оттягивала ресурсы, зачастую уже предназначенные на другие цели. Поэтому функционеры всех административных звеньев – от республиканского руководства до местных советов – имели веские причины для желания отделаться от обнищавших беженцев. По сути, в отношении этих людей администрация придерживалась двойкой стратегии: игнорирования либо изгнания. Пока казахи вели себя тихо и жили в полупустыне вдали от «культурных районов», они могли надеяться избежать внимания со стороны властей. Но, как только непрошеные гости оказывались на виду, нападая на села и колхозы или перекочевывая ближе к населенным местам, вступал в действие знакомый механизм: чекисты принимались выискивать среди кочевников баев и прочих «классовых врагов».

Дела сибирские

В Западной Сибири казахские беженцы тоже влачили нищенское существование. В этом регионе, куда бежали десятки тысяч человек из северных и восточных районов Казахстана, население и должностные лица относились к откочевникам гораздо хуже¹⁹³. В январе 1932 г. сводка ОГПУ подытоживала сложившееся положение: «Начиная с осени 1931 года наблюдается бегство казахов из Казахстана в смежные с Казахстаном районы Запсибкрая. За последнее время это бегство приняло массовый характер». В Баевском районе, писали чекисты, насчитывается до 1 300 казахских беженцев, в Славгородском – до 10 000. «Прибежавшие казахи» живут в тесноте и грязи, способствующих появлению инфекционных заболеваний, многие ночуют на улицах. Они «не имеют никакого имущества, нигде не работают, и подавляющее большинство голодает». Среди них «широко развито нищенство, употребление в пищу мяса павших животных», конокрадство. Многие бросают детей на произвол судьбы, «имеются смертные случаи от истощения»¹⁹⁴. Ученый-аграрий Эндрю Кэрнс, посетивший Западно-Сибирский край в то время, видел в Славгороде нищих казахов, которые со всеми признаками крайнего отчаяния выпрашивали хлеб¹⁹⁵. Переполненные детские дома

---

¹⁹³ В основном об этом см.: Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири.

¹⁹⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 21. Опул.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 110.

¹⁹⁵ Cairns A. The Soviet Famine 1932–33. An Eye-Witness Account of Conditions in the Spring and Summer of 1932 by Andrew Cairns. Edmonton, 1989. P. 10.

в сибирских городах были уже не в состоянии принимать сирот¹⁹⁶. Работники партийных и советских органов не справлялись с ситуацией. Заведующая женотделом при Ключевском райкоме описывала, как к ней то и дело приходят замерзшие до полусмерти женщины, часто с мертвыми детьми на руках: просят дать им хоть немного хлеба и пристроить еще живых детей на государственное попечение. «Тов. Востротина, что делать с этими беспризорными детьми казахов?» – в отчаянии спрашивала она в конце письма¹⁹⁷.

В сибирских селах на чужаков смотрели как на конкурентов, которые посягали на скудеющие ресурсы, требовали новых затрат и ставили под угрозу выживание здешнего крестьянства, не менее тяжело пострадавшего от кампании коллективизации¹⁹⁸. Впрочем, сибирские крестьяне питали неприязнь к казахам не только поэтому. Свою роль играли языковые и культурные барьеры (очень немногие казахи говорили по-русски), этнически обусловленные предубеждения, которые поведение голодающих казахов отнюдь не помогало развеять. Пришельцев с юга били и прогоняли. Сибиряки считали казахов людьми второго сорта, ни на что толком не годными и не стоящими заботы. Председатель колхоза «Трудовик» в Усть-Пристанском районе, понимая, к чему это ведет, дал указание: «Ввиду разницы наций [казахам] в приеме в колхоз отказать»¹⁹⁹.

Крестьяне главным образом боялись за свою скотину и припасы. Ничто не питало распространяющуюся все шире ненависть к казахам сильнее, чем приписываемое им скотокрадство. Число случаев кражи скота действительно резко выросло с притоком в Западную Сибирь беженцев от голода – в некоторых районах более чем на 1 200 %²⁰⁰.

¹⁹⁶ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 21. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 110.

¹⁹⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Он. 37. Д. 154. Л. 158. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 132.

¹⁹⁸ Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 200–202. См. также: Kessler G. The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicentre of Famine. The Urals Region // Harvard Ukrainian Studies. 2001. Vol. 25. No. 3–4. P. 253–265.

¹⁹⁹ Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 303.

²⁰⁰ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 108. Л. 58–60 об. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 127. Ср. также: Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 297–298. О скотокрадстве в казахской культуре см.: Martin V. Barimta. Nomadic Custom, Imperial Crime // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples. 1700–1917 / ed. D. Brower, E. Lazzarini. Bloomington, 1997. P. 260 ff. Примеры

Обороняясь от опасных чужаков, крестьяне находили союзников в местных советских учреждениях. Районные и сельские партработники при полном одобрении и деятельной помощи крестьян объявили казахам войну. «Казахам террор, – приказал, например, секретарь Исилькульского райкома начальнику районной милиции, – они нас кражами одолели. Если дать поблажку, никогда от этого не избавимся». Другой функционер вторил ему: «Киргизы это такая сволочь, что почти все они преступники и способны только на преступления»²⁰¹. В органы юстиции хлынули заявления от крестьян с требованием запретить всем казахам находиться на улице после заката солнца, а еще лучше – выселить их из района. В обоснование своих требований заявители ссылались на огромный рост преступности в их селах. Кругом ходили многочисленные слухи и рассказы о нападениях, изнасилованиях и других преступлениях, якобы совершенных казахами против русских. В окрестностях Барнаула подобные слухи получили столь широкое распространение, что прокуратура сочла необходимым выступить в местной прессе с указанием на отсутствие для них всяких оснований²⁰².

Сторонние наблюдатели были шокированы, видя, как обращаются с казахами. На шахтах Ленинска в Западной Сибири множество беженцев работало в тяжелейших условиях за мизерную плату, рассказывал некий М. А. Калнин в письме Калинину. По всему городу бродят казахи, прося подаяния, однако местные власти не обращают никакого внимания на «это ненормальное, позорное в наших условиях явление»²⁰³. Дальнейшая судьба письма Калнина – красноречивый пример широко распространенного в советском аппарате пренебрежения к «лишним» людям. Правда, какой-то мелкий работник ВЦИК направил в Западно-Сибирский край запрос о том, как обстоит дело с описанными Калниным «явлениями», но, когда через пару месяцев в Москву пришел ответ: «Запсибкрайисполком сообщает, что по улучшению быта казахов со стороны краевых и районных организаций меры приняты»²⁰⁴, – чиновники благополучно поставили галочку и сдали дело в архив.

организованного конокрадства см.: ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 108. Л. 58–60 об. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 128.

²⁰¹ Цит. по: Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 299.

²⁰² ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 108. Л. 58–60 об. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 129.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1448. Л. 4 (письмо М. А. Калнина Калинину, 4 мая 1932 г.).

²⁰⁴ Там же. Л. 1 (письмо в Президиум ВЦИК, 15 июля 1932 г.).

Реакция местного населения волновала функционеров гораздо больше. Когда, например, ОГПУ в справке о ситуации с голодом в разных регионах СССР сообщало, что «на политнастроения колхозников отрицательно влияют беженцы из Казахстана в ЗСК»²⁰⁵, это было досадно. Еще сильнее тревожились партийцы, слыша неудобные вопросы от собственной подрастающей смены. Курсанты летного училища в Оренбурге, к примеру, не могли понять, почему так сложно разобраться с голодающими на улицах города: «Ежели эти националы принадлежат к баям, то их следует куда-то выселить, ежели это наши люди – бедняки, середняки, то необходимо принять меры против того бедствия, в котором они оказались»²⁰⁶. Своими наивными замечаниями молодые летчики сыпали соль на рану. Обращение советского государства с беженцами шло вразрез с им же самим установленными категориями и ценностями, особенно на местах.

Представители государства и партии делали для беженцев мало, милиция порой игнорировала даже открытые нападения на них. В западносибирском городе Кемерово группу казахских рабочих, подвергшихся избиению, в ближайшем отделении милиции, куда те обратились за помощью, встретили холодно: «Приведите виновников сюда, а то мы не знаем, о ком идет речь»²⁰⁷. А уполномоченный казахского Совнаркома в Средне-Волжском крае Молдагалиев отмечал: «Из-за исключительно бездушно-формального отношения районных работников к нуждам не трудоустроенных казахов многие откочевники-казахи находятся в весьма трудных условиях, главным образом переживают острую нужду в продовольственном хлебе и жилищах... В гор. Оренбурге неустроенные казахи голодают, многие из них опухли, есть случаи смерти от голода, классовые враги часто избивают голодных казахов, имеется случай [когда] двух застрелили, а при таком положении председатель горсовета тов. [нрзб.] упорно отказывается от трудоустройства казахов-откочевников и оказания

---

²⁰⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1449. Л. 106–118. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 427.

²⁰⁶ Центр документации по новейшей истории Оренбургской обл. Ф. 267. Оп. 3. Д. 48. Л. 11–12. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 133. Ср. также: Rittersporn G. T. Soviet Citizens between Indignation and Resignation: Loyalty and Lost Hope in the USSR // Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953 / hg. B. Studer u. a. Zürich, 2006. S. 141.

²⁰⁷ ПАНО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 67. Л. 40. Оpubл.: Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов: В 4 т. / сост. В. С. Познанский. Алма-Ата, 1995. Т. 3. С. 16–17.

какой-либо помощи»²⁰⁸. Местные власти вынуждены были признать, что избавиться от тысяч казахов им не по силам. В настоящий момент, докладывал председатель Оренбургского горсовета в ноябре 1932 г., в Оренбурге зарегистрированы 3 тыс. чел., уже высланные в Казахстан и опять вернувшиеся, что говорит о бесплодности подобных усилий²⁰⁹.

Реальные шансы на работу и какое-то пропитание имели только трудоспособные мужчины. Их нанимали на «великие стройки социализма», на лесоповал и сибирские шахты, нередко маня перспективой заработать достаточно и для себя, и для своих семей. Но зачастую обещания оказывались ложными. У ослабевших от голода людей не оставалось сил, чтобы выполнять нормы выработки, они не обладали необходимыми специальными знаниями. Кроме того, языковой барьер затруднял общение между рабочими и бригадирами. Задавленные требованиями плана директора заводов и совхозов видели в казахах обузу, от которой охотно избавлялись при первой же возможности. То и дело завербованным в Казахстане рабочим, когда они после месячных скитаний прибывали к предполагаемому месту назначения, вообще давали от ворот поворот или использовали их на сезонных работах. В последнем случае зимой они все равно теряли рабочие места. Предоставленные самим себе, они пытались как-то продержаться в суровую пору в собственноручно вырытых землянках, без достаточного запаса еды, но выжить в таких условиях удавалось очень и очень немногим²¹⁰. Зарплата и, главное, продовольственные пайки зависели от индивидуальной производительности, а казахи нередко поступали на работу уже ослабленными и непригодными к тяжелому физическому труду. Они попадали в порочный круг, из которого не было выхода: чем слабее они становились, тем больше утрачивали способность выполнять норму и тем меньше пайки получали²¹¹.

Один из этих вынужденных трудовых мигрантов, казах Умургалий Аукеев, в заявлении в ЦК описал тяжелое положение, в котором находились он и его товарищи по несчастью: «В Сибири в городах

---

²⁰⁸ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 103. Л. 194 (доклад об откочевниках в Средне-Волжском крае, ранее 21 апреля 1931 г.).

²⁰⁹ Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 37–38 (доклад председателя Оренбургского горсовета, 20 ноября 1932 г.).

²¹⁰ Kessler G. The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicentre of Famine. P. 256.

²¹¹ См. об этом: Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 360–362.

Барнауле, Бийске, Рубцовске казахи очень много ищут работы, кому найдется, кому нет. В Бийске есть сахарный завод, отдел кадров этого завода откровенно сказал: «казахов на работу не принимаем», русских принимают, казахов гоняют. Некоторые предприятия принимают одиночек, семейных не принимают, поэтому рабочий-казах радуется, если у него умирает семья. Благодаря этим условиям жизни многие казахи убегают от своих семей, оставляя их без ничего и не жалея их»²¹².

Летом 1932 г. ситуация настолько обострилась, что западносибирские партийные руководители уже не могли закрывать глаза на угрозу межнациональной напряженности для безопасности края. В ряде газетных статей именитые авторы указывали на опасность «великорусского шовинизма»²¹³. Р. И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома, потребовал от коммунистов покончить с ущемлением казахов и строже соблюдать принципы советской национальной политики²¹⁴. Для таких призывов имелись все основания. Не только тревожные известия из городов и сел вызвали вмешательство Эйхе: из Москвы тоже сыпались все более нетерпеливые запросы по поводу волнений в крае. Определенная ирония заключается в том, что именно партийное руководство Казахстана неоднократно пеняло Эйхе на несправедливое обращение со «своими» гражданами, «временно» пребывающими в Западной Сибири²¹⁵.

Затем дело дошло и до публичного осуждения уличенных в «великорусском шовинизме» на показательных процессах и собраниях. Судьи и ораторы бичевали участвовавшие нападения на представителей казахского меньшинства, тем более когда целые села и совхозы грозили выйти из-под контроля, потому что десятки людей набрасывались друг на друга по ничтожному поводу. В Кемерово суд приговорил к большим срокам заключения двух мужчин и одну женщину, сыгравших ведущую роль в беспорядках в совхозе «Ударник» в ав-

---

²¹² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1371. Л. 246–247 (заявление от Умургулия Аукеева в ЦИК и ЦК, б. д.). Это письмо может быть датировано 4 июля 1932 г., см.: Там же. Д. 1380. Л. 257–257 об.

²¹³ Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири. С. 345–347.

²¹⁴ Подробнее см.: Там же. С. 342–344.

²¹⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 42–43. Опул.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 117. Похожие упреки высказывало руководство западного Казахстана, см.: ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 4. Л. 27–28 (письмо Кашанбаева председателю Средне-Волжского крайисполкома. 14 декабря 1932 г.).

густе 1933 г.²¹⁶ Но все же такие процессы оставались исключением и мало помогали разрядить обстановку. Расследование нападения русских на казахов чрезвычайно затягивалось, особенно если речь шла о членах партии или должностных лицах, ополчившихся на последних без видимых причин. Ответственные товарищи в Любинском районе месяцами перекладывали со стола на стол изобличающие материалы на трех совхозных руководителей, обвиняемых в том, что они без всяких оснований арестовали и жестоко истязали нескольких казахов. Хотя прибывающие извне уполномоченные неоднократно напоминали о срочности дела и требовали наказания виновных, понадобилось энергичное вмешательство посланца краевой прокуратуры, чтобы наконец был устроен показательный процесс и виновные получили приговор ко многим годам заключения²¹⁷.

В ноябре 1933 г. сотрудник аппарата партийного руководства Западно-Сибирского края подытожил предпринятые ранее усилия. Выводы у него получились не слишком лестные: советские органы не ведут работу среди казахов, последние живут в убогих жилищах, с ними плохо обходятся, их детей бьют в школах, а огромное число письменных жалоб на такие условия находится в резком противоречии с медленными темпами их рассмотрения. Хуже всего, однако, постоянный рост «шовинизма» среди рабочих, крестьян и служащих. И вряд ли тут что-нибудь изменится, поскольку эти проблемы никого не интересуют, а в соответствующих органах и учреждениях сидят неквалифицированные работники – даже в отделе по делам национальностей при крайкоме всего один товарищ владеет казахским²¹⁸.

Беженцы, и не только в Западной Сибири, оказывались меж двух огней. Вернуться на родину, разоренную голодом и гражданской войной, большинство не могло и не хотело. Но и на новом месте их ждали большие невзгоды. Сельское и районное начальство не чувствовало за них ответственности. Население относилось к ним враждебно. Многие беженцы от голода выпали из структур обеспечения советского общества. Они были вынуждены пытаться выжить на его обочине – как часть «темной массы», которая придавала советским годам тех лет их бедный и жалкий облик²¹⁹.

---

²¹⁶ ПАНО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 67. Л. 25–26. Оpubл.: Гонимые голодом. Т. 3. С. 7–9.

²¹⁷ ПАНО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 67. Л. 121–124. Оpubл.: Гонимые голодом. Т. 3. С. 23–28.

²¹⁸ ПАНО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 67. Л. 1–6. Оpubл.: Гонимые голодом. Т. 3. С. 52–57.

²¹⁹ Это относится даже к большей части Москвы. См.: Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994. P. 127 ff.

ГОЛОД – КАТАСТРОФА И НОВЫЙ ПОРЯДОК

В 1930–1934 гг. погибла как минимум четверть населения Казахстана. Свыше 1,5 млн чел. умерли от голода или болезней. Массовые смерти начались, когда из аулов были вывезены все продовольственные запасы, а у кочевников отобран скот. Всюду царила одна и та же картина нищеты: истощенные дети на железнодорожных станциях, непогребенные трупы вдоль дорог, кровавые драки за крошку хлеба, разрушенные семьи, людоедство.

Люди голодали по всему Советскому Союзу. Помимо Казахстана тяжелее всего пострадали Украина, Северный Кавказ и Поволжье¹. Сталинское руководство всегда имело точную информацию о положении дел и пыталось управлять процессом. С ранней осени 1932 г. оно, наряду с некоторым смягчением планов заготовок, реагировало на обострение ситуации посредством постановлений Политбюро, программ помощи, кадровых перестановок, широкомасштабных перемещений населения и принудительных мер. В среднесрочной перспективе большевики тем самым добились в основном одного – превращения и без того тяжкого бедствия в роковую катастрофу. Казахское общество распалось².

Кризис достиг пика *после* принятия мер по выходу из него, поскольку все попытки спасения со стороны большевиков имели целью главным образом не помощь голодающему населению, а поддержку слабеющей экономики и сохранение социального контроля. Эти проблемы волновали «рабоче-крестьянское государство» в первую очередь. Выполнение планов по заготовкам, как и прежде, пользовалось приоритетом и служило единственным мерилom успехов или

---

¹ Данные о числе жертв сильно разнятся. Разумные расчеты дают от 5,5 до 6,5 млн чел. Большинство (3,5 млн чел.) умерло на Украине. См.: Davies R. W., Wheatcroft S. G. *The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933*. Houndmills, 2004. P. 401.

² Об эрозии социальных ценностей см.: Кенжалиев З. Ж., Даудетова С. О. *Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.)*. Алма-Ата, 1993. С. 137–139.

неудач ответственных работников и государственных служащих³. Снабжение голодающих (особенно если для этого требовалось поделиться резервами, уже предназначенными на другие цели) далеко ему уступало.

Правда, нищета миллионов смущала некоторых большевиков. Но они соглашались на эту жертву. С их точки зрения, в эрозии социального скрывался определенный шанс. Она готовила почву для системы зависимости и вынужденной субординации. Люди больше не могли избегать институтов и структур советского государства. Кооперация становилась вопросом жизни и смерти. В этом смысле голод советизировал казахское общество, в равной мере служа условием и инструментом реализации большевистской власти в степи.

Размеры катастрофы

Голод начался не внезапно и не во всех районах Казахстана одновременно⁴. Уже зимой 1929–1930 гг. государственные органы зафиксировали значительный рост числа случаев «истощения» и недоедания. К тому времени относятся и первые случаи смерти от голода. Вначале голод затронул в основном два региона: аграрные северные районы Казахстана, первыми подвергшиеся сплошной коллективизации, откуда хлеб можно было вывозить без особых проблем, и запад республики, где население, включая адаевцев, зависело от хлебной торговли на рынках. В 1929 г. хлеба на западе стало не достать⁵.

В начале 1930 г. посыпались плохие новости из северного Казахстана. В частности, в Павлодарском округе положение резко ухудшилось за несколько недель. В феврале ответственные товарищи забили тревогу. Они уверяли, что не поддаются панике, но бюро окружка считает своим партийным долгом сигнализировать о реальной опасности провала всей политики партии в округе. Рассказывали о селах, где остались одни женщины, потому что все мужчины отправились на поиски работы и пропитания, и о столь сильном сокращении посевных площадей, что продовольственное снабжение обеспечива-

³ Edele M. *Stalinist Society, 1928–1953*. Oxford, 2011. P. 196.

⁴ Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945*. Paris, 2006. P. 230 ff.

⁵ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 28. Л. 71 (письмо Голощекина и Исаева Микояну, 29 декабря 1929 г.). Об этом регионе см. также: Kindler R. «...es gibt menschliche Opfer». *Hungerkrise und Herrschaftsdurchsetzung in Westkasachstan, 1927–1934 // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität* / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 153–157.

ется лишь благодаря закупке хлеба в Сибири⁶. Похожие сообщения приходили и из других мест. В июне 1930 г., по прикидкам властей, в северных районах Казахстана голодали и действительно нуждались в продовольствии свыше 100 тыс. чел., только в Актюбинском округе – больше 40 тыс. В это число входили отнюдь не одни казахи, горькую нужду терпели и русские, и немецкие крестьяне.

В административные центры непрерывно шли ходоки из сел и аулов с просьбами о хлебе. Отчаявшиеся женщины осаждали функционеров. Кое-где просители, сбиваясь в разъяренные толпы, пробовали брать штурмом склады и амбары. Довольно часто они обнаруживали при этом, что «их» хлеб уже вывезен из района⁷. В некоторых местах государственные учреждения перед лицом «крайне решительно настроенных» голодающих прекращали работу⁸. В Алма-Ате сложилось впечатление, будто местные органы управления «бомбардируют» ее телеграммами о крупных продовольственных проблемах. Руководство реагировало с раздражением, требуя, чтобы товарищи изыскивали собственные резервы и проявляли инициативу⁹. В первые месяцы кризиса Алма-Ата еще старалась представить происходящее как отдельные случаи, прямо друг с другом не связанные. И предпринимались столь же отдельные попытки оказывать хотя бы минимальную помощь тем или иным группам¹⁰. Местные власти хорошо знали, где больше всего не хватает еды и сколько нужно хлеба, чтобы прокормить население.

Уже к этому моменту, летом 1930 г., наметилась тенденция, которая принесла печальные плоды в дальнейшие месяцы и годы: в неразберихе полномочий и обязанностей разнообразных ведомств тонули не только запросы из районов, но и указания из центра. На бумаге голодающим оказывалась помощь. Однако подобные решения оставались без последствий, если соответствующие организации не располагали необходимыми ресурсами либо уже запланировали пустить их на другое. Например, казахский филиал «Союзхлеба» летом 1930 г. получил задание выделить 30 тыс. пудов хлеба для помощи населению в Петропавловском округе. Распоряжение по-

---

⁶ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 86 (доклад Павлодарского окружкома партии, 27 февраля 1930 г.).

⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 132. Л. 107–109 (спецсообщение № 15 о продовольственных затруднениях, 14 июля 1930 г.).

⁸ АП РК. Ф. 719. Оп. 2. Д. 125. Л. 139 (письмо Альшанского Рошалью, 12 июля 1930 г.).

⁹ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 86. Л. 52 (телеграмма Исаева Курамысову, 22 апреля 1930 г.).

¹⁰ Там же. Л. 65 (постановление СНК КАССР, 13 января 1930 г.).

ступило в отчаянной ситуации: местные власти уже начали снимать со снабжения целые группы населения. Центральная контора филиала подтвердила задание и велела окружной конторе выдать хлеб, хотя было известно, что склады на месте пусты. На все более настойчивые запросы из округа центральная контора отвечала, что меры принимаются, а сама, в свою очередь, донимала петропавловское отделение. «Таким образом, – резюмируется в одной докладной, – вместо реального разрешения вопроса получается одна только телеграфная чехарда»¹¹.

Большевистских руководителей занимало другое: выполнение планов по хлебо- и скотозаготовкам, трудности коллективизации, идущее через пень-колоду оседание, вооруженные столкновения и массовые откочевки. Не замечая надвигающейся катастрофы, они попали в ловушку динамики, которой сами положили начало. Сначала еще казалось, что все обойдется. Хотя все экономические показатели резко упали, урожай 1930 г. обеспечил выживание большинству степняков. Однако в 1931 г. проблемы возникли вновь и в обостренной форме. Этот год, вопреки ожиданиям, из-за плохой погоды выдался неурожайным¹². Смертельная угроза нависла в первую очередь над недавно переведенными на оседлость казахами. Только что распаханное поле, к которым их привязали, ничего или почти ничего им не принесли. Они не располагали сколько-нибудь существенными ресурсами на черный день и не знали «крестьянских» способов перебиться в тяжелые времена. Позже Исаев заявил, что попытка простым росчерком пера превратить кочевые районы с их сухими степными почвами в аграрные – одна из важнейших причин катастрофы¹³. Скотоводы всюду обнаруживали, что раздобыть хлеб теперь почти невозможно, однако планы по заготовкам никто не отменял. Кочевники стали забивать свой скот. Таким образом, они за короткое время в значительной мере «проели» основу собственного существования. Остальное довершили заготовительные кампании и

---

¹¹ АП РК. Ф. 719. Оп. 2. Д. 125. Л. 140 (письмо Альшанского в крайком, 17 июня 1930 г.).

¹² Подробнее см.: Davies R. W., Wheatcroft S. G. *The Soviet Famine of 1932–33 and the Crisis of Agriculture // Challenging Traditional Views of Russian History* / ed. S. G. Wheatcroft. Houndmills, 2002. P. 69–91; Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 52–54.

¹³ См. об этом: Payne M. *Seeing Like a Soviet State. Settlement of the Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography* / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. Houndmills, 2011. P. 72.

колхозы: крайком пропагандировал «полное обобществление» скота, животных сгоняли в громадные стада – и обрекали на голодную смерть из-за нехватки кормов¹⁴. Летом и ранней осенью начались массовые откочевки новых «оседлых» поселенцев.

Даже в аграрных районах с преобладанием европейского населения кадровые работники занервничали. «Семян в колхозах... нет ни фунта... Хлебозаготовку скоро вывезут. Чем же сеять?» – вопрошал в письме агроном из Убаганского района. Отчаявшийся специалист заканчивал свое послание словами: «Я Вам и написал это письмо, надеясь, что колхозная система и советская власть не настолько же слабы и невнимательны, что... не допустят такой бесхозяйственности, чтобы превратить в пустующую безлюдную ковыльную степь один из самых товарных своих участков»¹⁵.

В 1932 г. наступил окончательный крах. Сельское хозяйство агонизировало, последние резервы были съедены, урожай получился еще хуже, чем в предыдущем году, а большевики продолжали забирать из регионов хлеб и скот¹⁶. Беда пришла практически во все уголки Казахстана. Везде люди бежали от угрозы голодной смерти. Степные области центрального Казахстана почти совершенно обезлюдели. Из Жана-Аркинского района уже в декабре 1932 г. сбежало больше половины населения¹⁷. В Тургайском районе еще проживало не более 5 тыс. семей¹⁸. А в январском докладе 1933 г. из Чубартауского района говорилось: «По последним данным, в районе осталось около 1 500 хозяйств с количеством до 7 000 человек, причем в связи с обострением продзатруднений откочевочное движение усиливается. За отсутствием в районе хлебных фондов принимаемые райорганизациями меры к прекращению откочевок положительных результатов не имеют. Имевшийся семенной фонд, несмотря на запрещение облисполкома, райорганизациями израсходован на продовольствие еще в ноябре–декабре, и на ян-

---

¹⁴ Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане: Трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. С. 18.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 75. Л. 33–35. Оpubл.: Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012. Т. 1. Кн. 2. С. 129–130.

¹⁶ Общий обзор см.: Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Years of Hunger. P. 137 ff.

¹⁷ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 68. Л. 8 (справка об откочевках и оседании возвращающихся хозяйств, 20 ноября 1932 г.).

¹⁸ Там же. Д. 73. Л. 224 (справка ОГПУ о продовольственных затруднениях в селах и аулах, 10 октября 1932 г.).

варь никаких продфондов в районе нет»¹⁹. Куда подались жители Чубартауского района, никто сказать не мог.

И без того плохое сообщение между административными центрами и периферией во многих местах полностью нарушилось. Особенно зимой, когда свирепствовали снежные бураны, целые районы месяцами были отрезаны от внешнего мира²⁰. Центральные органы управления имели весьма смутное представление о том, что творится в глубинке²¹. Число умерших часто не поддавалось даже приблизительному подсчету. Статистика велась чрезвычайно обрывочно и избирательно²². Цифры в официальных бумагах ни в малейшей степени не проясняли запутанную общую картину, но своей мнимой точностью создавали впечатление, будто катастрофа вполне преодолима. Так, одна сводка ОГПУ гласила, что во всем Казахстане с декабря 1931 г. по октябрь 1932 г. от последствий голода и связанных с ним болезней умерло в общей сложности «14 459» чел.²³ Достоверные данные вряд ли можно установить хотя бы задним числом, поскольку мертвых часто не регистрировали, число беженцев, которые так и не вернулись, точно не известно и, наконец, любые демографические расчеты грешат большими допущениями ввиду ненадежности их важнейшей основы – результатов переписей населения 1926 и 1937 гг. По этой причине трудно определить и долю отдельных этнических групп в общей массе жертв голода (около 1,5 млн чел.). Очевидно одно: казахи, как по сравнению с другими проживающими в Казахстане национальностями, так и в абсолютном исчислении, находятся среди них в большинстве со значительным отрывом²⁴. Впрочем, опираясь

---

¹⁹ Там же. Д. 667. Л. 1 (доклад о положении в Чубартауском районе, 1 января 1933 г.).

²⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827. Л. 32. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 2001. С. 31–35.

²¹ ЦГА РК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 17. Л. 36–37 (доклад Розыкулова, [июль 1932 г.]).

²² На Средней Волге, напротив, даже в самый разгар голодного кризиса смертные случаи и их причины тщательно учитывались. См.: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. С. 237–239, 515–516.

²³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 73. Л. 220 (справка о продовольственных затруднениях в селах и аулах, 10 октября 1932 г.).

²⁴ Подсчеты см.: Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du Monde Russe. 1999. Vol. 40. No. 4. С. 763–796; Асылбеков М. Х., Галиев А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, 1991; Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999; Козыбаев М. К.

только на абстрактную статистику, нельзя оценить настоящие размеры катастрофы. Гораздо лучше их отражают многочисленные доклады из районов, ясно показывающие, что государственным органам и ведомствам справиться с ситуацией оказалось не по силам.

«Живые скелеты» – голод и социальная дезинтеграция

О массовом голоде часто пишут как о времени беспорядка, когда наступает «хаос», общество распадается, население больше «не повинуется властям» и действует на свой страх и риск²⁵. Для голода в Казахстане также характерен процесс эрозии прежних принципов порядка. Солидарность и социальная сплоченность, слабея под перманентным натиском, в конце концов не выдержали. Развивая мысль Яна Филиппа Реемтсма, можно сказать: утратило смысл одно из самых существенных оснований человеческой социализации – доверие, то есть вера в то, что люди в основном питают по отношению друг к другу мирные намерения²⁶.

Голод разрушал общество как в самих голодающих районах, так и за их пределами. Укрыться от катастрофы и ее последствий не мог никто. «Одичали» собственно голодающие, но и других людей, их

Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы // Вестник НАН РК. 1991. № 11. С. 7–13; Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане. С. 28–29. О примерно 1,5 млн жертв голода говорится также в работах: Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192; Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 264 ff.; Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: Причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.). Алматы, 2009. С. 5. Историки, принадлежащие к русской диаспоре в Казахстане, считают эти данные завышенными. См.: Хлюпин В. Н., Пузанов В. И. Обратная сторона элиты // Геноцид. Русские в Казахстане: Трагическая судьба / сост. В. Н. Хлюпин. М., 2011. С. 92–94. Об интерпретациях количества жертв и значении расчетов склонных порой к преувеличениям казахских националистов см.: Mark R. A. Die Hungersnot in Kazachstan. Aufarbeitung der stalinistischen Verbrechen // Osteuropa. 2007. Jg. 57. H. 8–9. S. 571–588. О переписи населения 1937 г.: Schlögel K. Terror und Traum. Moskau 1937. München, 2008. S. 153–173. Критические замечания о переписи населения в Казахстане: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 96–123 (доклад о переписи населения в Казахстане, [1937]).

²⁵ Gangrade K. D., Dhadda S. Challenge and Response. A Study of Famines in India. Delhi, 1973. P. 18.

²⁶ Reemtsma J. P. Vertrauen und Gewalt. Versuch über eine besondere Konstellation der Moderne. Hamburg, 2009. S. 30 ff.

окружавших, неотвратимо затягивала динамика нарождающегося «голодного общества». Однако голод не привел к полной «атомизации» общества, в чем то и дело вняты подобные чрезвычайные ситуации²⁷. Он породил новые формы социального порядка, которые лишь частично совпадали со старыми социальными структурами.

Симптомы распада

Голодающие начали употреблять в пищу траву и прочую растительность. Они ели собак, кошек, птиц, мышей – все, что можно было поймать в деревне или ауле. Разделывались и шли в котел павшие коровы и лошади. Уже захороненная падаль выкапывалась из могильников²⁸. Но такие суррогаты помогали продержаться недолго. Потом не оставалось ничего иного, как покинуть родные места. Люди тянулись к более крупным населенным пунктам, железнодорожным станциям, совхозам и большим стройкам, поскольку, даже если для нуждающихся поступало какое-то продовольствие, оно зачастую не доходило до сел и аулов ввиду отсутствия транспортных возможностей²⁹.

Родившийся в 1928 г. казахский поэт Гафу Каирбеков вспоминал о своем детстве и сценах, которым стал свидетелем в Тургае: «Этот городок, районный центр, стоит на возвышенном месте. Под ним речка, все улицы круто спускаются к ней. Мы, ребяташки, бежим босиком к реке. А на улицах люди, много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. Еле-еле, из последних сил... а некоторые уже недвижны, лежат на дороге как бревна. Мы через них переступаем. Пока спустишься к реке, через несколько трупов надо перешагнуть. Там, у воды, забивают скот. К этой бойне и ползут голодные. Кто доберется – пьет кровь животных...»³⁰

²⁷ См., напр.: Turnbull C. Das Volk ohne Liebe. Der soziale Untergang der Iik. Hamburg, 1973. Возражения против мысли о тотальном распаде общества в таких случаях см.: Dirks R. Social Responses during Severe Food Shortages and Famine // Current Anthropology. 1980. Vol. 21. No. 1. P. 21–44.

²⁸ О суррогатах см.: ГА РФ. Ф. 1235. Он. 141. Д. 766. Л. 54 (акт следственной комиссии в Петропавловском округе, 12 мая 1930 г.). О падали: Там же. Л. 53 (13 мая 1930 г.).

²⁹ По Жана-Аркинскому району см.: АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 68. Л. 4 (справка по Жана-Аркинскому району, [декабрь 1932 г.]). См. также: Там же. Оп. 5. Д. 169. Л. 3–3 об. (письмо Чагирова Фектеру, 21 августа 1932 г.).

³⁰ Михайлов В. Хроника великого джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1996. С. 5–6.

В своем классическом труде «Масса и власть» Элиас Канетти указал на последствия постоянной угрозы насилия и голода для «беглых масс». Такие группы поначалу отличаются чрезвычайно сильной внутренней сплоченностью, которая обусловлена, с одной стороны, надеждой на спасение, а с другой – внешними угрозами. Люди кооперируются, объединенные общей целью и идущей за ними по пятам опасностью. Даже когда шансы на избавление постепенно тают, беглецы продолжают держаться вместе³¹. Примерно о том же пишет и Вольфганг Софски: массовое бегство оказывает «уравнивающее воздействие», ибо «движение многих утверждает солидарность превыше индивидуального самосохранения»³². Но чем тяжелее обстоятельства, тем слабее солидарность беженцев. И когда перед ними встают препятствия, она окончательно рушится. Люди впадают в панику и даже становятся врагами друг другу: «Под конец каждый бежит сам по себе»³³. Так случилось и с казахскими беженцами. Их сообщества распались в скитаниях по степи, которые часто длились не один месяц. Многие свидетельствуют о том, что дезинтеграционные процессы протекают быстрее там, где социальные связи слабо развиты и не выдерживают больших нагрузок³⁴. Сперва тяготы пути и преследования со стороны красных отрядов заставляли беженские колонны разделяться на мелкие группы. Позже, когда иссякали последние припасы, а надежды на помощь не оставалось, беженцы бросали самых беспомощных, слабых и больных – хотя вовсе не каждый даже на краю гибели делал исключительное то, что служило его собственному биологическому выживанию³⁵. Процесс распада зачастую останавливался, дойдя до уровня нуклеарной семьи. Ее члены, как правило, и в тяжелейших условиях не расставались, пытаясь одолеть беду сообща³⁶. Мухамет Шаяхметов, например, описывая степную одиссею

³¹ Canetti E. Masse und Macht. Frankfurt a. M., 2006. S. 60 f.

³² Sofsky W. Zeiten des Schreckens. Amok, Terror, Krieg. Frankfurt a. M., 2002. S. 123. Аналогично: Idem. Traktat über die Gewalt. Frankfurt a. M., 1996. S. 166 ff.

³³ Sofsky W. Zeiten des Schreckens. S. 124.

³⁴ Яркий пример распада «беглой массы» – гибель наполеоновской Великой армии зимой 1812 г. См.: Zamoyski A. 1812. Napoleons Feldzug in Russland. München, 2012. S. 539 ff.

³⁵ Dirks R. Social Responses during Severe Food Shortages and Famine. P. 30.

³⁶ См. об этом: Spittler G. Handeln in einer Hungerkrise. Das Beispiel der Kel Ewey Tuareg // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012, S. 32 ff.

своей семьи, подчеркивает, что лишь тесные узы между его матерью и ее детьми помогли выжить им всем³⁷.

Чем дольше длился голод, тем сильнее увеличивалось число беспризорных детей. Во всех районах Казахстана их подбирали тысячами. В октябре 1932 г. в одних только 17 районах Восточно-Казахстанской области госорганы зарегистрировали более 12 тыс. сирот. Свыше 10 тыс. из них находились на «попечении» различных организаций³⁸. В середине 1934 г. это число достигло более чем 60 тыс. чел.³⁹ Из-за огромной смертности в детских домах в 1932–1933 гг. (в некоторые месяцы умирало свыше 10 % всех воспитанников⁴⁰), а также ввиду того, что далеко не все сироты попадали на учет, общая их численность в каждом случае была значительно выше. Одни теряли родителей и родственников вследствие их болезни или смерти. Других бросали.

Избавляться от детей требовала стратегия, направленная на выживание членов группы, способных к труду и воспроизводству, и сокращение числа «лишних» едоков⁴¹. Ее логика воплощена в казахской пословице: «Умрет у тебя верблюды – отстанешь от каравана, умрет ребенок – догонишь караван»⁴². Но все же сознательно оставляли детей без всякой надежды на спасение довольно редко⁴³. Большинство родителей, вынужденных расстаться с детьми, отчаянно пытались обеспечить своему потомству хотя бы теоретический шанс на жизнь. Многие надеялись, что детей возьмут к себе люди, находящиеся в лучшем положении. Они подбрасывали грудных младенцев к дверям советских учреждений или совали малышей в

³⁷ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin. London, 2006. P. 186 ff.

³⁸ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 78. Л. 240 (докладная Каруцкого Скоморухову, 27 октября 1932 г.).

³⁹ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–34 (справка о детских домах в КАССР, [середина 1934 г.]).

⁴⁰ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 78. Л. 241.

⁴¹ См. об этом: Ó Gráda C. Famine. A Short History. Princeton, 2009. P. 61.

⁴² Цит. по: Kirchner M. Zur Bildhaftigkeit im kasachischen Sprichwort // Oriens. 1994. Jg. 34. S. 459–469.

⁴³ О проблеме «брошенных детей» см. также: Rahmato D. Famine and Survival Strategies. A Case Study from Northeast Ethiopia. Uddevalla, 1991. P. 185 ff.; Panter-Brick C. Nobody's Children? A Reconsideration of Child Abandonment // Abandoned Children / ed. C. Panter-Brick, M. T. Smith. Cambridge, 2000. P. 1–26. Пантер-Брик указывает, что своей эмоциональной окраской образ «брошенного ребенка» в значительной мере обязан западным представлениям о семье и детстве.

руки проезжим⁴⁴. Кто-то не видел иной возможности, кроме как пожертвовать одними детьми ради других. Казахский литературовед Мекемтас Мырзахметов рассказал в начале 1990-х гг. о самом трагическом событии в своей жизни. Летом 1933 г. его мать перед лицом верной смерти решила вместе с ним и его сестрой отправиться за помощью к родственникам. По дороге на них напали волки. Звери тоже оголодали, потому что в степи для них давно не осталось добычи. Положение было безвыходным. Погибли бы все, если бы мать не бросила одного из детей на съедение. Она оставила волкам дочь. Для сохранения рода, объясняла она позже, сын нужнее⁴⁵.

Государственные органы с ситуацией не справлялись. Уже в марте 1932 г. администрация города Семипалатинск увидела необходимость открыть три новых детских дома на 400 мест каждый, но средств на это не имела, а в 12 уже существующих учреждениях, переполненных сверх всякой меры, дети голодали⁴⁶. Инспекции и ревизии казахских детских домов выявляли мрачную картину. Дети везде недоедали, многие страдали заразными болезнями, в помещениях царил грязь и отсутствовали самые элементарные предметы обстановки. Порой ослабевшие воспитанники сидели в собственных экскрементах⁴⁷. В некоторых учреждениях работники разворовывали продукты и другое имущество, нисколько не заботясь о детях⁴⁸. В городке Озерск ответственные лица из 60 тыс. рублей, выделенных на детский дом, использовали по назначению всего 4 тыс. Остальные деньги, несмотря на все усилия следствия, так и не были найдены⁴⁹. В Павлодаре представители власти свозили всех подобранных в городе детей в пустующий дом и держали там в чудовищных условиях: «Не распространяясь подробно об умирающих и о трупах, найденных во дворе перед домом, в сенях и в самом доме, скажем в общих чертах, что дети, помещенные в этом “приюте”... получают лишь раз в день небольшое количество каши или супа с крошечным куском хлеба, валяются на полу и на печке в грязи и вони, в абсолютной темноте ходят под себя, плачут, а некоторые уже не в силах плакать, только

---

⁴⁴ Михайлов В. Хроника великого джута. С. 328.

⁴⁵ Там же. С. 158–159.

⁴⁶ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 78. Л. 60 (письмо Семипалатинской деткомиссии в Алма-Ату, 3 марта 1932 г.).

⁴⁷ Там же. Л. 28 (акт о детском доме в Семипалатинске, 8 июля 1932 г.).

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 22. Л. 101–103 (акт о детской трудовой коммуне в Тебединске, 12 июня 1934 г.).

⁴⁹ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 78. Л. 78 (докладная о деткомиссии Восточно-Казахстанской области, 29 июля 1932 г.).

стонут или хрипят»⁵⁰. Если куда-нибудь поступала какая-то продовольственная помощь, она чаще всего оказывалась недостаточной или малопригодной для детей. В ряде детских домов воспитанникам любого возраста неделями не давали ничего кроме немолотой ржи, потребление которой приводило к кишечным заболеваниям и уровню смертности свыше 80 %⁵¹.

В некоторых местах власти начали отправлять детей и подростков в деревню, в так называемые детские коммуны. Эти коммуны превращались для их обитателей в смертельную ловушку. В июле 1932 г. инспекторы посетили одну из них – в селе Стеклянском, километрах в двадцати от Семипалатинска, – и перед ними предстало ужасное зрелище. В нескольких полуразвалившихся домах, принадлежавших раньше выселенным «кулакам», жили около 500 детей – из 1 200, которые были тут пару недель назад. За истекшее время остальные умерли или сбежали куда глаза глядят. Все оставшиеся страдали от недоедания, многие – от заболеваний желудочно-кишечного тракта. По мнению единственного здешнего фельдшера, большинство не имело шансов выжить. Помещения тонули в грязи, продукты завозились от случая к случаю. Присутствующий на месте персонал инспекторы сочли профнепригодным, прочие сотрудники находились в Семипалатинске, оставив детей на произвол судьбы⁵².

С точки зрения руководящих товарищей, беспризорные дети-сироты представляли досадную проблему, которую они то и дело энергично призывали устранить. Ответственных работников, которые явно ничего в этом отношении не делали, регулярно ругали. В ноябре 1933 г. секретарь Яны-Курганского райкома на одном совещании жаловался, что в его районе 400 бездомных детей, которые должны содержаться на средства области, а он до сих пор не получил «ни копейки». Поэтому и еще потому, что предназначенное для них продовольствие «воруют», «смертность этих детей» остается высокой⁵³. Но в иерархически организованной системе продовольственного снабжения голодающие сироты стояли на самой нижней ступени⁵⁴. Будучи в большинстве своем

⁵⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5233. Л. 8–9. Оупбл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.: Сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1998. С. 108.

⁵¹ ЦГАРК. Ф. 509. Он. 1. Д. 78. Л. 80.

⁵² Там же. Л. 26–27 (акт обследования детского городка Стеклянское, 6 июля 1932 г.).

⁵³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5894. Л. 26 (стенограмма совещания руководителей кочевых и полукочевых районов, 6 ноября 1933 г.).

⁵⁴ О том же в других охваченных голодом регионах см.: Falk B. Sowjetische Städte in der Hungersnot 1932/33. Staatliche Ernährungspolitik und städtisches Alltagsleben. Köln, 2005. S. 299 ff.

не в состоянии работать, они не могли надеяться на доступ к дефицитным ресурсам. К тому же предназначенные для детских домов фонды с легкостью присваивались или пускались на другие цели, так как малолетние воспитанники редко подавали жалобы и опасность разоблачения в данном случае была невелика. Дети и подростки толпами сбегали из детдомов, в которые их засовывали. Они сбивались в преступные банды, сообща охотившиеся за едой. Одиночке такие группы давали опору и определенную защиту⁵⁵.

Исчерпав все резервы, некоторые голодающие преступали последние табу и начинали есть человеческое мясо. Известия о подобных случаях быстро разлетались среди населения, повергая людей в ужас. Рассказывали, будто на базарах порой под видом обычного мяса продается человечина и особая опасность грозит детям, поскольку их легче поймать и мясо у них нежнее, чем у взрослых⁵⁶. Такое действительно не раз бывало⁵⁷. При этом дети по большей части становились жертвами не чужих людей, а своих же родных и знакомых. Иногда даже родители ели части тел собственных умерших детей⁵⁸.

В некоторых местах возникали банды из дошедших до предела отчаяния голодающих, которые нападали на других людей, чтобы убить их и съесть. В разгар голода в ряде районов эти группы стали настолько опасны, что даже многое повидавшие руководители ездили туда в командировки со страхом⁵⁹. Мансур Гатауллин рассказал об увиденном в одном колхозе близ Караганды в июле 1932 г.: «Выхожу из машины – никого и ничего вокруг, только длинная база для скота стоит. Открываю дверь, а там трупы. Все огромное помещение – в штабелях трупов... Я вышел обратно. А на улице крики. Безумные растрепанные женщины с ножами набросились на шофера, пытаются его резать. Я выстрелил в воздух, они разбежались. Пригляделся, а неподалеку казан стоит на огне. Варится что-то. Приоткрыл крышку – а там, в булькающей воде, то ножка мелькнет, то ручка, то детская пятка...»⁶⁰

---

⁵⁵ О подобных бандах см.: Galley M. Wir schlagen wie eine Faust. Gangs, Gewalt und Subkultur der sowjetischen Straßenkinder, 1917–1937: Unveröffentlichte Masterarbeit. Humboldt-Universität zu Berlin, 2012. S. 43–71.

⁵⁶ См.: Kazakhstan. The Forgotten Famine. 28 December 2007, online, UNHCR Refworld. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4783869028.html> (02.10.2013).

⁵⁷ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 719. Л. 276 (спецсообщение о продовольственных затруднениях от Миронова, 10 апреля 1933 г.).

⁵⁸ Там же. Л. 271.

⁵⁹ Михайлов В. Хроника великого джута. С. 9.

⁶⁰ Там же. С. 357.

Особенно зимой 1932–1933 гг. ОГПУ отмечало множество случаев, когда людей заманивали в ловушку, убивали, разделяли и поедали, например: «В ночь на 4 марта неизвестная казашка с двумя детьми 6 и 8 лет, проходя через аул Карамуны, Т[алды]-Курганский район, попросилась переночевать в доме Тойгамбаева, последний ночью с группой в 6 человек эту женщину и детей зарезали, сердце и легкие ночью были сварены и съедены, а остальное мясо спрятано. [...] В зимовке, 18 км от ст. Гуляевки, был обнаружен труп мужчины, мягкие части тела были отрезаны. По дороге было обнаружено 10 трупов взрослых и 5 детских, на некоторых из них видны следы убийства, мясо срезано (с взрослых трупов)»⁶¹.

Людоеды угрожают сплоченности сообществ, поскольку попирают одну из фундаментальных заповедей человеческого общежития, гласящую, что люди не едят друг друга⁶². Поэтому в случае поимки им нечего рассчитывать на снисхождение. Вся ненависть и тревога оказавшегося под угрозой сообщества обрушивается на них. Их безжалостно преследуют и убивают⁶³. Жители села Сартума, обнаружив, что среди них живут люди, которые едят части трупов и убивают детей, заперли их в холодную землянку и заложили двери, чтобы уморить их голодом. Когда пленников через некоторое время обнаружили, один уже скончался, остальные лежали при смерти⁶⁴.

Раскрывая подобные случаи, милиция и ОГПУ всегда подробно протоколировали, в каком состоянии найдены трупы. Они тщательно описывали скальпированные головы, вырезанные почки, сердце и печень, валяющиеся кругом конечности, котлы, где плавали части тел⁶⁵. Материалы с обилием деталей каннибализма не только документировали девиантное человеческое поведение, они служили также для рационализации зверских преступлений, ведь преступники обычно рассматривались как патологические личности. Человек должен быть болен, чтобы сделать такое. Лишь в отдельных случаях

⁶¹ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 673. Л. 19–20 (сводка ОГПУ об убийствах и людоедстве по Алма-Атинской области, 16 марта 1933 г.).

⁶² Это относится практически ко всем человеческим сообществам. См.: Arens W. *The Man-Eating Myth. Anthropology and Anthropophagy*. Oxford, 1979.

⁶³ Kindler R. *Die Starken und die Schwachen. Zur Bedeutung physischer Gewalt während der Hungersnot in Kasachstan (1930–34)* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Jg. 59. H. 1. S. 72 f.

⁶⁴ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 719. Л. 115 (справка ОГПУ о продовольственных затруднениях в КАССР, 1 апреля 1933 г.).

⁶⁵ Там же. Л. 275–276; Д. 673. Л. 18–20; Д. 675. Л. 11–12 (справка о людоедстве в селе Тахтаброд, 11 мая 1933 г.).

власти говорили, что это «классовые враги» и «кулаки» подстрекают других к людоедству⁶⁶.

В феврале 1933 г. Ураз Исаев получил письмо из Кармакчинского района, расположенного на восточном берегу Аральского моря. Руководящий советский работник писал об ужасном положении в районе: «Голодная смертность приняла массовый характер. Вот факты: 15-го [февраля] я лично дал распоряжение начальнику милиции объехать окрестности города, и он обнаружил 30 трупов. 16-го им же было обнаружено 11 трупов. В райцентре около 200 человек опухших каждый день осаждают меня, просят хлеба (а вообще нуждающихся еще больше). Предрика только что приехал из колхозов, он рассказывал, что дорога в райцентр усеяна трупами... Районные работники передают, что нет колхоза, где нет смертных случаев и опухания... Уполномоченные, которые были в районе, лошадь, на которой они ездили, берут ночевать в комнату, а днем ставят часового у лошади, т. к. были случаи, когда прямо днем вонзали нож в горло или живот лошади в надежде, [что] кое-что ему достанется от мяса или крови»⁶⁷.

Степь теперь превратилась в гигантскую зону смерти⁶⁸. Во многих местах власти не могли ни кормить живых, ни хоть как-то хоронить мертвых. Никто не давал себе труда рыть могилы, трупы складывали в придорожные канавы и ямы⁶⁹. Зачастую только приезд уполномоченного со стороны заставлял вспомнить элементарные правила обращения с мертвецами. У местного населения и местных функционеров не было сил заботиться о телах умерших. Как правило, проблема разрешалась лишь в тех случаях, когда людям платили за сбор и погребение мертвых хлебом и крупой — «сдельно»⁷⁰.

Мертвые наглядно показывали еще живым, что их ждет. Но вместе с тем трупы явно уже никого не пугали. «Проезжая в Семипалатинск, я видел, как на вокзале буквально подмели умерших от голода 2-х казахов, причем это никого не удивило», — делился первыми впечатлениями только что прибывший в Казахстан функционер летом 1932 г.⁷¹ В более или менее крупных населенных пунктах непогребенные мертвецы стали обычной деталью уличного пейзажа. В сте-

⁶⁶ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675. Л. 11–12.

⁶⁷ ЦГА РК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 33–43 (письмо Кунашаева Исаеву. 20 февраля 1933 г.).

⁶⁸ Многочисленные примеры см.: Михайлов В. Хроника великого джута.

⁶⁹ ЦГА РК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 29 об.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 115.

⁷¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1371. Л. 48 об. (доклад М. Першина о положении в Казахстане, [лето 1932 г.]).

пи дело и вовсе обстояло просто. Пути сообщения между селениями были усеяны телами умерших от голода. Особенно жуткое зрелище представляли собой вымершие «поселки-гиганты» – стройные ряды из сотен заброшенных юрт, где лежали одни мертвецы⁷². «На всей территории» Чубартауского района, докладывал уполномоченный в сентябре 1933 г., лежат незахороненные тела. В радиусе километра вокруг колхоза его люди нашли больше двадцати трупов. В юртах аула № 10 никто больше не живет, там помимо трупов обнаружены отдельные человеческие кости – по-видимому, объедки. Население рассказывает и о других подобных лагерях смерти. Это проливает свет на то обстоятельство, что не только тело убитого председателя районной контрольной комиссии неделями оставалось в степи непогребенным, но и рядом со зданием ОГПУ валяются мертвые тела и даже отдельные черепа, на которые никто не обращает внимания⁷³. Один совхозный директор, когда с ним заговорили о найденных на территории его совхоза частях трупов и черепах, отрубил: «Знаешь, я так занят, прямо по горло, что не до этого было»⁷⁴.

За исключением весьма немногих мест, упорядоченной жизни практически настал конец. Сельскохозяйственное производство развалилось, потому что для работы в поле не хватало людей: «Есть колхозы, где нет ни одного человека, могущего ходить на ногах»⁷⁵. Поголовье скота, уже сильно сократившееся, таяло все быстрее. В степи еще способны были существовать только небольшие группы, которые промышляли воровством и разбоем и ничего не боялись⁷⁶. А там, где не осталось ни одной живой души, хозяевами степи вновь стали волки и другие хищные звери. Готовые на все «бандиты» и хищники представляли смертельную опасность для любого путника за пределами сел и колхозов⁷⁷.

Лица голода

Голод разительно воздействует на человека. Он не метит свою жертву сразу, ее фигура, лицо и не в последнюю очередь характер ме-

⁷² Михайлов В. Хроника великого джута. С. 11–12.

⁷³ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 115 (доклад о Чубартауском районе, 9 сентября 1933 г.).

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 80. Л. 85 (письмо Аронштама Сталину, Кагановичу, Постышеву и Рудзутаку, 20 августа 1932 г.).

⁷⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 254 (доклад Мирзояну, [весна 1933 г.]).

⁷⁶ Там же. Ф. 719. Оп. 4. Д. 68. Л. 8.

⁷⁷ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. P. 85 ff.

няются через некоторое время. Голодная смерть не приходит неожиданно и внезапно, она предупреждает о своем приближении в течение дней, недель, а порой и месяцев. На основании множества различных примеров длительного голодания людей известно, как влияет на организм перманентная нехватка еды⁷⁸. Человек худеет, выглядит изможденным и под конец напоминает скелет. Его кожа обесцвечивается и теряет эластичность, мышцы атрофируются, вследствие чего он начинает горбиться. Голодающий часто апатичен и равнодушен к окружающему миру⁷⁹. Круг его интересов сужается, и в итоге он может думать только о еде. Голод вытесняет все прочие ощущения⁸⁰, толкая людей на самые крайние отклонения от их «нормального» поведения⁸¹.

Лица голодающих в первую очередь вызывают ужас и отвращение у тех, кто с ними сталкивается. С этих лиц смотрит сама смерть. Со стороны может показаться, будто с радикальным изменением черт лица связана также утрата личности, индивидуальности. Джорджо Агамбен, говоря о тех, кого называли мусульманами* в немецких концлагерях⁸², попытался объяснить, почему люди, отмеченные голодом, внушают такой страх. По его мнению, на их лица глядят, как

---

⁷⁸ О разных стадиях недоедания и связанных с ними физических и психических отклонениях см.: Dirks R. Social Responses during Severe Food Shortages and Famine. P. 23 f.; Butterly J. R., Shepherd J. Hunger. The Biology and Politics of Starvation. Hanover, NH, 2010. P. 55 ff.

⁷⁹ Franklin J. C. et al. Observations on Human Behavior in Experimental Semistarvation and Rehabilitation // Journal of Clinical Psychology. 1948. Vol. 4. No. 1. P. 28–45; Helweg-Larsen P. u. a. Die Hungerkrankheit in den deutschen Konzentrationslagern // Gesundheitsschäden durch Verfolgung und Gefangenschaft und ihre Spätfolgen: Zusammenstellung der Referate und Ergebnisse der Internationalen Sozialmedizinischen Konferenz über die Pathologie der ehemaligen Deportierten und Internierten, 5.–7. Juni 1954 in Kopenhagen, und ergänzender Referate und Ergebnisse einschl. 1955 / hg. M. Michel. Frankfurt a. M., 1955. S. 170 f.

⁸⁰ Turnbull C. Das Volk ohne Liebe.

⁸¹ Sorokin P. Man and Society in Calamity. The Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence upon Human Mind, Behaviour, Social Organization and Cultural Life. New York, 1942. P. 82. Примеры см.: Reid A. Blokada. Die Belagerung von Leningrad, 1941–1944. Berlin, 2011. S. 279 ff.

* В данном случае – аналог русского «доходяги». – *Примеч. пер.*

⁸² Ryn Z., Kłodziński S. An der Grenze zwischen Leben und Tod. Eine Studie über die Erscheinung des «Muselmanns» im Konzentrationslager // Die Auschwitz-Hefte. Texte der polnischen Zeitschrift «Przegląd lekarski» über historische, psychische und medizinische Aspekte des Lebens und Sterbens in Auschwitz / hg. J. August. Bd. 1. Hamburg, 1995. S. 89–154.

в зеркало: «Каждый видит в нем собственный угасающий облик». Внешность голодающего олицетворяет «порог между человеком и нечеловеком»⁸³.

Сохранившиеся описания голодающих казахов иллюстрируют это пограничное состояние между жизнью и смертью. Перед Мухаметом Шаяхметовым предстали «не люди, а ходячие скелеты» с «ввалившимися, пугающе безжизненными глазами», являвшие собой «ужасное зрелище»⁸⁴. Камил Икрамов, сын первого секретаря ЦК КП Узбекистана Акмаля Икрамова, из окна отцовского персонального вагона увидел на станции Казалинск «скелеты, живые скелеты с маленькими детскими скелетами на руках»⁸⁵. Некоторые партийные деятели рассказывали, что при виде полумертвых от голода детей у них затряслись руки и потом они долгое время не могли спать ночами⁸⁶. Каждый раз при этом речь шла о первой встрече с голодающими и первом знакомстве с последствиями крайнего истощения. Зрелище голодных детей, нищих побирушек, умирающих, которые лежали на улицах, рылись в отбросах и дрались за крошки хлеба, особенно потрясало наблюдателей со стороны⁸⁷. Доходящая порой до абсурда картина соседства обычного советского быта с человеческой трагедией вызывала у них возмущение. Заезжий контролер явно был вне себя, когда докладывал Сталину и Молотову о том, как в Талды-Курганском районе в одном ларьке «3 молодца стояли “торговали” ТРЕМЯ парами резиновых галош и портретами тов. Голощекина». «Можно ли придумать худшего вида издевательство над голодающим населением», – добавил он⁸⁸.

Первоначальный ужас у многих людей сменялся – по крайней мере, внешне – равнодушием и черствостью. Никто не мог беспрерывно терзаться чужим горем. Это касалось как закаленных чекистов, так и не пострадавшей части населения. Агнесса Миронова

---

⁸³ Agamben G. Was von Auschwitz bleibt. Das Archiv und der Zeuge. Frankfurt a. M., 2003. S. 43, 47.

⁸⁴ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. P. 137.

⁸⁵ Икрамов К. Дело моего отца: Роман-хроника. М., 1991. С. 97. Даты жизни А. И. Икрамова – 1898–1938.

⁸⁶ Cameron S. The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934: Ph. D. diss. Yale University, 2010. P. 281 f. Н. И. Бухарин также был потрясен, когда посетил Казахстан, см.: Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Новое о коллективизации в Казахстане // История Казахстана: Белые пятна / под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алма-Ата, 1991. С. 217.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 148. Л. 192–193 (письмо Васильева Молотову, [сентябрь 1932 г.]).

⁸⁸ Там же. Л. 193.

Король, супруга полномочного представителя ОГПУ в Казахстане С. Н. Миронова, вспоминала позже, как сопровождала мужа в командировке в Караганду в 1931 г. Миронов и его люди пошли в город по делам, вечером вернулись в свой вагон подавленные и молчаливые. Но в роскошной обстановке вагона, где не было недостатка ни в удобствах, ни в деликатесах, скоро расслабились, стали шутить и рассказывать анекдоты⁸⁹. Привилегированным чинам ОГПУ не составляло труда хотя бы на время выкинуть из головы только что увиденное, а большей части населения приходилось искать способы повседневного сосуществования с кошмаром.

Большинство людей начинали примиряться с чрезвычайной ситуацией, привыкать к присутствию голодающих. Чем дольше они сталкивались с голодающими, тем меньше обращали на них внимания. В степи, в селах и аулах, голодали чуть ли не все, однако там, где советская инфраструктура более или менее функционировала, дело обстояло иначе. В городах, на железнодорожных станциях, на стройках пятилетки и в совхозах в любой момент времени существовали значительные группы населения – управленцы, служащие, а также рабочие и их семьи – которые не голодали или, по крайней мере, не страдали от отсутствия еды permanently. Швейцарка Элла Майяр, посетившая советские республики Средней Азии в 1932 г., упоминала детей, просящих подаяние на станциях, как живописную деталь окружающей обстановки. Лишь в одном месте она прямо заговорила о судьбе казахов, описывая женщину с ребенком в «казахском вагоне»: «У малыша, вцепившегося в ее юбку, ножки-палочки с выпирающими коленками; исхудавшая попка свисает складками, как пустой сморщенный мешочек. Откуда они? Куда едут?»⁹⁰

Никто не хотел иметь дела с голодающими. Они разносили болезни и сигнализировали об опасности. Они считались угрозой для стабильности и безопасности устоявшихся сообществ, члены которых зачастую сами боролись за выживание, и вызывали соответствующую реакцию. ОГПУ сообщало из Караганды в январе 1933 г., что непрерывный приток беженцев от голода обостряет положение в городе. Гораздо больше, чем пребывание ослабленных людей на морозе под открытым небом, чекистов беспокоило другое: преступность

---

⁸⁹ Яковенко М. М. Агнесса. Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарном курорте, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, о жизни, прожитой на качелях советской истории. М., 1997. С. 56–57.

⁹⁰ Maillart E. *Turkestan Solo. Eine Frau reist durch die Sowjetunion* (1936). Stuttgart, 1990. S. 43, 293.

вышла из-под контроля, потому что эти люди, сбиваясь небольшими группами, нападали на хлебные магазины, грабили покупателей на улицах, отбирали лошадей у верховых. За один день были угнаны 10 лошадей и ограблены 2 хлебных ларька. Налет на мучной склад с трудом удалось отбить⁹¹. Тому, кто пресекал подобные правонарушения силой, не стоило опасаться санкций. Партийные руководители, маргинализируя, изолируя и депортируя голодающих, могли также рассчитывать на молчаливую терпимость со стороны большинства не голодающего населения. Никто не оказывал сопротивления, когда милиция и ОГПУ удаляли слабых из публичного пространства⁹².

Довольно часто антипатия к голодающим перерастала в открытое насилие. В апреле 1933 г. подобное состояние дел в Акмолинске засвидетельствовало даже читательское письмо в местную газету «Акмолинский ударник»: «Начинается красный рынок, его можно назвать красным только потому, что там ежедневно льется красная кровь. Откочевники шайкой или в одиночку рвут из рук продавцов, а также и покупателей продукты, пострадавшие их, конечно, за это дело бьют и до крови, и до полусмерти, а иногда до смерти»⁹³. Чем дольше длилась чрезвычайная ситуация, тем чаще доходило до вспышек насилия и самосуда. Голодающие превратились в подонков общества. Их гнали, осыпали угрозами, а то и убивали. Они были чужаками и попрошайками. Беженцы сливались в безликую серую массу, у которой нет будущего и прошлое которой никого не интересует⁹⁴.

Не случайно и вовсе не из-за отсутствия в то время технических возможностей по голоду в Казахстане очень мало изобразительного материала. Катастрофа не имела лица и не должна была обрести его. Покрову молчания следовало оставаться непроницаемым и для взгляда. Валентин Грёбнер предлагает объяснение причин, по которым власть имущие стараются не допустить появления изображений кошмара или, по крайней мере, держать их под семью замками: «Чем

---

⁹¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5774. Л. 8 (доклад Володзько об откочевниках в Караганде, 2 января 1933 г.).

⁹² Зачистка от голодающих проводилась в то же время и теми же методами, что и кампания по очищению городов от «социально чуждых элементов». См.: Shearer D. Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009. P. 181 ff.

⁹³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 719. Л. 279 (справка ОГПУ Гусеву и Егорову, ранее 7 мая 1933 г.). О похожей сцене на рынке в Акмолинске см.: Михайлов В. Хроника великого джута. С. 337.

⁹⁴ О фигуре беженца см.: Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Uneindeutigkeit. Hamburg, 1992. S. 73 ff.; Idem. Verworfenes Leben. Die Ausgegrenzten der Moderne. Bonn, 2005. S. 107 ff.

больше знакомых элементов содержат “невообразимо” ужасные картины страдания других, тем они действенней. Коллективная память строится на отборе и внедрении; мы должны помнить и трепетать, но перед подлинными, релевантными картинами. Поэтому не запечатленные на пленку зверства, сколь бы странно и цинично это ни звучало, как-то легче воспринимать. И поэтому картины ужасного в конечном счете дают столь точные сведения о визуальном порядке окружающей их среды. Картины, которые нарушают политические правила визуализации, “недопустимы”⁹⁵. Большевики это понимали. Они прекрасно знали, какое шокирующее и мобилизующее воздействие могут оказывать фотографии голодающих людей⁹⁶. Во время голода начала 1920-х гг. они сами совершенно сознательно – и с огромным успехом – пользовались такими снимками, чтобы вызвать чувство солидарности с голодающими⁹⁷. Через десять лет они, наоборот, сделали все, чтобы никакие известия и изображения из районов бедствия не просачивались наружу⁹⁸. Опыт голода невозможно прямо облечь в слова, в этом он схож с опытом физической боли⁹⁹. Но самими своими истощенными телами голодающие способны что-то сообщить о своем состоянии. То, чего нельзя сказать, можно показать¹⁰⁰. Чем меньше внимания уделяется голодающим, тем легче их изолировать.

Это наглядно продемонстрировал шестой пленум Казкрайкома в июле 1933 г., на котором шла речь и об «ошибках» и «перегибах» прошлых лет. Выступающие разъярили гуманитарную катастрофу на абстрактные понятия и проблемы. Они вещали о «продовольственных затруднениях», беспокоились из-за сокращения поголовья скота и ратовали за сохранение посевных площадей. О голодающих людях

---

⁹⁵ Groebner V. *Ungestalten. Die visuelle Kultur der Gewalt im Mittelalter*. München, 2003. S. 171.

⁹⁶ О значении визуальной репрезентации голода см.: Edkins J. *Whose Hunger? Concepts of Famine, Practices of Aid*. Minneapolis, 2000. P. 3 ff.

⁹⁷ Patenaude B. M. *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia*. Stanford, 2002.

⁹⁸ Примечательно, что доклады о голоде 1932–1933 гг. на Украине то и дело иллюстрируются снимками, которые, как легко доказать, сделаны во время голода 1921–1922 гг. в Поволжье.

⁹⁹ О некоммуницируемости боли см.: Scarry E. *Der Körper im Schmerz. Die Chiffren der Verletzlichkeit und die Erfindung der Kultur*. Frankfurt a. M., 1992. S. 12; Trotha T., von. *Zur Soziologie der Gewalt // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1997. Jg. 57. S. 29 f.

¹⁰⁰ Kindler R. *Die Starken und die Schwachen*. S. 69.

не говорил никто¹⁰¹. Только Хасен Нурмухамедов, работавший тогда заместителем председателя Государственной плановой комиссии КАССР¹⁰², нарушил табу: «Все говорим о сокращении поголовья скота... Но часто забываем об основном элементе производительных сил – о человеке. Население некоторых районов находится в очень тяжелом положении. Об этом надо прямо сказать партийной организации. Надо сказать, что мы имеем в Казахстане до 80 000 беспризорных детей»¹⁰³.

Выступление Нурмухамедова навлекло на него резкую критику. Секретарь Уральского обкома Г. И. Пинхасик воззвал к залу: «Животноводство, говорит тов. Нурмухамедов, не главный вопрос. Главное, по Нурмухамедову, заключается в том, что в Казахстане имеется 80 тысяч беспризорников, что люди плохо выглядели, что у них лица такие, что на них страшно смотреть. Я думаю, что к такой медицинской точке зрения пленуму присоединиться нельзя. Мы политики и не можем встать на такую буржуазно-филантропическую точку зрения»¹⁰⁴. Тем самым Пинхасик затронул самую суть: именно потому, что вид этих лиц и тел так потрясал и так глубоко врезался в память, большевики не хотели, чтобы о них говорили. Нурмухамедов признал свою «ошибку»: «Я допустил излишнюю детализацию, когда воспроизводил бедственное положение откочевников. Это дало повод товарищам сделать вывод, что я просто филантропически фотографирую положение. В этом отношении замечание т. Пинхасика я принимаю. Но заявляю, что делал я это с целью заострить внимание пленума на борьбе с последствиями откоचेвок»¹⁰⁵.

Изгнание и изоляция

Во всех городах и на важных станциях Казахстана были развернуты пункты выдачи питания. Зачастую они служили местами, куда голодных беженцев сгоняли умирать. Даже официально установленных норм выдачи не хватало для жизни: семье из 4 чел. полагалось

---

¹⁰¹ По крайней мере, судя по опубликованной стенограмме: Шестой пленум Казакского Краевого Комитета ВКП(б), 10–16 июля 1933 г.: Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1936.

¹⁰² Биографию Х. Н. Нурмухамедова (1900–1938) см.: Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биогр. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007. С. 259–260.

¹⁰³ Шестой пленум Казакского Краевого Комитета ВКП(б). С. 184.

¹⁰⁴ Там же. С. 209.

¹⁰⁵ Цит. по: Михайлов В. Хроника великого джуга. С. 298.

около 25 кг хлеба на месяц. Точнее это означало 150 г хлеба в день на ребенка, 250 г на неработающего взрослого, 350 г – на работающего¹⁰⁶. Но и эти жалкие пайки представляли собой не более чем теоретический максимум. В реальности дело часто обстояло, например, как в Каратале: «Обед (состоявший из воды, засыпанной мукой), хватает лишь половине людей, а потом наливают в котел чистую воду и раздают остальным»¹⁰⁷. Питательные пункты в городе Аулие-Ата тоже не выполняли заявленную функцию, смертность там наблюдалась огромная: «Вследствие необорудованности питательных и др. пунктов, полной их антисанитарии, а также недостаточности питания, смертность прикочевщиков на почве эпидемий и истощения продолжается. За период с 10.2 до 3.3 с/г [1933 г. – Р. К.] зафиксировано смертей прикочевщиков 1 023 чел. [...] За 14 дней из поступивших 252 чел. умерло 108 чел. Из поступивших 295 чел. детей в дом ребенка за 38 дней умерло 78 человек»¹⁰⁸.

Милиция, задерживая голодающих беженцев, отправляла их в подобные питательные пункты и приемные лагеря, которые всегда находились на отшибе – в пригороде, на краю станционной территории, в отдаленных селах. Это якобы предотвращало распространение различных болезней и облегчало координацию мер по оказанию помощи. На самом деле устройство лагерей прежде всего имело целью изолировать беженцев. Здесь они были надежно отрезаны от остального населения¹⁰⁹. В малом отражалось большое, свойственное Советскому Союзу в целом, – убеждение, что «беспольных» людей надо убирать с дороги и выбрасывать на «свалку»¹¹⁰.

Власти регулярно пытались «чистить» города и станции от голодающих¹¹¹. Больших успехов такие чистки не приносили, поскольку место выдворенных тут же занимали новые беженцы. Тем не менее ответственные лица не отказывались от этой практики, стараясь не допустить, чтобы ситуация, с их точки зрения, вышла из-под контроля. Летом 1932 г. в Алма-Ату хлынуло столько беженцев от голода, что горсовет распорядился закрыть местный питатель-

¹⁰⁶ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 254 (письмо Мирзояну).

¹⁰⁷ Там же. Л. 255.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 719. Оп. 4. Д. 673. Л. 7–8 (справка об откочевниках в Аулие-Ате, 8 марта 1933 г.).

¹⁰⁹ О таких же методах на Украине см.: Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. Das Schwarzbuch des Kommunismus. Sowjetunion. München, 2002. S. 140.

¹¹⁰ Об этих понятиях см.: Werth N. Die Insel der Kannibalen. Stalins vergessener Gulag. München, 2006. S. 176.

¹¹¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 52–53 (протокол заседания Актюбинского горкома ВКП(б), 15 апреля 1934 г.).

ный пункт. Милиция заявила, что не справляется с бесчисленными «элементами»¹¹². Лексика милиционеров показательна: милиция, ОГПУ и часть партработников все чаще смотрели на бесприютных людей как на проблему для безопасности. Отдельные группы, говорилось в справке ОГПУ летом 1933 г., превратились в «деклассированные элементы» и мерами помощи не охватываются. Эти казахи воруют, спеулируют, нищенствуют и незаконно таскают урожай с полей¹¹³. Во многих местах власти довольствовались удалением голодающих из публичного пространства. Потом они предоставляли несчастных самим себе¹¹⁴.

В Семипалатинске все организации отправляли в барак № 6, здание на краю города, «кого захотят»: беженцев от голода, «русский спекулянтский элемент», «паразитов» и прочие «трудные случаи». За снабжение и охрану барака никто себя ответственным не считал¹¹⁵. Руководство Чуйского района устроило барачный лагерь, где более 600 чел. прозябало в ужасных условиях. Там не было ничего. Больные и умирающие лежали на грязном полу в собственных экскрементах. За раздачей еды никто не следил, поэтому самым слабым не доставалось ни крошки. Трупы не хоронили, а кое-как забрасывали снегом и камнями, на всей территории лагеря не имелось ни одного отхожего места. Поскольку бараки стояли в низине, весной, когда снег стал таять и близлежащее озеро вышло из берегов, их затопило. Хотя различные инстанции неоднократно указывали на катастрофическое положение в лагере, долгое время не принималось никаких мер. Понадобилось вмешательство вышестоящих органов, чтобы более-менее устранить хотя бы самые вопиющие проблемы¹¹⁶.

Высокая смертность в питательных пунктах и приемных лагерях объяснялась, помимо «продовольственных затруднений» и нехватки медикаментов, также структурными причинами. Тех, кто туда попадал, не только изолировали, но и «фильтровали», выявляя и отсеивая баев и прочих «врагов». Особое значение этому аспекту придавалось в приемных пунктах, через которые (по крайней мере, теоретически)

¹¹² ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 17. Л. 21–23 (письмо управления милиции Исаеву и Миронову, 17 июня 1932 г.).

¹¹³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 19. Л. 331 (справка ОГПУ об откочевках в Казахстане, 22 июля 1933 г.).

¹¹⁴ См., напр., о Караганде: Там же. Д. 675. Л. 2–3 (справка ОГПУ, после 11 апреля 1933 г.).

¹¹⁵ ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 14. Д. 871. Л. 36–37 (справка об обследовании барака № 6, 5 марта 1933 г.).

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 41. Л. 74–75 (справка о ситуации в Чуйском районе, 4 декабря 1933 г.).

проходили все казахи, возвращавшиеся из других советских республик и из-за рубежа. Если туда вообще поставлялось продовольствие, то процедура его распределения носила самый усложненный и бюрократизированный характер, какой только можно вообразить. Например, в Меркенском районе она выглядела следующим образом: «Во-первых, прибывшего записывают в общий список прибывших за день работники питпункта, затем этот список представляется опертройке на утверждение, после утверждения список передается Коспиту на заключение и для отпуска хлеба и также других продуктов, после всего список передается сектору снабжения общественного питания Коспита, который даст задание на выпечку хлеба и выдачу продуктов на другой день в столовую питпункта»¹¹⁷. При таких обстоятельствах в данном приемном лагере умирало от голода множество людей¹¹⁸.

Вдобавок местные власти часто пытались отделаться от голодающих совсем, высылая их в другие регионы. Обездоленных людей гоняли из одного места в другое. В городе Туркестан, где задержанные голодающие содержались в ужасных условиях в развалюхах на городской окраине, погрузили более 80 чел. в вагон, сунув каждому в руки по 800 г хлеба, и отправили в многодневный путь в Аулие-Ату. Приехали туда высланные в жалком состоянии, немало их умерло в дороге¹¹⁹. На заводской стройке в Меркенском районе весной 1933 г. прибывающие беженцы от голода взяли в осаду столовую и жилища рабочих. Дирекция, местное партийное руководство и рабочие представители прибегли к радикальным средствам: поставили в кузов грузовика два ведра с объедками. Когда голодающие ринулись к ним, капкан захлопнулся; людей отвезли на грузовике в дальний горный район и там высадили. «Таких рейсов было несколько, – говорилось в сообщении о происшествии, – что получилось с брошенными людьми, органы ГПУ еще не установили»¹²⁰. Руководители повсюду отби-

---

¹¹⁷ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 229. Л. 9 об. (акт от Семенова из Меркенского района, 27 января 1933 г.).

¹¹⁸ Обвиняемые в этом работники утверждали, что ни единого случая голодной смерти там не было. См.: Там же. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 141 (протокол опертройки, 28 января 1933 г.).

¹¹⁹ Там же. Д. 7. Л. 25–27.

¹²⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6017. Л. 26 (справка об откочевниках в Меркенском совхозе Сахарного треста, 7 июля 1933 г.). В другом докладе об этом случае сказано, что детей беженцев таким образом спровадили в Киргизию и бросили там на произвол судьбы: ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 14. Д. 869. Л. 151. В наказание несколько товарищей были исключены из партии и отданы под суд.

вались от беженских групп руками и ногами¹²¹. В Алма-Ату изо всех районов республики сыпались жалобы, в которых местные начальники обвиняли друг друга в бездействии и самоуправстве¹²².

С точки зрения многих функционеров европейского происхождения, занимавших ключевые посты в аппарате, голод представлял собой чисто казахскую проблему¹²³. И многие товарищи-европейцы не могли найти в себе сочувствия к обездоленным, больным беженцам, чье состояние, казалось, подтверждало все их предрассудки: дескать, казахи «грязные» и «не умеют работать». Некоторые считали надуманный образ казахов как «нечистого» и «больного» коллективного субъекта индульгенцией для любых форм их дискриминации. В совхозах и на фабриках директора-европейцы, вопреки ряду прямо противоположных распоряжений, снимали нуждающихся казахов со снабжения, отдавая их на волю судьбы. В их глазах они являлись «форменной саранчой, поедающей все»¹²⁴, угрозой и без того жалким урожаем. Поэтому многие руководители одобряли принцип распределения продовольственных и семенных фондов в районах не по потребности, а по производительности, от чего чаще выигрывали европейские крестьяне-переселенцы. По мнению Никколо Пьянчолы, функционеры в этнически смешанных областях старались переложить наибольшие тяготы на плечи казахского населения¹²⁵. Так, секретарь Атбасарского райкома в ноябре 1933 г. в разговоре с партийным руководителем Казахстана Л. И. Мирзояном объявил, что хлеба в его районе нет. На вопрос Мирзояна: «Сколько человек останется без хлеба?» – он лаконично ответил: «Вся казахская часть». Учитывая приближение зимы, это признание было равносильно смертному приговору¹²⁶.

Руководящие работники на местах часто вели себя как мелкие диктаторы и творили с голодающими все что в голову взбредет. К таким людям относился, например, директор каратальского совхоза Друз. Уполномоченный Бохов, инспектировавший совхоз, заявил, «что никакие английские колонизаторы и даже испанские не были спокойны проводить те издевательства, которые мы имеем в условиях диктатуры пролетариата, еще в Каз[ахской] Сов[етской] Соц[иалистической]

---

¹²¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5774. Л. 9 (доклад Володзько об откочевниках в Караганде, 2 января 1933 г.).

¹²² ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 300.

¹²³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 69. Л. 87.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 80. Л. 88.

¹²⁵ Pianciola N. Famine in the Steppe.

¹²⁶ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5984. Л. 40.

республике над казахами, на советском рисосовхозе в Каратальском районе»¹²⁷. В совхозе жили и трудились несколько сотен беженцев от голода. Их избивали, с ними во всех отношениях обращались хуже, чем с русскими рабочими, им не разрешали занимать пустующие дома, построенные для европейских спецпоселенцев, и, в отличие от русских рабочих, месяцами не платили зарплату. По распоряжению Друза всем казахам, которые ввиду ослабленного состояния не могли выполнять нормы выработки, урезали хлебный паек на треть¹²⁸. Директор, сознавшийся, что большинство бригадиров у него в совхозе – бывшие кулаки, которые дают волю своим антиказахским настроениям, еще раньше успел заслужить репутацию врага кочевников. В марте 1932 г. он выселил группу казахов на дальнее соляное озеро, чтобы, как он выразился, «не отравлять воздух страшной вонью этих колхозников». Больше ста человек умерли там от плохой воды, тысяча с лишним сбежали. В более чем 150 семьях, поселенных на территории совхоза в последующие месяцы, свыше 180 чел. умерли от голода¹²⁹. Бохов констатировал, «что здесь как-то это считается нормальным явлением»¹³⁰. Последствий Друзу и его приближенным опасаться не стоило. Как член Алма-Атинского обкома Друз пользовался неприкосновенностью. Он не только ловко хоронил заведенные на него дела, но и успешно оправдывался перед новым партийным боссом Казахстана Мирзояном¹³¹. Люди вроде Друза не сомневались, что с голодающими беженцами ни производительность не повысишь, ни новые сельскохозяйственные площади не освоишь. От своей рабочей силы они требовали результатов, а от тех, кто их не давал, без зазрения совести отделялись. «Кто вам велел прикочевывать, раз сами приехали, так и живите, как хотите, у меня для вас продуктов нет», – объявил один колхозный председатель в Джамбейтинском районе группе обессиленных беженцев, которые просили его о помощи¹³².

Широкое распространение получил обычай использовать казахов исключительно как сезонных рабочих, а зимой увольнять. За их дальнейшую судьбу никто в администрации совхозов истроек от-

---

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 145 (письмо Бохова Таболову и Тулепову, 28 августа 1933 г.).

¹²⁸ Там же. Л. 144.

¹²⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 255.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 143.

¹³¹ Там же. Л. 142; АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 256.

¹³² АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 68. Л. 12 (справка об откочевках и репатриантах в КАССР, 20 ноября 1932 г.).

ветственности не чувствовал. В результате, к примеру, летом 1933 г. милиция Караганды только за июль–август насчитала на улицах города 800 умерших, большинство из которых раньше работало на окрестных стройках и было уволено за невыполнение норм¹³³. Лозунг первых советских лет «Кто не работает, тот не ест» – со всеми вытекающими последствиями – применялся и к беженцам.

Голодные годы до предела обострили в степи межнациональную рознь. Ожесточенная борьба за дефицитные ресурсы разгорелась прежде всего между европейскими крестьянами-переселенцами и казахами. Особенно колхозники, которые в 1933 г. еще растили хлеб, видели в постоянных налетах на их поля угрозу самому своему существованию. Поэтому многие колхозы выставляли караулы, чтобы защитить урожай от голодных людей. То и дело происходили стычки и перестрелки между налетчиками и караульными. Голодающие нередко штурмовали поля большими группами по 30–40 чел.¹³⁴ Это явление приобрело такие масштабы, что в некоторых регионах грозило серьезными потерями урожая. Власти не только дозволили колхозную самооборону, но и сами летом 1933 г. организовали мобильные заградотряды, не подпуская голодающих к полям¹³⁵. Не сказать, чтобы подобные меры решили проблему, но они свидетельствовали о том, что неголодающее население объединяли с властями общие интересы.

Некоторые крестьяне вершили самосуд над предполагаемыми «преступниками»¹³⁶. В селе Камышлово в начале августа 1933 г. угнали четырех лошадей с пастбища. Чуть позже заместитель председателя сельсовета Санников поймал казаха, который вел одну из украденных лошадей. Пойманный клялся, что купил животное у «известного конокрада» из соседнего аула. Санников с четырьмя вооруженными людьми поскакал в указанный аул. По пути они арестовывали всех встречных казахов, отбирали у них лошадей и избивали пленных до потери сознания. В этом принимал участие и председатель облсовета Бойков, случайно наткнувшийся на команду Санникова. В ауле, где

¹³³ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 226. Л. 6.

¹³⁴ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 674. Л. 66–85 (доклад об урожае хлеба, охране урожая и хлебосдаче, 20 июля 1933 г.).

¹³⁵ Там же. Л. 86–88 (приложение к докладу об урожае хлеба, данные на 21 июля 1933 г.). См. также: Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5775. Л. 44 (справка об охране урожая в Актюбинской области, [лето 1933 г.]).

¹³⁶ Там же. Ф. 719. Оп. 4. Д. 667. Л. 67 (справка ОГПУ о контрреволюционно-шовинистической группировке в селе Хрящевка, Карагандинская область, 22 марта 1933 г.). См. также: ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 869. Л. 149 (доклад о проявлениях великодержавного шовинизма, [осень 1933 г.]).

якобы жил конокрад, они нашли только нескольких его родственников, которые ничего не могли сказать по делу. «У вас не разберешь, кто вор, кто не вор. Все вы, казахи, воры и сволочи. С вами по-хорошему нельзя!» – закричали русские и принялись избивать двух родственников беглеца. Одного из них связанным повезли в свое село, по дороге устраивая ему инсценировки расстрела, чтобы заставить его говорить. Через день истерзанного человека отпустили, но по району скоро поползли слухи, будто арестованный казах был тайно умерщвлен¹³⁷. Крестьяне подвергали казахов наказанию, которое считали для них подобающим. Право на самосуд издавна укоренилось в их сознании; все попытки установить в их сообществах государственную монополию на насилие мало что тут меняли, тем более когда представители государственной власти сами участвовали в подобных эксцессах. Обращения в государственные суды крестьяне отнюдь не чурались, однако в случае конокрадства предпочитали полагаться на собственные обычаи и правовые представления¹³⁸. В отличие от зачастую непонятных им судебных решений, приговор крестьянского самосуда следовал однозначным и ясным критериям: скотокрады заслуживали смерти, особенно если речь шла о казахах.

В письме первому секретарю Казкрайкома Мирзояну несколько казахских коммунистов предостерегали: «Нынешнее бедственное положение казахской части населения... убеждает [европейцев. – Р. К.] в природном несовершенстве казахов, в их дикости, звероподобности и т. д., тем самым и питает, порождает и усиливает шовинизм»¹³⁹. В своих наблюдениях эти товарищи были не одиноки. Даже поборников русофильской линии, которым чересчур широкая коренизация партийного и государственного аппарата принесла бы мало хорошего, казалось, пугала обстановка в Казахстане. Бывший первый секретарь ЦК КП Туркмении Г. Н. Аронштам¹⁴⁰ писал Сталину и Кагановичу, что «можно, не боясь преувеличений, говорить о разгуле великодер-

¹³⁷ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675. Л. 158–160 (доклад о великодержавном шовинизме и самосуде в Булаевском районе, 28 августа 1933 г.).

¹³⁸ McDonald T. Face to the Village. The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930. Toronto, 2011. P. 236 f.; Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999. P. 245 ff.

¹³⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 257.

¹⁴⁰ Г. Н. Аронштам (1893–1938) был первым секретарем ЦК КП Туркмении в 1928–1930 гг. Об Аронштаме и советской национальной политике см.: Edgar A. L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan, Princeton, 2004. P. 86 f., 114, 118 (п.).

жавного шовинизма в Казахстане». Наблюдается, продолжал он, ряд «проявлений чисто зоологической ненависти к казахам»¹⁴¹.

То, что Аронштам на корректном партийном языке именовал «великодержавным шовинизмом», имело для пострадавших казахов роковые последствия. Их систематически увольняли, лишали продовольственного снабжения, изгоняли. Голодающие, которые были не в состоянии ничего производить, тормозили и без того тяжело идущее развитие сельского хозяйства, грозя остановить его совсем. Во многих местах казахских рабочих считали просто-напросто «отбросами» и хлебные пайки им давали минимальные (если вообще давали)¹⁴². Всюду выявлялись, изгонялись и маргинализировались «деклассированные элементы». Никакие центральные инстанции и никакие директивы не координировали и не направляли этот процесс. Однако ответственные лица на всех административных уровнях, от местных советов до краевых и республиканских партийных комитетов, действовали по единому образцу: всеми средствами пытались избавиться от беженцев, потому что не могли и не хотели нести расходы, связанные с попечением об этих людях.

«Нужно пользоваться моментом» – кадры и кризис

Работникам нижнего и среднего звена государственного и партийного аппарата в преодолении голодного кризиса принадлежала ключевая роль: они решали судьбу населения. Для товарищей в регионах эта ситуация означала одновременно удачный шанс и риск. Шанс – потому что они могли утвердить и упрочить свою власть, укрепить собственные сети. Риск – потому что никаких практических указаний по обращению с голодающими не было, и неверные шаги грозили привести к падению.

Беженцы от голода не укладывались в шаблонную жесткую схему категоризации советского населения. В рабочие мало кто из них годился, поэтому они обременяли местный бюджет как «лишние» едоки. Будучи казахами, они считались представителями «молодой нации», имеющими право на защиту от «великодержавного шовинизма» европейцев. А «бедняков» и «средняков» в силу их классовой принадлежности по большей части следовало поддерживать – но не «деклассированные» элементы, бродяжничающие по городам. Все эти факторы влияли на то, как партийные и советские работники относились к беженцам: помогали им, терпели их или гнали.

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 80. Л. 84.

¹⁴² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 256.

*Реализация власти «снизу»:
сети распределения, насилие, эксцессы*

В государственном и партийном аппарате никто не питал иллюзий насчет прочности как своего собственного положения, так и положения других товарищей¹⁴³. Задачи и планы постоянно противоречили друг другу, так что выполнение одних часто делало невозможным осуществление других. Отсутствие однозначности парадоксальным образом стало определяющим признаком системы, начертавшей призыв к однозначности на своих знаменах¹⁴⁴. По словам Стефана Мерля, «нарушение нормы со времен создания командной экономики в начале 1930-х гг. служило предпосылкой неисполнимости производственных приказов диктатора»¹⁴⁵. В этом противоречии крылась ахиллесова пята любой советской карьеры. Незаконным было то, что объявляли таковым вышестоящие инстанции и персоны. Сталинизм не знал надежных, объективных критериев правильного и неправильного – все зависело от вердикта лиц, обладающих на текущий момент интерпретационной властью¹⁴⁶.

Кадровые перестановки, переводы, периодические чистки могли закончиться для функционеров на видных постах и так и эдак. Каждый из них, в сущности, постоянно нарушал букву советских законов и хотя бы по формальным причинам в любой момент рисковал навлечь на себя санкции. Однако то же самое поведение при других обстоятельствах истолковывалось как доказательство «большевистской» решительности, принося похвалу и признание. Решительно все зависело от обстоятельств. Большевистские кадры действовали и работали, сознавая это, и в конечном счете неуверенность оказывала стабилизирующее влияние на систему¹⁴⁷.

Важнейший выход из этой дилеммы предлагала включенность в описанные выше сети, которые благодаря сочетанию личной пре-

---

¹⁴³ Kassymbekova B., Teichmann C. The Red Man's Burden. Soviet European Officials in Central Asia in the 1920s and 1930s // *Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization* / ed. M. Reinkowski, G. Thum. Göttingen, 2013. P. 165, 185 f.

¹⁴⁴ В основном см.: Baron N. Stalinist Planning as Political Practice. Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938 // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 3. P. 439–462.

¹⁴⁵ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. S. 105.

¹⁴⁶ Ledeneva A. V. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, 1998. P. 83 ff.

¹⁴⁷ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. S. 108 f.

данности, извлечения материальных выгод и знания порочащих подробностей друг о друге обеспечивала функционирование советской системы в степи (и не только)¹⁴⁸. Без подобных личных союзов реализовать советскую власть даже в зачаточных формах не удалось бы¹⁴⁹. Личные сети, во-первых, давали защиту от беспрестанных расследований и ревизий, назначаемых советскими контрольными инстанциями, – например, для выяснения причин провалов кампаний, – а во-вторых, помогали уберечь аппарат от полного паралича, вопреки структурной невозможности выполнять противоречивые планы¹⁵⁰.

Такие альянсы неизбежно были хрупкими. Поэтому их члены старались подстраховаться, подкупая или делая соучастниками незаконных действий как можно больше товарищей. Насилие, коррупция и организованное воровство стали неотъемлемой составной частью советской практики власти¹⁵¹. В колхозах и аулах подобным формам советской «административной организации» сопутствовала забота местных начальников о своей клиентеле – «социалистический патернализм», как назвал это Льюис Сигельбаум¹⁵².

Патерналистские сети выстроили общество голода. Часто они базировались на родстве и принадлежности к одному клану, но также формировались и на основании этнических признаков, землячества или политических предпочтений. Во всех районах, находящихся под угрозой голода, возникали сети, бравшие в свои руки снабжение и распределение продовольствия и других ресурсов¹⁵³. Участие в них

---

¹⁴⁸ О сетях внутри партии см.: Easter G. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, 2000. Об отношениях сталинского руководства и местных интересов: Harris J. R. *The Great Urals. Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999.

¹⁴⁹ Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. New York, 1999. P. 109 ff.; Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours*. P. 84.

¹⁵⁰ Fitzpatrick S. *Blat in Stalin's Times // Bribery and Blat in Russia. Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell, A. V. Ledeneva*. Basingstoke, 2000. P. 178.

¹⁵¹ Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours*. P. 76–78; Rittersporn G. T. *The Omnipresent Conspiracy. On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward*. London, 1998. P. 262.

¹⁵² Siegelbaum L. H. «Dear Comrade, You Ask What We Need». *Socialist Paternalism and Soviet Rural «Notables» in the mid-1930s // Stalinism. New Directions / ed. S. Fitzpatrick*. London, 2000. P. 231 f.

¹⁵³ См., напр.: Алланиязов Т. *Коллективизация по-карсакапайски, 1928–1933 гг.* Алма-Ата, 2001. С. 62–63.

являлось почти обязательным условием, чтобы пережить голод¹⁵⁴. Голодал тот, кто выпал из сетей выживания или так и не сумел найти к ним ходы. Они отгораживались от внешнего мира, их члены делали все, чтобы преградить или, по крайней мере, затруднить посторонним доступ к подконтрольным им ресурсам¹⁵⁵. Способность местных деятелей воспрепятствовать проникновению беженцев от голода (чужих) в собственную структуру была вопросом жизни и смерти. Из всех районов Казахстана ОГПУ сообщало о случаях придерживания продовольствия, раздачи его своим людям или продажи на базаре по завышенным ценам¹⁵⁶. Результат всегда получался один: обособление от голодающих помогало выживанию людей, организованных в сети распределения. Поэтому, например, члены одной партийной ячейки в Тургайском районе постановили выдавать жителям своего аула по 600 г «продовольственной помощи» в день, тогда как беженцам из других аулов полагалось 4 кг в месяц, то есть по 135 г на день¹⁵⁷.

Направленный в тот же Тургайский район, который у товарищей в Алма-Ате всегда слыл особенно отсталым, эмиссар докладывал, что распределение скота и продовольствия здесь монополизировано отдельными родами. Сильные роды посадили в местные органы управления своих активистов и коммунистов, отрезав от ресурсов более слабые группировки. Поэтому члены последних первыми умирали от голода. Как во многих других случаях, одни казахи пользовались своим преимуществом перед другими казахами¹⁵⁸. Нечто подобное происходило и в прочих местах. В августе 1932 г. в одном ауле Урдинского района умерли от голода семь колхозников. Они несколько раз тщетно просили помощи у аулсовета. Но их просьбы отклонялись, поскольку они не принадлежали к роду остальных жи-

---

¹⁵⁴ Shayakhmetov M. *The Silent Steppe*. P. 183–188. О корреляции групповой солидарности и шансов на выживание см.: Ó Gráda C. *Famine*. P. 45 f., 90 f.

¹⁵⁵ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 168. Л. 135–136 (докладная Уразова и Акжанова Исаеву, 2 октября 1934 г.). Это касалось также сетей внутри калдровых иерархий с их дифференцированными возможностями снабжения: Osokina E. *Our Daily Bread. Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941*. New York, 2001. P. 61 ff.

¹⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 209–211 (опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 636); ГА Западно-Казахстанской обл. РК. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19 (опубл.: Там же. С. 631).

¹⁵⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6017. Л. 22 (вырезки из справок о кочевых районах, [лето–осень 1933 г.]).

¹⁵⁸ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 1. Л. 208 (письмо Гатаулина Голодову, Исаеву и Кулумбетову, 13 марта 1933 г.).

телей аула. Оба партийца, заведовавших распределением скудных запасов, решили обеспечивать только членов собственного клана¹⁵⁹. «Байская верхушка», утверждалось в справке ОГПУ, захватила советские учреждения и правления колхозов, а «получив в свои руки такое мощное оружие экономического давления на родичей враждебного рода... доводила членов слабейших родов до вымирания». Кроме того, добавляли чекисты, воровство приобрело широкие масштабы в качестве элемента клановых конфликтов и «используется как средство экономического разорения одним родом другого»¹⁶⁰.

Руководство в Алма-Ате очень старалось объяснить развал хозяйства главным образом «вредительством» таких местных группировок, которые якобы годами действовали против интересов государства и своих колхозов. Примером в данном отношении может служить дело колхоза «Первое Мая» в Акбулакском районе. Здесь группу руководящих товарищей обвинили в том, что они вели «контрреволюционную» деятельность, прилагая все усилия к уничтожению поголовья скота, порче урожая и поломке инвентаря. На самом деле их прегрешение заключалось в первоочередной заботе о себе и своих семьях. После ареста обвиняемые признались, что делили между собой все отпускавшееся колхозу из района: «Несмотря на то что были бедняки колхозники, которые умирали от голода, — мы им ничего не выдали». Вдобавок члены группы присваивали хлеб при взвешивании урожая и подделывали документы. Поскольку в колхозе подобные махинации не могли долго оставаться тайной, они запугивали остальных колхозников, заставляя их молчать. Тем не менее по этому делу были осуждены в общей сложности 14 человек, шесть из них приговорены к расстрелу, остальные к заключению, часть — на большие сроки¹⁶¹. Ради защиты от столь драконовских наказаний партийные работники организовывались в сети, структурно приспособленные к тому, чтобы отстаивать интересы «государства» так, как они считали целесообразным и полезным. Собственное самоуправство функционеры всегда оправдывали с помощью риторики классово-борьбы и формулировок, соответствующих актуальной партийной линии. Их личные враги при этом становились «контрреволюционными элементами».

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1371. Л. 269.

¹⁶⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1449. Л. 106–118. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1939: В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и др. М., 1999–2006. Т. 3. С. 427.

¹⁶¹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5775. Л. 5–6 (справка о контрреволюционной группировке в колхозе «Первое Мая», Акбулакский район, Актюбинская область, 9 марта 1933 г.).

ми» и «эксплуататорами», их клановые междоусобицы именовались борьбой с «бандами» и «беспорядками».

С началом голода вражда между конкурирующими сетями и кланами усилилась, а захват одной из сторон ключевых постов существенно затруднял ее противникам доступ к исыжающим ресурсам¹⁶². Для проигравших это могло иметь тяжелые последствия, как довелось узнать в начале 1933 г. нескольким функционерам Аральского района, которые чуть не умерли с голоду, после того как конкуренты в аппарате полностью вытеснили их из снабженческих структур¹⁶³. Подобная маргинализация целых групп могла быть результатом давних конфликтов. В Чубартауском районе противостояли друг другу два больших клана – туленгеты и кереи. Туленгеты, на чьей территории находился кочующий «районный центр», держали в своих руках все важные должности в районе, пока кереи в 1932 г. не ухитрились перенести райцентр к себе и не начали соответственно завоевывать аппарат. После ареста части «старого руководства» в связи с убийством одного местного функционера ситуация накалилась. Теперь все интриговали против всех¹⁶⁴. Чем завершился конфликт, неизвестно, да и не столь важно. Главное, что местные кадры погрязли в бесконечной борьбе за власть, пока люди вокруг мерли как мухи. В Чубартауском районе даже в сентябре 1933 г., когда в других районах голод стал отступать, положение все еще было ужасным¹⁶⁵.

Тот, кто хотел взять верх в борьбе за власть, в средствах не стеснялся. Особенно впечатляющий пример жадности власти продемонстрировал в начале 1933 г. недавно назначенный секретарь Мангистауского райкома Джангазиев. На крайнем западе Казахстана он нашел идеальные условия для содержания приближенных и клиентов. За несколько недель он посадил полтора десятка из них на важнейшие должности в районе, хотя очень немногие отвечали хотя бы минимальным требованиям к большевистскому функционеру. Нового председателя торговой конторы Кузурбаева уже дважды исключали из партии, новый фининспектор Жаленов играл важную роль в правительстве «Алаш-Орды». Остальные имели партийные взыскания за участие в «групповщине» либо сомнительное социаль-

---

¹⁶² Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: История власти. Опыт реконструкции. Алма-Ата, 2008. С. 341–342.

¹⁶³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6107. Л. 4–4 об. (доклад уполномоченного по Аральскому району, 6 февраля 1933 г.).

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 112 (справка о Чубартауском районе, 9 сентября 1933 г.).

¹⁶⁵ Там же. Л. 115.

ное происхождение. Короче говоря, команде, которую собрал вокруг себя Джангазиев, терять было особо нечего, а в хаосе голодных лет она почуяла свой шанс. Прежних функционеров в ходе «чисток» снимали с постов, обвиняя в различных нарушениях и заставляя судебные органы выносить соответствующие приговоры¹⁶⁶. Джангазиев, человек недоверчивый, считал, что лучшее средство от заговоров и предательства – как можно более постоянный контроль. Он обязал всех ответственных работников района участвовать в непрерывных заседаниях райкома и его отделов. Никто не смел отсутствовать на этих мероприятиях, которые длились иногда дней по десять. Таким образом, Джангазиев прочно держал бразды правления в своих руках, зато район оказался полностью предоставлен сам себе, гласила справка ОГПУ¹⁶⁷.

Еще одна характерная черта сталинской практики власти – расположенность советских функционеров к насилию¹⁶⁸. Поскольку прежде всего они были представителями государства и применяли силу, очевидно, от его лица и по его поручению, насильственные явления кризисных лет порой обозначают понятием «государственное насилие»¹⁶⁹. Трутц фон Трота указал, что одно из «свойств произвола, и особенно насилия, – экспансионизм»: «В случае государственного произвола и насилия это означает, что в условиях отсутствия действенных институциональных и нормативных мер, которые удерживали бы насилие в определенных рамках, все взаимоотношения людей с государственным управлением приобретают налет произвола и насилия»¹⁷⁰. Этот налет предоставлял советским функционерам значительную свободу действий, пользоваться которой их неизменно

---

¹⁶⁶ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675. Л. 6–7 (справка о преступных действиях работников Мангистауского района, 5 мая 1933 г.).

¹⁶⁷ Там же. Л. 9.

¹⁶⁸ Plaggenborg S. Staatlichkeit als Gewaltroutine. Sowjetische Geschichte und das Problem des Ausnahmezustands // Staats-Gewalt, Ausnahmezustand und Sicherheitsregimes. Historische Perspektiven / hg. A. Lüdtkke, M. Wildt. Göttingen, 2008. S. 117–144.

¹⁶⁹ Holquist P. State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Landscaping the Human Garden. Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework / ed. A. Weiner. Stanford, 2003. P. 19–45.

¹⁷⁰ Trotha T., von. Über den Erfolg und die Brüchigkeit der Utopie staatlicher Herrschaft. Herrschaftssoziologische Betrachtungen über den kolonialen und nachkolonialen Staat in Westafrika // Verstaatlichung der Welt? Europäische Staatsmodelle und außereuropäische Machtprozesse / hg. W. Reinhard. München, 1999. S. 227.

поощряло руководство. Сталин и его подручные высоко ценили тех, кто умел «по-большевистски» справляться со всеми сложностями и трудностями¹⁷¹.

Поэтому «снизу», с точки зрения местных функциональных сетей, угрозы и насилие представлялись рациональным средством отправления власти. В особенно смутные времена физическое насилие оказывалось эффективной стратегией решения проблем. Кулаками можно было устанавливать и укреплять порядок и социальные отношения, а также ломать их и перестраивать. Это касалось не только палачей и жертв, но и (главное) третьей стороны, которой зачастую в первую очередь адресовалось послание, заключенное в акте насилия как социальной практике¹⁷². Насильственные преступления привязывали их виновников друг к другу. Правда, для местных сетей применение насилия таило в себе один крупный недостаток: совместно совершаемые насильственные действия, вкуче с подкупом и прочими формами извлечения своекорыстной выгоды, в перспективе отнюдь не способствовали взаимному доверию среди поделщиков¹⁷³.

В ауле Акир-Тюбинск Аулие-Атинского района местное советское руководство установило настоящий режим террора. Согласно справке ОГПУ о царившей там обстановке, жестокие побои служили единственным методом воздействия на массы. Насилие применялось не только против видных членов местного сообщества, но и против всего населения аула, в том числе женщин. Им, например, обрезали волосы – одно из худших унижений для казашек¹⁷⁴. Здешние функционеры вообще знали толк в унижительных наказаниях. В другом случае они истязали нескольких женщин, подбиравших на поле колоски, заставляя их садиться на колючки. При этом «секретарь а/с Исакулов расправлял колючки, чтобы они дошли “до места назначения”»¹⁷⁵.

---

¹⁷¹ Об этом типе большевиков см.: Baberowski J. *Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. Frankfurt a. M., 2007. S. 88. Пример такого «устранителя проблем»: Wheatcroft S. G. *Agency and Terror. Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History*. 2007. Vol. 53. No. 1. P. 20–43.

¹⁷² О функции физического насилия над слабыми см.: Schnell F. *Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933*. Hamburg, 2012. S. 344 ff. О коммуникативной функции акта насилия: *Ibid.* S. 359. О заключенном в насилии послании третьей стороне: Reemtsma J. P. *Vertrauen und Gewalt*. S. 467.

¹⁷³ Schnell F. *Räume des Schreckens*. S. 47 ff.

¹⁷⁴ Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. *Казахское обычное право в условиях советской власти*. С. 137–139.

¹⁷⁵ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675. Л. 69–70 (справка об избиении колхозников работниками Акир-Тюбинского аулсовета, 26 августа 1933 г.).

Подобными делами товарищи доказывали свое тотальное превосходство. Там, где жертвы не могли защищаться от насилия, склонность к нему возрастала. Очевидно, что именно слабость и беспомощность женщин побуждала их мучителей придумывать все более гнусные издевательства.

Не везде доходило до таких извращений, как в Акир-Тюбинске. Зачастую местным функционерам хватало угроз, чтобы держать население в повиновении. Но это работало лишь в том случае, если никто не сомневался, что за словами обязательно последуют дела. Так было, например, в Яны-Курганском районе, где руководители, скоперировавшись, распорядились районными хлебными фондами и подкармливали родных и клиентов. «Раз имеешь возможность, нужно пользоваться моментом. Район теперь в наших руках», – говорили эти люди, по данным ОГПУ¹⁷⁶. Верные вышеприведенному девизу, они назначили на важнейшие должности в аулах и колхозах своих ставленников, чья задача заключалась в том, чтобы прижать колхозников к ногтю. Когда район посетил уполномоченный областной администрации, один колхозный председатель без обиняков пригрозил крестьянам: «Кто осмелится обвинять нас, кто бы он ни был – в Яны-Курганске жить не будет. Если не хотите быть убитыми – держите язык за зубами». Как показывал позже один из колхозников, другой влиятельный член колхозного правления по такому же случаю заявил: «Райруководство в наших руках, т. к. они из нашего колхоза снабжаются хлебом и мясом, так что обвинить нас трудно»¹⁷⁷. Правление колхоза «Одроза» Кармакчинского района тоже обеспечило себе поддержку функционеров райцентра, регулярно поставляя им хлеб и мясо, в то время как простые колхозники голодали и питались «кошками, собаками, барсуками». Одна женщина в отчаянии отдала 11-летнюю дочь в жены брату члена правления. Муж, бывший намного старше девочки, через несколько дней и уже «после того, как она стала женщиной», отверг ее и выгнал из своего дома. Кроме того, руководители колхоза пользовались в личных нуждах рабочей скотиной и продуктами из местных фондов¹⁷⁸.

Коррупционные взаимосвязи между районной и колхозной администрацией, выгодные для обеих сторон и разрываемые только под угрозой собственного падения, лишали большинство колхозников жизненно необходимых вещей в пользу прихлебателей и родствен-

¹⁷⁶ Там же. Л. 42 (справка об аппарате Яны-Курганского района, 17 августа 1933 г.).

¹⁷⁷ Там же. Л. 43.

¹⁷⁸ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 299.

ников начальства. Функционеры укрепляли возникающую таким образом систему власти с помощью угроз, репрессий и насилия. Подобные формы интеграции в замкнутом кругу не только играли важную роль в делах с бедствующим населением, но и определяли отношения большевистских кадров между собой, когда те боролись за власть и влияние в степи.

Кое-кто совершенно открыто демонстрировал, как мало его занимают собственные обязанности, пока люди, вверенные его «печению», голодали. Начальник Талгарского райотдела ОГПУ А. Погорелов был известен как горький пьяница и поддерживал тесные связи со всеми, кто снабжал его спиртным, – особенно с врачами районной больницы и директором местного спиртзавода. В июне 1933 г. Погорелов в очередной раз подтвердил свою славу: вместо того чтобы явиться на пленум райисполкома, он в пьяном виде катался вместе с производителем спирта в открытой машине по городку. При этом они несколько раз объехали вокруг здания клуба, где заседал пленум, в результате чего среди участников пленума пошли «нездоровые разговоры»¹⁷⁹.

Еще сильнее отличилось начальство Бостандыкского района. Секретарь райкома Абдулин, председатель райисполкома Бабаев и райпрокурор Илеев провели лето 1933 г. в бесконечных попойках с проститутками и «дружками». Их разгул достиг вершины в тот вечер, когда все трое шатались по райцентру пьяными, а прокурор Илеев, раздевшись догола, «скандалил» на улице и совершил попытку изнасиловать жену другого функционера. Данный инцидент столь же недолго оставался в тайне, как и постоянные разъезды «тройки» по району с целью «проверки работы», как они это называли. На самом деле они, злоупотребляя властью, заставляли колхозы их содержать. Впрочем, это не единственное, в чем их можно было упрекнуть. Бабаева еще в 1929 г. исключили из партии, однако потом он сделал карьеру с помощью подлога, воспользовавшись партбилетом своего брата. Об Илееве говорили, что он подрывает политику партии, арестовывая колхозников без разбору и моря их голодом в тюрьме без суда и следствия¹⁸⁰. Демонстративные проявления высокомерия и равнодушия нередко встречались среди руководителей среднего звена, упивавшихся сознанием собственного могущества и считавших свое положение достаточно надежным. С другой стороны, подобные

---

¹⁷⁹ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 672. Л. 7 (протокол № 25 партийной тройки контрольной комиссии по Алма-Атинской области, 1–2 августа 1933 г.).

¹⁸⁰ Там же. Д. 675. Л. 49–53 (справка о советском аппарате Бостандыкского района, 17 августа 1933 г.).

эксцессы часто походили на пир во время чумы. Во многих районах положение выглядело настолько беспросветным, что у ответственных товарищей опускались руки: они прекращали работу и всеми средствами старались отвлечься от мрачной действительности.

В Жарминском районе на востоке Казахстана ряд мелких функционеров, пользуясь служебным положением, центнерами присваивали продовольственную ссуду и забивали скот для личных нужд. Вследствие этого как минимум 18 местных жителей умерли от голода, большая часть остального населения бежала. Несколько позже 14 ответработников попали под арест, в том числе все колхозное правление пострадавшего аула. Дело передали местному милицейскому следователю, который, однако, пекся не столько об интересах следствия, сколько о собственной выгоде. Получив от двух обвиняемых по 50 рублей, он обоих освободил, закрыв их дела. Но история на том не кончилась. Ввиду «особой тяжести» совершенных преступлений в аул прислали комиссию для подготовки показательного процесса. Едва прибыв на место, четверо членов комиссии сразу принялись за «работу»: стали пьянствовать вместе с арестованными, которые закатали им восьмидневный пир на несколько сотен рублей. Во время кутежа гости неоднократно вступали в интимные отношения с женами обвиняемых¹⁸¹ и вдобавок изнасиловали по меньшей мере двух жен других колхозников, одна из которых, по всей видимости, из-за этого потеряла ребенка. Когда жена обвиняемого Макенева отказалась покупать мужу свободу своим телом, его имущество, ранее конфискованное, тут же было продано. Через несколько дней всех обвиняемых отпустили, а комиссия отправилась в другие аулы, где «решала» похожие дела аналогичным образом¹⁸².

Рукоприкладство и злоупотребления документально засвидетельствованы, поскольку совершались у всех на виду, да к тому же виновники бывали столь неосторожны (или самонадеянны), что задевали других партийных товарищей – к примеру, насилюя их жен. Тем самым они переступали грань между молчаливо допускаемыми вольностями и наказуемым поведением. Где именно пролегает эта грань, устанавливалось по обстоятельствам, ибо в обществе, в котором практически каждому поневоле приходилось постоянно нарушать правила и законы, главное значение имела личность подсудимого. Суть дела (предпо-

---

¹⁸¹ О распространенном обычае «предлагать» особо «почетным» гостям собственную жену или дочь см.: Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. Казахское обычное право в условиях советской власти. С. 138.

¹⁸² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5774. Л. 92–94 (спецсообщение о преступной деятельности органов милиции в Жарминском районе, 20 февраля 1933 г.).

лагаемая) играла второстепенную роль¹⁸³. Когда функционеры шли на дно из-за коррупции, личного обогащения или беззастенчивого применения насилия, обвинения подобного рода чаще всего служили предлогом, чтобы убрать с дороги неугодных или конкурентов.

Голод предоставил местным деспотам возможность воплотить в жизнь все свои мечты о власти. В условиях чрезвычайного бедствия население полностью зависело от милости местных функционеров. Тот, кто не интегрировался в режим произвола, рисковал потерять не только свободу. Впрочем, это касалось и самих представителей советской системы в степи, которые постоянно ходили по лезвию ножа. Они обвиняли друг друга в принадлежности к «антисоветским» группировкам и в коррупции, причем зачастую даже не сказать, чтобы несправедливо: просто почти никто среди них не вел себя по-другому. Карьера партийного секретаря в принципе была немыслима без перманентных нарушений «социалистической законности». Поэтому функционеры всеми силами старались выстроить как можно более широкие сети для защиты от оговора и расследований.

Отсюда вытекал ряд правил. Во-первых, надлежало тщательно избегать малейших признаков образования «группировки». Во-вторых, существовала категорическая необходимость как следует обезопасить сеть сверху – например, путем подкупа или инкорпорации влиятельных руководителей. Наконец, многообещающая стратегия заключалась в том, чтобы атаковать противников и конкурентов, указывая, что они сами повинны в предосудительной групповщине. Следовало также максимально затруднить посторонним обнаружение таких сетей, а тем более доступ в них. В специфических условиях сталинизма подобный образ действий был вполне логичен. Правда, та же логика велела в любой момент ждать вмешательства многочисленных контрольных инстанций государственного и партийного аппарата.

Казахские сети попали в серьезный переплет, когда Голощекину в январе 1933 г. пришлось покинуть свой пост и партийным главой Казахстана был назначен армянин Л. И. Мирзоян. Смена руководства сопровождалась широкой чисткой партийной организации, поскольку, как всегда при подобных кадровых перестановках, новый «первый человек» привез с собой в Казахстан целую свиту из верных подчиненных, которых расставил на ключевые посты¹⁸⁴. С приходом

---

¹⁸³ Такая практика достигла своего пика во время «Большого террора». См.: Ватлин А. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М., 2004.

¹⁸⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5287. Л. 17–22. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 25. На печально знаменитом февральско-мартовском пленуме

Мирзояна началась массовая замена кадров на среднем и низовом уровне. В чистках он видел основную предпосылку для эффективного отправления власти, ведь «старые» кадры чаще всего состояли из людей Голощекина, обязанных последнему своим выдвижением. Теперь поверженные руководители служили козлами отпущения, ответственными за тяжелое положение в республике.

Чем активнее действовали Контрольная комиссия и ОГПУ, тем острее районные работники чувствовали необходимость как можно убедительнее словом и делом отмежеваться от «старого руководства» и зависящих от него группировок. Удобный случай представился на пленуме Казкрайкома в июне 1933 г., который вылился в сведение счетов с Голощекиным и его приверженцами¹⁸⁵. Многие из них лишились постов накануне и сразу после пленума¹⁸⁶. В течение всего 1933 г. аппарат ОГПУ (и не только в Казахстане) уделял особое внимание партийным и советским кадрам, которые «злоупотребляли служебным положением», «разбазаривали» ресурсы или содержали клиентские сети¹⁸⁷. Власть ныне охотно прислушивалась к рассказам о коррупции и служебном произволе. Чекисты рисовали удручающую картину состояния и поведения советского аппарата в районах. Его представители предаются пьянству, утратив уверенность и перспективу, писал новый секретарь Казалинского райкома в апреле 1933 г. Даже самым важным руководителям не хватает продовольствия, поэтому партийные работники вынуждены, ради пропитания, идти на «всевозможные преступления»¹⁸⁸. После инспекционной поездки в Каратальский район эмиссар крайкома сделал пессимисти-

---

1937 г. Сталин в своем выступлении выбрал среди республиканских руководителей Мирзояна в качестве особенно яркого примера кумовства и клиентелизма. См.: Там же. С. 171–172 (из заключительной речи И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б), 5 марта 1937 г.). О сети Мирзояна: Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995. С. 100.

¹⁸⁵ См., напр., выступление Исаева, в котором он старается дистанцироваться от Голощекина: Шестой пленум Казакского Краевого Комитета ВКП(б). С. 153–155.

¹⁸⁶ В газетах об этом появлялись заметки с заголовками вроде «Об ошибках старого руководства», «Оппортунистическая бездеятельность». Разрешение публиковать отдельные вердикты исходило от самого Сталина: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 46. Л. 51 (телеграмма Сталина Мирзояну, 14 марта 1933 г.).

¹⁸⁷ Богданов А. Чистка партии и задачи парторганизаций национальных республик // Революция и национальности. 1933. № 2. С. 27–32.

¹⁸⁸ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 227. Л. 31–32 (письмо Таштитова Мирзояну и Исаеву, 11 апреля 1933 г.).

ческий вывод: «Я пришел к глубокому убеждению, что если мы сохраним этот актив, то никогда толком и своевременно ни одну задачу успешно в ауле не разрешим... В значительном ряде случаев этот актив не только не укрепляет колхоз, но своей бездеятельностью, своим командованием, своим начальственным положением разлагает колхоз. Нужно иметь в виду, что актив в деревне старый, развращенный до последней степени старым руководством, и пока здесь мы ничего не изменили»¹⁸⁹.

Пути выхода и новые формы зависимости

Не позднее лета 1932 г. значительной части казахского населения стало грозить поражение в борьбе за жизнь; сельское хозяйство стояло на грани развала, поголовье скота продолжало таять. Катастрофа казалась неотвратимой. Но никто не хотел, чтобы дело зашло настолько далеко. Исчезновение казахов не входило в намерения Сталина и его окружения. Руководители были убеждены, что кризис можно преодолеть лишь в том случае, если не будут уничтожены средства производства. В качестве первого шага они попытались строже регламентировать доступ к продовольственным и прочим ресурсам¹⁹⁰. Правда, думали прежде всего не о спасении людей, а о сохранении экономических ценностей, наведении порядка и дисциплине. Поэтому определенные группы населения не включались в систему снабжения, другие же, напротив, получали привилегии. Кроме того, ставилась цель управлять (лучше) потоками беженцев.

Большевистская элита интерпретировала голод как последний бой между крестьянами (или кочевниками) и государством, который закончится в тот момент, когда первые покорятся и коллективизируются. Ярчайшее выражение это убеждение нашло в переписке Сталина с М. А. Шолоховым, в которой Сталин растолковывал писателю, что голодающие крестьяне Северного Кавказа ведут «тихую» войну с советской властью», «войну на измор»¹⁹¹. Лишь после победы над «кулаками» и баями, считали большевики, саботаж и разбазаривание ресурсов уйдут в прошлое и кризис будет преодолен.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 27. Л. 145.

¹⁹⁰ О распределении продовольствия в Советском Союзе см.: Falk B. Sowjetische Städte in der Hungersnot 1932/33. S. 141 ff.; Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2009. С. 94–96.

¹⁹¹ Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. S. 143. См. также: Stalin. Briefe an Molotow, 1925–1936 / hg. L. T. Lih, O. Naumow, O. Chlewnjuk. Berlin, 1996. S. 251.

Циники в Политбюро видели в трагическом положении известную выгоду: голод предоставлял шанс окончательно подчинить казахское население. Они рассчитывали в обстановке хаоса полностью забрать бразды правления в свои руки. Обнищавшим казахам под страхом гибели ничего не оставалось, как покориться советскому государству, его институтам и прежде всего его представителям в провинции. Путь выхода из кризиса вел к зависимости. Конец голода должен был означать советизацию степи.

Постановления и решения

Если попытаться датировать момент, когда голод в Казахстане начал отступать, выбор падает на 17 сентября 1932 г.¹⁹² В этот день Политбюро в Москве приняло постановление «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана»¹⁹³. О чем же в этом постановлении говорилось? Сперва о том, что оседание проходит успешно: уже половину всех посевных площадей республики обрабатывают казахи. Теперь населению нужно строить поселки «европейского типа», причем в основном из «местных материалов». В будущем при образовании колхозов не следует сводить в один колхоз разные роды. Далее постановление выделяло кочевым и полукочевым районам около 40 тыс. тонн продовольственной и семенной ссуды. Кроме того, эти районы на 2 года освобождались от хлебо- и мясозаготовок, а также от всех налогов. Доминировавшая раньше форма коллективного хозяйства – артель – заменялась более свободным «товариществом по совместной обработке земли» (ТОЗ)¹⁹⁴. В районах,

---

¹⁹² Так считали не только пропаганда того времени и советские историки, западные историки в основном разделяют это мнение. См.: Байшев С. Б. Победа социализма в Казахстане (очерки по теории и истории вопроса). Алма-Ата, 1961. С. 198; Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin; Pianciola N. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936). Roma, 2009; Cameron S. The Hungry Steppe.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 162. Д. 13. Л. 116–117. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 483–484. См. также: Ахметова Л. С., Григорьев В. К., Шойкин Г. Н. Алихан Букейханов – поиск ориентиров. Ахмет Байтурсинов – главное – обретение государственности. Турар Рыскулов – яркий политик советского Востока: Учеб. пособие. Астана, 2008. С. 190.

¹⁹⁴ Коллективность в нем ограничивалась совместным трудом, средства производства (скот) оставались в личной собственности крестьян и кочевников. См.: Merl S. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941. Berlin, 1990. S. 207. Нормативные положения:

считающихся «хозяйственно оседлыми», каждое хозяйство получило позволение держать для индивидуального пользования 2–3 коров, 10–20 голов баранов и молодняка, столько же свиней. Наконец, особое значение имел пункт, касающийся скотоводства в кочевых районах: Политбюро «в виде исключения» разрешило каждому казахскому хозяйству иметь в личной собственности до 100 овец, 8–10 коров, 3–5 верблюдов и до 10 лошадей. Тем самым постановление знаменовало отход от прежней политики поголовного обобществления скота. Возможность личного владения скотом и смягчение налогового бремени помогли сотням тысяч людей избежать голодной смерти, а в среднесрочной перспективе эти уступки существенно способствовали восстановлению поголовья скота.

При всем своем значении, вышеупомянутое постановление не стояло наособицу. Оно входило в целый ряд других распоряжений, которыми сталинское руководство реагировало на свирепствующий голод и очевидную неспособность колхозов обеспечить страну продовольствием. Принимаемые меры не означали отказа от приоритета снабжения городов, промышленности и армии по сравнению с нуждами сельского населения. Но они до известной степени учитывали реальную обстановку в селах и колхозах. Прежде всего речь шла о корректировании дисфункциональной системы заготовок. Теперь каждому колхознику давалось индивидуальное задание по сдаче определенной продукции – мяса, хлеба, молока. В результате с начала 1933 г. личные приусадебные участки крестьян или стада скотоводов стали релевантными экономическими единицами. Колхозники должны быть «зажиточными», провозглашалось ныне. Государство поощряло личное производство продовольствия и оказывало определенную помощь в приобретении скота. Если крестьяне смогут кормиться за счет личного хозяйства, рассчитывали плановики, больше колхозной продукции попадет на рынок¹⁹⁵. В течение нескольких десятилетий личные участки и скот давали колхозникам основные средства к существованию¹⁹⁶.

Говоря о бесспорных послаблениях, сделанных сталинским руководством советским колхозникам еще во время голода, некоторые

Примерный устав сельскохозяйственной артели. Принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержден Советом Народных Комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935. М., 1950.

¹⁹⁵ О личных хозяйствах и реформах 1933 г. см.: Merl S. Bauern unter Stalin. S. 257–280.

¹⁹⁶ Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. S. 536 ff.

историки задаются вопросом, не следует ли их расценивать как «отступление» государства, рожденное сознанием, что прежние методы привели к катастрофе¹⁹⁷. Другие авторы, напротив, видят здесь не усвоенный урок, а в лучшем случае тактические уступки большевиков крестьянам. В пользу второй версии свидетельствует одновременное принятие суровых законов об охране «социалистической собственности». В частности, печально знаменитый августовский «закон о колосках» 1932 г., предусматривавший за хищение самого ничтожного количества зерна драконовские наказания — от 10 лет лишения свободы до смертной казни, применялся со всей строгостью¹⁹⁸. Все эти меры усиливали нажим на единоличные хозяйства, которые теперь несли ответственность за сохранность скота, прежде лежавшую на коллективе. Большевики рассчитывали, что такой шаг позволит быстрее восстановить поголовье, — и, как оказалось, не ошиблись. Следует упомянуть еще и о создании в начале 1933 г. так называемых политических отделов при машинно-тракторных станциях (МТС), чья функция прежде всего состояла в том, чтобы следить за колхозами и карать их за нарушения. Подчиненные напрямую ЦК, политотделы МТС действовали в районах в качестве «руки центра», независимо от местных сетей и партийных структур¹⁹⁹.

Новые концепции требовали новых лиц. Многое с самого начала говорило о том, что Голощекин, который, как никто другой, ассоциировался с кампанией перевода на оседлость и ее ужасающими последствиями, на своей должности не удержится. Даже его вернейшие сподвижники предпринимали осторожные попытки отойти в сторону. Первым в августе 1932 г. рискнул играть в открытую Исаев, критикуя всемогущего Филиппа в подробном письме Сталину и сваливая на него основную ответственность за случившееся фиаско: «Лично я думаю, что т. Голощекин, проделавший огромную работу в Казахстане... не будет иметь необходимой силы для решительного поворота на основе суровой критики ошибок и Крайкома, и своих собственных»²⁰⁰. Сам «степной царек» сохранял невозмутимость. В декабре 1932 г. он в очередной раз отстаивал перед делегатами

---

¹⁹⁷ О дебатах см.: Зеленин И. Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.

¹⁹⁸ Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996. P. 113 ff. Доводы Сталина см.: Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / под ред. О. В. Хлевнюка и др. М., 2001. С. 240–241.

¹⁹⁹ Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. С. 285.

²⁰⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 607. Л. 1–14. Опубл.: Голод в казахской степи: Письма тревоги и боли / сост. С. Абдирайымов, И. Н. Бухонова, Е. М. Грибанова и др. Алма-Ата, 1991. С. 140–151.

пленума крайкома свою твердую линию²⁰¹, однако немного позже вынужден был покинуть пост. В конце 1933 г. произошла «смена караула»: Голощекина заменили армянином Л. И. Мирзояном²⁰². Снятие первого секретаря крайкома сопровождалось шумной пропагандистской кампанией против него и «старого руководства». С января по июнь 1933 г. казахские газеты и журналы печатали несчетное количество статей, в которых довольно прямо говорилось о масштабах катастрофы и вина за такую ситуацию, в соответствии с новой линией партии, возлагалась на товарищей из голощекинского окружения²⁰³. Первый секретарь, заявил Исаев, не знал, что происходит в деревне, потому что ни разу не побывал ни в одном ауле, чтобы увидеть все своими глазами²⁰⁴. Критикуемый пытался защищаться и, обращаясь к Сталину, энергично протестовал против подобной «клеветы»²⁰⁵. Роль Голощекина в «социалистическом строительстве» Казахстана ему припомнили и после его ареста в 1939 г. Но даже тогда Голощекин не желал понимать, что его преемникам нужен был козел отпущения

²⁰¹ Голощекин Ф. И. На пороге второй пятилетки: Речь на V пленуме Казкрайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 года. Алма-Ата, 1933. С. 34.

²⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 9 (протокол № 129 Политбюро от 3 февраля 1933 г., постановление о Голощекине от 21 января 1933 г.). До своего ареста в 1939 г. Голощекин занимал должность Главного государственного арбитра СССР: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 81. Л. 84 (телеграмма Сталина Кагановичу и Молотову, 3 октября 1933 г.), 86 (телеграмма Кагановича и Молотова Сталину, 2 октября 1933 г.). Биографию Л. И. Мирзояна (1896–1939) см.: Хуршудян Э. Слово о Мирзояне // Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 2001. С. 3–13.

²⁰³ См., напр.: Батчаев М. Против искажений постановления ЦК от 17 сентября // Большевик Казахстана. 1933. № 7. С. 61–74; Брайнин С., Шафиро Ш., Тимофеев Н. Об ошибках казахстанской парторганизации в руководстве сельским хозяйством // Там же. С. 46–60; Варламов А., Савинский Ф. Мы отвечаем за недостатки работы в ауле и деревне // Большевик Казахстана. 1933. № 3. С. 37–44.

²⁰⁴ Шестой пленум Казакского Краевого Комитета ВКП(б). С. 187. Позже Н. С. Хрущев в своем знаменитом закрытом докладе на XX съезде КПСС бросил Сталину тот же упрек: он, дескать, по возвращении из Сибири больше ни разу не был в русской деревне. См.: Chruschtschow erinnert sich / hg. S. Talbott. Reinbek, 1971. S. 579.

²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 419. Л. 55–59. Опул.: Советское руководство: Переписка, 1928–1941 / под ред. А. В. Квашонкина и др. М., 1999. С. 245–249, 258–259.

для легитимации своей политики, и пенял на «баев и буржуазных националистов»²⁰⁶.

Перед Мирзояном, когда он прибыл в Казахстан, стояла титаническая задача. Он должен был стабилизировать висевшее на волоске сельское хозяйство республики, решить проблему беженцев и положить конец голоду. Явно под впечатлением от масштабов катастрофы новоназначенный партийный босс вскоре по приезду в Алма-Ату в феврале 1933 г. писал сталинскому приближенному Л. М. Кагановичу: «Я уезжал из г. Москвы, будучи уверенным в том, что обстановка в Казахстане тяжелая, но то, что я увидел здесь, превзошло все мои ожидания»²⁰⁷. Помимо требования инвестиций в коммуникационную инфраструктуру, чтобы появилась хоть какая-то связь с отдаленными районами²⁰⁸, и просьб прислать кадров побольше и получше, «новое» партийное руководство сосредоточилось прежде всего на четырех взаимосвязанных мерах. Во-первых, оно перенаправило средства, предназначенные для оседания кочевников, на помощь беженцам от голода. Прежняя политика игнорирования беженцев была признана недопустимой, а их «дикую» депортацию местными властями надлежало заменить централизованной демографической политикой. Теперь уже не идет речь об оседании кочевников «в старом смысле слова», объяснял Мирзоян летом 1933 г. в письме Сталину, в Казахстане нет кочевого или полукочевого населения, которое не находилось бы в бегах, – фактически все кочевники и полукочевники стали беженцами, и фактически все они «сидят на шее» у государства²⁰⁹. Во-вторых, оказание помощи беженцам перенесли из городов и с железнодорожных станций преимущественно в колхозы, села и аулы. В-третьих, многим беженцам не разрешали возвращаться в родные места, направляя их туда, где требовалась рабочая сила. В-четвертых, товарищи всерьез принялись раздавать скот из колхозов.

²⁰⁶ Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. С. 248–249.

²⁰⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5287. Л. 17–22. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 22.

²⁰⁸ У Алма-Аты в начале 1933 г. не было прямой телефонной и телеграфной связи с Москвой. Внутри республики дело обстояло еще хуже. См.: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5287. Л. 32. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 31–35.

²⁰⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5287. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 47. Государственные органы оценивали их число на тот момент примерно в 800 тыс. чел.

Через год Мирзоян докладывал о достигнутом. В начале 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), так называемом съезде победителей²¹⁰, он объявил: «Если еще в конце 1932 года в Казахстане имели место огромные откочевки, то за последний 1933 год мы не только в основном прекратили и ликвидировали откочевку, но добились обратного возвращения огромного количества откочевавших хозяйств»²¹¹. Партийный руководитель Казахстана к моменту съезда действительно мог похвастаться тем, что «покончил» с голодом и массовым бегством, и в Казахстане до сих пор уважают его за это²¹². Однако он был вовсе не сострадательным человеколюбом, какого в нем и сегодня хотят видеть его почитатели, а третьим сталинским функционером, прекрасно понимавшим, что помощь голодающим не должна превращаться в самоцель.

Важнее всего было обеспечить людей скотом. Для этого большевики приступили к широкомасштабной программе закупки скота в Синьцзяне, рассчитывая, что с приобретенными животными как колхозы, так и единоличные хозяйства будут в состоянии себя кормить²¹³. Планы заготовок действительно сильно сократили, а в ряде районов отменили совсем, скотные дворы в колхозах по большей части ликвидировали, раздав их поголовье крестьянам и кочевникам, как и предусматривало сентябрьское постановление 1932 г. Программой старались охватить как можно больше хозяйств, только баям и другим известным «врагам» не полагалось ничего. Но и эти меры не изменили того факта, что скота на всех не хватало. По официальным данным, в конце 1933 г. насчитывалось 125 тыс. казахских хозяйств без единого животного. Еще хуже обстояло дело с «бескоровностью»: 410 тыс. из 670 тыс. хозяйств Казахстана не имели ни одной собственной коровы. Статистики предсказывали, что цифры будут расти по мере увеличения числа возвращающихся из других советских республик. На конец 1934 г. они прогнозировали наличие 170 тыс. «бескоровных» хозяйств – несмотря на приобретение 100 тыс. голов скота

---

²¹⁰ Об этом съезде см.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. S. 446.

²¹¹ Мирзоян Л. И. Речь на XVII съезде партии // Большевик Казахстана. 1934. № 3–4. С. 1–4.

²¹² См., напр.: Хуршудян Э. Слово о Мирзояне. Критику такого образа см.: Абылхожин Ж. Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / под ред. Н. Масанова и др. Алмата, 2007. С. 251–252.

²¹³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827. Л. 33–38. Оpubл.: Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане. С. 194.

в Китае, заметное сокращение поголовья в совхозах и упразднение скотных дворов в ТОЗах кочевых и полукочевых районов²¹⁴.

В такой ситуации, когда речь заходила о том, кому давать скот, решающее значение имели не индивидуальные потребности, а вопрос, будут ли новые владельцы в состоянии прокормить животных и сохранить их зимой. Те, чьи возможности в данном отношении вызвали сомнение, сразу исключались из списка. Естественно, беженцам тут выпали плохие карты. Большинство из них потеряли все, даже те, кто нашел работу в колхозе, в редчайших случаях располагали необходимыми ресурсами. Так что беженцам зачастую ничего не доставалось, и они снова оказывались проигравшими²¹⁵.

При распределении скота важную роль играли также личные связи. В первую очередь им наделялись крестьяне, находившиеся в хороших отношениях с ответственными товарищами и влиятельной колхозной верхушкой. Некоторые функционеры, следуя девизу «У кого больше обобществили, тот больше и получит», возвращали скот баям, у которых он был раньше конфискован²¹⁶. В других местах европейские кадры отдавали предпочтение русским крестьянам²¹⁷. Иногда люди думали, «что помощь им оказывается в результате “забот” о них баев, мулл, аткамнеров и лжебельсенды и что продпомощь выдают как исправление перегибов», с возмущением говорилось в одном докладе²¹⁸. Многие функционеры, так же как во времена дебаизации 1928 г., пользовались случаем, чтобы прибрать к рукам лучших животных²¹⁹. Впоследствии товарищи всегда оправдывались, признавая, что допустили «ошибки», позволив «под флагом откочевников» завладеть скотом «кулакам, баям и лжеактивистам». Партийное ру-

---

²¹⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5828. Л. 81–85. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 62. О китайском скоте подробнее см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 313. Л. 5–6 (письмо Кулумбетова Сталину и Молотову, 28 апреля 1933 г.); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 160–161 (постановление Политбюро ЦК, 15 июня 1933 г.); АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 672. Л. 73–81 (справка о закупке скота в Западном Китае, 1 октября 1933 г.).

²¹⁵ Многочисленные примеры см.: АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 672. Л. 37–42 (справка о помощи бесскотным хозяйствам, 21 октября 1933 г.).

²¹⁶ Батчаев М. Против искажений постановления ЦК от 17 сентября. С. 62.

²¹⁷ См.: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5894 (стенограмма совещания руководителей кочевых и полукочевых районов, 6 ноября 1933 г.).

²¹⁸ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 8. Л. 296 (доклад Абдрахманова о выполнении постановлений от 17 сентября и 20 декабря 1932 г., 31 января 1933 г.).

²¹⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7415. Л. 53 (справка о Коунрадском районе, 6 сентября 1934 г.).

ководство не обманывалось насчет того, что происходит в действительности. В ноябре 1933 г. Мирзоян призвал к ответу секретаря Энбекшильдерского райкома Сеншибаева на совещании партийных руководителей кочевых и полукочевых районов:

«МИРЗОЯН: У вас районный актив получал скот?

СЕНШИБАЕВ: Нет, аульный актив получал, а районный актив не получал.

МИРЗОЯН: Кажется, в вашем районе даже РайЗо [Районный земельный отдел] получили 10 голов баранов.

СЕНШИБАЕВ: Теперь мы этот скот постарались дать в наиболее надежные руки. Мы давали скот тем, которые обеспечили сеном»²²⁰.

Позицию Сеншибаева, очевидно, разделяло большинство районных кадров. Все они понимали, что в условиях аула нереально обеспечить скотом неимущие семьи, оставив при этом с пустыми руками сколько-нибудь лояльные «низы» советского аппарата. Товарищ из Аягузского района заявил: «Аульный актив, если он представляет собою действительно честных работников, пусть это будет секретарь ячейки или пред[седатель] исполкома, – он все равно имеет право на получение скота в индивидуальное пользование. Почему он должен быть бесскотным?» Тут вмешался Исаев: «Словом, вы говорите за то, что аульному активу нужно давать скот». «Да, я считаю, честный актив может получить скот в индивидуальное пользование, и *даже с точки зрения некоторой тактики*», – последовал ответ²²¹. Здесь обнаружил себя трудноразрешимый конфликт между руководством и товарищами на местах. Преданность и послушание, а также взаимобмен услугами между отдельными местными работниками были важнее директив и законов, принимаемых где-то далеко. И поскольку советская иерархия на всех уровнях функционировала по этому принципу, ситуация мало менялась, несмотря на отдельные случаи вмешательства сверху²²².

Стада продолжали сокращаться. Многие казахи забывали только что полученных овец и коз. Мясо часто означало для голодающих спасение в последнюю секунду. Ни угрозы, ни драконовские наказания на них не действовали. Вдобавок они нередко находили союзников в лице местных функционеров, которые тоже считали, что скотину надо быстрее резать, пока не наступили другие времена: «Скот лишь дают только на зиму, чтобы вы покормили, а весной отберут»²²³.

²²⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5894. Л. 34.

²²¹ Там же. Л. 86. Курсив автора.

²²² Fitzpatrick S. Blat in Stalin's Times. P. 170.

²²³ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 672. Л. 42.

В Тургайском районе один уполномоченный объявил колхозникам, что ЦК решил распустить все колхозы района и люди могут поступать с реприватизированным скотом как им угодно. Казахи отнеслись к его словам недоверчиво, стали спрашивать: «Может ли колхозник резать полученный скот?» Он ответил однозначно: «Коль скот дали на единоличное пользование, разумеется, можно резать, не с голоду же умирать»²²⁴. Главную роль в дальнейшем сокращении поголовья играли, впрочем, не подобные ошибочные интерпретации указаний центра, а многочисленные болезни и эпидемии, наносившие огромный урон, да усиливающаяся нехватка кормов и сена в зимние месяцы. Там, где люди сами уже подъели все возможные суррогаты, на прокорм скотине тем более мало что оставалось. Особенно в совхозах от голода и холода гибли тысячи животных. Однако большевики винили в потерях «разбазаривание» и «несознательный забой» скота. «Двуногие волки», с их точки зрения, представляли наибольшую опасность для оздоровления скотоводства²²⁵. В партийном руководстве главенствовало мнение, что «сознательность казахов-скотоводов» – решающий фактор для сохранения стад, как объяснял Исаев Сталину в июне 1934 г. Увы, признался он, смысл обобществления был казахам «не всегда понятен»²²⁶.

Раздача скота с упраздненных колхозных ферм помогла сохранить остатки некогда огромных стад и табунов Казахстана. Поскольку к тому же в районах, пострадавших от голода сильнее всего, на несколько лет прекратились кампании заготовок, эта политика спасла жизнь несчетному множеству людей, которые теперь снова располагали неким экономическим базисом, пусть и скромным. Но уступки имели свою цену: те, кто получал скот, должны были сделать все, чтобы он остался в живых, – в противном случае им грозили серьезные последствия и санкции.

«Это же ваши» – репатриация беженцев от голода

Массовое бегство казахов сильно обременило соседние советские республики. Люди везде боролись с последствиями коллективизации и страдали от обостряющейся нехватки продовольствия, а то и

---

²²⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6017. Л. 22 (доклад о Тургайском районе и постановлении от 17 августа 1932 г., [осень 1933 г.]).

²²⁵ Там же. Д. 5894. Л. 12 (совещание партийных руководителей кочевых и полукочевых районов. 6 ноября 1933 г.).

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 525. Л. 86 (стенограмма пленума ЦК ВКП(б), июнь–июль 1934 г.).

голода. Беженцы в таких условиях представляли собой тяжелейшую нагрузку. Между руководством смежных с Казахстаном территорий, желавшим отделаться от непрошенных гостей, и алма-атинскими функционерами, старавшимися препятствовать репатриации или, по крайней мере, тормозить ее, с 1930 г. постоянно вспыхивали ожесточенные конфликты²²⁷.

Партийное руководство Западно-Сибирского края во главе с первым секретарем крайкома Р. И. Эйхе считало единственно разумным решением проблемы высылку беженцев туда, откуда они пришли. Но, пока положение в Казахстане не улучшалось, очень немногие согласились бы вернуться туда добровольно. В 1930 г., когда в городах и на станциях Западной Сибири появились первые казахи, местные органы еще пробовали этапировать их на казахскую территорию под вооруженной охраной. В ходе такого принудительного возврата многие погибали, поскольку, по словам казахских властей, никто не давал ремигрантам еды на многодневную дорогу. Тысячи людей скапливались в городах и на станциях близ границы; на севере Казахстана в гигантский лагерь беженцев превратился город Павлодар²²⁸. В условиях непрерывного роста числа беженцев в смежных с Казахстаном республиках принудительная отправка их назад напоминала вычерпывание воды решетом. Проблему требовалось решать в корне.

Но чем хуже становилось положение в Казахстане и чем шире распространялся голод, тем усерднее Голощекин с Исаевым старались помешать возвращению беженцев на родину. В спорах с сибирскими и среднеазиатскими товарищами они сначала настаивали на том, что казахи-откочевники – обычные трудовые мигранты. Если среди этих «энтузиастов» затесались баи и другие вредные элементы, пусть соседи с ними разбираются, остальным же они должны оказывать всемерную поддержку, заявил Голощекин²²⁹. Такая наглость вывела Эйхе из себя. В одном примечательном письме в марте 1932 г. глава Западно-Сибирского края в пух и прах разнес доводы казахских товарищей. Голощекина, в частности, он обвинил в том, что секретарь Казкрайкома не соблюдает достигнутых «в Москве» договоренностей и проводит «неверную линию», утверждая, будто откочевники не являются беженцами от голода. Очевидно, он «неправильно информирован» о действительном положении дел. Что среди казахов

²²⁷ Обзор см.: Халидуллин Г. Аграрная политика советской власти в Казахстане в 1917–1940 гг.: Дисс. Алма-Ата, 2001. С. 198–200.

²²⁸ АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 19.

²²⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 17–20. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 272.

находятся баи и кулаки, которые распространяют контрреволюционную пропаганду, «это не новость», писал Эйхе: «Весь вопрос только в том, почему в этом году контрреволюционная работа бая-кулака была столь успешная, что ему удалось сбить тысячи бедняцко-средняцких хозяйств»²³⁰. Далее он указывал: «Организация помощи этим хозяйствам возможна только в Ваших районах и с Вашей стороны... Совершенно правильно, что надо отсеять кулаков-баев, но это можно сделать только в Казахстане, в тех приемочных пунктах, куда мы направляем возвращающихся... Попытка организовать такой отсев здесь, у нас невозможна»²³¹.

Получив эту отповедь, казахские власти попытались затянуть возвращение беженцев другим способом. Они потребовали от западно-сибирских коллег заранее сообщать, сколько казахов планируется выслать и из каких районов Казахстана те родом, дабы можно было лучше координировать их прием. Теперь уже ПП ОГПУ в Западной Сибири Л. М. Заковский написал в Алма-Ату резкое письмо: «Вы хотите превратить наш край в опытное поле тем, что мы должны ваших граждан учесть по районам, социальному положению – открыть статистику, после этого собрать и кормить их и, наконец, отправлять их только по вашим нарядам – с этим не согласны!»²³²

Под усиливающимся нажимом руководителям Казахстана ничего не оставалось, как направить в соседние республики уполномоченных для подготовки возвращения откочевников. Казахи боялись этих людей, которые охотились на них и прогоняли из Западной Сибири²³³. Едва появлялись слухи, что посланцы из Казахстана близко, беженцы тут же сворачивали кибитки и уходили из опасного района. Прокурор Западно-Сибирского края в докладе Эйхе выразился столь же точно, сколь кратко: «Учитывая исключительно тяжелое положение казахов у нас, нетрудно предположить, что в Казахстане положение еще хуже»²³⁴. Действительно, многие казахи, вернувшиеся на родину (добровольно или вынужденно – неважно), перед лицом царящего там ужаса не видели иной альтернативы кроме нового бегства²³⁵.

²³⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 42–43. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 117.

²³¹ Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 118.

²³² Там же. С. 133.

²³³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1371. Л. 246.

²³⁴ ЦГАРК. Ф. 37. Оп. 7. Д. 108. Л. 58–60 об. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 130.

²³⁵ ЦГАРК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 207. Л. 1 (стенограмма заседания комиссии Рыскулова, 22 февраля 1933 г.).

Зимой 1932–1933 гг. ситуация ухудшилась не только в Казахстане. Теперь по всей стране бродили голодающие крестьяне, у которых не осталось шансов выжить в собственных селах. Особенно тяжело стало на Украине, Средней Волге и Северном Кавказе²³⁶. Массовые миграции больных, голодных, готовых на все людей не только представляли угрозу безопасности, но и подталкивали к чрезвычайному положению еще не пострадавшие районы. Путем одних только местных инициатив проблему решить было нельзя.

В начале 1933 г. большевики взялись за нее всерьез. 22 января Сталин и Молотов подписали директиву «о предотвращении массового выезда голодающих крестьян», требующую среди прочего арестовывать тех, кто сумеет пробраться в другие края, и «после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных в места их жительства»²³⁷. Хотя документ непосредственно касался Украины и Северного Кавказа, ясно было, что намеченная тенденция – закрывать голодные регионы и депортировать бежавших оттуда голодающих обратно – станет руководством к действию повсеместно. Тесную связь с этой директивой имели операции по «очистке» советских городов от «деклассированных элементов» и «бродяг», которых в основном ссылали в Сибирь²³⁸. На железных дорогах и станциях теперь предписывалось применять оружие против «хулиганов»²³⁹. Правда, в казахской степи советское государство не имело возможностей изолировать голодные районы, как на Украине. Тем не менее отряды ОГПУ задерживали беженцев где только могли и отправляли в родные места²⁴⁰. В таких обстоятельствах Мирзояну пришлось проявить в вопросе беженцев больше уступчивости, чем его предшественнику Голощекину, и перестать противиться возвращению откочевников²⁴¹. Но, в отличие от украинских товарищей, «новое руководство» в Алма-Ате могло рассчитывать, что его требования в Москве по крайней мере не пропустят мимо ушей: ведь республике грозил полный экономический коллапс.

²³⁶ Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. С. 237–239.

²³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 109–109 об. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–635.

²³⁸ Подробнее см.: Werth N. Die Insel der Kannibalen. S. 71–73.

²³⁹ Сталин и Каганович: Переписка. С. 260.

²⁴⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5774. Л. 37 (спецсообщение об откочевках из южных районов Казахстана, 15 января 1933 г.).

²⁴¹ Правда, еще в марте 1933 г. он пытался возражать против него в письме Сталину и Молотову: Там же. Д. 5827. Л. 33–38. Оpubл.: Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане. С. 195.

Ключевой фигурой в дискуссиях по данному поводу стал теперь Турар Рыскулов. Благодаря своему положению заместителя председателя СНК РСФСР и прекрасным связям в казахском партийном аппарате он был, вероятно, лучшим знатоком предмета в Москве. Рыскулов являлся высокопоставленным руководителем, который постоянно поднимал вопрос об откочевниках и ситуации в голодающих районах Казахстана, и его мнение в этой области имело некоторый вес. Он давно предупреждал, что катастрофа с беженцами может дестабилизировать весь регион. С сентября 1932 г. по март 1933 г. он неоднократно пытался с помощью подробных докладных достучаться до представителей партийно-государственной верхушки и привлечь их внимание к голоду в Казахстане. В число читателей его тревожных посланий входил и Сталин²⁴². Эти документы вообще относятся к самым известным источникам о голоде. В казахской историографии их часто расценивают как доказательство тесного единения Рыскулова с казахами²⁴³. Очевидно, Сталин читал докладные с интересом, о чем свидетельствуют его карандашные пометки на них, но, судя по всему, никаких прямых указаний в связи с ними не давал²⁴⁴.

Рыскулову поручили найти решение проблемы беженцев. Для казахских товарищей вопрос был обоюдоострым: с одной стороны, они отчаянно нуждались в помощи извне, с другой стороны, им следовало опасаться, что их привлекут к ответственности за беспримерное уничтожение материальных ресурсов Казахстана. Голощекин вряд ли пошел бы на дно в одиночку²⁴⁵. Новообразованная комиссия под председательством Рыскулова собралась в феврале 1933 г., в разгар голода. Сначала ее члены засыпали упреками виновников бедственного положения, ставя им на вид их упущения. Казахские товарищи отказываются сотрудничать и на все запросы отвечают невразумительными телеграммами, негодовал представитель Средне-

²⁴² Докладная от 29 сентября 1932 г. (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6403. Л. 13–16) оpubл.: Рыскулов Т. Собр. соч.: В 3 т. Алма-Ата, 1997. Т. 3. С. 304–316. Мартовское письмо 1933 г. (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 27. Д. 23. Л. 245–253) оpubл.: Советское руководство: Переписка. С. 204–224.

²⁴³ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Новое о коллективизации в Казахстане.

²⁴⁴ Vaberowski J. Der Rote Terror. S. 124. О менее известных попытках привлечь внимание Сталина см.: Айбасов Е. Один из первых: Документальная повесть. Алма-Ата, 2005. С. 3–5, 66–68.

²⁴⁵ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 207. Л. 27–30 (письмо «Карима» Исаеву, 25 февраля 1933 г.).

Волжского края²⁴⁶. Киргизы тоже делились неутешительным опытом: весной 1932 г. киргизские власти великодушно предоставили беженцам продовольствие, а казахские комиссии только ездили по республике, регистрируя казахов и забирая у них последние деньги в обмен на никому не нужные «справки»²⁴⁷. Особенно сильно товарищи критиковали равнодушие казахских властей, очевидно не осведомленных ни о каких договоренностях и не проявлявших интереса к судьбе голодающих. В пример приводился случай, когда по разнарядке казахского же правительства в Алма-Атинский район были привезены 500 детей: райком и райисполком три дня отказывались их принять, а когда все-таки приняли, часть уже умерла, поскольку все это время дети провели на вокзале²⁴⁸.

Помимо того, члены комиссии обстоятельно докладывали об успехах своей работы, проделанной к данному моменту, констатировали собственные упущения и просили дополнительной помощи, поскольку «местные бюджеты» практически исчерпаны. Но прежде всего представители республик и краев упирали на необходимость начать возвращение казахов как можно скорее, лучше всего – до приближающейся посевной²⁴⁹. Представитель Казахстана сделал все, чтобы отвести беду от руководства республики. Он признал, что положение ужасное и допущены серьезнейшие ошибки. Однако, уверял он, если казахские уполномоченные неправильно действовали в других республиках, то винить следует не Алма-Ату, а лишь тех людей, которые пренебрегли своими обязанностями или превысили полномочия. Он также усиленно подчеркивал, что Казахстан не в состоянии принять и должным образом обеспечить всех откочевников²⁵⁰.

Совещания завершились компромиссом. Все участники понимали: Казахстану одному с проблемой беженцев не справиться – не в последнюю очередь потому, что степь на замок не запрешь и бегству кочевников можно препятствовать, но полностью остановить его нельзя. «Украинский» метод в Казахстане не сработает. Поэтому соседние республики должны помочь и принять хотя бы часть беженцев. Договорились, что они позаботятся о тех казахках, которые уже находятся на их территории, а Казахстан не допустит новых откочевков²⁵¹.

---

²⁴⁶ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 207. Л. 4 (стенограмма заседания комиссии Рыскулова, 22 февраля 1933 г.).

²⁴⁷ Там же. Л. 14.

²⁴⁸ Там же. Л. 16.

²⁴⁹ Там же. Л. 14.

²⁵⁰ Там же. Л. 22.

²⁵¹ Рыскулов Т. Собр. соч. Т. 3. С. 352.

Как показали дальнейшие события, соглашение оказалось почти неосуществимо на практике: соседи не придерживались договоренностей, казахские власти не могли закрыть границы. Тем не менее было принято постановление, на которое все стороны могли ссылаться, отстаивая свои интересы. В частности, Рыскулов постоянно напоминал контрагентам о взятых ими на себя в Москве обязательствах.

Пока шли переговоры в комиссии Рыскулова, Алма-Ата не сидела сложа руки. Точнее говоря, она официально объявила, что с откожевками в соседнюю Киргизию покончено, приказала всем уполномоченным немедленно прекратить работу и запретила транспортировку ремигрантов по Турксибу. Этим «безответственным решением» Совнарком Казахстана хочет снять с себя всякую ответственность за беженцев по ту сторону казахских границ, возмутились киргизы²⁵². С узбекским руководством казахские товарищи долго торговались насчет того, каких беженцев следует возвращать в Казахстан, а каких нет. Каждая из сторон в первую очередь жаждала оставить под своей властью аулы, где еще имелся скот (особенно рабочий), а массу немущих казахов спихнуть соседу. В конце февраля 1933 г. договорились, что казахские уполномоченные не будут побуждать людей к возвращению «административными мерами». Все должно происходить добровольно, а в спорных случаях (например, если у тех или иных хозяйств не выполнены какие-то обязательства в Узбекистане) надо искать консенсус²⁵³. А вот руководство Башкирской АССР совершило ошибку, в одностороннем порядке распорядившись в начале 1932 г. выслать всех прикочевавших в Башкирию казахов. Вследствие энергичного вмешательства Москвы большевики Уфы не только вынуждены были отменить свое решение, но и понесли официальное взыскание²⁵⁴. Тогда башкиры воспользовались поводом, чтобы потребовать огромные средства – 5 млн рублей – на «устройство» около 2 700 казахских хозяйств, пребывавших на их территории. Дискуссии тянулись чуть ли не год, и в конце концов СНК РСФСР выделил всего десятую часть от первоначально запрошенной суммы²⁵⁵. Но и эти деньги лежали без дела, а башкирские власти продолжали выгонять

---

²⁵² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3135. Л. 37 (письмо Арсеньева в ЦКК ВКП(б), [после 25 февраля 1932 г.], 38 (постановление СНК КАССР, 25 февраля 1933 г.).

²⁵³ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 7. Л. 36–38 (из протокола № 70 заседания Секретариата ЦК КП(б) Узбекистана, 28 февраля 1933 г.).

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 16. Д. 31. Л. 66–67 (постановление ВЦИК, 10 марта 1932 г.).

²⁵⁵ Там же. Л. 20 (постановление СНК РСФСР, 2 февраля 1933 г.).

казахов. Рыскулов пришел в бешенство. Башкирские товарищи по-настоящему не отказались от прежних решений о выдворении беженцев, писал он в Уфу, и, несмотря на неоднократные напоминания, в вопросе устройства прибывших никаких подвижек нет. Если в этом направлении не будут предприняты серьезные шаги, он будет вынужден передать дело в Центральную контрольную комиссию ЦК²⁵⁶. Башкирское руководство снова признало ошибку, пеня на непослушание местных органов, не понимающих «политического значения» работы с беженцами от голода. К тому же, оправдывалось оно, трудно вести планомерную работу с людьми, которые постоянно переходят «с места на место»²⁵⁷.

Чтобы регулировать потоки беженцев, нужно было иметь в своих руках силу. Такие «удельные князья», как Эйхе в Западной Сибири, могли позволить себе диктовать условия казахским товарищам и пользоваться откочевниками как средством давления, защищая собственные интересы. Слабым регионам вроде Башкирии повезло меньше. Беженцы превратились в орудие борьбы провинциальных руководителей за ресурсы и, не в последнюю очередь, за влияние в Москве²⁵⁸. Ссылки на тяжелое положение беженцев предоставляли одну из возможностей в условиях острого продовольственного дефицита добиться снижения планов заготовок или дополнительной хлебной ссуды для своего региона. Обвиняя друг друга в пренебрежении к откочевникам, руководящие товарищи могли убедительнее продемонстрировать собственные деловые качества. По самой природе сталинизма, функционеры редко воевали между собой напрямую, ведя конкурентную борьбу «опосредованно», то есть через Москву²⁵⁹. Туда отсылались копии всех сколько-нибудь важных телеграмм и постановлений. Одна из основных моделей поведения ответственных работников состояла в том, чтобы информировать центр о собственных действиях, не забывая указывать на ошибки остальных²⁶⁰.

---

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 16. Д. 31. Л. 16 (письмо Рыскулова первому секретарю Башкирского обкома Быкину, 21 сентября 1933 г.).

²⁵⁷ Там же. Л. 10–14 (письмо Кальметьева Рыскулову, 15 октября 1933 г.). Об этом деле см. также: Рыскулов Т. Собр. соч. Т. 3. С. 351–352.

²⁵⁸ О конкурентной борьбе регионов, которая всегда представляла собой соперничество между личными сетями, см.: Easter G. *Reconstructing the State*. P. 109 ff.

²⁵⁹ Ср.: Fedtke G. *Wie aus Bucharern Usbeken und Tadschiken wurden. Sowjetische Nationalitätenpolitik im Lichte einer persönlichen Rivalität // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2006. Jg. 54. H. 3. S. 230 f.

²⁶⁰ Это относится и к ближайшему окружению Сталина в последние годы жизни генсека. См.: Baberowski J. *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*. München, 2012. S. 477 ff.

Алма-Ата находилась в стратегически невыгодном положении. С одной стороны, она зависела от сотрудничества соседей, если хотела, чтобы в Казахстан возвращалось как можно меньше беженцев. С другой стороны, ее постоянные отказы принимать людей, тактика проволочек, естественно, вызывали раздражение и недовольство, а неспособность обуздать волну бегства расценивалась как серьезный провал. Возникающие в связи с этим конфликты превратились в состязание за влияние и власть между руководством отдельных республик за счет тех, чьи интересы соперники якобы отстаивали.

В середине марта 1933 г. СНК РСФСР постановил выделить на продовольственную помощь беженцам в Западной Сибири, на Средней Волге и в Киргизии в общей сложности 1 005 тонн хлеба²⁶¹. Правда, это еще нужно было утвердить в СНК СССР; республиканское руководство не могло распоряжаться такими объемами хлеба самостоятельно²⁶². Помимо того, «всех» казахов, находившихся в названных регионах, надлежало там устроить: конкретно речь шла о том, что чуть больше 20 тыс. казахов должны найти работу на предприятиях и в совхозах различных промышленно-хозяйственных ведомств. О несоответствии между столь небольшой цифрой и явно намного ее превосходящим реальным числом беженцев не говорилось ни слова²⁶³. Как минимум на уровне постановлений и планов данное решение знаменовало определенный перелом, поскольку казахское руководство благодаря ему частично добилось своего: поначалу из европейских регионов беженцев перестали высылать на родину. В среднеазиатских республиках, где для устройства беженцев практически не имелось возможностей, картина выглядела иначе. Большинству тех, кто туда перебрался, приходилось возвращаться в Казахстан. Но постановления – это одно, а их выполнение – другое: дело двигалось туго, куда ни глянь. Во-первых, обещанные поставки хлеба заставили себя ждать, что тормозило прием казахов на предприятия²⁶⁴. Во-вторых, многие районные и областные административные органы Западной Сибири, не обращая внимания на предписания, неуклонно продолжали свою политику выселения и изгнания.

---

²⁶¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 409. Л. 7 (письмо Рыскулова Куйбышеву, 29 марта 1933 г.). Этого количества, по расчетам статистиков, должно было хватить, чтобы кормить 2 месяца 67 тыс. чел. при норме выдачи 250 г на руки в день.

²⁶² СНК СССР позже принял соответствующее постановление: Там же. Л. 4 (постановление СНК СССР, 15 апреля 1933 г.).

²⁶³ Там же. Л. 20–22 об. (постановление СНК РСФСР, 13 марта 1933 г.).

²⁶⁴ Там же. Л. 19 (письмо Сулимова Куйбышеву, 15 апреля 1933 г.).

В мае 1933 г. Исаев предпринял последнюю попытку предотвратить или хотя бы оттянуть массовое возвращение откочевников. Он послал драматичную телеграмму Молотову, добиваясь пересмотра постановлений. Аргументы приводил все те же: нет ресурсов, чтобы справиться с постоянно растущим потоком возвращающихся, так как внутри самого Казахстана все еще бродят тысячи беженцев. Поэтому необходимо убедить его соседей, особенно в Средней Азии, селить иммигрантов у себя²⁶⁵. Единственный ответ, который получил Исаев, – телеграмма от молотовского сотрудника, где говорилось, что Совет народных комиссаров не будет больше заниматься оседанием беженцев за пределами Казахстана²⁶⁶.

Теперь Алма-Ате ничего не оставалось, как готовиться встречать репатриантов. Было очевидно, что число умерших от голода самое позднее следующей зимой 1933–1934 гг. снова заметно возрастет, поскольку запасов никак не хватит, чтобы прокормить всех. В партийном руководстве никто не делал из этого секрета, и сам Мирзоян поставил об этом в известность Сталина²⁶⁷. Но казахи смирились с неизбежным. Они направили целый ряд уполномоченных в соседние среднеазиатские республики организовывать репатриацию. С помощью местных органов те разыскивали беженцев в Киргизии, Узбекистане и Каракалпакии. Посланцы с родины сулили обнищавшим казахам грандиозные перспективы. Они рассказывали о постановлении 17 сентября 1932 г., обещали скот, семенную ссуду, а главное – освобождение от всех налогов и сборов на ближайшие три года. Люди охотно внимали таким новостям. Не только в советских республиках, но и в Синьцзяне многие засобирались домой, чтобы воспользоваться льготами²⁶⁸. В советской литературе это позже стало называться «завершением планомерного перехода кочевников на оседлость»²⁶⁹.

Репатриантов собирали на железнодорожных станциях и близ крупных населенных пунктов, готовя к транспортировке. На станции Пишпек возле киргизской столицы Фрунзе в апреле 1933 г. скопилось около 800 казахов. По их словам, уполномоченный велел им явиться

---

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 13. Л. 2–3 (телеграмма Исаева Молотову, 5 мая 1933 г.).

²⁶⁶ Там же. Л. 1 (телеграмма СНК СССР Исаеву, 25 мая 1933 г.).

²⁶⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5828. Л. 22–26. Опубл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 57.

²⁶⁸ Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. A Contemporary's Reminiscences // Acta Slavonica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 120.

²⁶⁹ Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1967. С. 157–159.

сюда для отправки в родные края. Но о голодающих никто не заболтался. Смертность среди них была высокой, официальные органы насчитывали до 11 умерших в день. Киргизское правительство сняло с себя ответственность за этих людей и помощи им не оказывало. Лишь после неоднократного вмешательства ОГПУ и многочисленных отговорок киргизские власти согласились снабдить голодающих продовольствием²⁷⁰. Несговорчивость киргизов, возможно, объяснялась тем, что их столица Фрунзе к тому времени оказалась буквально окружена юртами казахских беженцев и в самом городе на «каждом свободном пятачке» стояла юрта – их общее число превышало тысячу. Председатель киргизского Совнаркома Юсуп Абдрахманов еще в феврале 1932 г. записал в дневнике: «Около Фрунзе вырос 2-й город – город юрт казахских граждан, переселившихся сюда от... голода и нищеты. Это результат работы Филиппа [Голощекина]»²⁷¹. Перед лицом столь тяжелой обстановки Абдрахманов опустил руки и не реагировал на телеграммы Рыскулова, в которых тот с растущим нетерпением спрашивал об условиях в киргизских питательных пунктах и о том, как обстоит дело с возвращением беженцев²⁷². В конце концов молодой руководитель сделал для себя выводы. Вместе с другими представителями республиканской верхушки он отказался выполнять план хлебозаготовок на 1932 г., боясь, что это будет его республике «непосильно». Абдрахманов знал, на что идет, но сказал: «Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что довели республику до положения Казахстана»²⁷³. Его отстранили от должности в мае 1933 г.²⁷⁴

Выполняя свои обязательства по поставке хлеба и остальных продуктов сборным пунктам в других республиках, казахские организации часто посылали туда некачественный товар, которому не нашлось другого применения. Например, когда Центральное управление по хлебозаготовкам получило задание отправить в Киргизию несколько вагонов хлеба для помощи беженцам, к месту назначения прибыло плохое, смешанное с песком зерно. Хлеб, выпеченный из него, оказался несъедобным. Тем не менее его раздали казахам.

---

²⁷⁰ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 7. Л. 3–4. Оpubл.: Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. С. 223–224.

²⁷¹ Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001. С. 160.

²⁷² Рыскулов Т. Собр. соч. Т. 3. С. 348–350.

²⁷³ Джумагалиев Д., Семенов И. Е. Верный сын народа // Абдрахманов Ю. Избранные труды. С. 41.

²⁷⁴ Там же. Об Абдрахманове см. также: Teichmann C. Kämpfen, Arbeiten, Scheitern. Ein kirgisches Funktionärstagebuch aus der Stalinzeit // Osteuropa. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 121–136.

Когда началась раздача помощи, писал в своем докладе ответственный уполномоченный, местное население стало насмехаться над казахами: «Разве это хлеб, вот видите, чем вас кормит Казахстан, здесь выдают еще наполовину с песком, а приедете, совсем камень будут выдавать»²⁷⁵.

Хуже всего пришлось казахам в Каракалпакии. Здесь, на южном берегу Аральского моря, всю весну и лето 1933 г. на сборные пункты стекались люди. Большинство не имело ничего кроме одежды на себе (часто оборванной), многие очень ослабели после пеших переходов по суровым местам. В этом глухом и даже по среднеазиатским меркам «отсталом» районе власти совершенно не справлялись с постоянным притоком голодающих. Они не располагали ни техническими возможностями для помощи десяткам тысяч человек, ни соответствующими запасами. Не хватало всего: продовольствия, жилья, медицинского обслуживания. Стремительно распространялись инфекционные заболевания, множество людей умирало либо от них, либо от голода²⁷⁶. В сентябре 1933 г. ожидающим отправки уже не оставалось ничего иного, как демонстративно положить труп умершего от голода перед зданием управления пароходства, чтобы привлечь внимание к своему положению²⁷⁷.

Через несколько месяцев, в мае 1934 г., ситуация снова резко ухудшилась. Власти Узбекистана и Туркмении практически прекратили помощь беженцам, чтобы вынудить казахов к откочевке. Теперь в Каракалпакии находились, по оценкам ОГПУ, свыше 10 тыс. казахских хозяйств в составе более 45 тыс. чел., плюс тысячи детей-сирот. Местные власти могли снабдить самым необходимым в лучшем случае половину, в том числе и потому, что некоторые руководящие товарищи прикармливали отпущенные на это средства. Смертность росла, а местные колхозники боялись за свой урожай, поскольку голодающие тащили все, что казалось им съедобным²⁷⁸.

²⁷⁵ ЦГАРК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 229. Л. 14 (письмо Семенова Курмагалиеву, 6 февраля 1933 г.).

²⁷⁶ Общую картину см.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3135. Л. 66–68 об. (доклад Телегина о положении откочевников в Каракалпакии, 14 ноября 1933 г.).

²⁷⁷ ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 14. Д. 872. Л. 31 (телеграмма с Аральского моря, сентябрь 1933 г.).

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 307. Л. 12–17 (доклад Логинова и Алиева Жданову и Рыскулову об откочевниках в Каракалпакской АССР, ранее 25 мая 1934 г.); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1042. Л. 156–159 (опубл.: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос: В 2 т. / под ред. Л. С. Гатаговой. М., 2005–2009. Т. 2. С. 76–80).

Каракалпакские коммунисты заявили, что могут устроить у себя не больше 3 тыс. хозяйств, а остальные 7 тыс. надо как можно быстрее вывезти. Последовали долгие переговоры, в ходе которых Наркомат водного транспорта подсчитал, что перевозка 7 тыс. хозяйств по Аральскому морю в Казахстан – при условии урегулирования вопросов оплаты рейсов и снабжения пассажиров – займет пять месяцев²⁷⁹. Казахстан опять всеми средствами отбивался от ремигрантов. Исаев уверял, что Каракалпакия пользуется удобным случаем отделаться даже от тех казахских хозяйств, которые обосновались там уже много лет назад. Помимо того, он требовал значительного увеличения предоставляемых на репатриацию средств²⁸⁰, успеха, однако, не добился²⁸¹. Неясно, насколько справедлив упрек Исаева по поводу выселения хозяйств-старожилов. Вряд ли он совсем высосан из пальца, поскольку возвращение беженцев предоставляло руководству окружающих республик и областей долгожданную возможность избавиться от неугодных групп населения. Особенно там, где казахи не могли быть объединены в «национальные колхозы» или автономные административные единицы²⁸², а «подселялись» в деревни, желание спроводить чужаков было велико.

Не случайно к беженцам при отправке на родину относились точно так же, как к спецпоселенцам, которых с начала 1930-х гг. сотнями тысяч ссылали в Казахстан и Сибирь²⁸³. В обоих случаях и местные власти, и столичное руководство думали прежде всего об очистке целых регионов: от «социально чуждых элементов», от «кулаков», а также от нищих бродяг и представителей иных этнических групп. Что будет с людьми в конце пути, не имело при подобных соображениях особого значения. С точки зрения тех, кто проводил депортацию, проблема была улажена. С точки зрения принимающих районов – и самих депортируемых – проблемы только начинались²⁸⁴.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 307. Л. 4 (постановление Совета труда и обороны, 16 июня 1934 г.), 8 (письмо Пахомова Куйбышеву, 11 июня 1934 г.).

²⁸⁰ Там же. Л. 3 (письмо Исаева Молотову, 4 июля 1934 г.).

²⁸¹ Там же. Д. 316. Л. 6 (телеграмма Кагановича и Молотова Исаеву, [лето 1934 г.]).

²⁸² О «национальных колхозах» в Западной Сибири см.: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2192. Л. 111–117. Оpubл.: Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов: В 4 т. / сост. В. С. Познанский. Алма-Ата, 1995. Т. 3. С. 59–62.

²⁸³ Подробнее см.: Viola L. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlers. Oxford, 2007. P. 33 ff.

²⁸⁴ Werth N. Die Insel der Kannibalen.

На этом сыграл Мирзоян, подняв вопрос о репатриантах из Каракалпакии на пленуме ЦК в июне 1934 г.: «Сейчас возвращаются откочевники, и если мы им вручим обязательства [по сдаче сельхозпродукции. – *Р. К.*], от этого мяса все равно не получим»²⁸⁵. Дальше последовал обмен репликами, в ходе которого выяснилось два момента: что Москва не очень много знает о происходящем в Средней Азии, а интересуется такими вещами еще меньше. Беженцы ее не волновали.

Вот диалог, начатый наркомом обороны К. Е. Ворошиловым:

«ВОРОШИЛОВ: А вы поменьше их принимайте.

МИРЗОЯН: А постановления Совнаркома РСФСР, какой-то комиссии СТО предлагают принять от Каракалпакии 7 тыс. Наши соседи в свое время казахов со скотом с удовольствием принимали, а теперь они их огромными массами отправляют обратно.

КАЛИНИН: Это же ваши.

МИРЗОЯН: Наши, это верно, но всех их сразу принять и устроить мы не можем, тем более что на это дело нам больших средств не дают.

СТАЛИН: Добились того, чтобы вам предложили.

МИРЗОЯН: Нет, т. Сталин, со среднеазиатцами по этому вопросу мы, наоборот, воюем.

СТАЛИН: А почему не обжаловали, если это решение было неправильно?

МИРЗОЯН: Перед отъездом [в Москву. – *Р. К.*] мы получили это решение и хотим обжаловать. Там еще говорится о дополнительных 7 тыс. от Туркменистана.

ГРЯДИНСКИЙ: Из Сибири еще можете получить»²⁸⁶.

К тому времени, как после Мирзояна стал выступать секретарь Средне-Волжского крайкома В. П. Шубриков, тема собравшимся наскучила. Когда Шубриков сказал, что часть населения края в минувшем году из-за нехватки продовольствия ушла в другие регионы СССР, но теперь возвращается, Сталин перебил его: «Откочевники? У вас разве есть откочевники?» В протоколе в этом месте отмечено: «Смех». Шубриков сумел ответить только: «У нас нет», – и перешел к другим вопросам²⁸⁷.

---

²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 525. Л. 17. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 165.

²⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 518. Л. 185.

²⁸⁷ Там же. Д. 525. Л. 17. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 166. О функции шуток во внутреннем кругу власти см.: Schilling T. Mächtige Signale. Informelle Kommunikation und Herrschaft an Stalins Hof, 1927–1940 // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 334 f.

С середины 1930-х гг. в потоки репатриантов влились также десятки тысяч людей, которые бежали от голода в Синьцзян, но в обстановке гражданской войны не видели там для себя никаких перспектив²⁸⁸. ОГПУ забеспокоилось, опасаясь, что среди этих репатриантов скрываются «шпионы» и «баи». Пограничники получили четкие указания «не стимулировать» иммиграцию и сделать все возможное, чтобы «беженцы могли снова вернуться в Китай». Только в октябре–декабре 1934 г. китайско-казахскую границу пересекли свыше 10 тыс. чел., в основном дунганы и казахи. Чекисты заявляли, что их присутствие грозит «эксцессами» в приграничных районах, поэтому всех возвращающихся нужно отправлять в глубь страны, а тем, кто не согласится, запретить въезд в СССР. Они предлагали размещать ремигрантов организованно «по принципу спецпоселений», с теми же ограничениями, что и для ссыльных кулаков²⁸⁹.

С ремигрантами из других советских республик также обращались не как со свободными людьми. Их распределяли по различным областям Казахстана в административном порядке, в соответствии с установленными лимитами. Партийные руководители областей получили от Мирзояна указания, возлагавшие на них личную ответственность за устройство ремигрантов²⁹⁰. Надлежало следить, чтобы их направляли главным образом в «крепкие» колхозы, имеющие МТС, и только там, где это окажется невозможным, специально создавать колхозы из новоприбывших. Местные власти старались выполнять это требование. По официальным данным, за 1933 г. более 60 тыс. хозяйств были «подселены» в «существующие» колхозы и всего около 7 700 семей организованы в самостоятельные коллекти-

---

²⁸⁸ Adams B. Reemigration from Western China to the USSR, 1954–1962 // Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / ed. C. J. Buckley, B. A. Ruble. Washington, 2008. P. 183–202. Однако значительная часть беженцев осталась в Синьцзяне, см.: Мендикулова Г. М. Казахская диаспора: История и современность. Алма-Ата, 2006; Benson L., Svanberg I. China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks. Armonk, N. Y., 1998. Только после 1991 г. снова началась массовая репатриация, см.: Diener A. C. One Homeland or Two? The Nationalization and Transnationalization of Mongolia's Kazakhs. Washington, D. C., 2009. P. 244 ff.

²⁸⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5775. Л. 60–66 (доклад ПП ОГПУ в Казахстане Мирзояну, 6 декабря 1934 г.).

²⁹⁰ Алма-Атинская область должна была принять 10 тыс. хозяйств, Южно-Казахстанская и Карагандинская – по 8 тыс., Восточно-Казахстанская – 7 тыс., Западно-Казахстанская – 4 тыс.

вы²⁹¹. ОГПУ вносило свой вклад в дело, усиленно выискивая в этой группе населения «антисоветские элементы»²⁹².

Тысячи семей депортировались в незнакомые им места и принуждались к непривычной работе. При размещении этих людей власти не обращали внимания на то, из каких районов они когда-то бежали. Их посылали, к примеру, в хлопководческие и свекловодческие совхозы и колхозы на юге Казахстана, у которых ввиду сурового климата, крайне тяжелых условий труда и расположения в малярийной местности постоянно возникали проблемы с рабочей силой²⁹³.

Однако ни принимаемые меры, ни имеющиеся ресурсы не позволяли взять под контроль всю массу беженцев, в придачу Казахстан по-прежнему обременяли высокие нормы заготовок. Зная, что его обращение пропадет втуне, Мирзоян, тем не менее, в июне 1934 г. в очередной раз указал на тяжесть положения: «Мы вручили только на 86 % обязательства по мясу. Остальные 14 % нам очень трудно разместить... Чтобы полностью разместить обязательства, нам надо их вручить 552 тыс. хозяйств. У нас по всей республике числится 560 тыс. хозяйств, причем на основании постановления ЦК [от 17 сентября 1932 г. – Р. К.] мы кочевые и полукочевые хозяйства должны освободить. Это составит, по крайней мере, 150 тыс. хозяйств. Остается 400 тыс. хозяйств. У нас не хватает хозяйств, чтобы вручить обязательства»²⁹⁴. Показательно, что в мае 1934 г. из примерно 150 тыс. зарегистрированных хозяйств, которые с июня 1933 г. вернулись в Казахстан, «устроенными» считались всего 78 тыс.²⁹⁵ Иными словами, государственными мероприятиями по оседанию в какой-либо форме охватывалось не более половины ремигрантов. Множество остальных были предоставлены самим себе²⁹⁶. Некоторые казахи жаловались на создавшееся положение, требуя выполнения

²⁹¹ Шаумян М. От кочевья к социализму. С. 162.

²⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 76. Л. 83 (постановление крайкома «О мерах по устройству откочевников», 31 марта 1933 г.).

²⁹³ АП РК. Ф. 725. Оп. 1. Д. 196. Л. 43–45 (справка о переселении в свекловодческие районы Казахстана, после 5 августа 1934 г.); Д. 222. Л. 3 (постановление СНК КАССР, 23 мая 1934 г.); ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 264. Л. 31; Д. 265. Л. 100 (справка об оседании в Казахстане, 1930–1937, [1937]); АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 73. Л. 203–210 (справка об урожае хлопка в Южном Казахстане, 28 октября 1932 г.).

²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 525. Л. 17. Оубл.: Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 165.

²⁹⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 117 (справка об откочевниках, вернувшихся с 15 июня 1933 г. по 1 мая 1934 г., [после 1 мая 1934 г.]).

²⁹⁶ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. P. 207 ff.

данных им обещаний. Иначе, говорилось в письме от репатриантов из Кызыл-Тусского района, «район опять останется без населения»²⁹⁷.

К концу 1934 г. большинство беженцев вернулось в Казахстан. Правда, в 1935 г., по осторожным оценкам, в других советских республиках еще находилось больше 30 тыс. казахских хозяйств, которые подались домой только в последующие годы²⁹⁸. Часть поздних репатриантов прибывала на родину вследствие усилий соседних республик и областей по «очистке» своей территории, другие решали вернуться, окончательно убедившись, что голод позади. С точки зрения партийных боссов, это уже были «отдельные случаи»²⁹⁹.

«Делегирование» катастрофы

Беженцы от голода стали объектами советской демографической политики, ориентированной прежде всего на нужды сельскохозяйственного производства. Одной из основных ее составляющих была канализация миграций, с тем чтобы, во-первых, преодолеть голод, а во-вторых, направлять бесприютное население в те регионы, где существует нехватка рабочих рук. Вдобавок такое перемещение населения всегда сопровождалось чистками и розыском врагов. Но главное – территориальное и социальное переустройство большей части казахского общества давало удобную возможность окончательно реализовать (и закрепить) советские притязания на власть.

Поэтому одновременно с массовым возвращением беженцев из соседних республик весной 1933 г. ужесточилась политика в отношении внутренних беженцев. Милиция и ОГПУ начали систематически «чистить» города и станции³⁰⁰. Большинство питательных пунктов закрывалось в связи с переходом к децентрализованному оказанию помощи в колхозах и совхозах либо обслуживало определенные категории рабочей силы³⁰¹. Право на бесплатное питание оставалось только у «истощенных и детей». Таким образом казахов загоняли в колхозы и совхозы, где (якобы) имелись для них продовольствие и работа.

²⁹⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 73.

²⁹⁸ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 270. Л. 51 (данные о числе возвращающихся хозяйств, [лето 1936 г.]).

²⁹⁹ Кулумбетов У. Д. Решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о Казахстане // Революция и национальности. 1935. № 5. С. 18–24.

³⁰⁰ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 3. Л. 44 (постановление Секретариата Казкрайкома, 24 февраля 1933 г.).

³⁰¹ Там же. Л. 64 (постановление Казкрайкома, 26 марта 1933 г.).

«Освобождая» города и другие «чувствительные точки» от голодающих³⁰², Казахстан вовсе не шел по какому-то особому пути. Эта практика вполне соответствовала представлениям Сталина, распространявшимся на весь Советский Союз. В феврале 1933 г. он заявил, что «лодыри» заслужили голодную смерть, двумя годами позже – оправдывал жертвы голодных лет успехами индустриализации³⁰³. «Чистка» городов, вытеснение голода в села, аулы и колхозы, снабжение продовольствием только работающих составляли весной 1933 г. ядро государственных мероприятий в голодающих регионах.

Важную роль играла паспортизация. Кризис 1932–1933 гг. вызвал волны массовых миграций по всей стране, в города хлынули миллионы бездомных и нищих. Не желая полностью потерять контроль над этим «зыбучим обществом» (Моше Левин), советское государство разрешило проживать в городах лишь обладателям паспорта с пропиской. Тем самым крестьяне, имевшие крайне мало возможностей получить такой документ, привязывались к колхозам, а «чистка» городов обретала «нормативную» основу. Секретный раздел инструкции о выдаче паспортов запрещал давать паспорта и прописку целому ряду «элементов», к которым относились беглые «кулаки», лица без определенных занятий, уголовные преступники³⁰⁴. Паспортная система превратилась в одну из главных составляющих сталинского репрессивного аппарата³⁰⁵. За несколько месяцев сотни тысяч людей были выселены из городов и частью высланы в ужасных условиях в Сибирь и другие отдаленные районы³⁰⁶.

Изгнание беженцев из городов Казахстана отвечало вышеописанным правилам. В Аулие-Ате высокопоставленная комиссия постано-

---

³⁰² ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 9. Л. 1 (письмо Егорова облисполкомам, 3 апреля 1933 г.).

³⁰³ Ellman M. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. No. 4. P. 689.

³⁰⁴ Kessler G. The Origins of Soviet Internal-Migration Policy. Industrialization and the 1930s Rural Exodus // *Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850* / ed. J. Randolph, E. M. Avrutin. Urbana, 2012. P. 67–71; Shearer D. Elements Near and Alien. Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1953 // *The Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. No. 4. P. 835–881.

³⁰⁵ Kessler G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Vol. 22. No. 2–3–4. P. 478.

³⁰⁶ Особенно трагический пример описывает Н. Верр: Werth N. Die Insel der Kannibalen.

вила незамедлительно «очистить» город от откочевников³⁰⁷. Власти Актюбинска приказали в кратчайший срок выслать из города всех «бродяг»³⁰⁸. Правда, в апреле 1934 г. горком партии вынужден был констатировать, что, несмотря на несколько «чисток», город снова полон откочевников, среди которых скрывается множество кулаков и баев. Прежние попытки «освободить» городскую территорию от этих людей не принесли удовлетворительных результатов, напротив: некоторые лица задерживались милицией уже по три-четыре раза. Отныне, распорядился горком, продовольствием должны снабжаться лишь те казахи, которые готовы за него работать. Всех остальных как «тунеядцев» следует выгнать из Актюбинска раз и навсегда³⁰⁹.

Бремя нового курса предстояло нести на своих плечах местным органам, на которые возложили ответственность не только за экономическую ситуацию, но и за возвращающихся казахов. Местные руководители в отчаянии непрерывно просили увеличить отпуск продовольствия, получая один и тот же ответ: на каждую область есть лимит, рассчитывать на дополнительные поставки не следует³¹⁰. Работникам Аксауского района, которые жаловались, что не в состоянии прокормить выделенным продовольствием нескончаемый поток голодных беженцев – более 2 700 хозяйств, председатель Алма-Атинского облисполкома Ильяс Молдажанов резко и без обиняков приказал «сегодня же ночью» найти решение проблемы или ждать последствий: «Предупреждаю еще раз, если этого не сделаете, будете немедленно арестованы, сообщаю для сведения: Пред. Балхашского РИКа Тагирова арестовали, если будете в дальнейшем бездействовать, будем применять к Вам такие же меры»³¹¹.

В таких условиях районным функционерам оставался только избирательный подход к продовольственному снабжению. «Мероприятия по устройству откочевников, – говорилось в подготовленном позже

---

³⁰⁷ ЦГА РК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 3. Л. 44 (постановление Секретариата Казкрайкома, 24 февраля 1933 г.).

³⁰⁸ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 52 (протокол заседания бюро Актюбинского горкома партии, 15 апреля 1934 г.).

³⁰⁹ Там же. См. также аналогичное постановление по Петропавловску: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 43. Л. 88–89 (постановление бюро КПК при ЦК ВКП(б) о нарушениях революционной законности в Карагандинской области, 13 января 1935 г.).

³¹⁰ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 76. Л. 59 (телеграмма Уильскому райкому, февраль 1933 г.).

³¹¹ АП РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 105. Л. 15 (разговор Молдажанова с Оспановым, 12 февраля 1933 г.). Биографию И. И. Молдажанова см.: Наркомы Казахстана. С. 242.

докладе казахского наркома земледелия, – неизбежно должны были быть сосредоточены на снабжении устраиваемых хозяйств минимальным количеством продовольствия и предметами первой необходимости и включении их в нормальную производственную работу»³¹². В письме председателю политотдела одной МТС Аулие-Атинского района Мирзоян разъяснял, что здесь конкретно имеется в виду: «Специальным решением Крайкома сказано, что всем тем колхозникам и откочевникам, которые не работают и не хотят работать, – продпомощи не давать. Неработающие должны быть лишены продпомощи, чего бы это ни стоило. Мы должны воспитывать людей так, чтобы они знали, что хлеб дают только за работу, а лодырям и бездельникам не будут давать. Вы вместе с райкомом должны провести эту работу, и если есть отдельные колхозы, районы или ТОЗы, которые получают хлеб, но работать не хотят, то им надо прекратить отпуск хлеба и несколько таких колхозов, где сидят бездельники, пустить под откос»³¹³.

Бюрократы в казахском Совнаркоме и в отдельных областях разрабатывали подробнейшие планы, определяя, кто, в каком объеме и где должен получать помощь³¹⁴. Теоретически распределение продовольствия подлежало строгому контролю, и ни грамма нельзя было выдавать, пока райисполкомы не утвердят составленные колхозами поименные списки нуждающихся. Каждый месяц ответственным работникам колхозов надлежало отчитываться за потраченные средства и представлять заявки на будущее. Аналогичная процедура предусматривалась также на районном и областном уровне. Во всяком случае, теоретически.

Во многих местах на иммигрантов смотрели как на «нищих», о которых заботиться незачем. Ярким примером невнимания местных властей к беженцам от голода может служить ситуация в Кармакчинском районе. Здесь администрация в 1932 г. получила на помощь голодающим в общей сложности 24 тыс. рублей. С 20 июля 1932 г. по 8 января 1933 г. из них было израсходовано чуть больше 1 400 рублей; львиную долю составили расходы на содержание штата и отправку телеграмм из района. На ремонт жилья и приобретение одежды для беженцев пошло всего около 120 рублей³¹⁵.

---

³¹² ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 264. Л. 30 (доклад об устройстве кочевого населения, [середина 1937 г.]).

³¹³ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7284. Л. 121–122. Оpubл.: Левон Мирзоян в Казахстане. С. 66. Решение крайкома датировалось 25 марта 1933 г. В нем шла речь о закрытии питательных пунктов.

³¹⁴ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–4 (доклад о распределении продовольственной помощи, 17 апреля 1933 г.).

³¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 301.

Сводка, подготовленная казахским Совнаркомом в декабре 1932 г., наглядно демонстрирует масштабы растрат. В ней говорится, что в истекшем году государство выделило республике в качестве продовольственной помощи и продовольственной ссуды свыше 57 тыс. тонн хлеба, однако действительно выдано было лишь около 33 тыс. тонн³¹⁶. Остальные 24 тыс. тонн приходятся на фиктивные фонды, существовавшие только на бумаге, хлеб, все еще лежавший на складах, и крупную недостачу – более 10 тыс. тонн, которые уже не находились на центральных складах, но в распределение так и не поступили³¹⁷. Столь резкое расхождение между планом и действительностью (как она отражена в докладе) для десятков тысяч людей означало смертный приговор. Порой, кстати, хлеб, отпущенный на «продовольственную помощь», использовали, чтобы выполнить обязательства по хлебосдаче³¹⁸.

За документально подтвержденные растраты власти налагали суровые наказания. Республиканская прокуратура Казахстана в 1933 г. завела больше 800 дел по обвинениям в хищении продовольственной помощи или мошенничестве при устройстве репатриантов, почти 600 из них дошли до суда. Из 1 800 осужденных около трети (566 чел.) занимали различные должности в партийном и государственном аппарате, чуть больше 20 % (371 чел.) составляли «баи, кулаки и другие чуждые элементы». 90 чел. были приговорены к смерти, но большинство – к 10 годам лагерей (1 084 приговора)³¹⁹. Даже если статистика неполна, она показывает тенденцию: очевидно, расследовались и рассматривались в суде лишь немногие случаи обогащения функционеров и местной элиты за счет откочевников.

Впрочем, даже независимо от растрат и хищений хлеба все равно не хватало, так же как и транспорта. Административные работники постоянно жаловались на недостаток верблюдов и других вьючных

---

³¹⁶ «Выдано» в данном случае означает только то, что хлеб отправили в аулы и колхозы; кому эти ресурсы попали в руки, статистика умалчивает.

³¹⁷ Подробную сводку см.: ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 226. Л. 55–61 (продовольственная помощь и продовольственная ссуда, по данным Заготзерна на 1 октября 1932 г., 4 декабря 1932 г.).

³¹⁸ Там же. Ф. 44. Оп. 16. Д. 603. Л. 35 (письмо Каруцкого Голощекину и Исаеву, 10 декабря 1932 г.).

³¹⁹ Там же. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 483. Л. 83 (доклад прокуратуры о борьбе с преступлениями в сельском хозяйстве, 21 декабря 1933 г.). В 1933 г., по официальным данным, было «разбазарено» 4 176 центнеров продовольственной помощи и еще 4 467 центнеров использовано «не по назначению».

животных³²⁰. Иногда распределению мешало то, что из аулов на склады не поступали списки нуждающихся, без которых ответственные лица отказывались отпускать продовольствие. По таким причинам в некоторых районах не распределяли даже немногие имеющиеся запасы³²¹. На деле зачастую оказывалось невозможно выбить в учреждениях, распорядившихся хлебом, необходимые «фонды» без вмешательства партийного руководства. Но никто не пресекал увертки и волокиту заготовительных организаций, чьи руководители прекрасно знали, что могут поплатиться даже за одно зернышко, не вывезенное ими из Казахстана. Впрочем, за развал региональных снабженческих структур нередко спрашивали с прямых виновников, то есть, например, с местного партийного босса, а не с директора большого элеватора в его районе, который отказался открыть свои склады³²².

Бездействие сопровождалось практикуемым все шире нецелевым использованием средств, выделяемых на устройство беженцев. Функционеры и коммунисты всюду запускали руку в эти фонды. Испытанным способом служило завышение числа хозяйств, нуждающихся в помощи. В списках было полно «мертвых душ»³²³. В апреле 1934 г. комиссия партийного контроля обнаружила, что более полумиллиона центнеров хлеба, выданные в качестве продовольственной помощи с октября 1933 г., делись неизвестно куда. Контролеры наблюдали ужасную обстановку в районах, где распределением продовольствия занимались «классовые враги», взявшие за правило запрашивать гораздо больше хлеба, чем действительно необходимо, а многие люди все равно умирали с голоду, поскольку продовольствие не попадало к тем, кому предназначалось. Не лучше обстояло дело с материей и промтоварами. Установить местонахождение всех этих товаров невозможно, резюмировала контрольная комиссия в докладе, ясно только, что беженцы получили самую ничтожную часть³²⁴.

В середине 1934 г. появились признаки, сигнализовавшие, что у руководства в Москве пропало желание раздавать тысячи тонн хлеба неимущим казахам, так как «экономический эффект» этой меры

---

³²⁰ ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 14. Д. 869. Л. 31–31 об. (письмо Чагирова Фектеру, 21 августа 1932 г.); АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 719. Л. 112 (доклад о продовольственных затруднениях в КАССР, 1 апреля 1933 г.).

³²¹ Батчаев М. Против искажений постановления ЦК от 17 сентября. С. 72.

³²² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 18–19 об. (приложение к протоколу бюро Оргкомитета, 5 февраля 1934 г.).

³²³ Там же. Л. 306.

³²⁴ Там же. Ф. 725. Оп. 1. Д. 206. Л. 16–36 (доклад об использовании государственной помощи, 26 апреля 1934 г.).

казался более чем сомнительным. Беженцы от голода окончательно потеряли статус нуждающихся в помощи жертв, который годом раньше за ними еще признавали, хотя бы частично. Теперь зашла речь о том, чтобы лишить продовольственной помощи как можно более широкие группы, и стала распространяться тенденция видеть в голодающих прежде всего «деклассированные элементы» и «тунеядцев». Многие функционеры совершенно открыто придерживались теории, «что основная масса откочевников является уголовным, сбежавшим элементом и высланными кулацкими хозяйствами, с выводом, что “особенной” заботы проявлять в отношении откочевников не следует»³²⁵. Подобным воззрениям, несомненно, способствовали случаи, когда ревизоры выясняли, что то или иное хозяйство пользуется льготами для откочевников не по праву. Об одном, видимо, особенно вопиющем деле такого рода докладывали коммунисты из Семипалатинска. В марте 1934 г. местные официальные органы обнаружили, что из 150 казахских хозяйств, размещенных в специально созданных для них колхозах, 114 ошибочно зарегистрированы как беженцы и получают продовольствие, которое им не положено. Среди казахов развивается «зависимое настроение», с укором говорилось в докладе, никто не хочет работать, все только и думают, как бы заставить государство их содержать³²⁶. Многое свидетельствовало (по крайней мере, с точки зрения коммунистов), что люди прежде всего стараются извлечь из своего положения материальную выгоду³²⁷.

Уполномоченный КПК по Казахстану³²⁸ В. Ф. Шарангович и его подчиненные в 1934 г. не раз горячо выступали за основательное реформирование системы продовольственной помощи. Они повсюду видели растраты и разбазаривание. С одной стороны, возмущался Шарангович, никто не следит за тем, кому и сколько хлеба выделяется, по каким критериям производится выдача, как вообще выполняются заявки колхозов и районов. Ни в колхозах, ни в облысполкомах, ни на каком-либо другом административном уровне не ведется

³²⁵ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 6. Д. 299. Л. 16 (доклад о положении в Актюбинской области, 29 марта 1933 г.).

³²⁶ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7372. Л. 65–66 (докладная Борева Мирзояну и Стакуну, 31 марта 1934 г.).

³²⁷ Там же. Д. 5894. Л. 82. См. также: Payne M. Seeing Like a Soviet State. P. 78.

³²⁸ О Комиссии партийного контроля см.: Getty J. A. Pragmatists and Puritans. The Rise and the Fall of the Party Control Commission // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Bd. 1208. Pittsburgh, 1997.

даже самого элементарного учета и контроля³²⁹. С октября 1932 г. Казахстану отпущено более 1,1 млн центнеров (55 тыс. тонн) хлеба, и нельзя хотя бы приблизительно выяснить, что стало со всей этой массой³³⁰. С другой стороны, считали сотрудники комиссии, необходимо искоренить широко распространенную среди казахов привычку полагаться на государственную продпомощь. Из 121 района Казахстана 116 в той или иной форме получают поддержку от государства³³¹. С этим иждивенчеством пора кончать, настаивали контролеры, в конце концов все эти области в состоянии сами кормить свое население путем «мобилизации внутренних ресурсов». После нового урожая, требовали они, надо окончательно прекратить выделение продовольственной помощи – с немногими отдельными исключениями³³². Казкрайком не замедлил оформить основные требования в виде постановления, грозившего суровой карой всем функционерам, которые будут смотреть сквозь пальцы на такого рода «разбазаривание»³³³.

Судьбу новоприбывших, число которых постоянно росло, теперь более или менее оставили на усмотрение местных колхозников и колхозных председателей. Шансы попасть в местные распределительные сети у приезжих со стороны были невелики, поскольку они стояли на самых нижних ступенях иерархии, которая во многом зиждилась на личных связях и личной зависимости. В августе 1933 г. московский ЦК постановил, что во всех колхозах, принимающих ремигрантов, должны быть заложены для них специальные фонды³³⁴. Официально эта мера была призвана поддержать неимущие семьи, но Мирзоян в телеграмме секретарям обкомов, разъясняя детали, уточнил, что тем самым ответственность за жизнь ремигрантов целиком возлагается на колхозы: «Размер фонда по каждому колхозу определен в зависимости от урожая, от количества откочевников по постановлению общего собрания самих колхозников»³³⁵. На помощь извне больше рассчитывать не следовало.

---

³²⁹ АП РК. Ф. 725. Оп. 1. Д. 206. Л. 53 (доклад Шаранговича Сталину и Кагановичу о помощи Казахстану, 7 июня 1934 г.).

³³⁰ Там же. Л. 17.

³³¹ Там же. Л. 55.

³³² Там же. Л. 65.

³³³ Там же. Л. 10–11 (телеграмма Мирзояна и Шаранговича всем секретарям обкомов, [после 7 июня 1934 г.]).

³³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 929. Л. 9 (постановление ЦК ВКП(б) «О колхозных фондах снабжения откочевников в Казахстане», 29 августа 1933 г.).

³³⁵ ГАВО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 140. Л. 218. Опубл.: Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция, 1928–

Колхозы не были готовы к наплыву людей, репатриировавшихся из других советских республик либо выгоняемых из городов и станций. Откочевников нередко направляли на самую грязную и тяжелую работу, жили они в жалких условиях³³⁶. Несмотря на все заманчивые обещания, при раздаче скота им зачастую не доставалось ничего³³⁷. Многие местные руководители возражали против предоставления драгоценных животных новичкам: нет смысла, говорили они, давать скот казахам, которые в текущем году поступили в колхоз слишком поздно, чтобы заготовить достаточно кормов и сена на зиму³³⁸. Этот аргумент звучал тем более веско, что сохранение тающего поголовья скота пользовалось высшим приоритетом. Каждую козу, овцу или корову берегли как зеницу ока, чуть ли не ценой собственной жизни. Тем, кто забивал животных без прямого позволения, грозило привлечение к ответственности за «разбазаривание» и суровое наказание. Некоторые товарищи совершенно открыто заявляли, что будут принимать откочевников, только если они приведут с собой собственный скот³³⁹. Алма-Ата вдобавок припугнула колхозную администрацию и новоприбывших, указав, что продовольственная помощь если и раздается, то временно, а семьи, которые забьют выделенную им скотину, не только не получат новых животных, но и будут лишены всех прочих видов помощи³⁴⁰.

Большинство ремигрантов обнаруживали, что колхозы видят в них обузу для своих, чаще всего еще хрупких, сетей выживания. Во многих местах доходило до серьезных конфликтов. В одном колхозе Аулие-Атинского района правление и колхозники сразу указали группе новичков их место в здешней иерархии: «В день прибытия... всех прибывших поставили на работу на молотье... работали целый день и должны были еще работать до заката луны. Под вечер дали ужин, не накушались досыта, ночь была холодная, наши же товарищи не имели буквально одежды и обуви». Несколько семей тут же покинули колхоз, остальные потом с утра до ночи трудились на свеклович-

---

1957 г.: Сб. документов / сост. О. В. Жандабскова. Усть-Каменогорск, 1998. С. 67.

³³⁶ ЦГАРК. Ф. 44. Оп. 14. Д. 872. Л. 13–15 (справка о положении в Урджарском районе, [конец 1933 г.]).

³³⁷ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 1. Л. 219 (письмо Такоева Киселеву, 27 мая 1934 г.).

³³⁸ Там же. Д. 2. Л. 235 (стенограмма заседания правительственной комиссии ВЦИК, 8 июля 1934 г.).

³³⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5894. Л. 82.

³⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 77. Л. 85 (постановление Казкрайкома «О задачах по устройству откочевников», 29 ноября 1933 г.).

ном поле, на обед их домой не отпускали, но и питание на месте для работников не организовали³⁴¹. В колхозе «Телестык» того же района дела обстояли не лучше: пришельцев поселили в дома без окон и дверей и заставили заниматься тяжелым физическим трудом, давая им при этом мизерные пайки. Из обещанной вначале помощи они так ничего и не получили: «Все хозяйства переселенцев живут впроголодь и питаются собранным масаком [т. е. колосками. – *Примеч. пер.*] своих детей»³⁴². Еще в одном колхозе русские крестьяне постоянно цеплялись к чужакам, обвиняя их во всех грехах³⁴³. Подобные истории множилось, вынуждая партийное руководство снова и снова напоминать районным кадрам, что забота о возвращающихся откочевниках – одна из «важнейших» задач их повседневной работы³⁴⁴.

Голод заканчивался в определенной мере так же, как начинался, – медленно и постепенно. Осенью 1933 г. наметились признаки улучшения, а в течение 1934 г. положение во всех районах Казахстана выправилось настолько, что никто больше не умирал от недоедания. Преодолению кризиса способствовал ряд различных факторов. Прежде всего кормить приходилось намного меньше людей. Огромные потери населения из-за голодной смерти и массового бегства очень сильно сократили число едоков в Казахстане. Хотя надежных данных нет, можно считать, что в середине 1934 г. в республике находилось примерно на 2 млн чел. меньше, чем три года назад. С этим тесно связан второй аспект: пережили голод преимущественно трудоспособные лица. Эта катастрофа гораздо чаще уносила жизни детей и стариков. Потому доля тех, кто не мог сам позаботиться о себе, стала сравнительно небольшой.

Принятые в сентябре 1932 г. решения, в частности о раздаче скота с колхозных ферм и освобождении скотоводческих районов от обязательств по сдаче продукции, сыграли в победе над голодом важную роль, поскольку знаменовали частичный отход от прежней политики безоглядного выкачивания ресурсов. Когда новый курс стал проводиться в жизнь, он помог и восстановлению поголовья скота, и спасению тысяч людей. Рекордные урожаи удачного 1934 года довершили остальное, круто изменив ситуацию с продовольствием к лучшему. Вместе с тем возымели действие и строгие меры по «дисциплиниро-

---

³⁴¹ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 168. Л. 137.

³⁴² Там же. Л. 135 об.

³⁴³ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 40. Л. 4 (материалы обследования колхоза им. Ярославского, [лето–осень 1933 г.]).

³⁴⁴ Об оседании. С. 264–265.

ванию» сельского населения, воплотившиеся в августовском «законе о колосках» 1932 г. Государство всеми средствами пыталось добиться контроля над последними резервами.

В сочетании двух противоположностей – уступок и беспощадной суровости – искали выход из положения не только в высшем руководстве, но и на местном уровне. Особенно заметно это на примере той части казахского населения, которая жила в сельской местности, в колхозах. Там, как правило, имелись хотя бы минимальные ресурсы; их выдавали колхозникам, достаточно часто обделяя беженцев от голода. Для обнищавших беженцев подобный принцип действий был губителен, колхозники же считали его необходимым, так как он позволял им выжить и продержаться какое-то время.

ВАРИАНТЫ – КОЧЕВОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ПО-СОВЕТСКИ

Когда голодный кризис в 1934 г. закончился, никто всерьез уже не оспаривал властные притязания большевиков. Казахстан потерял треть своих жителей. Социальные сети, структурировавшие раньше сообщества казахов, практически распались. Подавляющее большинство казахов было принуждено к оседлости, принесшей им нужду и лишения: они жили в бедных аулах, поселках и колхозах, еле-еле сводя концы с концами, завися от произвола местных функционеров, и пытались как-то устроиться в обществе дефицита. Прежнего мира, где главенствовал кочевой образ жизни, больше не существовало¹.

Голодные годы не только разрушили общество, но и сломали хребет степной экономике². Большевистские руководители понимали, что Казахстан на необозримое время останется – даже по скромным советским меркам – зоной экономического и социального бедствия, если они будут продолжать там политику безудержного выкачивания ресурсов. Что же делать? Сталин дал на этот вопрос прагматичный ответ, процитированный в июне 1934 г. Мирзояном казахской партийной общественности: глубоко заблуждаются товарищи, которые думают, что кочевое животноводство должно быть полностью ликвидировано. «Товарищ Сталин, – продолжал Мирзоян, – указал, что даже при полном социалистическом строе, даже при коммунизме не исключена возможность кочевого скотоводства, а наоборот, скорее всего будет так, что отдельные группы районов Казахстана и Средней Азии будут районами кочевого скотоводства...»³ «Все это делается

---

¹ Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945. Paris, 2006. P. 327 ff.

² Карагизова Г. Б. Ликвидация последствий насильственной коллективизации и проблемы социально-экономического развития аула и села в Казахстане (1933–1940 гг.): Дисс. Астана, 2002. С. 111–113.

³ Мирзоян Л. И. Об итогах посевной и задачи уборочной 1934 г. // Народное хозяйство Казахстана. 1934. № 6. С. 18–19.

для того, – сказал Мирзоян в другом случае, снова цитируя генсека, – чтобы... в ближайшие годы получить из Казахстана не полтора десятка тысяч тонн, а сотни тысяч тонн мяса»⁴. Способы достижения цели не имели особого значения, важны были только результаты. Поэтому кочевое хозяйство и после 1934 г. рассматривалось как допустимый вариант.

Ревизия и подведение итогов

Провал политики оседания начала 1930-х гг. в степных районах центрального и западного Казахстана нарком земледелия РСФСР Н. В. Лисицын в декабре 1933 г. объяснил ее несвоевременностью. По его словам, кампания началась, «когда в Казахстане не было властей». Районам пришлось справляться с «колоссальным мероприятием» собственными силами⁵, поэтому их работа плохо планировалась и не координировалась. Кроме того, отсутствовала надежная документация, которая показывала бы, что происходит в пунктах поселения, куда потрачены миллионные суммы, отпущенные на оседание, сколько построено домов. Все чаще возникали сомнения в том, имеют ли смысл предпринимаемые меры. Таким образом, снова встал вопрос о будущем степи. И на сей раз при ответе на него в первую очередь принимались во внимание не идеологические принципы, а экономические соображения.

Сначала необходимо было как следует уяснить сложившуюся ситуацию. Весной 1934 г. ВЦИК направил в Казахстан и Киргизию комиссию «по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения». Возглавлял ее А. С. Киселев, который еще в 1928 г. расследовал семипалатинскую авантюру Беккера⁶. В Казахстане члены комиссии собрали тысячи документов, позволявших в подробностях представить бедственную картину⁷. Они ездили в длительные командировки по всем районам республики и составляли огромные таблицы, в которых отмечали не только состояние домов (по четырем графам: «запланировано», «начато», «отремонтировано», «построено»), но

⁴ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 9. Л. 132 (речь Мирзояна об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), 20 декабря 1934 г.).

⁵ Там же. Д. 5. Л. 160 (выступление Лисицына на заседании Президиума ВЦИК, 1 декабря 1933 г.).

⁶ Персональный состав комиссии см.: Там же. Д. 1. Л. 1 (постановление Президиума ВЦИК, 20 апреля 1934 г.).

⁷ Историю комиссии см.: Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 178 ff.

и количество скота, положение со стройматериалами, удаленность «хозяйственных центров» колхоза от ближайшей железнодорожной станции, площадь полей и многое другое⁸.

Киселев также вызывал в Алма-Ату представителей кочевых районов, расспрашивая их о положении в степи. В основном все эти товарищи рассказывали одно и то же. Они докладывали о массовой убыли населения, о сокращении вплоть до полного исчезновения поголовья скота к 1933 г. и о том, что с тех пор дела потихоньку налаживаются. Вместе с тем никто не скрывал, что положение в обширных областях республики до сих пор катастрофическое. Кампания перевода на оседлость, по мнению этих людей, провалилась. Так считал, например председатель Карагандинского облисполкома Сулеймен Ескараев. В его области, поведал он, планомерного оседания никогда не проводилось. Теперь условия изменились, население не кочует и не может кочевать, потому что для этого у него нет ни средств, ни цели. Но отсюда никак нельзя сделать вывод, что проведено оседание. Разговоры о том, что в области осуществлено хозяйственное устройство и обеспечение вернувшихся откочевников, – неправда, заявил Ескараев. Им просто дали крышу над головой. Если под оседанием понимается их интеграция в ТОЗы, то он с этим не согласен⁹.

Комиссия вынесла разгромный вердикт по поводу положения дел в Казахстане. Применявшаяся долгое время практика «оседания на основе сплошной коллективизации» заключила она, стала губительной, поскольку превратилась в самоцель, которой подчинялось все остальное. То же самое можно сказать о тенденции сгонять казахскую рабочую силу в промышленность и в совхозы, которые сейчас не занимаются трудоемким скотоводством¹⁰. А в «поселках-гигантах» из сотен юрт, иронически заметил Киселев, нашла воплощение идея «построить Нью-Йорк в горах и степях»¹¹.

Большинство районных работников в буквальном смысле сдали проблему оседания в архив. Киселев назвал отношение казахской администрации к этому делу «бумажно-бюрократическим»¹². Районные филиалы отдела по вопросам оседания при Наркомате земледелия, так называемые оседкомы, страдали от хронической

---

⁸ См., напр.: ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 43. Подробные доклады об отдельных колхозах: Там же. Д. 46.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 21–22.

¹⁰ Там же. Д. 7. Л. 146–149.

¹¹ Цит. по: Pianciola N. *Famine in the Steppe*. P. 164.

¹² ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 6. Л. 224 (доклад об оседании кочевого и полукочевого населения в РСФСР, [1934]).

нехватки кадров и пасовали перед обилием своих задач. Проверка оседкома Алма-Атинской области показала плачевную ситуацию во всей красе: планы Наркомата земледелия были подшиты в папку и забыты, статистика успехов представляла собой чистую фантастику, выдававшую желаемое за действительное, а посетители не могли получить сведений хотя бы о том, проводятся ли и как идут землеустроительные и строительные работы. Большинство служащих проверяющие сочли абсолютно непригодными для выполнения своих обязанностей. В настоящее время в оседкоме работают в том числе «пьяница, кулак и ссыльный», писали они в разгромном докладе, и работа ведется «не планомерно». Условия поселения возвращающихся откочевников в колхозах за редкими исключениями, определяются на местах «без участия оседкома»¹³.

К таким же выводам пришел уполномоченный КПК по Казахстану Шарангович. В июне 1934 г. он потребовал упразднить оседкомы, поскольку те ни с кадровой, ни с организационной точки зрения не способны выполнять свои задачи, тогда как все прочие организации, сталкиваясь с проблемами, связанными с беженцами, кивают на оседкомы и всякую дальнейшую работу прекращают. Подобное бездействие, утверждал Шарангович, имеет роковые последствия: хотя каждый год составляются планы и контрольные цифры по притоку возвращающихся откочевников в Казахстан, никто не знает, сколько на самом деле вернулось хозяйств и где они пребывают. Притом «характерно» (по его словам), что среди вернувшихся находится множество «кулаков» и «баев», которые организуют в Казахстане «бродяжничество» и новые откочевки¹⁴. Прошло, однако, еще больше года, прежде чем столь порицаемые оседкомы были действительно упразднены, а их полномочия переданы Наркомату земледелия¹⁵.

Киселев и его коллеги, не ограничиваясь критическими замечаниями, выработали рекомендации по организации оседания в будущем. Их советы мало чем отличались от уже известных концепций: они предлагали продолжать оседание, но при этом обращать больше внимания на местные условия, отказаться от «административных

¹³ ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–5 (доклад Файзова и Каратаева Казирибаеву, [декабрь 1934 г.]).

¹⁴ АП РК. Ф. 725. Оп. 1. Д. 206. Л. 64–66 (доклад Шаранговича Сталину и Кагановичу, 7 июня 1934 г.).

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 6. Л. 249 (постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР, 4 октября 1935 г.).

мер» и лучше контактировать с населением¹⁶. Они также ратовали за культурное «цивилизирование» казахов и отводили оседанию главную роль в советизации степи. Данную позицию поддерживал в первую очередь Совет Национальностей ЦИК СССР, который и создал комиссию Киселева.

Руководители этого практически не имевшего влияния органа¹⁷ всеми средствами старались вдохнуть в кампанию оседания новую жизнь и поставить ее под свой контроль. В сентябре 1935 г. они устроили первое всесоюзное совещание по вопросам оседания. В Москву съехались представители всех республик, краев и областей, на чьей территории жили кочевники. Секретарь Совета Национальностей А. И. Хацкевич открыл дебаты замечанием, что неправильно это – строить социализм, когда население кочует. «Что вы можете сделать на верблюде, – вопрошал он, – что вы можете сделать с человеком, который сидит на боках верблюда или на его спине?»¹⁸ Но, очевидно, главы партии и государства его возмущения не разделяли (больше). Вскоре стало ясно, что никто не собирается помещать оседание в список приоритетных задач. Оно стало одним из многих советских проектов, по поводу которых делались красиво звучащие заявления о намерениях, но за реализацию которых никто не хотел брать на себя ответственность, не говоря уже о выделении достаточных средств. Финансирование оседания осталось делом отдельных республик, а союзный Наркомат земледелия, несмотря на постановления и призы, говорившие совсем другое, ограничился почти символическим вкладом – несколькими сотнями тысяч рублей в год. Не лучше обстояло дело и с поисками «веского голоса», который привлек бы внимание к данной теме в ключевых органах власти¹⁹. Наконец, пришлось признать, что все прежние достижения в жилищном строительстве для кочевников – колосс на глиняных ногах, поскольку кочевники используют дома под стойла для скота, а сами в основном живут в юртах²⁰. При таких обстоятельствах неудивительно,

---

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 2. Л. 74–101 (выводы и предложения правительственной комиссии ВЦИК по оседанию кочевников и полукочевников в КАССР, [лето 1934 г.]); ЦГАРК. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–25 (то же).

¹⁷ Martin T. Interpreting the New Archival Signals. Nationalities Policy and the Nature of the Soviet Bureaucracy // Cahiers du Monde Russe. 1999. Vol. 40. No. 1–2. P. 113–124.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 802. Л. 42 (совещание в Совете Национальностей ЦИК, 20 сентября 1935 г.).

¹⁹ Там же. Л. 30–31.

²⁰ Там же. Л. 32.

что желание заниматься оседанием у местных функционеров неуклонно сходило на нет²¹.

Через несколько месяцев, в январе 1936 г., состоялось новое совещание, но особым прогрессом никто похвастаться не мог. Нужно прямо сказать, признал Хацкевич, что дело оседания стоит и в ряде мест пушено на самотек²². То же самое он мог бы сказать и о дебатах, погрязших в мелочах. На главные вопросы участники обсуждения не находили ответов. Это касалось, например, проблемы водоснабжения, которая вечно оставалась без внимания – либо из-за нехватки специалистов, либо потому, что строительство жилых домов и скотных дворов позволяло быстрее продемонстрировать зримые «успехи», либо ввиду того, что инвестиции на орошение в Средней Азии, служившие объектом ожесточенной борьбы, главным образом направлялись в хлопководческие районы, а не в нерентабельную степную зону²³. Жалобы казахских представителей, годами пытавшихся заинтересовать этим вопросом оба центральных московских наркомата («НКЗ РСФСР говорит, что это не его дело, идите в НКЗ СССР, а когда мы приходили в НКЗ СССР, то нам говорят, идите в НКЗ РСФСР»), Хацкевич невозмутимо парировал: «Дело, стоящее миллионы, интересующее всю республику, нельзя делать в аппаратном порядке»²⁴. Тут он затронул важный момент: функционеры, «механически» соблюдавшие предписанный порядок прохождения дела по инстанциям, показывали этим, что сами не считают его важным. Успеха добивались лишь те товарищи, которые прибегали к неформальным методам и договоренностям²⁵.

В конце концов дебаты заглохли. Заключение и обширные материалы комиссии Киселева тоже отправились в архив. (Москве от нее, видимо, нужна была просто «инвентаризация» после кризиса.) Сталинское руководство проявляло к оседанию недостаточно интереса, да и многие казахи из центральных степных областей не стреми-

---

²¹ Совещание по вопросам оседания кочевых хозяйств и землеустройства колхозов национальных республик и областей // Революция и национальности. 1935. № 10. С. 83–89.

²² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 802. Л. 75 (стенограмма совещания по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения в Совете Национальностей ЦИК СССР, 19 января 1936 г.).

²³ Об орошении см.: Teichmann C. Canals, Cotton, and the Limits of Decolonization in Soviet Uzbekistan, 1924–1941 // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 499–519.

²⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 802. Л. 126.

²⁵ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012. S. 109.

лись стать оседлыми, даже если это могло быть для них экономически выгодно. «...Большинство казахов, около 70–80 %, которые вышли из жив[отноводческих] районов, вернулись в свои жив[отноводческие] районы, и даже из того места, где мы их посадили на производство зерна. Здесь есть та отрицательная сторона, что эти кочевники хотят побыть на родной земле. Они имеют 1–2–3 головы скота, и они хотят держать его там, где они родились», – объяснял Кулумбетов²⁶. Никакого конкретного руководства к действию он из этого наблюдения не вывел, лишь подчеркнул: «Мы абсолютно не думаем в ряде кочевых районов проводить какие-либо мероприятия для насаждения поселков для оседания»²⁷.

Высокопоставленные партийные и государственные руководители отныне только изредка призывали проявлять больше активности в вопросе оседания. Исаев, например, в июне 1936 г. писал в циркуляре облисполкомам Казахстана: «По имеющимся, правда, отрывочным данным, видно, что Вы в этом году перестали заниматься вопросами оседания и устройства возвращающихся откочевщиков. Может быть, Вы полагаете, что это уже законченное дело? Это неверно»²⁸. Однако это письмо знаменовало не ренессанс организованного оседания, а начало кампании придирчивого расследования деятельности оседкомов Наркомата земледелия под предлогом «упущений» при оседании²⁹. Результаты проверки выявили плачевную картину. Оседанием откочевников в Южно-Казахстанской области занимались в основном «второстепенные лица», которые «разбазаривали» отпущенные средства³⁰. В Актюбинской области ответственные товарищи не имели представления, где и в каких условиях живут вернувшиеся откочевники³¹. Больше 10 % выделенных на оседание средств пошло на подкуп колхозных председателей и других активистов, чтобы репатриантов хотя бы приняли в колхозы. В других местах на эти деньги были построены дома для представителей районной администрации;

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 802. Л. 132.

²⁷ Там же. Л. 135.

²⁸ ЦГАРК. Ф. 30. Оп. 5. Д. 553. Л. 4 (письмо Исаева Варову, 26 июня 1936 г.).

²⁹ Там же. Д. 530. Л. 30 (постановление СНК КАССР о проверке работы в аграрном секторе, 21 июля 1936 г.).

³⁰ Там же. Л. 107 (постановление СНК КАССР «Об итогах проверки аграрного сектора», 22 октября 1936 г.).

³¹ Там же. Д. 474. Л. 25 (доклад об оседании кочевников в Актюбинской области, [1936]).

в Чуйском районе – приобретены граммофоны для награждения заслуженных председателей колхозов³².

Растраты можно было частично пресечь, но, как быть с оседанием дальше, никто не знал. «Совершенно непонятно», что теперь будет с этим вопросом, писал Исаев работнику Наркомата земледелия. «В Москве» на нем особенно продолжал настаивать Совет Национальностей, так что Исаев просил оттуда конкретных указаний³³. Но другие высокопоставленные кадры «в Москве», очевидно, вели противоположную линию. К примеру, номинальный глава советского государства М. И. Калинин в одном примечательном выступлении покритиковал прежнюю политику перевода на оседлость и вместе с тем изложил свои взгляды на «быт» кочевников. Говоря о чрезвычайной распространенности туберкулеза в Каркаралинском районе, он пояснил: «Я думаю, что туберкулез там есть результат оседания, перехода в дома, да еще скученные. Ясно, что они [казахи] должны были в юртах жить... И вот интересно, как они теперь переносят это сельское хозяйство, справляются ли они, как физически они переносят сельское хозяйство... Я, конечно, за оседание, но надо смягчить, потому что, поймите, ведь населению тяжело перейти к оседлой жизни. Ведь какая у него психология»³⁴. Звучали и другие похожие высказывания. Один товарищ отмечал, что население теряет вкус к оседанию³⁵, другой задавался вопросом, «не будут ли лишними эти затраты [на оседание] через год, через два»³⁶. Сам Сталин в 1936 г. допустил, что животноводы-кочевники «будут еще вплоть до социализма и коммунизма в отдельных районах продолжать вести свой кочевой образ жизни»³⁷.

Большевики не особенно гордились тем, что в Советском Союзе, стране победившего социализма³⁸, до сих пор есть кочевники, но и не

³² Там же. Ф. 74. Оп. 11. Д. 187. Л. 8–10 (отчет о результатах ревизии расходов на репатриантов за 1936 г., [апрель 1937 г.]).

³³ Там же. Д. 264. Л. 1 (письмо Исаева Панкратову, 4 февраля 1937 г.).

³⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1682. Л. 15–17 (выступление Калинина на заседании Президиума ВЦИК, 20 августа 1935 г.).

³⁵ Там же. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 243 об.

³⁷ Там же. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 802. Л. 82.

³⁸ Сталин объявил о «победе социализма» в ноябре 1936 г. в связи с принятием новой советской конституции. См.: Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. S. 437.

давали себе труда скрывать данное обстоятельство³⁹. Не в последнюю очередь это было связано с изменением предпосылок советской национальной политики: вместо строительства наций акцент сместился на их самобытность⁴⁰. Хотя большевики не расстались с идеей, что в один прекрасный день отдельные нации сольются воедино, с середины 1930-х гг. возобладали консенсус насчет того, что в течение «долгого переходного периода» будут существовать советские нации с разными национальными культурами и традициями⁴¹. Речь теперь шла не об исчезновении наций при социализме, а о содружестве многих социалистических наций в Советском Союзе. Национальные особенности и традиции стали важными ресурсами мобилизации населения⁴². Внешнее выражение такая смена курса нашла в подчеркнутом внимании к национальным культурам. Национальные обычаи, традиции и фольклор больше не считались элементами отмирающей отсталости, а изображались неотъемлемой частью социалистической советской культуры⁴³. Сам Сталин показывался в «национальной» одежде, в Москве и других крупных центрах выступали лучшие артисты советских республик⁴⁴. Казахстан, с 1936 г. ставший союзной республикой, тоже демонстрировал своих величайших сынов и дочерей, в первую очередь старого певца-акына Джамбула Джабаева

---

³⁹ Bacon E. E. *Central Asians under Russian Rule. A Study in Cultural Change* (1966). Ithaca, 1980. P. 120 ff. Правда, речь теперь шла об очень маленькой группе населения. По официальным данным, в 1942 г. круглый год кочевали по степи со своими хозяйствами всего 24 тыс. чел. Таким образом, настоящие кочевники окончательно стали исключительным случаем: Ohayon I. *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin*. P. 336.

⁴⁰ Martin T. *Modernization or No-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism. New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 354. Критику см.: Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 268. Позицию Т. Мартина разделяет Ю. Слезкин: Slezkine Yu. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 442–450.

⁴¹ Winner I. *Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. Pt. 1 // Central Asian Review*. 1963. Vol. 11. No. 3. P. 256–259.

⁴² Ree E., van. *Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character // Kritika*. 2007. Vol. 8. No. 1. P. 45.

⁴³ Hirsch F. *Empire of Nations*. 266–270.

⁴⁴ Baldauf I. *Tradition, Revolution, Adaption. Die kulturelle Sowjetisierung Zentralasiens // Osteuropa*. 2007. Jg. 57. H. 8–9. S. 108 ff.

(Жамбыла Жабаева), который исполнял стихи под аккомпанемент домбры⁴⁵.

На оседание казахов теперь планировалось больше времени. Казахский Наркомат земледелия стремился в животноводческих районах поселить в дома из «местных стройматериалов» около 60 тыс. хозяйств (примерно половину местного населения) к 1942 г.⁴⁶ В действительности и в 1950-х гг. немалая часть казахского населения жила в юртах и самодельных глиняных мазанках⁴⁷. Соответственно скромно выглядела официальная статистика успехов. В начале 1937 г. Наркомат земледелия РСФСР резюмировал достигнутое следующим образом:

Таблица 3

Состояние мероприятий по оседанию в Казахстане на 1 января 1937 г.⁴⁸

Кочевых хозяйств на 1 января 1930 г.	564 000
– из них переведено на оседлость к 1 января 1937 г.	338 685
– из них в колхозах	284 171, или 83,6 %
Точек оседания (мест оседлого проживания и хозяйственных центров)	3 354
Построено новых домов для оседающих колхозников	38 044
Отремонтировано старых строений	86 338
Всего обеспечено жильем	124 382 семьи колхозников
Построено бань в новых колхозах	248
В районах оседания проведено распределение земли площадью	47 639 га
Построено колодцев в колхозах	2 038
Прудов и артезианских скважин	29
Орошается	122 249 га
В оседающих колхозах построено	
а) скотных дворов	998
б) сараев для инвентаря	621

⁴⁵ О том, сам ли Джембул сочинял стихи или пел то, что писали для него другие, существуют разные мнения. См.: Die Memoiren des Dmitrij Schostakowitsch / aufgezeichnet und herausgegeben von S. Volkow. München, 1979; Курманбаев Е. 800 миллионов тенге за статью // Свобода слова. 2007. 15 июня.

⁴⁶ ЦГА РК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 264. Л. 20–21.

⁴⁷ Корбе О. А. Культура и быт казахского колхозного аула // Советская этнография. 1950. № 4. С. 67–91; Сабитов Н. С. Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула (обзор материалов этнографических экспедиций за 1946–1951 годы) // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1952. С. 89–94.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 18. Д. 204. Л. 69–70.

в) конюшен	410
г) овчарен	971
д) хлебных амбаров	971
е) кузниц	499
Школ	160
Предоставлено сельскохозяйственной техники на сумму	5 305 200 рублей
Государственных средств (безвозвратных ссуд)	51 641 300 рублей

С одной стороны, эта несколько бессистемная на вид подборка данных дает представление о том, что функционеры считали важным и достойным упоминания, поскольку данные предназначались для казахского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве⁴⁹. С другой стороны, цифры свидетельствуют, как мало было сделано в кочевых и полукочевых районах Казахстана за семь лет с начала кампании перевода на оседлость: в степи прибавилось несколько сотен хозяйственных строений да чуть больше трети казахского населения поселилось в постоянных жилищах. Итог выглядит еще печальней, если посмотреть, как именно в графе о переведенных на оседлость хозяйствах получилось число около 340 тыс.:

Таблица 4
Число хозяйств, охваченных мероприятиями по оседанию (к 1937 г.)⁵⁰

Год	Всего перевод. на оседлость	Коч. + полукоч. районы	Районы		
			зерновых	хлопковых	свекловичных
1930	77 400	1 000	76 400	—	—
1931	57 500	22 500	31 800	1 500	1 700
1932	47 700	8 700	34 500	2 000	2 500
1933	111 300	21 000	85 300	4 000	1 000
1934	31 900	5 400	21 400	3 200	1 900
1935	6 000	2 700	—	1 900	1 400
1936	6 900	1 600	1 400	3 500	400
Итого	338 700	62 900	250 800	16 100	8 900

⁴⁹ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 265. Л. 63 (письмо Наркомзема РСФСР Наркомзему КССР, 20 ноября 1937 г.). Неясно, была ли представлена в экспозиции тема оседания. В путеводителе по выставке она не упоминается. См.: Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка 1939 / под ред. П. Н. Поспелова. М., 1939. С. 182–184, 331–333.

⁵⁰ Там же. Л. 101.

Данная таблица показывает, что оседание, собственно, началось только в 1933 г., когда в Казахстан вернулась масса беженцев. Тогда стали «оседлыми» около трети всех хозяйств. О том, что конкретно следует под этим понимать, подробно говорилось выше. Сколько семей, переведенных на оседлость в предыдущие годы, еще пребывали к этому моменту в первоначальных «точках оседания», неизвестно. Можно, однако, с уверенностью предположить, что десятки тысяч семей пришлось «устраивать» как минимум дважды, а значит, число «осевших» казахов должно быть значительно меньше простой суммы плановых цифр⁵¹. Вероятно, реалистичнее говорить примерно о 200 тыс. семей, в той или иной форме охваченных официальной политикой оседания. Удручающий результат политики, стоившей более полуторамиллиона человеческих жизней.

Для коммунистов в Москве и Алма-Ате вопрос кочевничества теперь представлял интерес в первую очередь с точки зрения экономического оздоровления региона. Они стремились во что бы то ни стало сделать Казахстан крупнейшим производителем мяса в СССР⁵². Для этого большевикам нужны были казахи-кочевники⁵³. Раз кочевое животноводство представляло собой самый эффективный и дешевый способ восстановления поголовья скота, следовало его терпеть и даже поощрять⁵⁴. Мирзоян кратко сформулировал суть новой линии в январе 1935 г. на совещании партийных руководителей кочевых и

---

⁵¹ Число 77 400 хозяйств на 1930 г. взято из первоначальных планов.

⁵² Не упуская, однако, из виду производство хлеба и промышленное развитие. См.: Саматов М. Животноводство Казахстана на подъеме // Большевик Казахстана. 1935. № 7. С. 62–63. Общая парадигма: Бурханов А. Государственный план развития животноводства // Революция и национальность. 1935. № 7. С. 31–36. См. также выступление Мирзояна о положении в сельском хозяйстве: VIII краевая конференция ВКП(б), 8–16 января 1934 г.: Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1935. С. 37.

⁵³ Winner I. Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. Pt. 1. P. 257.

⁵⁴ См., напр.: Филатов Н. П. Итоги и перспективы развития колхозного животноводства // Народное хозяйство Казахстана. 1939. № 7–8. С. 24–38; Летуновский А. Итоги зимовки 1934–1935 года и очередные задачи животноводческих совхозов Казакстана // Народное хозяйство Казахстана. 1935. № 5–6. С. 38–42; Саматов М., Каврайский В. Животноводство Казахстана на подъеме: Итоги переписи скота на 1-е января 1936 года // Народное хозяйство Казахстана. 1936. № 3–4. С. 57–77. Западные наблюдатели говорили о «функциональном номадизме» в казахской степи, см.: Dunn S. P., Dunn E. Soviet Regime and Native Culture in Central Asia and Kazakhstan. The Major Peoples // Current Anthropology. 1967. Vol. 8. No. 3. P. 160. Похожие наблюдения см.: Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. P. 120 ff.

полукочевых районов, перебив товарища, собиравшегося подробно описать обстановку в своем районе: «Вы расскажите не о том, как люди кочуют, а каково положение со скотом»⁵⁵.

Кочевой образ жизни по-прежнему считался «отсталым» и как основу специфических форм общественного устройства большевики его в принципе отвергали⁵⁶. Но развивать животноводство в степи в широких масштабах можно было только при условии мобильности стад и пастухов. Особенно это касалось гигантских степных просторов центрального и западного Казахстана, где и люди, и животные с трудом находили воду⁵⁷. К тому же здесь не хватало летних пастбищ (жайляу). Чтобы добиться проектируемого роста поголовья скота, «вопрос восстановления прежних жайляу и кочевых путей к ним должен быть решен... в отношении всех районов», говорилось в детализированных планах на третью пятилетку⁵⁸.

Главное отличие от положения, существовавшего до уничтожения кочевой культуры голодом, состояло в том, что функционеры теперь пытались регулировать миграции. Они указывали организованным в «бригады» пастухам, на какие пастбища им отправляться летом, на какие зимой. Специальные экспедиции прокладывали кочевые маршруты для доставки животных в центры переработки⁵⁹. Вместе с тем в степи в определенной мере внедрялись современные методы животноводства. Традиционная практика ухода за скотом и лечения больных животных игнорировалась, а порой даже объявлялась преступной. На глазах прибирая к рукам контроль над мобильным животноводством, функционеры низводили казахских скотоводов до роли сельскохозяйственных рабочих⁶⁰. С такими «кочевниками» партийные товарищи могли мириться.

---

⁵⁵ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 9572. Л. 17 (стенограмма совещания партийных руководителей кочевых и полукочевых районов, 10 января 1935 г.).

⁵⁶ Погорельский П. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств // Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии / под ред. П. Погорельского. М., 1934. С. 38.

⁵⁷ Зенкович Ф. И. Кочевые районы Казахстана и основные линии их развития // Народное хозяйство Казахстана. 1936. № 9–10. С. 51.

⁵⁸ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 264. Л. 62 (меры по устройству кочевых хозяйств в животноводческих районах КССР, [1936]). Ср. также: Там же. Л. 70.

⁵⁹ Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 330 f.

⁶⁰ Ibid. P. 332.

Фиктивные колхозы

Большинство колхозов в Казахстане находились в плачевном состоянии⁶¹, особенно если они были образованы из казахов и в большом объеме принимали репатриантов. По сравнению с преимущественно русскими хозяйствами у них гораздо хуже обстояло дело с материально-техническим обеспечением и кадрами, сильно отставала производительность. Отставание часто объяснялось отсутствием навыков земледелия, а также тем, что МТС предпочитали использовать свою скудную технику там, где это обещало наибольшие успехи в выполнении плана⁶². Играла свою роль и коренная проблема советской колхозной системы: трудовая дисциплина колхозников довольно часто хромала, выработка оставляла желать лучшего, постоянно имели место произвольные исключения из колхоза⁶³.

Больше половины казахских районов в конце 1930-х гг. фактически являлись кочевыми. Большинство из них находилось в степях центрального и западного Казахстана. Здесь неоднократно продлевалось и расширялось действие послаблений 1932 г. Поэтому какой-нибудь район то и дело пытался добиться статуса «кочевого». Когда с 1935 г. постепенно снова стали проводиться мясозаготовки, ответственные товарищи пришли в уныние: в отдаленных местностях, расположенных в сотнях километров от любой железной дороги, было, по их мнению, совершенно невозможно выполнить новые планы⁶⁴.

Колхозы в этих районах представляли собой не что иное, как фиктивные образования, существовавшие только в статистике и планах. Комиссия, направленная в 1939 г. в Карсакапайский район для обследования положения колхозов, обнаружила там мало общего с коллективными хозяйствами других регионов Советского

---

⁶¹ Это относится почти ко всем регионам Советского Союза. См.: Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford, 1994. P. 128 ff.; Rittersporn G. T. *Das kollektivierte Dorf in der bäuerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 147–167.*

⁶² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7415. Л. 46–46 об. (письмо начальника политотдела Кулашанской МТС Рядина Мирзояну, ранее 7 августа 1934 г.).

⁶³ В общем см.: Merl S. *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941*. Berlin, 1990. S. 463 ff. Примеры: ЦГАРК. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 726. Л. 66–67 (письмо Исаеву из западного Казахстана, 15 июня 1937 г.); Оп. 3. Д. 504. Л. 152 (справка о районах, чей статус подлежит изменению, ранее 14 июня 1939 г.).

⁶⁴ ЦГАРК. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 153. Л. 23–24 (письмо о мясозаготовках в бывших кочевых районах, 28 марта 1935 г.).

Союза. Типичный колхоз состоял из групп юрт, на 3–5 семей, разбросанных по территории площадью в несколько сотен квадратных километров: «Существовавшее в прошлом расселение населения в значительной части определило размещение колхозов и на сегодня и характер использования территории района... Зимой колхоз фактически распадается на ряд разобщенных между собой групп хозяйств». Большинство колхозов района не имели ни определенного центра, заслуживающего такого названия, ни прочных стационарных строений⁶⁵. Это относилось не только к «кочевым» колхозам, но и к тем, которые считались «более или менее оседлыми»⁶⁶.

Особенно тяжело приходилось колхозам, которые по большей части состояли из вернувшихся беженцев. Так, члены колхоза им. Жданова, созданного в 1936 г. в Келесском районе из репатриантов из Узбекистана, зимой 1938 г. жаловались, что за истекшие два года их колхозу трижды меняли местоположение. Из-за этого, писали они, невозможно построить дома, и семьи вынуждены жить в землянках. Экономически колхоз находится в полном упадке⁶⁷. Картина, нарисованная этими колхозниками, не представляла исключения. И не так уж редко от советских учреждений трудно было добиться помощи. Колхозам отказывали в кредитах под предлогом их бесперспективности, должностные лица всюду снимали с себя ответственность за их бедственное положение⁶⁸.

В некоторых степных районах коллективные хозяйства вряд ли вообще существовали. Многие крестьяне отказывались работать в колхозах. В Гурьевской области, например, в 1939 г. свыше 43 % колхозников не выработали даже обязательного минимума трудодней – наихудший показатель во всем Советском Союзе. Правда, и внутри самой республики по этому показателю существовали огромные расхождения: в Южно-Казахстанской области требуемого минимального количества трудодней не выработали всего 9 % колхозников⁶⁹. Одно это свидетельствует, насколько по-разному шло развитие «оседлых»

---

⁶⁵ ЦГАРК. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 31. Л. 81–85 (доклад из Карсакпайского района в бюро по переселению, [1939]).

⁶⁶ Там же. Ф. 1137. Оп. 3. Д. 848а. Л. 250 (справка о хозяйственно-культурном положении в Жилокосинском районе, [1939]).

⁶⁷ Там же. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 31. Л. 40 (письмо колхозников колхоза им. Жданова Сталину, 23 декабря 1938 г.).

⁶⁸ Там же. Л. 54–55 (протест Наркомата земледелия КССР, [1939]).

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 68. Л. 30–40. Опубл.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1939: В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и др. М., 1999–2006. Т. 5. Кн. 2. С. 494.

и «животноводческих» районов. В местах проживания полукочевников с колхозами дело обстояло хуже, чем в тех областях, где жители систематически занимались земледелием и где интенсивно внедрялось выращивание «технических культур» (например, хлопка). Там стимул к совместной работе был сильнее, поскольку имелась перспектива в той или иной форме получить вознаграждение за труды⁷⁰.

Поголовье скота после катастрофического сокращения начала 1930-х гг. стало потихоньку восстанавливаться, однако размеры, которых оно достигало до коллективизации, приобрело лишь годы спустя после Второй мировой войны. Особенную головную боль доставляли коммунистам колхозные фермы, потому что в течение десятилетия стада в частном секторе росли значительно быстрее, чем в колхозах. В Жилкосинском районе колхозы в 1939 г. владели всего четвертью общего поголовья по району, куда больше скота находилось в личном хозяйстве колхозников⁷¹. Во всей Гурьевской области колхозам принадлежало не более 40 % скота⁷². Доходило до абсурда: в животноводческих районах многие колхозы не имели собственных стад, а следовательно, теряли всякое экономическое значение⁷³. Многие казахи в степной зоне теперь обрабатывали небольшие личные участки земли ради приработка⁷⁴. «Колхозники по совместительству» чаще всего пасли своих животных неподалеку от юрт. Аулы, кочующие по степи за сотни километров, практически исчезли. Большинство семей перешли к полукочевому образу жизни, и радиус их миграций ограничивался 30–50 км от «хозяйственных центров» «оседлых» колхозов⁷⁵. Это изменило быт населения, однако препятствовало его интеграции в колхозы. Сравнительно маленькие и компактные аульные объединения, к тому же организованные, как правило, по родственному признаку, жили в основном разобщенно. У них не осталось причин в теплое время года откочевывать на летние пастбища и собираться там вместе с другими аулами, как бывало всего несколько лет назад⁷⁶. Назвать эти слабо связанные друг с другом и экономически неэффективные сообщества функционирующими колхозами затруднительно. Они скорее напоминали рудиментарные формы коче-

---

⁷⁰ Об оплате труда колхозников см.: Merl S. Bauern unter Stalin. S. 360 ff.

⁷¹ ЦГАРК. Ф. 1137. Оп. 3. Д. 848а. Л. 233.

⁷² Там же. Л. 1 (постановление о хозяйственно-культурном положении Гурьевской области, [сентябрь 1939 г.]).

⁷³ Там же. Д. 504. Л. 151.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 2. Л. 274.

⁷⁵ Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1967. С. 157–159.

⁷⁶ ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 11. Д. 264. Л. 4–8.

вого уклада, особенно потому, что ядро подобного колхоза зачастую составляли члены одного рода, делая его похожим на традиционный казахский аул, базировавшийся на родственных узах. «Родовые колхозы» представляли собой широко распространенное явление; даже в 1950-х гг. советские этнографы говорили, что большинство казахов в исследованных ими районах живет такими сообществами⁷⁷. То есть в конечном счете животноводческие колхозы в степи по большей части были потемкинскими деревнями.

Большевики допускали, чтобы часть казахского населения вела (полу)кочевую жизнь в традиционных социальных сообществах, пока сохранялась видимость, будто эти люди организованы в колхозы. Руководящим товарищам этого хватало, ведь их власть опиралась не столько на убежденность последователей, сколько на демонстрацию преданности всегда и везде. Верность предписанному сверху канону не должна была вызывать сомнений со стороны⁷⁸. Лишь когда провал больше не поддавался маскировке, в дело вмешивалось государство. Правда, когда «Большой террор» начал свирепствовать и в Казахстане, в силу вступили другие правила.

Репрессии и контроль

Это «враги народа» настраивают колхозников против колхозов и побуждают интересоваться только собственным хозяйством, заявил Мирзоян делегатам пленума Алма-Атинского обкома в декабре 1937 г.⁷⁹ В условиях массового террора 1937–1938 гг. подобное обвинение влекло за собой тяжелейшие последствия для обвиняемых. Чекисты в Казахстане, так же как по всему Советскому Союзу, придумывали «заговоры» и разоблачали сети «врагов народа», «предателей» и «шпионов»⁸⁰. За несколько месяцев в водоворот террора канула почти вся элита партийно-государственного аппарата. Когда осенью 1937 г. в «Правде» и казахских газетах появились чрезвычайно крити-

⁷⁷ Корбе О. А. Культура и быт казахского колхозного аула. С. 71; Winner I. Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. Pt. 2 // Central Asian Review. 1963. Vol. 11. No. 4. P. 356 f.

⁷⁸ Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. S. 101 ff.

⁷⁹ АП РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 610. Л. 311–329. Опул.: Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитасва. Алма-Ата, 2001. С. 216.

⁸⁰ Впечатляющую картину того, как сочинялись заговоры, см.: Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / под ред. Г. Д. Ждановой и др. М., 2010. С. 54–56.

ческие статьи о партийном руководстве Казахстана, опасность нависла и над Алма-Атой. Мирзоян, уцелевший в первую волну репрессий и сам отправивший на закляние нескольких ближайших соратников⁸¹, в мае 1938 г. был снят с поста⁸², арестован и расстрелян как «враг народа»⁸³. Его падение повергло казахских партийных работников в ужас. В Гурьеве как раз работала партконференция, когда пришло известие о конце Мирзояна. Пока делегаты пытались оправиться от потрясения («сразу трудно будет реагировать и понять решение ЦК ВКП(б) о снятии Мирзояна»), органы НКВД уже приступили к делу: в течение нескольких часов арестовали как разоблаченных «врагов народа» всех представителей партийной верхушки области⁸⁴.

Чекисты в кратчайший срок разгромили реальные и воображаемые сети бывшего партийного босса Казахстана, которые Сталин уже на февральско-мартовском пленуме 1937 г. приводил в качестве особенно негативного примера кумовства, широко распространенного в партии⁸⁵. В 1937–1938 гг. партийная организация Казахстана во многих районах, по сути, прекратила существование, и ее нужно было воссоздавать практически с нуля⁸⁶. В августе 1939 г. в Нарынкольском районе Алма-Атинской области сохранили свои посты всего три члена пленума райкома, избранного в мае 1938 г.; свыше 80 % от оставшихся в районе 300 коммунистов вступили в партию в минувшем году. Как показала проверка этих новых партийцев, шестьдесят из них имели родственников в Китае, что делало их особенно подозрительными в глазах НКВД⁸⁷.

---

⁸¹ См., напр.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 48. Д. 10. Л. 1 (телеграмма Мирзояна Сталину, 27 июля 1937 г.).

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1349. Л. 70 (протокол заседания бюро ЦК КП(б) Казахстана, 16 мая 1938 г.). Вскоре та же судьба постигла Исаева, см.: Там же. Л. 74 (протокол заседания бюро ЦК КП(б) Казахстана, 25 мая 1938 г.).

⁸³ Яркое описание см.: Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995. С. 109–111. Постановление: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1349. Л. 70 (протокол заседания бюро ЦК КП(б) Казахстана, 16 мая 1938 г.).

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1548. Л. 194 (стенограмма I Гурьевской областной партийной конференции, 15–23 мая 1938 г.).

⁸⁵ Там же. Оп. 2. Д. 607. Л. 251–254 (выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме, 5 марта 1937 г.).

⁸⁶ О массовых операциях в Казахстане см.: Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009. О терроре против партийной элиты: Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 109–111.

⁸⁷ АП РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1016. Л. 60–65 (доклад Белякова о Нарынкольском районе, 10 августа 1939 г.).

Выискивая «врагов народа», НКВД помимо распространителей «антисоветской и религиозной пропаганды»⁸⁸ в первую очередь интересовался животноводческим сектором, где еще при Мирзояне было «разоблачено» больше всего врагов⁸⁹. Поэтому казахское партийное руководство решило организовать во всех уголках Казахстана показательные процессы против «вредителей в области животноводства»⁹⁰. Товарищи проявили чрезвычайное усердие. Среди примерно 600 дел, возбужденных по всему СССР к декабрю 1937 г. с целью «ликвидации вредительства в области животноводства», свыше 140 приходилось на Казахстан⁹¹. Это отвечало неписаному правилу террора: в каждом регионе или учреждении наиболее интенсивно «чистить» сферы, которым чекисты придают исключительное значение, либо те, которые у них считаются особо проблемными⁹². Через полгода после того, как Мирзоян «разоблачал» «врагов народа» в животноводстве, его преемники адресовали те же обвинения ему самому. Они нашли явные признаки «вредительства» «троцкистско-бухаринских бандитов», окружавших Мирзояна, которые якобы настроили колхозников против колхозов и обрекли последние на экономическую гибель⁹³.

С массовыми операциями «Большого террора» хронологически тесно связаны попытки государства снова поставить животноводство под свой контроль. В конце 1930-х гг. оно для этого применяло прежде всего два инструмента. С одной стороны, «укрепляло» колхозы, приписывая животных, находившихся в личном пользовании, к обобществленным стадам. С другой стороны, привязывало колхозы, не имевшие «единого хозяйственного центра», к определенному пун-

---

⁸⁸ Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. С. 376–384.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 231. Л. 39. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 487.

⁹⁰ АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 53. Оpubл.: Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.: Сб. документов / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 1998. С. 195–196. См. также: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 48. Д. 20. Л. 1–2 (директива Сталина и Молотова о вредителях в животноводстве, 2 октября 1937 г.).

⁹¹ Из них 120 только на Восточно-Казахстанскую область – своеобразный всесоюзный рекорд. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 389. Л. 89–93. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 512–516 (особенно 513–514).

⁹² Binner R., Bonwetsch B., Junge M. Der operative Befehl Nr. 00447. Sein Schicksal in der Provinz // Stalinismus in der sowjetischen Provinz. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls Nr. 00447 / hg. R. Binner, B. Bonwetsch, M. Junge. Berlin, 2010. S. 38 f.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1331. Л. 255 (стенограмма II съезда Коммунистической партии Казахстана, т. 4, 4 июля 1938 г.).

кту, стараясь локализовать хотя бы колхозное правление и контору. Эти меры не ограничивались Казахстаном; скот, предоставленный людям, чтобы справиться с голодом, отныне числился общественной собственностью⁹⁴. Вместе с тем власти с помощью ряда административных решений постарались предотвратить на будущее сосредоточение скота в частных руках. Основа существования населения опять оказалась в опасности.

Многие казахи пытались бороться за своих животных. Они жаловались не только на то, что их заставляют отдавать скот, но и на произвольное применение этих мер (типичную черту советских кампаний такого рода): никто не мог сказать точно, кто и что должен отдать⁹⁵. В официальных постановлениях и прессе утверждалось, будто речь идет только о возврате животных, предоставленных населению в первой половине 1930-х гг. в качестве «ссуды», чтобы компенсировать последствия тогдашних «перегибов»⁹⁶. Однако никаких записей о том, какие хозяйства сколько скота получили в неразберихе голодных лет, чаще всего не существовало. Многие уезжали, забирая скот с собой, другие просто отказывались его возвращать⁹⁷. В отдельных случаях жалобы казахов даже удовлетворялись, но, тем не менее, фактически степное население во второй раз подверглось экспроприации, и после коллективизации была предпринята новая широкомасштабная попытка переустройства в степи.

Она затронула и организационную форму колхозов. После страшного опыта начала 1930-х гг. большинство степных колхозов создавались как ТОЗы. Теперь львиную долю этих организаций преобразовали в артели – гораздо сильнее интегрированную форму коллективного хозяйства⁹⁸. Для их членов это означало, что

---

⁹⁴ АП РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1006. Л. 143 (стенограмма совещания секретарей райкомов и ответственных работников земельных управлений, 28 ноября 1939 г.). О ситуации во всем СССР см.: Merl S. Bauern unter Stalin. S. 158 ff.

⁹⁵ ЦГАРК. Ф. 1137. Оп. 3. Д. 738 (жалобы колхозов и колхозников по поводу животноводства, 21 января – 27 июня 1939 г.).

⁹⁶ Там же. Д. 505. Л. 27–28 (постановление СНК КССР о возврате скота, полученного колхозниками в кредит в 1933–1935 гг., [май 1939 г.]). Об исполнении постановления: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 294. Л. 28–31 (доклад уполномоченного КПК по Казахстану Федоренко, 11 апреля 1940 г.).

⁹⁷ Дискуссия среди ответственных работников: АП РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1006. Л. 143–147.

⁹⁸ Подробности см.: Примерный устав сельскохозяйственной артели. Принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержден Советом Народных Комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935. М., 1950.

впредь им позволят держать меньше скота. Колхозы, находившиеся в пустынной безводной местности, планировалось перевести в более подходящие районы⁹⁹. Это было особенно необходимо в западном Казахстане. Здесь во многих местах ситуация выглядела так же, как в Забурунском сельсовете Денгизского района, где осенью 1939 г. все население еще вело полукочевой образ жизни, а материальными следами двадцати лет советской власти служили не больше десятка старых домов-развалюх и несколько никуда не годных, обветшалых, пустующих землянок¹⁰⁰.

До переселения, однако, следовало установить, где должны находиться «хозяйственные центры» этих колхозов¹⁰¹. В 1939–1940 гг. во всех кочевых районах республики колхозам были назначены «точки оседания»¹⁰². В отличие от грандиозных планов десятилетней давности, нынешние требовали только постоянного местопребывания административных и главных хозяйственных зданий.

При устройстве «хозяйственных центров» плановики столкнулись с теми же проблемами, которые в свое время мешали кампании перевода на оседлость: не хватало не только стройматериалов и точной информации о качестве земель и пастбищ, но и знаний о запасах и источниках воды¹⁰³. Работники соответствующих отделов казахского Наркомата земледелия не располагали гидрологическими картами и понятия не имели, где искать родники и колодцы¹⁰⁴. Привычно звучала жалоба раздосадованного товарища из наркомата в сентябре 1938 г.: «Нужно сказать, что Москва центральным Казахстаном не занимается»¹⁰⁵.

Центр проявлял известное равнодушие и к вопросу воспитания из степняка «нового человека», не требуя от жителей Казахстана идейной верности: ему было достаточно, чтобы они стали послушными подданными, то есть делали то, что им прикажут. От этих притязаний большевики никогда не отказывались. Они не расставались с испы-

---

⁹⁹ ЦГАРК. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 31. Л. 65–66 (постановление о положении колхозов без единого хозяйственного центра, Кзыл-Орда, 3–4 февраля 1940 г.).

¹⁰⁰ Там же. Ф. 1137. Оп. 3. Д. 848а. Л. 128 (материалы по хозяйственно-культурному состоянию Забурунского сельсовета, 29 июля – 7 августа 1939 г.). О такой же ситуации в Жилокосинском районе см.: Там же. Л. 258 (справка о хозяйственно-культурном состоянии Жилокосинского района, [1939]).

¹⁰¹ Там же. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 31. Л. 84.

¹⁰² Там же. Д. 1. Л. 34–36 (справка о мерах по переселению в Западно-Казахстанской области на 1941 г., 30 октября 1940 г.).

¹⁰³ Там же. Д. 31. Л. 15–16 (справка о колхозах без единого хозяйственного центра, [начало 1940 г.]).

¹⁰⁴ Там же. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 1512. Л. 45 (стенограмма совещания в Совете народных комиссаров, 11 сентября 1938 г.).

¹⁰⁵ Там же. Л. 46.

танними инструментами административного нажима и репрессий, не прекращали возлагать структурно непосильные задачи на колхозы. Но принуждение носило в сущности прагматичный характер. Один казахский колхозный председатель, когда его критиковали за упущения в области ликвидации безграмотности среди взрослых, привел в свою защиту железное оправдание: дескать, из-за плохого ликбеза его под суд не отдадут, а вот за невыполнение планов посевной – наверняка¹⁰⁶.

Тем не менее интерес центра к территории Казахской ССР не угас, а совсем наоборот: Казахстан наряду с Сибирью стал одним из главных мест массовой ссылки 1930–1940-х гг.¹⁰⁷ «Кулаки», «социально чуждые элементы», целые этнические группы (армяне, корейцы, позже – немцы и чеченцы) составляли контингент «спецпоселений» и казахских лагерей Гулага, прежде всего гигантского Карлага¹⁰⁸. Чем больше людей депортировалось в степь, тем больше влияния приобретал НКВД, чьи могущественные плановые ведомства конкурировали за скудные ресурсы с казахскими учреждениями, занимавшимися колхозным строительством¹⁰⁹. Заключение и спецпоселенцам предстояло воплотить в жизнь проект, который большевики с самого начала вынашивали в связи с казахской территорией: распахать степь¹¹⁰. По крайней мере, в центральном Казахстане коренное население уже не играло значительной роли в планах «освоения» «пустующего» пространства. Большевики предоставили это своим узникам и ссыльным¹¹¹. По выражению О. В. Хлевнюка, эти несчастные были «наркотиком», который опьянял советских плановиков, заставляя уверовать в осуществимость абсурдных целей пятилетних планов¹¹².

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 14. Д. 31. Л. 8.

¹⁰⁷ См., напр.: Poljan P. *Against Their Will. The History and Geography of Forced Migrations in the USSR*. Budapest, 2004. P. 95 ff.

¹⁰⁸ Brown K. *A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004. P. 176 ff. О Карлаге см.: Hedeler W., Stark M. *Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag. Die Geschichte eines sowjetischen Zwangsarbeitslagers, 1930–1959*. Paderborn, 2007; Barnes S. A. *Death and Redemption. The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton, 2011. P. 28 ff.

¹⁰⁹ ЦГАРК. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 1512. Л. 46.

¹¹⁰ Hedeler W., Stark M. *Das Grab in der Steppe*. S. 31 ff.

¹¹¹ О масштабах депортаций см.: Pohl O. J. *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport, 1999. Об отдельных группах депортированных в Казахстане: *Депортированные в Казахстан народы: Время и судьбы* / под ред. Г. Анеса. Алма-Ата, 1998.

¹¹² Khlevniuk O. *The Economy of the OGPU, NKVD, and MVD of the USSR, 1930–1953. The Scale, Structure, and Trends of Development* // *The*

Негостеприимная степь готовила депортированным чрезвычайно тяжкие испытания. В 1930-е гг. многие из них боялись за свою жизнь. «Кроме того, люди мы оседлые, а не кочевники, мы не привыкли к таким климатическим и бытовым условиям, к которым веками привыкали местные жители... Поэтому для нас в настоящее время и в дальнейшей перспективе ожидается только голодная смерть», – писал Молотову в 1937 г. один кореец¹¹³. Отношения между коренным населением и его новыми соседями были натянутыми. Некоторые ссыльные позже вспоминали, что казахи поначалу считали их «людоедами» и «головорезами»¹¹⁴.

Поскольку многих депортированных приписывали к уже существующим колхозам, репрессивный аппарат приобретал все больше влияния на казахское население и в районах размещения ссыльных главенствовал над «гражданскими» административными структурами. За несколько лет густая сеть лагерей и спецпоселений опутала степь. Гулаг и его поселки вместе с соответствующими комендатурами представляли ныне костяк советской власти в центральном Казахстане¹¹⁵. Кейт Браун утверждает, что разделение степи на зоны оградами, лагерями и спецпоселениями имобилизовало как репрессированных, так и «свободных» казахов¹¹⁶. На лагерных территориях, естественно, кочевые миграции стали невозможны, за их пределами пастбищные площади и кочевые маршруты тоже сокращались. Правда, после голода в центральных степных районах жило так мало казахов, что оставшейся в их распоряжении земли, при всех сокращениях, хватало для удовлетворения их потребностей. Верно и обратное: вынужденная неподвижность общества, запертого в лагерях и спецпоселениях, позволяла последним кочевникам влачить свое жалкое существование¹¹⁷.

Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag / ed. P. Gregory, V. Lazarev. Stanford, 2003. P. 65.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 49. Л. 7–8. Опубл.: История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: В 7 т. / под ред. Т. В. Царевской-Дякиной и др. М., 2004. Т. 5. С. 239–240.

¹¹⁴ Ким В. Эшелон-58 // Дорогой горьких испытаний: К 60-летию депортации корейцев России / под ред. В. В. Тяна. М., 1997. С. 69–81; Айдамиров М. Похождения «волчьего» потомка. URL: <http://deport-chr.ru/index.php/rem/75-musaaydamirov-3> (02.10.2013).

¹¹⁵ См. об этом: Bachmann В. Erinnerungen an Kasachstan. Erfahrungsbericht einer Rußlanddeutschen. Gladbeck, 1982.

¹¹⁶ Brown К. A Biography of No Place. P. 189.

¹¹⁷ Омаров М. Расстрелянная степь: Документальное повествование. Алма-Ата, 1994. С. 4–5.

На внутреннем фронте

С началом Второй мировой войны кочевничество в Казахстане пережило настоящее возрождение¹¹⁸. С зимы 1941–1942 гг. поголовье скота стало стремительно расти, потому что сотни тысяч голов эвакуировались из областей, оказавшихся под угрозой наступления вермахта¹¹⁹. Казахские большевики хотели сделать свою республику «важнейшей животноводческой базой страны»¹²⁰. Но для громадных стад не хватало ни стойл, ни кормов. Единственная возможность сохранить эвакуированный скот заключалась в его отгоне на летние и зимние пастбища. Даже в тех областях, где уже несколько лет не происходило сколько-нибудь заслуживающих упоминания кочевок, казахи снова вернулись к традиционному способу хозяйствования¹²¹. Впервые после голода крупные стада пошли по «старым» степным кочевым маршрутам¹²². Число скота, круглогодично содержавшегося под открытым небом, постепенно увеличивалось и в 1944–1945 гг. составило почти половину всего поголовья¹²³.

Правда, значительная доля эвакуированных животных пала. Они десятками тысяч погибали от холода и голода¹²⁴, а также из-за того, что в колхозах зачастую заправляли неопытные люди, не знавшие, как содержать большие стада в степных условиях. Только за первые семь месяцев 1942 г., по данным казахского Наркомата внутренних

---

¹¹⁸ О Казахстане как «арсенале фронта» см.: Козыбаев М. К. Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1970.

¹¹⁹ Winner I. Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. Pt. 1. P. 257; Manley R. To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, 2009; Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Алма-Ата, 1971. С. 134–147.

¹²⁰ Ундасынов Н. Важнейшая животноводческая база страны // Правда. 1942. 25 апр.

¹²¹ Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С. 160–162. О кочевом животноводстве во время войны см.: Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР / под ред. Г. Ч. Чуланова. Алма-Ата, 1963. Т. 3. С. 207–218; Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 333.

¹²² См. карту: Погорельский П. Оседание кочевников и развитие животноводства. Алма-Ата, 1949. С. 130.

¹²³ Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С. 165.

¹²⁴ ГЛ РФ. Ф. 8131. Оп. 22. Д. 280. Л. 1–14 (переписка по поводу 10 тыс. замерзших коз на Семипалатинском мясокомбинате, декабрь 1944 г.).

дел, пало почти 350 тыс. голов¹²⁵. Некоторые специалисты-аграрии винили в потерях прежде всего «варварское» обращение колхозников с животными: они не принимали необходимых мер для зимовки, не убирали падаль, способствуя тем самым распространению болезней¹²⁶. Еще важнее, что перед скотоводами при возобновлении кочевого способа хозяйствования вставали структурные проблемы: не хватало основных предпосылок, например верблюдов, без которых миграции по степи давались тяжело. Из огромного верблюжьего поголовья, еще существовавшего к началу 1930-х гг., в 1944 г. осталось не больше 90 тыс. голов¹²⁷.

Несмотря на все недостатки и проблемы, (полу)кочевые формы животноводства теперь находили поддержку. Авторы одного примечательного документа 1945 г., посвященного хозяйственным перспективам Актюбинской области, объявляли прежний курс на расширение посевных площадей неверным и призывали к переориентации на животноводство. Для этого, писали они, в области исключительные ресурсы, нисколько не исчерпанные, тогда как земледелие требует величайших усилий. За три прошедших десятилетия всего семь раз бывали урожаи, которые можно назвать «хорошими». Крестьяне живут бедно, посевные площади, поголовье скота и численность населения неуклонно сокращаются¹²⁸.

Нужно было что-то делать¹²⁹, и после войны развернулась дискуссия о будущем кочевничества. Этнографы и аграрии обсужда-

---

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 165. Л. 85 (письмо Кобулова Андрееву, 9 августа 1942 г.).

¹²⁶ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 2524. Л. 12 (отчет Вязмина и Хохульникова об инспекционной поездке в западный Казахстан, [после 9 мая 1943 г.]). Потери оставались большими всю войну, см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 305. Л. 209–215 (доклад Канарейкина Андрееву и Боркову, 27 июля 1945 г.).

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 284. Л. 4 (письмо Андреева Сталину и Маленкову, 15 мая 1944 г.).

¹²⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 334. Л. 1–8 (справка о состоянии сельского хозяйства в Актюбинской области, [начало 1945 г.]). В 1944–1945 гг. население во многих районах Казахстана голодало. См., напр.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 904. Л. 101–106 (докладная Богданова Берии о Сузакском районе, 12 июня 1944 г.). О голоде см. также: Жангуттин В. О. Голод военного времени в Казахстане: Докладные записки наркома НКВД Казахской АССР Н. К. Богданова – наркому НКВД СССР Л. П. Берии 1944 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 44–55. О содержании скота и снабжении пастухов: Кривицкий А. Легкомысленное отношение к отгонному животноводству // Правда. 1945. 11 янв.

¹²⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 310. Л. 128–141 (доклад о серьезных недостатках в развитии животноводства в колхозах Казахской ССР, 18 мая 1946 г.).

ли преимущества так называемого отгонного животноводства¹³⁰. Необходимо воскресить «существовавшую раньше систему» эксплуатации пастбищ, говорилось в одной из соответствующих статей. Но это возможно лишь в том случае, если для большого числа хозяйств «основной формой будет круглогодичное отгонно-пастбищное содержание скота с гораздо большим радиусом откочевок»¹³¹. Ученые призывали беречь опыт уцелевших скотоводов-кочевников, обращая его на пользу для социалистической экономики¹³². Явление, полтора десятка лет слывшее олицетворением нецивилизованного быта, которое в лучшем случае молча терпели, но не считали формой хозяйства, заслуживающей публичного обсуждения, теперь превратилось в доказательство превосходства «социалистического» способа производства и достойный вклад в дело защиты родины. Вместе с ним удостоились реабилитации элементы степной культуры, порицавшиеся ранее как символы «отсталости» кочевников. «Юрта, – поведал в ноябре 1945 г. на страницах «Правды» председатель СНК КССР Нуртас Ундасынов, – является наиболее совершенным, незаменимым видом жилища в условиях постоянного передвижения в степи»¹³³.

Советское государство приноровилось, по крайней мере частично, к образу жизни кочующих скотоводов, создав для них и их семей специальную инфраструктуру, хоть и скромную: «красные юрты», передвижные медицинские пункты, интернаты¹³⁴. Заслуженные скотоводы награждались орденами и привилегиями – знаками принадлежности к различным сетям в аппарате¹³⁵, указывавшими, что

---

¹³⁰ Чебышев М. В. Перспективы развития отгонного животноводства в центральном Казахстане // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1949. Вып. 53. С. 29–37.

¹³¹ Чебышев М. В. Перспективы развития и организационные формы животноводства в низовьях реки Или // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1950. Вып. 65. С. 58, 60.

¹³² Корбе О. А. Культура и быт казахского колхозного аула; Сабитов Н. С. Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула.

¹³³ Ундасынов Н. Чему учит опыт отгонного животноводства в Казахстане // Правда. 1945. 16 нояб. Биографию Н. Д. Ундасынова (1904–1989) см.: Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биограф. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007. С. 342.

¹³⁴ Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. P. 335 ff.; Michaels P. Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh, 2003. P. 153 ff.

¹³⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 310. Л. 32–34 (докладная о нарушении постановления о премировании работников сельского хозяйства и животноводства Гурьевским обкомом, [после 20 июня 1946 г.]).

казахи окончательно советизировались. Оседлость не была отныне обязательным требованием для этого. Главное, что кочевники перестали называться кочевниками: теперь их именовали «специалистами», а их семьи – «бригадами»¹³⁶.

---

¹³⁶ Bacon E. E. *Central Asians under Russian Rule*. P. 119; Погорельский П. Оседание кочевников и развитие животноводства. С. 144. См. также: Абылхожин Ж. Б. *Традиционная структура Казахстана: Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.)*. Алма-Ата, 1991; Winner I. *Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs*. Pt. 1. P. 257 f.

ИТОГИ

Если суть советизации состояла в подчинении целых коллективов воле государства, тогда голодный кризис стал настоящей колыбелью казахской советской нации. Годы голода ознаменовали переход от сегментированного общества, где большевики с трудом добивались послушания, к устройству, при котором их авторитет больше сомнению не подвергался. Клань, до тех пор структурировавшая общество, утратила эту функцию и была во многом отлучена от учреждений и организаций советского государства – в первую очередь колхозов¹. Сегодняшнее многонациональное население Казахстана – продукт сталинизма, получившийся из остатков уничтоженных кочевников и жертв сталинских массовых депортаций. Коллективизация и голод породили общество зависимых.

Когда голод уже заканчивался, большевики постарались ограничить территорию его распространения селами и аулами. Там продовольствие, скот и прочие элементарные блага находились в основном под контролем местных сетей внутри партийно-государственного аппарата. Шанс выжить имел только тот, кто находил к ним доступ. Катастрофа раскололась на несчетное множество местных конфликтов из-за распределения, которые вели между собой бедные и неимущие. Крестьяне и кочевники боролись за реприватизированный скот, сокращение налогов и обязательств, продовольственную помощь и пайки. Помощь по большей части попадала не к тем, кто острее всех в ней нуждался, а к тем, кто лучше умел позаботиться о себе. Многим откочевникам это не удавалось.

Выживающие усвоили норму советского режима – важны только результаты. В условиях голода нравственность представляла опасность для жизни. Поэтому значительной части населения ничего не оставалось, как стать «соучастниками»². Грань между «жертвами» и

---

¹ Schatz E. *Modern Clan Politics. The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle, 2004. P. 58 f.

² Kindler R. *Opfer ohne Täter. Kasachische und ukrainische Erinnerung an den Hunger 1932/33 // Osteuropa*. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 105–120.

«палачами» стерлась, и даже задним числом невозможно строго отделить одних от других. В обществе, где индивид в буквальном смысле считался ничем, а коллектив – всем, тот, кто дорожил жизнью, не мог не присоединиться к «виновным». Уцелевшие, со своей стороны, стабилизировали советскую систему. Кризис не подорвал советские структуры, а укрепил их, поскольку индивидуальное выживание почти всецело зависело от советских распределительных и властных механизмов. Люди, пережившие голод, были обязаны этим тому же самому государству, которое его спровоцировало.

Это повлекло за собой сложные процессы приспособления и вытеснения. Выше уже упоминался Мухамет Шаяхметов. Когда советское государство в 1928 г. пошло в наступление на кочевую культуру, родные Шаяхметова стали жертвами террора местных активистов. Его отец, депортированный как «кулак», умер в ссылке. Семья тяжело перенесла эту потерю и клеймо кулацких родственников. Годы голода, нужды и лишений Мухамет, его мать и брат пережили чудом. Множеству их родных, друзей и знакомых не так повезло. Они умирали от изнурения, болезней и голода. Мухамету довелось увидеть, как люди бросают и обманывают друг друга. Но, когда самое тяжелое осталось позади, он (во всяком случае, судя по его воспоминаниям) стремился только к одной цели: пойти в школу и вступить в комсомол. Будучи одним из немногих умеющих читать в ауле, он стал правой рукой местного функционера, донельзя перегруженного работой, по его поручению не только читал вслух остальным аульчанам длинные статьи из «Правды», но и пытался их разъяснять. Во время войны воевал в Сталинграде и на других фронтах. Позже делал карьеру в сфере образования, которая в конце концов привела его на должность директора школы. Жизненный путь Шаяхметова типичен для многих представителей его поколения. В мемуарах он нашел объяснение своему безропотному служению системе, уничтожившей его семью: он *хотел* верить, что в катастрофе виноваты отдельные лица, и подчинялся «воле центра», потому что *должен был* верить в обещанное партией лучшее будущее, чтобы не потерять всякую надежду. Вдобавок он чувствовал благодарность советской власти, которая предоставила ему возможности для учебы и карьерного роста³.

В таком противоречивом состоянии находились многие советские граждане, пережившие голод, террор или войну. Все они приспособлялись к обстоятельствам, и большинство предпочитало

---

³ Shayakhmetov M. The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin. London, 2006. P. 212. См. также: Idem. A Kazakh Teacher's Story. Surviving the Silent Steppe. London, 2012.

похоронить в душе «темные страницы» прошлого⁴. Единственное «памятное событие» советской истории, в связи с которым были позволительны скорбь, отчаяние, воспоминания о невозвратимых потерях, – Вторая мировая война⁵. «Великая Отечественная война» и победа, одержанная в ней несмотря на горькие поражения и жестокие лишения, служила важнейшим средством самоидентификации, предлагаемым советским государством. Страдание в данном случае обрело смысл, а скорбящие вливались в успешное общество выживших. Вероятно, и по этой причине «Великая Отечественная война» заслонила трагедию голода в коллективной памяти казахского общества. Только через несколько десятилетий, с началом перестройки, появилась возможность публично говорить о голоде. Жажда населения разваливающейся советской империи знать о собственном прошлом привела к выходу массы публикаций о «белых пятнах» истории. Но вследствие трудностей жизни в эпоху перемен у большинства людей этот интерес вскоре угас. После недолгого периода публичных воспоминаний и их проработки в 1988–1993 гг. анализ собственной истории вновь стал уделом специалистов-историков, результаты работы которых мало известны за пределами узкого профессионального круга⁶.

Это вполне укладывается в тенденции национальной «исторической концепции» независимого Казахстана. Рассказы о героическом кочевом прошлом, о казахских национальных героях или об успешных процессах модернизации и обновления занимали и занимают в обзорных трудах и учебниках по истории страны гораздо больше места, чем

---

⁴ Figes O. Die Flüsterer. Leben in Stalins Russland. Berlin, 2008. S. 837–851, 880–916.

⁵ О неоднозначности (пост)советской памяти о «Великой Отечественной войне» см.: Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied. Stanford, 2013.

⁶ Народецкий А. Голодомор не пускают в Казахстан. URL: <http://www.respublika-kz.info/news/politics/18997/> (02.10.2013). О достойном отношении к дебатам в Казахстане см.: Mark R. A. Die Hungersnot in Kazachstan. Historiographische Aufarbeitung im Wandel // Osteuropa. 2004. Jg. 54. H. 12. S. 112–130. О совершенно иной ситуации на Украине: Jilge W. Die «Große Hungersnot» in Geschichte und Erinnerungskultur der Ukraine // Erinnerungsorte an den Holodomor 1932/33 in der Ukraine / hg. A. Kaminsky. Leipzig, 2008. S. 11–24; Dietsch J. Politik des Leids. Der Hunger in der Ukraine 1932/33 und das Paradigma des Vorsatzes // Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatssozialismus (1917–2006) / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 327–350. Сравнение различных культур памяти см.: Kindler R. Opfer ohne Täter.

проблемы и трагедии советского времени⁷. Ни в публичном пространстве казахских городов и сел, ни в управляемом политическом дискурсе память о голоде не играет сколько-нибудь значительной роли. Памятных мест, связанных с голодом, очень мало⁸. В 1992 г. в одном алматинском парке поставили черный мраморный куб с надписью: «На этом месте будет установлен памятник жертвам голода 1931–1933 гг.» С тех пор прошло двадцать лет, а памятника так и не видно⁹. Зато в казахской столице Астане словно из-под земли вырос другой. 31 мая 2012 г., в «День памяти жертв политических репрессий», президент Казахстана Нурсултан Назарбаев открыл «Монумент памяти жертв голода», разъяснив при этом, что сейчас, через восемьдесят лет, речь идет только о том, чтобы помнить жертвы, которые «навечно» останутся «в сердцах казахстанцев». Назвав главным виновником трагедии «бесчеловечную тоталитарную систему», он сказал: «В осмыслении истории мы должны быть мудрыми и не допускать политизации этой темы»¹⁰. Подобный намек на несравнимо более жаркие дебаты о голоде на Украине показывает, какую опасность видит казахское руководство в том случае, если тема голода приобретет слишком большой вес в публичных дискуссиях: это грозит не только испортить отношения с Россией, но и подорвать с трудом сохраняемый межнациональный мир в Казахстане. Ведь чем чаще о голоде будут говорить как о «казахской» трагедии, тем настойчивее будет ставиться вопрос о его виновниках, а история станет предметом взаимных обвинений. Оазис стабильности, которым должен быть Казахстан по воле его руководства¹¹, тогда может быстро превратиться в фикцию.

---

⁷ См.: Современная история Казахстана / под ред. Б. Г. Аягана. Алма-Ата, 2010. В более чем 400-страничном труде свыше 300 страниц посвящены истории Казахстана после обретения независимости. Историческому развитию от появления первых людей на казахской территории до 1991 г. отведено около 100 страниц.

⁸ Показательно, что в современной публикации об исторических местах в Казахстане об этом нет ни слова: Bonora G. L. Guide to Kazakhstan. Sites of Faith, Sites of History. Turin, 2010.

⁹ Синделар Д. Выжившее поколение называет Голод «забытым геноцидом». URL: <http://rus.azattyq.org/content/article/1357667.html> (02.10.2013). См. также: Cameron S. The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934: Ph. D. diss. Yale University, 2010. P. 286 ff.

¹⁰ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932–1933 гг. // Голод в Казахстане: Трагедия народа и уроки истории: Сб. материалов / под ред. Б. Г. Аягана. Астана, 2012. С. 8.

¹¹ Dave B. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. London, 2007. P. 140 ff.

Российская позиция в отношении голода кристально ясна: это «трагедия народов СССР». Сталин и его вассалы несут за нее ответственность, но они никогда не имели намерения уничтожить целые нации¹²; голод – та цена, которую они были готовы заплатить за модернизационный рывок начала 1930-х гг. Казахстан присоединился к такой позиции, не желая сердить могущественного союзника. Но это, скорее всего, не единственная и даже не самая главная причина. Ввиду многонационального состава населения Казахстан прослыл «самой советской» из всех советских республик. Вплоть до 1980-х гг. Казахская ССР была единственной республикой, где титульная нация не составляла большинства. В 1979 г., по официальным данным, при общей численности населения 14,7 млн чел. там жило чуть более 5 млн казахов и почти 6 млн русских. В 1989 г. число казахов выросло до 6,5 млн с лишним, а русских – до 6,2 млн. Общая численность населения достигла 16,5 млн чел. Только в последующие годы число казахов продолжало расти, а число русских и представителей других европейских национальностей быстро снижалось. В 1999 г. казахов наконец стало больше половины населения – почти 8 млн из 14,9 млн чел.¹³

Такой состав населения являлся прямым следствием голода и заселения «пустующей» степи спецпоселенцами, депортированными народами и заключенными Гулага. Многонациональное казахское общество – во многих отношениях продукт террора. Оно объединило переживших голод и жертв сталинских массовых депортаций.

В середине 1950-х гг. в ходе инициированной Н. С. Хрущевым кампании «освоения целины» в степь снова устремились европейцы, и процентное соотношение различных групп населения окончательно сместилось в их пользу. Среди новоприбывших были и молодые активисты, и люди с «темным прошлым», их заманивали в Казахстан щедрыми посулами и материальными стимулами¹⁴, чтобы с третьего раза добиться того, что не получилось ни с кочевниками, ни с депор-

---

¹² См., напр.: Козлов В. П. Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012. Т. 1. Кн. 1. С. 5–9.

¹³ Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: История, политика, идентичность. М., 2007. С. 342.

¹⁴ О целинниках и возникавших в связи с их прибытием конфликтах см.: Pohl M. The «Planet of One Hundred Languages». Ethnic Relations and Soviet Identity in the Virgin Lands // Peopling the Russian Periphery. Borderland Colonization in Eurasian History / ed. N. B. Breyfogle, A. Schrader. W. Sunderland. London, 2007. P. 245 ff.

тированными: сделать степь пригодной для эксплуатации¹⁵. Эта попытка провалилась, как и обе предыдущие, а в придачу вызвала гигантскую экологическую катастрофу; одновременно она способствовала еще более глубокой интеграции региона в Советский Союз. Независимо от того, по своей или не по своей воле пришли они в степь, люди по окончании сталинской эпохи террора зачастую оставались в республике и начинали устраивать свою жизнь в условиях относительной свободы постсталинизма. Они делали карьеру, занимали большинство ключевых постов и все больше оттесняли казахов на задворки¹⁶. В позднюю советскую эпоху казахи в основном жили в деревне, а в городах преобладали европейцы, которые составляли элиту почти во всех сферах. Караганда и Алма-Ата в 1980-е гг. являлись русскими городами, где говорили по-русски, тогда как казахская речь слышалась только в селах и колхозах¹⁷. Это, однако, не мешало советским деятелям хвалиться переводом кочевников на оседлость как успешным модернизационным проектом¹⁸.

Русское доминирование в центрах республики не осталось без последствий для отношений между европейцами и казахами. Первые считали (и отчасти считают до сих пор), что они принесли «отсталым» казахам «цивилизацию». Подобные высказывания характерны в том числе для многих бывших узников Гулага и ссыльных, пытающихся таким образом придать смысл своему тяжкому физическому труду, которым они порой занимались всю жизнь. Кейт Браун свела суть этого феномена к емкой формуле: «из депортированных – в колонизаторы»¹⁹. Во время перестройки и в первые переходные годы чувство собственного превосходства у представителей русского

---

¹⁵ Обзор см.: Olcott M. B. *The Kazakhs*. Stanford, 1988. P. 224 ff. Критику, современную той эпохе, см.: Durgin F. A., Jr. *The Virgin Lands Programme, 1954–1960* // *Soviet Studies*. 1962. Vol. 13. No. 3. P. 255–280.

¹⁶ Laird R. D., Chappell J. E. *Kazakhstan. Russia's Agricultural Crutch* // *Russian Review*. 1961. Vol. 20. No. 4. P. 333 f.

¹⁷ Dave B. *Kazakhstan*. P. 50 ff.

¹⁸ Советские ученые и функционеры пропагандировали на международных конференциях свой опыт перевода на оседлость в качестве примера для развивающихся стран. См.: Жданко Т. А. *Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане* // *Советская этнография*. 1967. № 4. С. 3–24.

¹⁹ Brown K. *A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004. P. 176 ff. О самовосприятии бывших принудительных работников как носителей «цивилизации»: *Ibid.* P. 188. См. также: Figs O. *Die Flüsterer*. S. 892 ff.

меньшинства мало изменилось, хотя они толпами покидали страну и горько жаловались на дискриминацию²⁰. Но европейский облик элиты действовал и на культуру памяти в Казахстане.

При первых робких попытках разобраться со сталинистским прошлым депортированные народы и другие «жертвы политических репрессий» привлекали к себе больше внимания, чем казахи, поскольку имели доступ в средства массовой информации, издательства и университеты. Только после 1991 г. стала подниматься тема голода – но как история жертв всемогущего государственного аппарата, который в основном остается безликим. Ответственность за голод была экстернализована и возложена на абстрактные структуры да нескольких именитых большевиков²¹. Наряду с главными виновниками – Сталиным и Голощекиным – в качестве действующих лиц фигурируют разве что несколько их ближайших подручных²². Притом обычно упускается из виду, что даже самые гнусные приказы и директивы могут возыметь действие лишь в том случае, если есть люди, которые их исполняют. Иначе пришлось бы говорить о центральной роли казахов в коллективизации и оседании, а с жертв какой спрос? Но тот, кто не хочет взглянуть в лицо своему прошлому, начинает его забывать и превращает собственную версию истории в доминантный нарратив. Поэтому память о голоде в Казахстане – прежде всего память о пережитых страданиях. Это относится и к попыткам художественной обработки темы голода, их авторы также ищут своих героев среди голодающих²³.

Повествования исключительно о казахских жертвах затрудняют осмысление истории голода во многих отношениях. Они игнорируют замешанность и участие казахов в радикальной политике, которая, по сути, и вызвала голод. Пока об этом не пишут и не говорят, реалистичный анализ последствий «трагедии» едва ли возможен. Кроме того, как отметила Алейда Ассманн, они затыкают рот самим пострадавшим. Роль пассивной, беспомощной жертвы в значительной мере сопряжена с чувством стыда, и рассказывать о ней неприятно. Никто не

---

²⁰ Хлюпин В. Н., Пузанов В. И. Обратная сторона элиты // Геноцид. Русские в Казахстане: Трагическая судьба / сост. В. Н. Хлюпин. М., 2011. С. 82–108. О положении русских в Казахстане в основном см.: Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане.

²¹ Так же как и на Украине. См.: Dietsch J. Politik des Leids. S. 348 ff.

²² Mark R. A. Die Hungersnot in Kazachstan. S. 124. Один из основополагающих тезисов такого нарратива – что все «виновники» явились в Казахстан извне. В качестве примера см.: Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б. м., 2013. URL: <http://www.verkhoturov.info/documents/Ашаршылык.pdf> (02.10.2013).

²³ См., напр.: Жубанышулы М. Средь бела дня: Роман. Астана, 2005.

любит вспоминать опыт бессилия и мук. Это касается и потомков таких «тотальных жертв», какими представляются голодавшие казахи. Действительные или чувствующие себя таковыми жертвы, по словам Ассманн, способны выйти из своей изоляции только тогда, когда будут признаны и – хотя бы символически – возмещены их страдания. Но для этого необходимо также признание вины и ответственности²⁴. Пока его нет, о голоде можно рассуждать лишь абстрактно и поверхностно. Нарратив о жертвах также мешает рассмотреть динамику и процессы на местах, практически не позволяя их конкретизировать²⁵. И в результате голод в конце концов предается забвению.

С забвением «плохого прошлого», кстати, связано не только вытеснение неприятных истин. Историк-антиковед Кристиан Майер обратил внимание на то, что сознательное забвение издавна относится к важнейшим человеческим стратегиям преодоления кризиса²⁶. Интенсивное выяснение причин войн, кризисов, катастроф и собственной вины в них – историческое исключение, возникшее, в сущности, в связи с ответственностью немцев за Холокост. Беспрецедентность этого преступления против человечества потребовала, пишет Майер, особой формы памяти, чтобы постоянно указывать на вину и ответственность преступников и их потомков²⁷. Но это отнюдь не значит, что отношение к столь крайнему случаю должно стать обязательным образцом для подражания во всех прочих случаях «плохого прошлого». Если в других общественных контекстах существует консенсус по поводу того, чтобы оставить прошлое «в покое», нет веских причин возражать против него, как нет и необходимости в исторической проработке²⁸.

«Проработка» голода в Казахстане заставила бы обсуждать трудности солидарного поведения перед лицом угрозы голодной смерти. И молчание, и публичные (так же как непубличные) разговоры о голоде представляют собой последствия сталинской коммуникативной стратегии, которая привязала широкие слои не затронутого голодом напрямую населения к режиму. Это удалось, потому что интересы

---

²⁴ Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München, 2006. S. 82.

²⁵ Есть исключения, к примеру, работы Турганбека Алланиязова, который представил ряд локальных исследований. Но, как он сам мне признался, на такую деятельность смотрят косо.

²⁶ Meier C. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München, 2010. S. 44.

²⁷ Ibid. S. 89.

²⁸ Критику такой позиции см.: König H. *Paradoxien der Erinnerung. Über Wissen und Vergessen // Osteuropa*. 2011. Jg. 61. H. 4. S. 43–54.

властителей и подвластных во время голода совпадали больше, чем может показаться на первый взгляд. Там, где не говорили о страданиях и смерти, никто и не задавал вопросов об индивидуальной вине и ответственности. Поэтому молчание выполняло объединяющую функцию. Если человек ничего не говорил, то не только из страха перед режимом, а чтобы и ему не припомнили его собственные действия. Исключенность жертв означала включенность остальных, даже когда голод давным-давно миновал.

Кажется, именно здесь нужно искать ответ на вопрос, почему советское общество даже во времена таких чрезвычайных кризисов, как голод или террор 1937–1938 гг., в конечном счете оказалось на удивление функциональным. Оно не распалось и не превратилось в хаос беззакония и войны всех против всех, государственный террор и насилие не привели его к полной «атомизации». Диктатура добилась от населения молчания о голоде как пряником, так и кнутом. Люди понимали, что у них, по сути, нет иного выбора, как только следовать предписаниям режима в данном вопросе. Вместе с тем государство являлось единственным адресатом просьб и жалоб. Население чувствовало себя вынужденным «доверять» государству. Поэтому А. А. Тихомиров предложил считать одной из основных черт советского образа жизни «принудительное доверие». Оно, по его словам, будучи неизбежным следствием постоянного недоверия режима к населению, помогало привязать руководство и советских граждан друг к другу²⁹. Отдельному человеку было жизненно необходимо самому казаться абсолютно достойным доверия и по любому поводу заявлять о доверии к руководству и его политике³⁰.

Участие в подобном ритуале предоставляло важную возможность засвидетельствовать свою верность. Действия и поступки не очень для этого годились, ибо функциональность советской системы, как не раз указывалось выше, зиждилась на том, что каждый, от простого колхозника до могущественного директора комбината, постоянно не выполнял планы, нормы и распоряжения либо подгонял их под собственные интересы. Лишь поэтому плановое хозяйство не скатилось в совершенный хаос. В то же время надо всеми руководителями и работниками вечно висел дамоклов меч ревизий, проверок и смертельно опасных обвинений. Никто не был без греха. В таких

---

²⁹ Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust. Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 80 ff.

³⁰ Hosking G. Trust and Distrust in the USSR. An Overview // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 1–25.

условиях разумнее всего пользоваться казенными речевыми штампами и тщательно соблюдать табу. Правила «удачной» коммуникации действовали одинаково и в «Правде», и в сельской партиячке, и в Политбюро. И, естественно, они распространялись не только на то, что говорилось, но и на то, что оставалось несказанным.

Учитывая хрупкую стабильность казахского общества, велит ли ему рациональная стратегия «преодоления прошлого» отодвинуть «проблемные» страницы своей истории на задний план? Достаточно ли трактовать голод как «национальную трагедию», обрушившуюся на людей подобно стихийному бедствию? Или Казахстану пора интенсивно заняться выяснением вопроса собственной ответственности за голод? Давать советы со стороны тут нельзя. Однако, может быть, вывод, который делают Е. А. Добренко и А. В. Щербенок, анализируя взаимоотношения государственной власти и прошлого в России, верен и для Казахстана. Они пишут: «Прошлое есть опыт боли, травма опыта; история есть анестезия, нарратив, который производится властью...»³¹ Долго ли будет действовать такой наркоз, покажет время. Но одно должно быть ясно: казахское общество стало тем, чем было и чем является сейчас, потому что его сформировал голод. Утешительной истории об этом не расскажешь.

---

³¹ Dobrenko E., Shcherbenok A. Between History and the Past. The Soviet Legacy as a Traumatic Object of Contemporary Russian Culture // Slavonica. 2011. No. 2. P. 77 f.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книги никогда не пишутся в одиночку. И в трудах над этой книгой мне по-разному помогало множество людей. Их всех я хочу поблагодарить.

Первым я называю Йорга Баберовски. Без ободрения с его стороны я никогда не взялся бы за этот проект и не довел бы его до конца. За все эти годы он сделал для меня намного больше, чем я когда-либо мог себе представить.

На кафедре истории Восточной Европы в Берлинском университете им. Гумбольдта работали и работают замечательные коллеги и ученые с которыми я всегда мог побеседовать о проблемах и результатах моей работы. Ни с кем этот не получалось у меня интенсивнее и обстоятельнее, чем с Феликсом Шнеллем. Без его советов и подсказок многие пассажи в этой книге наверняка выглядели бы иначе. Точные наблюдения и замечания Кристиана Тайхманна неизменно заставляли меня пересматривать мои рассуждения под новым углом зрения. Штефан Визе вряд ли мне поверит, но он стал для меня примером не только в том, как надо работать. За несколько лет свой вклад в создание книги внесли Клаус Бех Ханзен, Бенъямин Бойерле, Матиас Браун, Мирьям Галлей, Кристоф Гумб, Ботакос Касымбекова, Йохен Крюгер, Майке Леман, Андреас Оберендер, Александра Оберлендер, Мальте Рольф, Фабиан Тунеман, Давид Феест, Александер Фрезе, Йорн Хаппель, Ульрике Хун, Тадзио Шиллинг, Катарина Шмиттен и Вальтер Шперлинг. Адриенн Эдгар и Михаэль Вильдт писали рецензии на мою работу и дали мне ценные советы по переработке текста.

Сара Кэмерон, Изабель Оайон, Мэтью Пейн и Никколо Пьянчола — мои выдающиеся коллеги, чьи работы и комментарии вдохновляли меня и постоянно бросали мне вызов. Турганбек Алланиязов в высшей степени щедро делился со мной своими знаниями, своим временем и своими источниками.

За прошедшие годы я излагал свои мысли на множестве конференций, семинаров и коллоквиумов. Всюду я находил увлеченных собеседников. Их вопросам, замечаниям и предложениям я чрезвычайно многим обязан.

Немецкая версия книги выходила в издательстве «Hamburger Edition». Биргитт Отте, Андреа Бёльткен, Паула Брадиш и Юрген Детерманн сделали все возможное, чтобы превратить научную диссертацию в удобочитаемую книгу.

Благодарю Фонд Фрица Тиссена за финансовую поддержку исследовательского проекта, породившего в конечном счете эту книгу и за поддержку перевода книги на русский язык. Также благодарю за это Гамбургский фонд поддержки науки и культуры.

Большим счастьем для меня является не только русское издание книги, но и то, что оно выходит в знаменитом издательстве «РОССПЭН». Благодарю всех сотрудников издательства, а в особенности Ладу Юрьевну Пантину за замечательный перевод и Марию Курбак за содействие в течение последних лет.

Керстин и Фридмар Вэхтер творили просто чудеса, обеспечивая тыл (в том числе и мой). Мои родители Ева и Эдуард Киндлер всегда были рядом, когда я в них нуждался, и поддерживали меня во всем, что я делал.

Но больше всего я благодарен своей замечательной семье. Кэте и Фридерике еще слишком малы, чтобы понимать, над чем я так долго трудился. С Беттиной я мог без оглядки делиться всем: первыми и последними сомнениями, не столь частыми моментами эйфории и земными заботами. И всеми чудесными вещами в жизни. Поэтому я посвящаю эту книгу ей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖКРК	–	Архив Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан
АП РФ	–	Архив Президента Российской Федерации
АССР	–	автономная советская социалистическая республика
ВКП(б)	–	Всесоюзная коммунистическая партия (большеви-ков), 1925–1952
ВЦИК	–	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАВО	–	Государственный архив Восточно-Казахстанской области
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области
ГАСО	–	Государственный архив Семипалатинской области
Госплан	–	Государственный плановый комитет
Казкрайком	–	Казахский краевой комитет РКП(б)/ВКП(б)
КазЦИК	–	Казахский центральный исполнительный комитет
КАССР	–	Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика
Киркрайком	–	Киргизский краевой комитет РКП(б)/ВКП(б)
КПК	–	Комиссия партийного контроля
Крайоседком	–	Краевой комитет по оседанию и хозяйственному устройству откочевников
КССР	–	Казахская Советская Социалистическая Республика
МТС	–	машинно-тракторная станция
Наркомзем	–	Народный комиссариат земледелия
НКВД	–	Народный комиссариат внутренних дел
НК РКИ	–	Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
нэп	–	новая экономическая политика
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление

ПАНО	-	Партийный архив Новосибирского обкома КПСС
ПП ОГПУ	-	полномочный представитель ОГПУ
РКП(б)	-	Российская коммунистическая партия (большеви- ков), 1918–1925
РСФСР	-	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
САВО	-	Среднеазиатский военный округ
СНК, Совнарком	-	Совет народных комиссаров
ССР	-	советская социалистическая республика
СССР	-	Союз Советских Социалистических Республик
ЦА ФСБ РФ	-	Центральный архив Федеральной службы безопас- ности Российской Федерации
ЦГАКФДЗ	-	Центральный государственный архив кинофотодо- кументов и звукозаписей Республики Казахстан
ЦИК	-	Центральный исполнительный комитет
ЦК ВКП(б)	-	Центральный комитет ВКП(б)
ЦКК	-	Центральная контрольная комиссия

ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК)

Ф. 8: Алма-Атинский областной комитет Коммунистической партии Казахстана

Ф. 141: Казахский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (Казкрайком ВКП(б))

Ф. 708: Центральный комитет Коммунистической партии Казахстана (ЦК КП Казахстана)

Ф. 719: Казахская краевая контрольная комиссия Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции КАССР

Ф. 725: Уполномоченный Комиссии партийного контроля при Центральном комитете Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) по Казахстану

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 393: Народный комиссариат внутренних дел РСФСР

Ф. 1235: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК)

Ф. 3260: Федеральный комитет по земельному делу при Президиуме ВЦИК

Ф. 3316: Центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов СССР (ЦИК СССР)

Ф. 5446: Совет народных комиссаров СССР

Ф. 6985: Комиссия ВЦИК по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения

Ф. 8131: Прокуратура СССР

Ф. А-259: Совет министров РСФСР

Ф. А-310: Министерство сельского хозяйства РСФСР

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 6: Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Ф. 89: Документы, рассекреченные специальной комиссией по архивам при Президенте РФ в 1992–1994 гг.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17: Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС)

Ф. 62: Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро)

Ф. 74: Ворошилов, Климент Ефремович (1881–1969)

Ф. 82: Молотов, Вячеслав Михайлович (1890–1986)

Ф. 85: Орджоникидзе, Григорий Константинович (1886–1937)

Ф. 94: Фракции РКП(б), ВКП(б) на всероссийских (всесоюзных) съездах советов, во Всероссийском центральном исполнительном комитете, в Президиуме ЦИК СССР

Ф. 122: Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана

Ф. 558: Сталин, Иосиф Виссарионович (1878–1953)

Ф. 613: Центральная контрольная комиссия ВКП(б)

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 7486: Министерство сельского хозяйства СССР

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 8296: 84-й кавалерийский полк 8-й отдельной Туркменской кавалерийской бригады

Ф. 25895: Средне-Азиатский военный округ (САВО)

Ф. 38333

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК)

Ф. 30: Совет народных комиссаров Казахской АССР (Совнарком КАССР)

Ф. 44: Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Казахской АССР

Ф. 74: Народный комиссариат земледелия Казахской АССР (Наркомзем КАССР)

Ф. 509: Центральная комиссия по улучшению жизни детей при ЦИК Казахской АССР (Каздеткомиссия)

Ф. 1137: Совет народных комиссаров Казахской АССР

Ф. 1179: Комитет по оседанию кочевого и полукочевого населения Казахстана

Ф. 1208: Переселенческий отдел при СНК

Ф. 1380: Народный комиссариат юстиции Казахской АССР

Печатные источники

Сборники документов

Голод в казахской степи: Письма тревоги и боли / сост. С. Абдирайымов, И. Н. Бухонова, Е. М. Грибанова и др. Алма-Ата, 1991.

Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012.

Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов: В 4 т. / сост. В. С. Познанский. Алма-Ата, 1995.

История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: В 7 т. / под ред. Т. В. Царевской-Дякиной и др. М., 2004.

Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 2001.

Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003.

Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.: Сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1998.

Новейшая история Казахстана: Сб. документов и материалов / сост. К. Каражанов, А. Такенов. Т. 1: 1917–1939. Алма-Ата, 1998.

Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция, 1928–1957 гг.: Сб. документов / сост. О. В. Жандабекова. Усть-Каменогорск, 1998.

Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.: Сб. документов / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 1998.

Россия и Центральная Азия, 1905–1925 гг.: Сб. документов / сост. Д. А. Аманжолова. Караганда, 2005.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 10 т. М., 2001–2004.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Документы и материалы: В 4 т. М., 1998–2005.

Советское руководство: Переписка, 1928–1941 / под ред. А. В. Квашонкина и др. М., 1999.

Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / под ред. О. В. Хлевнюка и др. М., 2001.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1939: В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и др. М., 1999–2006.

Ураз Джандосов: Документы и публицистика (1918–1937 гг.): В 2 т. / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата, 1999.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос: В 2 т. / под ред. Л. С. Гатаговой. М., 2005–2009.

Leon Trotsky. The Challenge of the Left Opposition (1926–1927) / ed. N. Allen, G. Saunders. New York, 1980.

Stalin. Briefe an Molotow, 1925–1936 / hg. L. T. Lih, O. Naumow, O. Chlewnjuk. Berlin, 1996.

Опубликованные источники

Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001.

Айдамиров М. Похождения «волчьего» потомка. URL: <http://deport-chr.ru/index.php/rem/75-musaaydamirov-3> (02.10.2013).

Акопов С. Борьба с бытовыми преступлениями // Революция и национальности. 1930. № 4–5. С. 58–69.

Арапов Д. Ю. Записка Султанбека Ходжанова в ЦК РКП(б) 1924 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 85–89.

Батчаев М. Против искажений постановления ЦК от 17 сентября // Большевик Казахстана. 1933. № 7. С. 61–74.

Богданов А. Чистка партии и задачи парторганизаций национальных республик // Революция и национальности. 1933. № 2. С. 27–32.

Борисов А. Б. Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 году. М., 1932.

Бочагов А. К. Алаш-Орда: Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–19 гг. Кызыл-Орда, 1927.

Браинин С., Шафиро Ш., Тимофеев Н. Об ошибках казахстанской парторганизации в руководстве сельским хозяйством // Большевик Казахстана. 1933. № 7. С. 46–60.

Брискин А. В стране семи рек: Очерки современного Семиречья. М., 1926.

Брискин А. На Южтурксибе (Очерки Турксиба). Алма-Ата, 1930.

Бурханов А. Государственный план развития животноводства // Революция и национальности. 1935. № 7. С. 31–36.

Варламов А., Савинский Ф. Мы отвечаем за недостатки работы в ауле и деревне // Большевик Казахстана. 1933. № 3. С. 37–44.

VIII [Восьмая] краевая конференция ВКП(б), 8–16 января 1934 г.: Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1935.

Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка 1939 / под ред. П. Н. Поспелова. М., 1939.

Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельство очевидца. М., 2006.

Голошекин Ф. И. За советизацию аула: Доклад на V краевой партконференции о работе крайкома ВКП(б), 1925 // Голошекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М., 1930. С. 22–45.

Голошекин Ф. И. Из царской колонии – в передовые ряды строителей социализма // Правда. 1932. 5 февр.

Голошекин Ф. И. Казахстан на подъеме // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 18–22.

Голошекин Ф. И. На пороге второй пятилетки: Речь на V пленуме Казкрайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 года. Алма-Ата, 1933.

Голошекин Ф. И. Об аульном коммунисте – статья в журнале «Кзыл Казахстан» 1926 г. // Голошекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М., 1930. С. 88–92.

Голошекин Ф. И. Очередные задачи ВКП(б) в Казахстане. Кызыл-Орда, 1926.

Голошекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М., 1930.

Голошекин Ф. И. Пути социалистического наступления в Казахстане и оседание казахского населения // Голошекин Ф. И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата, 1930. С. 45–49.

Громов Е. К вопросу о расселении крестьянства в Казахстане // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 168–187.

Дингельштедт Н. Наша колонизация Средней Азии. Русские поселки в Туркестане // Вестник Европы. 1892. Т. 27. № 11. С. 231–257.

Донич А. Н. Проблема «нового казахского аула» // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4–5. С. 141–168.

Донич А. Н. Районирование КАСССР и его очередные задачи // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 2–3. С. 11–24.

Ермиков А. А. Организация школ среди казахского населения // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 113–124.

Жангуттин В. О. Голод военного времени в Казахстане: Докладные записки наркома НКВД Казахской АССР Н. К. Богданова – наркому НКВД СССР Л. П. Берии 1944 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 44–55.

Зверяков И. А. От кочевания к социализму. Алма-Ата, 1932.

Зенкович Ф. И. Кочевые районы Казахстана и основные линии их развития // Народное хозяйство Казахстана. 1936. № 9–10. С. 45–55.

Икрамов К. Дело моего отца: Роман-хроника. М., 1991.

Исаев У. Д. Национальная политика партии в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 23–26.

Итоги конфискации: Резолюция пленума, 2–7.12.1928 // Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2: 1928–1937. Алма-Ата, 1981. С. 28–38.

Ищенко М. М., Казбеков И. С. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда: Отчет о работах почвенно-ботанического отряда. Л., 1928.

Каменский К. П. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6. С. 42–57.

Ким В. Эшелон-58 // Дорогой горьких испытаний: К 60-летию депортации корейцев России / под ред. В. В. Тяна. М., 1997. С. 69–81.

Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии: Военно-исторический очерк. Ташкент, 1928.

Козыбаев К. За новую жизнь // Годы мужания: Воспоминания участников социалистического строительства в Казахстане / под ред. П. М. Пахмурного. Алма-Ата, 1969.

Корбе О. А. Культура и быт казахского колхозного аула // Советская этнография. 1950. № 4. С. 67–91.

Косоков И. Итоги планового оседания и практические задачи // Революция и национальности. 1933. № 5–6. С. 67–73.

Кривицкий А. Легкомысленное отношение к отгонному животноводству // Правда. 1945. 11 янв.

Кулумбетов У. Д. Решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о Казахстане // Революция и национальности. 1935. № 5. С. 18–24.

Курамысов И. К вопросу о социалистической реконструкции с/х в Казахстане // Курамысов И. За ленинскую национальную политику в Казахстане: Сб. речей и статей, 1928–1932. Алма-Ата, 1932. С. 13–21.

Курский А. Контрреволюционные вредители сельского хозяйства в Казахстане // Кондратьевщина в планировании народного хозяйства Казахстана: Сб. статей / под ред. А. Курского. Алма-Ата, 1931. С. 21–51.

Левин А. А. Аграрная политика Казакстана в период социалистической реконструкции // Народное хозяйство Казакстана. 1930. № 9–10. С. 11–23.

Леонов А., Семевский Б. Н. Уроки первого года оседания // Народное хозяйство Казакстана. 1930. № 7–8. С. 16–22.

Летуновский А. Итоги зимовки 1934–1935 года и очередные задачи животноводческих совхозов Казакстана // Народное хозяйство Казакстана. 1935. № 5–6. С. 38–42.

Материалы к отчету Казакского Краевого Комитета ВКП(б) на VI краевой партийной конференции. Кзыл-Орда, 1927.

Материалы к отчету КрайКК – НК РКИ КАССР восьмой Краевой Партийной Конференции. Алма-Ата, 1934.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, 1. Кокчетавский уезд. Т. 1. Воронеж, 1898.

Материалы экспедиции Среднеазиатского государственного университета по обследованию животноводства в Джетысуйской губернии и каракулеводства в Кара-Калпакской автономной области в 1927 году / под ред. К. К. Саковского. Ташкент, 1930.

Мацкевич Н. Н. Сравнительная длина кочевков казакского населения б. Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. Семипалатинск, 1929. Т. 1. С. 1–33.

Мирзоян Л. И. Об итогах посевной и задачи уборочной 1934 г. // Народное хозяйство Казакстана. 1934. № 6. С. 18–19.

Мирзоян Л. И. Речь на XVII съезде партии // Большевик Казакстана. 1934. № 3–4. С. 1–4.

Отчет Казакской Краевой Контрольной Комиссии ВКП(б) и Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции к 6-ой Казакской Партийной Конференции (За время с 1-го января 1926 г. по 1-ое октября 1927 г.). Кзыл-Орда, 1927.

Очерк о деятельности Джетысуйского областного экономического совещания за 1921–1922 хозяйственный год. Алма-Ата, 1923.

Погорельский П. Оседание кочевников и развитие животноводства. Алма-Ата, 1949.

Погорельский П. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств // Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии / под ред. П. Погорельского. М., 1934. С. 7–41.

Полочанский Е. За новый аул-кстау. М., 1926.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», 30.1.1930 // Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.

Примерный устав сельскохозяйственной артели. Принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержден Советом Народных Комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935. М., 1950.

Руденко С. И. Украинцы – переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1930.

- Рысаков П. Практика шовинизма и местного национализма // Революция и национальности. 1930. № 8–9. С. 25–34.
- Рыскулов Т. Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах // Собр. соч.: В 3 т. Алма-Ата, 1997. Т. 3. С. 298–304.
- Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы // Собр. соч.: В 3 т. Алма-Ата, 1997. Т. 2. С. 7–32.
- Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925.
- Рябоконе В. К вопросу о советизации аула // Красный Казахстан. 1926. № 1. С. 35–62.
- Ряднин М. Казакстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кызыл-Орда, 1928.
- Сабитов Н. С. Культура и быт казахского колхозного аула // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1950. Вып. 10. С. 51–60.
- Сабитов Н. С. Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула (обзор материалов этнографических экспедиций за 1946–1951 годы) // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1952. С. 89–94.
- Саматов М. Животноводство Казахстана на подъеме // Большевик Казахстана. 1935. № 7. С. 49–63.
- Саматов М., Каврайский В. Животноводство Казахстана на подъеме: Итоги переписи скота на 1-е января 1936 года // Народное хозяйство Казахстана. 1936. № 3–4. С. 57–77.
- Сафаров Г. Колониальная революция. Опыт Туркестана. М., 1921.
- 7 [Седьмая] Всеказакская конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1930.
- Сириус М. Г. К вопросу о перспективах скотоводства в Казакстане // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 26–30.
- Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 68–97.
- С. М. Оседание – важнейший этап ликвидации национального неравенства // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 33–39.
- Совещание по вопросам оседания кочевых хозяйств и землеустройства колхозов национальных республик и областей // Революция и национальности. 1935. № 10. С. 83–89.
- Соколовский В. Г. Казакский аул. К вопросу о методах его изучения государственной статистикой на основе решений V-й Всеказакской Партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП(б). Ташкент, 1926.
- Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 12. С. 1–107.
- Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь 9 июля 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 11. С. 157–187.
- Сталин И. В. О правых и «левых» в нацреспубликах и областях: Речь по первому пункту порядка дня совещания «Дело Султан-Галиева» // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 5. С. 301–313.

Сталин И. В. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете // Сталин И. В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 6. С. 69–188.

Тогжанов Г. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле // Народное хозяйство Казахстана. 1931. № 5. С. 21–34.

Тогжанов Г. О казакском ауле. Кзыл-Орда, 1927.

Ундасынов Н. Важнейшая животноводческая база страны // Правда. 1942. 25 апр.

Ундасынов Н. Чему учит опыт отгонного животноводства в Казахстане // Правда. 1945. 16 нояб.

Феоктистов Н. К вопросу об организации красных агит-пропагандистских караванов // Коммунист. 1923. № 4. С. 23–26.

Феоктистов Н. О работе среди киргиз // Коммунист. 1923. № 1. С. 92–95.

Филатов Н. П. Итоги и перспективы развития колхозного животноводства // Народное хозяйство Казахстана. 1939. № 7–8. С. 24–38.

Хрущов Ф. Я. Перспективы свеклосахарной промышленности в Джетысуйской губернии // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 1. С. 43–50.

Чебышев М. В. Перспективы развития и организационные формы животноводства в низовьях реки Или // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1950. Вып. 65. С. 55–62.

Чебышев М. В. Перспективы развития отгонного животноводства в центральном Казахстане // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1949. Вып. 53. С. 29–37.

Челинцев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4–5. С. 1–39.

Чокин Ш. Четыре времени жизни. Воспоминания и размышления. Алма-Ата, 1998.

Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 2–3. С. 43–58.

Швецов С. П. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях: Материалы к выработке норм земельного устройства в Казакской Автономной Советской Социалистической Республике. Л., 1926.

Шестой пленум Казакского Краевого Комитета ВКП(б), 10–16 июля 1933 г.: Стеногр. отчет. Алма-Ата, 1936.

Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995.

Яковенко М. М. Агнесса. Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Мионову, о шикарных курортах, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории. М., 1997.

Asmis R. Als Wirtschaftsspionier in Russisch-Asien. Tagebuchblätter. Berlin, 1926.

Bachmann B. Erinnerungen an Kasachstan. Erfahrungsbericht einer Rußlanddeutschen. Gladbeck, 1982.

Cairns A. The Soviet Famine 1932–33. An Eye-Witness Account of Conditions in the Spring and Summer of 1932 by Andrew Cairns. Edmonton, 1989.

- Чрущевский напоминает / hg. S. Talbott. Reinbek, 1971.
- Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. München, 1981.
- Maillart E. Turkestan Solo. Eine Frau reist durch die Sowjetunion (1936). Stuttgart, 1990.
- Nurtazina N. Great Famine of 1931–1933 in Kazakhstan. A Contemporary's Reminiscences // Acta Slavonica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 105–129.
- Pahlen C., von der. Im Auftrag des Zaren in Turkestan, 1908–1909. Stuttgart, 1969.
- Schiller O. Die Kollektivbewegung in der Sowjetunion. Ein Beitrag zu den Gegenwartsfragen der russischen Landwirtschaft. Berlin, 1931.
- Shakir-zade T. Grundzüge der Nomadenwirtschaft. Betrachtung des Wirtschaftslebens der sibirisch-centralasiatischen Nomadenvölker. Bruchsal, 1931.
- Shayakhmetov M. A Kazakh Teacher's Story. Surviving the Silent Steppe. London, 2012.
- Shayakhmetov M. The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin. London, 2006.
- Stalin J. W. Das Jahr des großen Umschwungs. Zum 12. Jahrestag des Oktober // Werke. Bd. 12: April 1929 – Juni 1930. Berlin, 1954. S. 105–120.
- Stalin J. W. Marxismus und nationale Frage // Stalin J. W. Der Marxismus und die nationale und koloniale Frage. Berlin, 1952. S. 26–93.
- Stalin J. W. Vor Erfolgen von Schwindel befallen. Zu den Fragen der kollektivwirtschaftlichen Bewegung, 2. März 1930 // Werke. Bd. 12: April 1929 – Juni 1930. Berlin, 1954. S. 168–175.
- Stalin J. W. Zur Frage der Politik der Liquidierung des Kulakentums als Klasse // Werke. Bd. 12: April 1929 – Juni 1930. Berlin, 1954. S. 157–161.
- Stolypin P. A., Kriwoschein A. W. Die Kolonisation Sibiriens. Eine Denkschrift. Berlin, 1912.

Вторичная литература

- Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.
- Абрамзон С. М. В киргизских колхозах Тянь-Шаня // Советская этнография. 1949. № 4. С. 55–74.
- Абусейтова М. Х. и др. История Казахстана и центральной Азии. Алма-Ата, 2001.
- Абылхожин Ж. Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / под ред. Н. Масанова и др. Алма-Ата, 2007. С. 225–291.
- Абылхожин Ж. Б. Казахстан в советском тоталитарном пространстве. Историческая динамика // История Казахстана. Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др. Алма-Ата, 2001. С. 257–366.

Абылхожин Ж. Б. Конфискация скота 20-х годов. Удар по системе жизнеобеспечения этноса // Народ не безмолвствует / под ред. М. И. Пономарева. Алма-Ата, 1996. С. 21–22.

Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана: Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.). Алма-Ата, 1991.

Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К. Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71.

Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Новое о коллективизации в Казахстане // История Казахстана: Белые пятна / под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алма-Ата, 1991. С. 183–217.

Айбасов Е. Один из первых: Документальная повесть. Алма-Ата, 2005.

Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: Время и судьбы / под ред. Г. Анеса. Алма-Ата, 1998. С. 66–93.

Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления коллективизации и политические репрессии в Казахстане // Народ не безмолвствует / под ред. М. И. Пономарева. Алма-Ата, 1996. С. 12–20.

Алексеев А. Н. Население Казахстана в 1926–1939 гг. // Компьютер и историческая демография / под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул, 2000. С. 9–26.

Алексеев Н. В., Алексеев А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.

Алланиязов Т. «К зачистке бандэлемента приступить немедленно...» Документы Семипалатинского ОГПУ 1931 г. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 137–154.

Алланиязов Т. Коллективизация по-каракапайски, 1928–1933 гг. Алма-Ата, 2001.

Алланиязов Т. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алма-Ата, 1999.

Алланиязов Т. Красные Каракумы: Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март–октябрь 1931 года). Алма-Ата, 2006.

Алланиязов Т. Последний рубеж защитников номадизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 гг.). Алма-Ата, 2009.

Алланиязов Т. Протестные движения в Средней Азии и Казахстане 1920–1930-х годов в оценках западной, советской и национальных (Россия, Казахстан, Узбекистан) историографий: Традиции и инновации // The International Newsletter of Communist Studies Online. 2010. Vol. 16. P. 89–96.

Алланиязов Т., Таукенов А. Шетская трагедия: Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг. Алма-Ата, 2000.

Аманжолова Д. А. Алаш, Советы, большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 57–73.

- Аманжолова Д. А. Казахская автономия: От замысла националов к самоопределению по-советски // Acta Slavonica Iaponica. 2004. Vol. 21. P. 115–143.
- Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М., 1994.
- Аманжолова Д. А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: Проблемы этноидентификации // Россия и Казахстан: Проблемы истории (XX – начало XXI в.) / под ред. Н. Ф. Бугая. М., 2006. С. 14–83.
- Аманжолова Д. А., Асылбеков М. Х., Рысбекова С. Т. Портреты на фоне эпохи: К 90-летию движения Алаш // Исторический архив. 2009. № 1. С. 90–99.
- Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Исторические судьбы «национального нэпа» // Россия нэповская / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 58–94.
- Асылбеков М. Х., Галиев А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, 1991.
- Атушева С. Б. Джугты в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Алма-Ата, 2000.
- Ахметова Л. С., Григорьев В. К., Шойкин Г. Н. Алихан Букейханов – поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов – главное – обретение государственности. Турар Рыскулов – яркий политик советского Востока: Учеб. пособие. Астана, 2008.
- Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: История власти. Опыт реконструкции. Алма-Ата, 2008.
- Ашин Ф. Д. и др. Репрессированная тюркология. М., 2002.
- Аяган Б. Г. и др. Правда о голоде 1932–1933 годов. Алма-Ата, 2012.
- Баишев С. Б. Победа социализма в Казахстане (очерки по теории и истории вопроса). Алма-Ата, 1961.
- Байгисиева З. М. Земледельческие и оседлые районы Казахстана в условиях насильственного развертывания колхозного движения: Особенности и трагические итоги (1929–1935); Дисс. Алма-Ата, 2001.
- Баканов С. А., Жумашев Р. М. О темпах ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926–1939 годах // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 142–145.
- Балакаев Т. Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Алма-Ата, 1971.
- Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул, 1999.
- Бойко В. С. Среднеазиатская эмиграция на заключительном этапе гражданской войны в Афганистане (1930–1931 гг.) // Востокведные исследования на Алтае / под ред. В. А. Моисеева. Вып. III. Барнаул, 2003. С. 226–235.
- Буттино М. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века. Барнаул, 2003.
- Ватлин А. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М., 2004.
- Верг Н. Террор и беспорядок: Сталинизм как система. М., 2010.

Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б. м., 2013. URL: <http://www.verkhoturfov.info/documents/Ашаршылык.pdf> (02.10.2013).

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на открытии Монумена памяти жертв голода 1932–1933 гг. // Голод в Казахстане: Трагедия народа и уроки истории: Сб. материалов / под ред. Б. Г. Аягана. Астана, 2012. С. 6–10.

Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.

Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод: К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.

Дахшлейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Джумагалиев Д., Семенов И. Е. Верный сын народа // Абдрахманов Ю. Избранные труды. Бишкек, 2001. С. 7–80.

Ерофеева И. В. Столыпинская аграрная реформа и массовое переселение славянского и немецкого крестьянства (1900–1917) // История Казахстана. Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др. Алма-Ата, 2001. С. 244–256.

Жанаев Б. О чем поведали документы: К 120-летию Тобанияза Алниязова // Набиев Ж. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алма-Ата, 2010. С. 418–425.

Жданко Т. А. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане // Советская этнография. 1967. № 4. С. 3–24.

Жубанышулы М. Средь бела дня: Роман. Астана, 2005.

Заключение комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАСССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств», от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего полуфеодалного байства», от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» // Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски: В 2 кн. Алма-Ата, 2000. Кн. 2. С. 35–51.

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: Возникновение, сущность, крах. М., 1981.

Зеленин И. Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.

Ивницкий Н. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.

Ивницкий Н. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1996.

Ильиных В. Хроники хлебного фронта: Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010.

История Казахстана: Народы и культуры / под ред. Н. Э. Масанова и др. Алма-Ата, 2001.

Карагизова Г. Б. Ликвидация последствий насильственной коллективизации и проблемы социально-экономического развития аула и села в Казахстане (1933–1940 гг.): Дисс. Астана, 2002.

Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алма-Ата, 1993.

Козлов В. П. Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР, 1929–1934: Документы: В 3 т. / сост. В. Кондрашин и др. М., 2011–2012. Т. 1. Кн. 1. С. 5–9.

Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски: В 2 кн. Алма-Ата, 2000. Кн. 2.

Козыбаев М. К. Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1970.

Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане: Трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992.

Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алма-Ата, 2009.

Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941) / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата, 1967.

Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2009.

Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008.

Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / под ред. Н. Петрова. М., 1999.

Кудерина Л. Д. Геноцид в Казахстане. М., 1994.

Курманбаев Е. 800 миллионов тенге за статью // Свобода слова. 2007. 15 июня.

Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: История, политика, идентичность. М., 2007.

Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du Monde Russe. 1999. Vol. 40. No. 4. С. 763–796.

Малышева М. П., Познанский В. С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). Алма-Ата, 1999.

Маргулан А., Востров В. В. Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967.

Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник 2003. М., 2004. С. 20–54.

- Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алма-Ата, 1995.
- Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / под ред. Г. Д. Ждановой и др. М., 2010.
- Медеубаев Е. Палач царской семьи и автор «Малого Октября»: Ф. И. Голощекин (1925–1933) // Первые лица государства: Политические портреты (с точки зрения истории и современности) / Авт. кол.: Е. Абен, Е. Арын, И. Тасмагамбетов и др. Алма-Ата, 1998. С. 231–245.
- Медеубаев Е. Первый всеказахстанский староста: С. Мендешев (1920–1925) // Первые лица государства: Политические портреты (с точки зрения истории и современности) / Авт. кол.: Е. Абен, Е. Арын, И. Тасмагамбетов и др. Алма-Ата, 1998. С. 219–230.
- Мендикулова Г. М. Исторические судьбы казахской диаспоры: Происхождение и развитие. Алма-Ата, 1997.
- Мендикулова Г. М. Казахская диаспора: История и современность. Алма-Ата, 2006.
- Михайлов В. Хроника великого джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1996.
- Мухамедина Ш. Конфискация байских хозяйств в Казахстане // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 136–142.
- Мухамедина Ш. Экономическая политика советской власти в казахстанском регионе, 1917–1926 // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 125–132.
- Набиев Ж. Степная трагедия: Адайское восстание 1929–1931 гг. Алма-Ата, 2010.
- Наземцева Е. Н. Активизация антисоветской деятельности белой эмиграции в Синьцзяне в 1927–1930 гг. // Востоковедные исследования на Алтае / под ред. В. А. Моисеева. Вып. IV. Барнаул, 2004. С. 133–143.
- Наркомы Казахстана, 1920–1946 гг.: Биогр. справочник / под ред. М. Х. Жакыпова и др. Алма-Ата, 2007.
- Народецкий А. Голодомор не пускают в Казахстан. URL: <http://www.respublika-kz.info/news/politics/18997/> (02.10.2013).
- Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / под ред. Н. Э. Масанова, Ж. Б. Абылхожина, И. В. Ерофеевой. Алма-Ата, 2007.
- Нэх В. Ф. История советской пограничной политики, 1917–1941. М., 2008.
- Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: Причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.). Алма-Ата, 2009.
- Омаров М. Расстрелянная степь: Документальное повествование. Алма-Ата, 1994.
- Осокина Е. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
- Очак И., Такенов А. Интернациональный отряд: К истории экспедиции А. Джангильдина. Алма-Ата, 1974.
- Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР / под ред. Г. Ч. Чуланова. Алма-Ата, 1963. Т. 3.

Петров В. И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

Платунов Е. Сталин на Алтае. URL: <http://komsomol.ucoz.kz/publ/19-1-0-361> (20.03.2013).

Поляков Ю. А. Каракумская операция 1931 года // Отечественная история. 2007. № 4. С. 164–171.

Попов В. Походы далеких дней // Чекисты Казахстана / под ред. Н. И. Милованова, А. Ф. Минаичева. Алма-Ата, 1971. С. 37–62.

Попов Ю. Как проходила коллективизация и борьба с ней в казахстанской Сары-Арке (история). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265753520> (20.03.2013).

Сахаров В., Земсков Е., Сердюк К. Ташкентское Краснознаменное: Очерки истории Ташкентского высшего общевоинского командного краснознаменного ордена Красной Звезды училища имени В. И. Ленина. Ташкент, 1988.

Синделар Д. Выжившее поколение называет Голод «забытым геноцидом». URL: <http://rus.azattyq.org/content/article/1357667.html> (02.10.2013).

Современная история Казахстана / под ред. Б. Г. Аягана. Алма-Ата, 2010.

Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / под ред. В. Кондрашина. М., 2011.

Тархова Н. Красная Армия и сталинская коллективизация, 1928–1933 гг. М., 2010.

Телицын В. Л. Реанимация военного коммунизма в деревне // Россия неповская / под ред. С. А. Павлюченко и др. М., 2002. С. 419–440.

Тлепов С. Т. Страницы истории Мангышлака. Алма-Ата, 1980.

Турсунбаев А. Б. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967.

Устинов В. Н. Турар Рыскулов: Очерки политической биографии. Алма-Ата, 1996.

Халидуллин Г. Аграрная политика советской власти в Казахстане в 1917–1940 гг.: Дисс. Алма-Ата, 2001.

Хлюпин В. Н., Пузанов В. И. Обратная сторона элиты // Геноцид. Русские в Казахстане: Трагическая судьба / сост. В. Н. Хлюпин. М., 2011. С. 82–108.

Хуршудян Э. Слово о Мирзояне // Левон Мирзоян в Казахстане: Сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / сост. Л. Д. Дегитаева. Алма-Ата, 2001. С. 3–13.

Центральная Азия в составе Российской империи / под ред. С. Н. Абашина и др. М., 2008.

Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации: Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Россия и Казахстан: Проблемы истории (XX – начало XXI в.) / под ред. Н. Ф. Бугая. М., 2006. С. 83–132.

Чиров Д. Карагандинские спецпереселенцы. Как это было? // История Казахстана: Белые пятна / под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алма-Ата, 1991. С. 223–229.

Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1967.

Adams B. Reemigration from Western China to the USSR, 1954–1962 // Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / ed. C. J. Buckley, B. A. Ruble. Washington, 2008. P. 183–202.

Adler N. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable. The Resurrection of Stalinist Symbols amidst the Exhumation of Mass Graves // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 57. No. 8. P. 1093–1119.

Agamben G. Was von Auschwitz bleibt. Das Archiv und der Zeuge. Frankfurt a. M., 2003.

Akiner S. The Formation of Kazakh Identity. From Tribe to Nation-State. London, 1995.

Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorf zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984.

Arens W. The Man-Eating Myth. Anthropology and Anthropophagy. Oxford, 1979.

Arnason J. P. Communism and Modernity // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 61–90.

Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006.

Avtorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party. New York, 1959.

Baberowski J. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der frühen Sowjetunion // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Jg. 47. S. 482–504.

Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003.

Baberowski J. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Frankfurt a. M., 2007.

Baberowski J. Stalinismus von oben. Kulakendeportationen in der Sowjetunion, 1929–1933 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. Jg. 46. S. 572–595.

Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012.

Baberowski J. Vertrauen durch Anwesenheit. Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich // *Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich* / hg. J. Baberowski, C. Gumb, D. Feest. Frankfurt a. M., 2008. S. 17–37.

Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. A Study in Cultural Change (1966). Ithaca, 1980.

Baecker D. Form und Formen der Kommunikation. Frankfurt a. M., 2005.

Baldauf I. Tradition, Revolution, Adaption. Die kulturelle Sowjetisierung Zentralasiens // *Osteuropa*. 2007. Jg. 57. H. 8–9. S. 99–120.

Bankoff G. Cultures of Disaster, Cultures of Coping. Hazard as a Frequent Life Experience in the Philippines // *Natural Disasters, Cultural Responses. Case Studies towards a Global Environmental History* / ed. C. Mauch, C. Pfister. Lanham, 2009. P. 265–284.

Barfield T. J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Oxford, 1989.

Barnes S. A. Death and Redemption. The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton, 2011.

Baron N. Stalinist Planning as Political Practice. Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938 // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 3. P. 439–462.

Bauman Z. *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Uneindeutigkeit*. Hamburg, 1992.

Bauman Z. *Verworfenes Leben. Die Ausgegrenzten der Moderne*. Bonn, 2005.

Becker S. *Russia's Central Asian Empire, 1885–1917* // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. M. Rywkin. London, 1988. P. 235–256.

Benson L., Svanberg I. *China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks*. Armonk, N. Y., 1998.

Bergne P. *The Birth of Tajikistan. National Identity and the Origins of the Republic*. London, 2007.

Beyrau D. *Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen Krieg»* // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. No. 1. S. 96–123.

Binner R., Bonwetsch B., Junge M. *Der operative Befehl Nr. 00447. Sein Schicksal in der Provinz* // *Stalinismus in der sowjetischen Provinz. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls Nr. 00447* / hg. R. Binner, B. Bonwetsch, M. Junge. Berlin, 2010. S. 9–51.

Blank S. *Ethnic and Party Politics in Soviet Kazakstan, 1920–1924* // *Central Asian Survey*. 1991. Vol. 10. No. 3. P. 1–19.

Bonora G. L. *Guide to Kazakhstan. Sites of Faith, Sites of History*. Turin, 2010.

Brower D. *Islam and Ethnicity. Russian Colonial Policy in Turkestan* // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / ed. D. Brower, E. J. Lazzarini. Bloomington, 1997. P. 115–135.

Brower D. *Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers. Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Jg. 46. H. 1. S. 41–53.

Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London, 2003.

Brown K. *A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004.

Brown K. *Gridded Lives. Why Kazakhstan and Montana Are Nearly the Same Place* // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. P. 17–48.

Butterly J. R., Shepherd J. *Hunger. The Biology and Politics of Starvation*. Hanover, NH, 2010.

Buttino M. *Politics and Social Conflicts during a Famine. Turkestan Immediately after the Revolution* // *In a Collapsing Empire. Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalism in the Soviet Union* / ed. M. Buttino. Milan, 1993. P. 257–277.

Cameron S. *The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934*: Ph. D. diss. Yale University, 2010.

Canetti E. *Masse und Macht*. Frankfurt a. M., 2006.

Chandler A. *Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993*. Montreal, 1998.

Collet D. «Vulnerabilität» als Brückenkonzept der Hungerforschung // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 13–26.

Conquest R. Ernte des Todes. Stalins Holocaust in der Ukraine, 1929–1933. Berlin, 1990.

Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass., 2006.

Dahlke S. Individuum und Herrschaft im Stalinismus. Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943). München, 2010.

Dave B. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. London, 2007.

David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism. On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. Jg. 54. H. 4. S. 535–555.

Davies R. W. Industry // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 131–151.

Davies R. W., Wheatcroft S. G. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33, A Reply to Ellman // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. No. 4. P. 625–633.

Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 24–37.

Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1932–33 and the Crisis of Agriculture // Challenging Traditional Views of Russian History / ed. S. G. Wheatcroft. Houndmills, 2002. P. 69–91.

Davies R. W., Wheatcroft S. G. The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933. Houndmills, 2004.

De Waal A. Famine That Kills. Darfur, Sudan, 1984–1985. Oxford, 1989.

Devereux S. Theories of Famine. New York, 1993.

Die Memoiren des Dmitrij Schostakowitsch / aufgezeichnet und herausgegeben von S. Volkow. München, 1979.

Diener A. C. One Homeland or Two? The Nationalization and Transnationalization of Mongolia's Kazakhs. Washington, D. C., 2009.

Dienes L. Pastoralism in Turkestan, Its Decline and Persistence // Soviet Studies. 1975. Vol. 27. No. 3. P. 343–365.

Dietsch J. Politik des Leids. Der Hunger in der Ukraine 1932/33 und das Paradigma des Vorsatzes // Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatssozialismus (1917–2006) / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 327–350.

Dirks R. Social Responses during Severe Food Shortages and Famine // Current Anthropology. 1980. Vol. 21. No. 1. P. 21–44.

Dobrenko E., Shcherbenok A. Between History and the Past. The Soviet Legacy as a Traumatic Object of Contemporary Russian Culture // Slavonica. 2011. No. 2. P. 77–84.

Donnelly A. *The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850* // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. M. Rywkin. London, 1988. P. 189–207.

Dunn S. P., Dunn E. *Soviet Regime and Native Culture in Central Asia and Kazakhstan. The Major Peoples* // *Current Anthropology*. 1967. Vol. 8. No. 3. P. 147–208.

Durgin F. A., Jr. *The Virgin Lands Programme, 1954–1960* // *Soviet Studies*. 1962. Vol. 13. No. 3. P. 255–280.

Easter G. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, 2000.

Edele M. *Stalinist Society, 1928–1953*. Oxford, 2011.

Edgar A. L. *Emancipation of the Unveiled. Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29* // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 132–149.

Edgar A. L. *Genealogy, Class, and «Tribal Policy» in Soviet Turkmenistan, 1924–1934* // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 2. P. 266–288.

Edgar A. L. *Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton, 2004.

Edkins J. *Whose Hunger? Concepts of Famine, Practices of Aid*. Minneapolis, 2000.

Eisener R. «Konterrevolution auf dem Lande». *Zur inneren Sicherheitslage in Mittelasien 1929/30 aus Sicht der OGPU*. Berlin, 1999.

Ellman M. *Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited* // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. No. 4. P. 663–693.

Ellman M. *The Role of Leadership Perceptions and of Intent in the Soviet Famine of 1931–1934* // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57. No. 6. P. 823–841.

Emeljanenko T. *Nomadic Year Cycles and Cultural Life of Central Asian Livestock-breeders before the 20th Century* // *Nomads in Central Asia. Animal Husbandry and Culture in Transition (19th–20th Century)* / ed. C. van Leeuwen et al. Amsterdam, 1994. P. 37–68.

Erren L. «Selbstkritik» und Schuldbekennntnis. *Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953)*. München, 2008.

Ertz S. *The Kazakh Catastrophe and Stalin's Order of Priorities, 1929–1933. Evidence from the Soviet Secret Archives* // *Zhe. Stanford's Student Journal of Russian, East European, and Eurasian Studies*. 2005. Vol. 1. P. 1–14.

Ertz S. *Zwangsarbeit im stalinistischen Lagersystem. Eine Untersuchung ihrer Methoden, Strategien und Ziele ihrer Ausnutzung am Beispiel Noril'sk, 1935–1953*. Berlin, 2006.

Esenova S. *Soviet Nationality, Identity, and Ethnicity in Central Asia. Historic Narratives and Kazakh Ethnic Identity* // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2002. Vol. 22. No. 1. P. 11–38.

Etkind A. *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, 2013.

Falk B. *Sowjetische Städte in der Hungersnot 1932/33. Staatliche Ernährungspolitik und städtisches Alltagsleben*. Köln, 2005.

Farah M. I., Touati J. *Sedentarisation von Nomaden – Chancen und Gefahren einer Entwicklungsstrategie am Beispiel Somalias*. Bielefeld, 1991.

Farkas O., Kemp B. Reinventing the «Dzud». Livestock Famine in Twenty-First-Century Mongolia // Continuity and Change in Central and Inner Asia: Papers Presented at the Central and Inner Asia Seminar. University of Toronto, 24/25 March 2001 and 4/5 May 2001 / ed. M. Gervers, W. Schlepp. Toronto, 2002. P. 127–159.

Fedtko G. Wie aus Bucharen Usbeken und Tadschiken wurden. Sowjetische Nationalitätenpolitik im Lichte einer persönlichen Rivalität // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Jg. 54. H. 3. S. 214–231.

Figes O. Die Flüsterer. Leben in Stalins Russland. Berlin, 2008.

Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution, 1891–1924. Berlin, 1998.

Fitzpatrick S. Blat in Stalin's Times // Bribery and Blat in Russia. Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell, A. V. Ledeneva. Basingstoke, 2000. P. 166–182.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999.

Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994.

Forbes A. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang, 1911–1949. Cambridge, 1986.

Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999.

Franklin J. C. et al. Observations on Human Behavior in Experimental Semistarvation and Rehabilitation // Journal of Clinical Psychology. 1948. Vol. 4. No. 1. P. 28–45.

Fratkin E. Pastoralism. Governance and Development Issues // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 235–261.

Galley M. Wir schlagen wie eine Faust. Gangs, Gewalt und Subkultur der sowjetischen Straßenkinder, 1917–1937: Unveröffentlichte Masterarbeit. Humboldt-Universität zu Berlin, 2012.

Gammer M. Russia and Eurasian Steppe Nomads. An Overview // Mongols, Turks, and Others / ed. R. Amitai, M. Biran. Leiden, 2005. P. 483–502.

Gangrade K. D., Dhadda S. Challenge and Response. A Study of Famines in India. Delhi, 1973.

Genschel P., Schlichte K. Wenn Kriege chronisch werden. Der Bürgerkrieg // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1997. Jg. 25. H. 4. S. 501–517.

Gerlach C. Extrem gewalttätige Gesellschaften. Massengewalt im 20. Jahrhundert. München, 2010.

Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / hg. G. Hausmann. Göttingen, 2002.

Getty J. A. Afraid of Their Shadows. The Bolshevik Recourse to Terror, 1932–1938 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. M. Hildermeier. München, 1998. P. 169–191.

Getty J. A. Pragmatists and Puritans. The Rise and the Fall of the Party Control Commission // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Bd. 1208. Pittsburgh, 1997.

Getty J. A., Naumov O. V. Yezhov. The Rise of Stalin's «Iron Fist». New Haven, 2008.

Golden P. B. Nomads and Sedentary Societies in Eurasia // Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History / ed. M. Adas. Philadelphia, 2001. P. 71–115.

Goldhagen D. J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1998.

Gregory P. R., Markevich A. Creating Soviet Industry. The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 4. P. 787–814.

Groeber V. Ungestalten. Die visuelle Kultur der Gewalt im Mittelalter. München, 2003.

Gumpenberg M.-C., von. Staats- und Nationsbildung in Kazachstan. Opladen, 2002.

Gürbüz Y. E. Caught between Nationalism and Socialism. The Kazak Alash Orda Movement in Continuity: Ph. D. diss. Ankara, 2007.

Hagenloh P. Stalin's Police. Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Washington, D. C., 2009.

Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.

Halperin C. J. The Tatar Yoke. The Image of Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009.

Happel J. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010.

Harris J. R. The Great Urals. Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999.

Haugen A. The Establishment of National Republics in Central Asia. Basingstoke, 2003.

Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im Gulag. Die Geschichte eines sowjetischen Zwangsarbeitslagers, 1930–1959. Paderborn, 2007.

Helbling J. Etwas Kritik und noch eine Theorie des Krieges // Zeitschrift für Ethnologie. 1996. Jg. 121. S. 55–67.

Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass., 2006.

Helweg-Larsen P. u. a. Die Hungerkrankheit in den deutschen Konzentrationslagern // Gesundheitsschäden durch Verfolgung und Gefangenschaft und ihre Spätfolgen: Zusammenstellung der Referate und Ergebnisse der Internationalen Sozialmedizinischen Konferenz über die Pathologie der ehemaligen Deportierten und Internierten, 5.–7. Juni 1954 in Kopenhagen, und ergänzender Referate und Ergebnisse einschl. 1955 / hg. M. Michel. Frankfurt a. M., 1955. S. 148–171.

Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998.

Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005.

Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress. Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2. P. 251–278.

Hirsch F. Toward an Empire of Nations, Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 201–226.

Hoffmann D. L. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941*. Ithaca, 1994.

Holquist P. State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Landscaping the Human Garden. Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework* / ed. A. Weiner. Stanford, 2003. P. 19–45.

Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 111–144.

Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–1921 // *Kritika*. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 627–652.

Hosking G. Patronage and the Russian State // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 301–320.

Hosking G. Trust and Distrust in the USSR. An Overview // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 1–25.

Hudson A. E. *Kazak Social Structure*. New Haven, 1964 (1938).

Hughes J. Capturing the Russian Peasantry. Stalinist Grain Procurement and the «Ural-Siberian Method» // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 1. P. 76–103.

Hughes J. *Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy*. Cambridge, 1991.

Jakowlew A. *Ein Jahrhundert der Gewalt in Sowjetrussland*. Berlin, 2004.

Jilge W. Die «Große Hungersnot» in Geschichte und Erinnerungskultur der Ukraine // *Erinnerungsorte an den Holodomor 1932/33 in der Ukraine* / hg. A. Kaminsky. Leipzig, 2008. S. 11–24.

Jilge W. Holodomor und Nation. Der Hunger im ukrainischen Geschichtsbild // *Osteuropa*. 2004. Jg. 54. H. 12. S. 147–164.

Kalyvas S. N. *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge, 2008.

Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, 2006.

Kappeler A. Die «vergessenen» Muslime. Russland und die islamischen Völker seines Imperiums // *Saeculum*. 2004. Jg. 55. H. 1. S. 19–47.

Kappeler A. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München, 2001.

Kassymbekova B. Helpless Imperialists. European State Workers in Soviet Central Asia in the 1920s and 1930s // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 1. P. 21–37.

Kassymbekova B., Teichmann C. *The Red Man's Burden. Soviet European Officials in Central Asia in the 1920s and 1930s // Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization / ed. M. Reinkowski, G. Thum. Göttingen, 2013. P. 163–186.*

Kazakhstan. *The Forgotten Famine*. 28 December 2007, online, UNHCR Refworld. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4783869028.html> (02.10.2013).

Keen D. *The Benefits of Famine. A Political Economy of Famine and Relief in Southwestern Sudan, 1983–1989*. Oxford, 2008.

Keller S. *The Central Asian Bureau. An Essential Tool in Governing Soviet Turkestan // Central Asian Survey*. 2003. Vol. 22. No. 2–3. P. 281–297.

Kendirbaeva G. «We Are Children of Alash...» *The Kazakh Intelligentsia at the Beginning of the 20th Century in Search of National Identity and Prospects of the Cultural Survival of the Kazakh People // Central Asian Survey*. 1999. Vol. 18. No. 1. P. 5–36.

Kendirbay G. *Der Kampf um das Land in der kazachischen Steppe am Anfang des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Jg. 47. H. 3. S. 381–395.

Kessler G. *The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicentre of Famine. The Urals Region // Harvard Ukrainian Studies*. 2001. Vol. 25. No. 3–4. P. 253–265.

Kessler G. *The Origins of Soviet Internal-Migration Policy. Industrialization and the 1930s Rural Exodus // Russia in Motion. Cultures of Human Mobility since 1850 / ed. J. Randolph, E. M. Avrutin. Urbana, 2012. P. 63–79.*

Kessler G. *The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe*. 2001. Vol. 22. No. 2–3–4. P. 477–504.

Khalid A. *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley, 2007.

Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Tsarist Central Asia*. Madison, 1993.

Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Madison, 1994.

Khlevniuk O. *The Economy of the OGPU, NKVD, and MVD of the USSR, 1930–1953. The Scale, Structure, and Trends of Development // The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag / ed. P. Gregory, V. Lazarev. Stanford, 2003. P. 43–66.*

Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca, 1992.

Kindler R. *Auf der Flucht – Die kasachischen Nomaden und die Hungersnot von 1930–1934 // Hunger, Ernährung und Rationierungssysteme unter dem Staatssozialismus (1917–2006) / hg. M. Middell, F. Wemheuer. Frankfurt a. M., 2011. S. 35–57.*

Kindler R. *Die Starken und die Schwachen. Zur Bedeutung physischer Gewalt während der Hungersnot in Kasachstan (1930–34) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Jg. 59. H. 1. S. 51–78.

Kindler R. «...es gibt menschliche Opfer». Hungerkrise und Herrschaftsdurchsetzung in Westkasachstan, 1927–1934 // *Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität* / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 151–169.

Kindler R. «New York in der Steppe». Die Sesshaftmachung der kasachischen Nomaden // *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*. 2012. S. 47–62.

Kindler R. Opfer ohne Täter. Kasachische und ukrainische Erinnerung an den Hunger 1932/33 // *Osteuropa*. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 105–120.

Kirchner M. Zur Bildhaftigkeit im kasachischen Sprichwort // *Oriens*. 1994. Jg. 34. S. 459–469.

König H. Paradoxien der Erinnerung. Über Wissen und Vergessen // *Osteuropa*. 2011. Jg. 61. H. 4. S. 43–54.

Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Russian-Ukrainian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998.

Laird R. D., Chappell J. E. *Kazakhstan. Russia's Agricultural Crutch* // *Russian Review*. 1961. Vol. 20. No. 4. P. 326–343.

Lane D. *Ethnic and Class Stratification in Soviet Kazakhstan, 1917–39* // *Comparative Studies in Society and History*. 1975. Vol. 17. No. 2. P. 165–189.

Lattimore O. *Chinese Turkestan* // Lattimore O. *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. Paris, 1962. P. 183–199.

Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, 1998.

Lewin M. *On Soviet Industrialization* // *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / ed. W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Bloomington, 1993. P. 272–284.

Lewin M. *The Disappearance of Planning in the Plan* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. No. 2. P. 171–187.

Lewin M. *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*. London, 1985.

Lindner R. P. *What Was a Nomadic Tribe?* // *Comparative Studies in Society and History*. 1982. Vol. 24. No. 4. P. 689–711.

Loring B. H. *Building Socialism in Kyrgyzstan. Nation-Making, Rural Development, and Social Change, 1921–1932*: Ph. D. diss. Brandeis, 2008.

Loring B. H. *Rural Dynamics and Peasant Resistance in Southern Kyrgyzstan, 1929–1930* // *Cahiers du Monde Russe*. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 183–210.

Malikov Yu. *The Kenesary Kasymov Rebellion (1837–1847). A National-liberation Movement or «a Protest of Restoration»?* // *Nationalities Papers*. 2005. Vol. 33. No. 4. P. 569–597.

Malikov Yu. *Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Berlin, 2011.

Manley R. *To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, 2009.

Mark R. A. *Die Hungersnot in Kasachstan. Aufarbeitung der stalinistischen Verbrechen* // *Osteuropa*. 2007. Jg. 57. H. 8–9. S. 571–588.

Mark R. A. Die Hungersnot in Kasachstan. Historiographische Aufarbeitung im Wandel // Osteuropa. 2004. Jg. 54. H. 12. S. 112–130.

Mark R. A. Im Schatten des «Great Game». Deutsche «Weltpolitik» und russischer Imperialismus in Zentralasien, 1871–1914. Paderborn, 2012.

Martin T. Interpreting the New Archival Signals. Nationalities Policy and the Nature of the Soviet Bureaucracy // Cahiers du Monde Russe. 1999. Vol. 40. No. 1–2. P. 113–124.

Martin T. Modernization or No-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism. New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 348–367.

Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 813–861.

Martin V. Barimta. Nomadic Custom, Imperial Crime // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. D. Brower, E. Lazzerini. Bloomington, 1997. P. 249–270.

Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond, 2001.

Martin V. Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppe // Mitteilungen des SFB 586, «Differenz und Integration» 2. Halle/S., 2002. P. 65–74.

Massell G. J. The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Central Asia, 1919–1929. Princeton, 1974.

McDonald T. Face to the Village. The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930. Toronto, 2011.

Meier C. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München, 2010.

Merl S. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941. Berlin, 1990.

Merl S. Bilanz der Unterwerfung – die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 119–146.

Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen, 2012.

Merridale C. Steinerner Nächte. Leiden und Sterben in Russland. München, 2001.

Michaels P. Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh, 2003.

Michaels P. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–1941 // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 159–178.

Millward J. A. Eurasian Crossroads. A History of Xinjiang. New York, 2007.

Naimark N. Stalin und der Genozid. Berlin, 2010.

Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt a. M., 2011.

Neutatz D. Die Suggestion der «Front». Überlegungen zu Wahrnehmungen und Verhaltensweisen im Stalinismus // *Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953* / hg. B. Studer, H. Haumann. Zürich, 2006. S. 67–80.

Newman D. Boundary Geopolitics. Towards a Theory of Territorial Lines? // *Routing Borders between Territories. Discourses and Practices* / ed. E. Berg, H. van Houtum. Aldershot, 2003. P. 227–291.

Northrop D. Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004.

Ó Gráda C. Famine. A Short History. Princeton, 2009.

Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URRS de Stalin. Collectivisation et changement social, 1928–1945. Paris, 2006.

Olcott M. B. The Basmachi or Freeman's Revolt in Turkestan, 1918–24 // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. No. 3. P. 352–369.

Olcott M. B. The Collectivization Drive in Kazakhstan // *The Russian Review*. 1981. Vol. 40. No. 2. P. 122–142.

Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, 1988.

Olcott M. B. The Settlement of the Kazakh Nomads // *Newsletter of the Commission on Nomadic Peoples*. 1981. No. 8. P. 12–23.

Oliver-Smith A. Anthropological Research on Hazards and Disasters // *Annual Review of Anthropology*. 1996. Vol. 25. P. 303–328.

Osokina E. Our Daily Bread. Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. New York, 2001.

Osterhammel J. Kolonialismus. Geschichte, Formen, Folgen. München, 2006.

Panter-Brick C. Nobody's Children? A Reconsideration of Child Abandonment // *Abandoned Children* / ed. C. Panter-Brick, M. T. Smith. Cambridge, 2000. P. 1–26.

Patenaude B. M. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia. Stanford, 2002.

Payne M. Seeing Like a Soviet State. Settlement of the Nomadic Kazakhs, 1928–1934 // *Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography* / ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. Houndmills, 2011. P. 59–86.

Payne M. Stalin's Railroad. Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2001.

Payne M. The Forge of the Kazakh Proletariat? Turksib, Nativization, and Industrialization during Stalin's First Five-Year Plan // *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 223–252.

Pianciola N. Décoloniser l'Asie centrale? // *Cahiers du Monde Russe*. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 101–144.

Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // *Cahiers du Monde Russe*. 2004. Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192.

Pianciola N. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905–1936). Roma, 2009.

Plaggenborg S. Die Organisation des Sowjetstaates // Handbuch der Geschichte Russlands / hg. G. Schramm. Bd. 3: 1856–1945. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. 2. Hbd. Stuttgart, 1992. S. 1413–1525.

Plaggenborg S. Staatlichkeit als Gewaltroutine. Sowjetische Geschichte und das Problem des Ausnahmezustands // Staats-Gewalt, Ausnahmezustand und Sicherheitsregimes. Historische Perspektiven / hg. A. Lüdtke, M. Wildt. Göttingen, 2008. S. 117–144.

Pohl M. The «Planet of One Hundred Languages». Ethnic Relations and Soviet Identity in the Virgin Lands // Peopling the Russian Periphery. Borderland Colonization in Eurasian History / ed. N. B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London, 2007. P. 237–261.

Pohl O. J. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949. Westport, 1999.

Poljan P. Against Their Will. The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest, 2004.

Popitz H. Phänomene der Macht. Tübingen, 1992.

Rahmato D. Famine and Survival Strategies. A Case Study from Northeast Ethiopia. Uddevalla, 1991.

Ree E., van. Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character // Kritika. 2007. Vol. 8. No. 1. P. 41–65.

Reemtsma J. P. Vertrauen und Gewalt. Versuch über eine besondere Konstellation der Moderne. Hamburg, 2009.

Reid A. Blokada. Die Belagerung von Leningrad, 1941–1944. Berlin, 2011.

Reinhard W. Geschichte des modernen Staates. München, 2007.

Riekenberg M. Gewaltsegmente. Über einen Ausschnitt der Gewalt in Lateinamerika. Leipzig, 2003.

Riekenberg M. Zur Anthropologie des Krieges in Lateinamerika im 19. Jahrhundert // Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / hg. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn, 1997. S. 197–221.

Ritter W. S. The Final Phase in the Liquidation of Anti-Soviet Resistance in Tadzhikistan. Ibrahim Bek and the Basmachi, 1924–1931 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. No. 4. P. 484–493.

Rittersporn G. T. Das kollektivierte Dorf in der bäuerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 147–167.

Rittersporn G. T. The Omnipresent Conspiracy. On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward. London, 1998. P. 260–277.

Roginskij A. Fragmentierte Erinnerung. Stalin und der Stalinismus im heutigen Russland // Osteuropa. 2009. Jg. 59. H. 1. S. 37–44.

Rottier P. The Kazakness of Sedentarization. Promoting Progress as Tradition in Response to the Land Problem // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 67–81.

Roy O. The New Central Asia. The Creation of Nations. New York, 2000.

Ryn Z., Kłodziński S. An der Grenze zwischen Leben und Tod. Eine Studie über die Erscheinung des «Muselmanns» im Konzentrationslager // Die Auschwitz-Hefte. Texte der polnischen Zeitschrift «Przeгляд lekarski» über historische,

psychische und medizinische Aspekte des Lebens und Sterbens in Auschwitz / hg. J. August. Bd. 1. Hamburg, 1995. S. 89–154.

Sabol S. Kazakh Resistance to Russian Colonization. Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1845 // *Central Asian Survey*. 2003. Vol. 22. No. 2–3. P. 231–252.

Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. Basingstoke, 2003.

Sahadeo J. Conquest, Colonialism, and Nomadism on the Eurasian Steppe // *Kritika*. 2003. Vol. 4. No. 4. P. 942–954.

Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007.

Salzman P. C. Introduction: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response // Salzman P. C. *When Nomads Settle. Processes of Sedentarization as Adaptation and Response*. New York, 1980. P. 1–19.

Salzman P. C. *Pastoralists. Equality, Hierarchy, and the State*. Boulder, 2004.

Scarry E. *Der Körper im Schmerz. Die Chiffren der Verletzlichkeit und die Erfindung der Kultur*. Frankfurt a. M., 1992.

Schatz E. *Modern Clan Politics. The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle, 2004.

Schilling T. Mächtige Signale. Informelle Kommunikation und Herrschaft an Stalins Hof, 1927–1940 // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 320–340.

Schlögel K. *Terror und Traum. Moskau 1937*. München, 2008.

Schnell F. *Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933*. Hamburg, 2012.

Scholz F. *Nomadismus. Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise*. Stuttgart, 1995.

Scott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, 1998.

Scott J. *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1987.

Sen A. Ingredients of Famine Analysis, Availability and Entitlements // *The Quarterly Journal of Economics*. 1981. Vol. 96. No. 3. P. 433–464.

Service R. *Trotsky. A Biography*. London, 2009.

Shaw C. Friendship under Lock and Key. The Soviet Central Asian Border, 1918–1934 // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 331–348.

Shearer D. Elements Near and Alien. Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1953 // *The Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. No. 4. P. 835–881.

Shearer D. *Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953*. New Haven, 2009.

Siegelbaum L. H. «Dear Comrade, You Ask What We Need». Socialist Paternalism and Soviet Rural «Notables» in the mid-1930s // *Stalinism. New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 231–255.

Simon G. *Holodomor als Waffe. Stalinismus, Hunger und der ukrainische Nationalismus* // *Osteuropa*. 2004. Jg. 54. H. 12. S. 37–56.

Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986.

Slezkine Yu. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.

Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452.

Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. P. 173–190.

Sneath D. The Headless State. Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007.

Sofsky W. Traktat über die Gewalt. Frankfurt a. M., 1996.

Sofsky W. Zeiten des Schreckens. Amok, Terror, Krieg. Frankfurt a. M., 2002.

Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996.

Sorokin P. Man and Society in Calamity. The Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence upon Human Mind, Behaviour, Social Organization and Cultural Life. New York, 1942.

Sperling W. Der Aufbruch der Provinz. Die Eisenbahn und die Neuordnung der Räume im Zarenreich. Frankfurt a. M., 2011.

Spittler G. Handeln in einer Hungerkrise. Das Beispiel der Kel Ewey Tuareg // Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität / hg. D. Collet, T. Lassen, A. Schanbacher. Göttingen, 2012. S. 27–44.

Spittler G. Handeln in einer Hungerkrise. Tuaregnomaden und die große Dürre von 1984. Opladen, 1989.

Ssorin-Chaikov N. Representing «Primitive Communists». Ethnographic and Political Authority in Early Soviet Siberia // *Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930* / ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 268–292.

Stolberg E.-M. Russland als eurasisches Imperium. Grenzregime und Grenzgesellschaft von der Neuzeit bis zum 20. Jahrhundert // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2007. Jg. 17. H. 4. S. 37–55.

Stolberg E.-M. Sibirien. Russlands «Wilder Osten». Mythos und soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2009.

Sunderland W. Imperial Space. Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century // *Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930* / ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 33–66.

Sunderland W. Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, 2004.

Sunderland W. The «Colonization Question». Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Jg. 48. H. 2. S. 210–232.

Svanberg I. The Nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang, 1911–1949 // *The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority* / ed. L. Benson, I. Svanberg. Uppsala, 1988. P. 107–140.

Swain G. Trotsky and the Russian Civil War // Reinterpreting the Russian Revolution. Essays in Honor of James D. White / ed. I. D. Thatcher. Basingstoke, 2006. P. 86–104.

Tauger M. Arguing from Errors. On Certain Issues in Robert Davies' and Stephen Wheatcroft's Analysis of the 1932 Soviet Grain Harvest and the Great Soviet Famine of 1931–1933 // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 6. P. 973–984.

Tauger M. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 70–89.

Teichmann C. Canals, Cotton, and the Limits of De-colonization in Soviet Uzbekistan, 1924–1941 // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 499–519.

Teichmann C. Kämpfen, Arbeiten, Scheitern. Ein kirgisches Funktionärstagebuch aus der Stalinzeit // *Osteuropa*. 2012. Jg. 62. H. 3. S. 121–136.

Teichmann C. Kollektivierung tatarisch. Asekeev, Mittlere Wolga, 1929–1930 // *Neuordnungen von Lebenswelten? Studien zur Gestaltung muslimischer Lebenswelten in der frühen Sowjetunion und in ihren Nachfolgestaaten* / hg. A. Frings. Münster, 2006. S. 99–125.

Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust. Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 78–118.

Torke H.-J. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997.

Trotha T., von. Über den Erfolg und die Brüchigkeit der Utopie staatlicher Herrschaft. Herrschaftssoziologische Betrachtungen über den kolonialen und nachkolonialen Staat in Westafrika // *Verstaatlichung der Welt? Europäische Staatsmodelle und außereuropäische Machtprozesse* / hg. W. Reinhard. München, 1999. S. 223–252.

Trotha T., von. Zur Soziologie der Gewalt // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1997. Jg. 57. S. 9–56.

Turnbull C. Das Volk ohne Liebe. Der soziale Untergang der Ik. Hamburg, 1973.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996.

Viola L. The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1989.

Viola L. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlers. Oxford, 2007.

Voss M. The Vulnerable Can't Speak. An Integrative Vulnerability Approach to Disaster and Climate Change Research // *Behemoth. A Journal on Civilization*. 2008. Vol. 1. No. 3. P. 39–59.

Waldmann P. Gesellschaften im Bürgerkrieg. Zur Eigendynamik entfesselter Gewalt // *Zeitschrift für Politik*. 1995. Jg. 42. H. 4. S. 343–368.

Waldmann P. Zur Asymmetrie von Gewaltdynamik und Friedensdynamik am Beispiel von Bürgerkriegen und bürgerkriegsähnlichen Konflikten // *Gewalt. Entwicklungen, Strukturen, Analyseprobleme* / hg. W. Heitmeyer, H.-G. Soeffner. Frankfurt a. M., 2004. S. 246–265.

Watts M. J., Bohle H. G. Hunger, Famine, and the Space of Vulnerability // *GeoJournal*. 1993. Vol. 30. No. 2. P. 117–125.

Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen, 1972.

Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik, 1921–1928*. Köln, 1998.

Wemheuer F. *Der Große Hunger. Hungersnöte unter Stalin und Mao*. Berlin, 2012.

Wendelken R. W. Russian Immigration and Its Effect on the Kazakh Steppes (1552–1965) // Fell-Bialkoff A. *The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe. Sedentary Civilization vs. «Barbarian» Nomads*. Basingstoke, 2000. P. 71–97.

Werth N. *Die Insel der Kannibalen. Stalins vergessener Gulag*. München, 2006.

Werth N. *Ein Staat gegen sein Volk. Das Schwarzbuch des Kommunismus. Sowjetunion*. München, 2002.

Wheatcroft S. G. Agency and Terror. Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // *Australian Journal of Politics and History*. 2007. Vol. 53. No. 1. P. 20–43.

Wheatcroft S. G. From Team-Stalin to Degenerate Tyranny // *The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953* / ed. E. A. Rees. Basingstoke, 2004. P. 79–107.

Wieviorka M. *Violence. A New Approach*. London, 2009.

Winner I. Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. 2 parts // *Central Asian Review*. 1963. Vol. 11. No. 3. P. 246–267; No. 4. P. 355–373.

Yaroshevski D. B. Imperial Strategy in the Kirghiz Steppe in the Eighteenth Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. Jg. 39. H. 2. S. 221–224.

Zamoyski A. *1812. Napoleons Feldzug in Russland*. München, 2012.

ОБ АВТОРЕ

Роберт Киндлер – д-р философии, научный сотрудник кафедры истории Восточной Европы в Берлинском университете им. Гумбольдта и редактор по восточноевропейской истории на онлайн-платформе H-Soz-Kult (Humanities – Sozial- und Kulturgeschichte: «Гуманитарные науки – социальная и культурная история»). Изучал новую и новейшую историю, политологию и культурологию в Берлинском университете им. Гумбольдта и Воронежском государственном университете (Российская Федерация); много раз бывал в научных командировках в России, Казахстане и США. В 2013 г. за свою диссертацию получил премию Иоганна Густава Дройзена от Фонда финансовой поддержки Института исторических наук Берлинского университета им. Гумбольдта.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдрахманов Б. А. 127
Абдрахманов Ю. А. 123, 211, 287
Абдулин, секретарь райкома 264
Агамбен Дж. 242
Аденов А. 124
Адилев И. 55
Айтиев А. 80
Алманов Б. А. 97–98, 126
Алниязов Т. 47–49
Альшанский А. Р. 102, 187, 217
Андреев А. А. 89
Аронштам Г. Н. 254–255
Асмис Р. 75
Ассманн А. 337–338
Асфендияров С. Ж. 88
Аукеев У. 223
- Бабаев, председатель райисполкома 264
Байгушев С. 47
Байдильдин А. 130–131
Байтурсинов А. 43
Бак С. А. 180, 199
Бекбатыров С. Б. 119
Беккер Д. 183
Беккер И. М. 111–121, 305
Беликов Я. П. 169
Белоногов С. Ф. 193
Бойков, советский работник 253
Бохов, уполномоченный 251–252
Браун К. 326, 336
Бухарин Н. И. 119
- Вальдманн П. 183
Вельцер Х. 198
Ворошилов К. Е. 176, 290
- Гатауллин М. Т. 238
Голощекин Ф. И. 20–21, 40, 50–51, 85, 90, 93, 96, 98, 100–105, 114, 120, 122–123, 132, 136, 143, 168, 181, 187, 191–192, 208, 214, 217–218, 243, 266–267, 271–272, 278, 280–281, 287, 337
Грёбнер В. 245
Григорьев, партийный работник 149
Гринько Г. Ф. 160
Гричманов А. П. 186–187
Грядинский Ф. П. 290
- Даниловский И. К. 152–153
Джабаев (Жабаев) Дж. (Ж.) 312–313
Джангазиев, секретарь райкома 260–261
Джандосов У. К. 84, 99, 123
Джельбаев, активист 126
Джердектабканов, бай 124
Джунаид-хан (Сердар М.-К.) 48, 185, 197
Динс Л. 28
Добренко Е. А. 340
Логатов А. И. 118
Досов А. И. 47
Достоевский Ф. М. 35
Друз, директор совхоза 251–252

Ежов Н. И. 100–102
Екатерина II, российская императрица 32
Ералиев III. 49
Ескараев С. 306

Жаленов, советский работник 260
Жалтауров, прокурор 127
Жексембаев К. 210
Жипысканов А. 212
Жукович, уполномоченный 149

Заковский Л. М. 279
Залогин Н. 169
Зеленский И. А. 86, 88, 180–181, 204
Зимон Г. 146

Ибрагим А. 188
Ибрагим-бек 197
Идельсон Л. И. 150
Икрамов А. И. 100, 243
Икрамов К. А. 243
Илеев, прокурор 264
Иоффе А. А. 75–76
Исаев У. Дж. 105, 172–173, 229, 240, 271–272, 276–277, 278, 286, 289, 310–311
Исакулов, советский работник 262
Испатаев Б. 57

Каганович Л. М. 254, 273
Каирбеков Г. 233
Каймулин И. 130–131
Калинин М. И. 87, 117–118, 221, 290, 311
Калнин М. А. 221
Каминский В. Ф. 198
Канетти Э. 234
Кевилев М. 199
Киселев А. С. 89, 116, 305–309
Кисляков, партийный работник 146–147
Клычбай 196–197

Колосов П. И. 205, 210–211
Колчак А. В. 47
Косиор С. В. 90
Кривошеин А. В. 34
Кудайбергенов III. 57
Кудерин М. 150
Кузурбаев, советский работник 260
Кулумбетов, бай 182
Кулумбетов У. Дж. 97–98, 120, 161, 164, 176, 310
Кунаев Н. А. 120
Курамысов И. М. 105, 157
Кутанов А. 205–206
Кэрнс Э. 156, 219

Ланшаков, житель Тахтакупыра 186
Латтимор О. 64, 201
Левин М. 294
Ленин В. И. 39, 44, 52, 75–76, 87, 110, 185
Линднер Р. 19
Лисицын Н. В. 305

Ма Шаю 204
Мазурук И. М. 198
Майер К. 338
Майяр Э. 244
Макенев, ответственный работник 265
Маметов Б. М. 129–130
Маметова З. 129–130
Мамырбаев, секретарь партиячейки 56
Маркс К. 185
Мартин Т. 22, 90
Махатаров, бай 128–129
Мендешев С. М. 78, 98–99
Мерль С. 256
Мирзоян Л. И. 21, 251–252, 254, 266–267, 272–274, 276, 280, 286, 290–292, 296, 300, 304, 315, 320–322
Миронов С. Н. 153, 197, 244

- Миронова-Король А. И. 243–244
Молдагалиев, уполномоченный 222
Молдажанов И. И. 295
Молдыбаев М. 55
Молотов В. М. 89–90, 95, 134,
141, 172, 180–181, 243, 280, 286, 326
Мукушев, партиец 62
Мунбаев (Мынбаев) Ж. 49, 87–88
Мурзин М. Б. 69
Мусаев, секретарь аулсовета 57
Мустамбаев И. М. 103
Мырзахметов М. М. 236
- Назарбаев Н. А. 334
Найтцель З. 198
Нанейшвили В. И. 100, 104
Насыпаев, председатель
аулсовета 57
Николай II, российский
император 57
Нурмаков Н. Н. 120
Нурмухамедов Х. Н. 247
Нуртазина Н. Д. 208
Нуртазынов Б. 205–206
- Пален К., фон дер 34
Пейн М. 70
Перемкулов У. 128
Пестковский С. С. 73
Петерс Я. Х. 76
Пинхасик Г. И. 247
Погорелов А. 264
Позднов, партиец 137
Полочанский Е. А. 68
Попков А. Ф. 175–177, 192, 194, 200
Постников Б. П. 211
Пьянчола Н. 251
- Райтер И. Л. 111
Реemtсма Я. Ф. 232
Рикенберг М. 197
Рудзутак Я. Э. 64, 75, 77
Рыскулов Т. Р. 78–80, 98, 163,
281, 283–284, 287
- Садвакасов Дж. С. 141
Садвакасов С. 92, 98–99, 101, 103
Санников, советский работник 253
Сарымулдаев К. 79
Сафаров Г. И. 74–76
Сен А. 16
Сеншибаев, секретарь райкома 276
Серафимов М. П. 86–89
Сибенов С. 207
Сигельбаум Л. 257
Скотт Дж. 10
Сластухин Ф. 59
Смидович П. Г. 85, 88, 117–118
Соколовский В. Г. 50, 70–71
Софски В. 234
Сталин И. В. 8, 12–13, 20, 23, 25–
26, 39, 75–76, 78, 90, 93, 99–105,
108–109, 111–112, 119, 121, 134,
143, 146–147, 152–153, 180–181,
191–192, 243, 254, 262, 268, 271–
273, 277, 280–281, 286, 290, 294,
304, 311–312, 321, 335, 337
Столыпин П. А. 34
Струппе П. И. 80
Сулейменов, секретарь райкома 136
Сулиμβетов, советский работник 6
Султангалиев (Султан-Галиев)
М. Х. 99
- Тагиров, председатель
райисполкома 295
Тихомиров А. А. 339
Тогжанов Г. С. 53, 57
Тойгамбаев, аульчанин 239
Толендин А. 145
Трота Т., фон 71, 261
Троцкий Л. Д. 92
- Умар, бай 128
Ундасынов Н. Д. 329
Уразымбетов М. 196
- Фетисов А. И. 195

- Хазанов А. М. 64
Хацкевич А. И. 308–309
Хельблинг Ю. 183
Хлевнюк О. В. 325
Ходжанов С. Х. 98–101, 103
Холквист П. 73
Хрушев Н. С. 335
- Циркович Д. Н. 149
- Челинцев А. Н. 69
Чернород, уполномоченный 138
Чирков А. М. 96
Чокин Ш. Ч. 144–145
- Шарангович В. Ф. 299, 307
Шати Э. 58
- Шаяхметов М. Ш. 234, 243, 332
Швецов С. П. 67
Шиллер О. 156
Шолаков С. 188–190
Шолохов М. А. 268
Шольц Ф. 20
Шперлинг В. 184
Шпиттлер Г. 17
Шубриков В. П. 290
- Щербенок А. В. 340
- Эйхе Р. И. 224, 278–279, 284
- Ягода Г. Г. 180
Ярославский Е. М. 176

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Перевод на оседлость и реализация власти	9
Голод	14
Дебаты	19
Источники	25
Контексты – кочевники и российская колониальная держава	28
Условия – советская власть в степи	40
Советская по форме, традиционная по содержанию	42
«Путь к социализму» – будущее казахских кочевников	58
«Колонизаторы» и «парии» – европейские крестьяне-переселенцы в Казахстане	72
Клановая логика – сети в партийном руководстве	92
Атаки – коллективизация и перевод на оседлость	107
Школы репрессий	109
Методы принуждения – коллективизация и раскулачивание	133
«Реалистичный план» – кампания перевода на оседлость	157
Бунт – гражданская война и массовый исход	175
«Если раньше мы вынуждены были искать бандитов, то сейчас ищут они нас» – фрагментированная гражданская война	175
Расширение зоны боевых действий – война на советско-китайской границе	201
В бегах	213
Голод – катастрофа и новый порядок	226
Размеры катастрофы	227
«Живые скелеты» – голод и социальная дезинтеграция	232
«Нужно пользоваться моментом» – кадры и кризис	255
Пути выхода и новые формы зависимости	268
Варианты – кочевой образ жизни по-советски	304
Ревизия и подведение итогов	305
Фиктивные колхозы	317
Репрессии и контроль	320
На внутреннем фронте	327

Итоги	331
Благодарности	341
Список сокращений	343
Литература	345
Об авторе	376
Указатель имен	377

Научное издание

История сталинизма

Киндлер Роберт

**Сталинские кочевники:
власть и голод в Казахстане**

*Перевод с немецкого языка
Лады Юрьевны Пантиной*

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редакторы *Л. Ю. Пантина, Е. Л. Бородина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Н. Н. Першакова*
Корректоры *Л. Ю. Пантина, К. В. Васильева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 07.12.2017.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 8834

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: saleschpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

“Политическая энциклопедия”

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН

Москва, ул. 3-й проезд Марьиной Рощи,

д. 40, стр. 1

тел. +7 (495) 111-32-75

ст. м. «Марьиная Роща»

КИОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

тел. +7 (499) 126-94-18

ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА

Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15

тел. +7 (495) 694-50-07

ст. м. «Пушкинская», «Охотный ряд»,

«Театральная»

интернет-магазин издательства

<http://www.rosspen.su>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА